

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025 Том 25 № 4

В номере: Гуманитарные аспекты современных международных отношений

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курылев,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рамиш Мирзет Сафетович, кандидат политических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Ранджбар Даниал Мешкин, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ачарья Амитав, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, заведующий отделом Центра новейшей истории Узбекистана, Академия наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Томани Пьер-Эммануэль, доктор философии, профессор геополитики, Институт социальных, экономических и политических наук; доцент, Университет Лион III, Университет Жана Мулена, г. Лион, Франция

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka и Academia.Edu.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025–2026 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 1 2026	Стратегическая стабильность, глобальная и региональная безопасность	Прием статей закрыт
№ 2 2026	Международные отношения в цифровую эпоху: новые возможности и традиционные вызовы	Прием статей закрыт
№ 3 2026	Региональные аспекты современных международных отношений	15 февраля 2026 г.
№ 4 2026	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств	15 апреля 2026 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина**

Компьютерная верстка **И.А. Чернова**

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2025. Выход в свет 30.12.2025. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,34. Тираж 500 экз. Заказ № 1660. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2025

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2025 VOLUME 25 No. 4

In this issue: Humanitarian Aspects of Modern International Relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russian Federation
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russian Federation
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russian Federation
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Maksim A. Nikulin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Mirzet S. Ramich, PhD (Political Sciences), Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA
Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA
Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA
Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia
Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy
Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA
Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation
Mirzokhid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Center for Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India
Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic
Pierre-Emmanuel Thomann, PhD, Professor of Geopolitics, Institute of Social, Economic and Political Sciences; Associate Professor, University of Lyon III, Jean Moulin University, Lyon, France
Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy
Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan
Victor L. Jelfets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation
Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Science, Director, Department of the Middle & Post-Soviet East Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Academia.Edu.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025–2026 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 1 2026	Strategic Stability, Global and Regional Security	Submission of articles is closed
No. 2 2026	International Relations in the Digital Era: New Opportunities and Traditional Challenges	Submission of articles is closed
No. 3 2026	Regional Aspects of Contemporary International Relations	By February 15, 2026
No. 4 2026	Integration Processes in the post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States	By April 15, 2026

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova, L.N. Zamaraykina

Computer design I.A. Chernova

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Гуманитарные аспекты современных международных отношений

Куприянов А.В. Султаны, купцы и академики: «морской Гуджарат» в научном и политическом дискурсе	567
Воронова П.А., Варпаховскис Э. Роль смены президента в институциональной трансформации культурной дипломатии Франции в XXI веке	580
Сурков М.Ю. Поддержка иранских студентов в СССР со стороны Всесоюзного общества культурной связи с заграницей на рубеже 1920–1930-х гг.	598
Борзова А.Ю., Борзов А.Р., Пивень Е.А. Роль международного сотрудничества в реализации ЦУР 3 в Латинской Америке на примере ЕС и КНР	610
Цвык И.В., Цвык Г.И. Изучение русского языка в Китае: история, текущее состояние, проблемы и перспективы	624

КИТАЙ В МИРЕ

Каткова Е.Ю. Инициатива «Один пояс, один путь»: модель инвестиционного сотрудничества Китая с Австралией и Новой Зеландией	635
--	-----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дженесис К., Шириязданова И.Ф. Сочетание изобилия и доступности: роль Нигерии в глобальном энергетическом переходе	652
Попова И.М. Трансформация повестки «Группы двадцати» в сфере низкоуглеродного развития: историческая перспектива и основные понятия	668

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Притчин С.А. Пространственный подход в изучении региональной безопасности Центральной Азии	684
Муратшина К.Г., Валеева М.В. Влияние образовательного фактора на миграционные потоки из Центральной Азии в Российскую Федерацию ..	697
Лунев С.И., Новинский Э.Э. Позиция Непала по специальной военной операции на Украине как фактор непальско-российских отношений	710
Шпаковская М.А., Грызлов Г.В. Роль посредничества во внешней политике Катара на примере конфликта в Афганистане	721
Кирикова Т.Н., Худайкулова А.В. Центральноеафриканский парадокс безопасности: активное международное вмешательство на фоне затяжного конфликта	733

ПРОБА ПЕРА

Ольховская В.С. Роль гражданского общества в стратегическом партнерстве Бразилии и Европейского союза	758
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Белов В.И., Евграфов А.И. Рецензия на книгу: Türkiye's Foreign Policy: A Century of Strategic Transformation / ed. by M. Ataman, M. Yeşiltaş. Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 2024. 240 p.	773
---	-----

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Humanitarian Aspects of Modern International Relations

Kupriyanov A.V. Sultans, Merchants and Academicians: ‘Maritime Gujarat’ in Academic and Political Discourse	567
Voronova P.A., Varpahovskis E. The Role of Presidential Change in the Institutional Transformation of French Cultural Diplomacy in the 21st Century	580
Surkov M.Yu. Support for Iranian Students in the USSR by the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries at the Turn of the 1920s — 1930s	598
Borzova A.Yu., Borzov A.R., Piven E.A. The Role of International Cooperation in the Implementation of SDG 3 in Latin America: The Case of the EU and China	610
Tsyk I.V., Tsyk G.I. Studying the Russian Language in China: Historical Background, Current State, Problems and Prospects	624

CHINA IN THE WORLD

Katkova E.Yu. The Belt and Road Initiative: A Model of China’s Investment Cooperation with Australia and New Zealand	635
---	-----

ENERGY DIMENSIONS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Genesis K., Shiriazdanova I.F. Bridging Abundance and Access: Nigeria’s Role in the Global Energy Transformation	652
Popova I.M. The G20’s Low-Carbon Development Agenda: A Historical Perspective and Key Concepts	668

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Pritchkin S.A. Spatial Approach to Studying Regional Security in Central Asia ..	684
Muratshina K.G., Valeeva M.V. Migration from Central Asia to the Russian Federation: The Educational Aspect ...	697
Lunev S.I., Novinskii E.E. Nepal’s Position Towards the Special Military Operation in Ukraine as a Factor of Nepalese-Russian Relations	710
Shpakovskaya M.A., Gryzlov G.V. Role of Mediation in Qatar’s Foreign Policy: A Case of the Afghan Conflict.....	721
Kirikova T.N., Khudaykulova A.V. Central Africa’s Security Paradox: Active International Intervention amid Protracted Conflict	733

EMERGING VOICES

Olkhovskaia V.S. The Role of Civil Society in the Strategic Partnership Between Brazil and the EU ...	758
--	-----

BOOK REVIEWS

Belov V.I., Evgrafov A.I. Book review: Ataman, M., & Yeşiltaş, M. (Eds.). (2024). Türkiye’s foreign policy: A century of strategic transformation. Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 240 p. (In Russian)	773
---	-----

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THEMATIC DOSSIER: HUMANITARIAN ASPECTS OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-567-579
EDN: IWXVPR

Обзорная статья / Review article

Султаны, купцы и академики: «морской Гуджарат» в научном и политическом дискурсе

А.В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ a.kupriyanov@imemo.ru

Аннотация. Проанализирован вклад академического сообщества Индии в формирование так называемого «гуджаратского нарратива» — транслируемого политическими элитами Индии представления об особой роли, которую штат Гуджарат исторически играл в развитии экономических связей политий Индостана с остальным миром, и о специфическом месте Гуджарата в регионе Индийского океана в целом. На основе методологии, сочетающей в себе элементы классической политэкономии, неомарксизма и исторической социологии, приведен краткий очерк истории Гуджарата в контексте развития его бизнес-сообществ, выявлена роль индийских интеллектуальных элит в формировании основ внешней политики страны. Утверждается, что в силу особенностей генезиса индийского правящего слоя среди верхушки интеллигенции сложился тип «стратега-историка-интеллектуала», равно сведущего в проблемах прошлого и в прогнозировании будущего. Это, в свою очередь, привело к тесному вовлечению в деятельность правящего класса академического сообщества, которое не просто играет роль интеллектуальной услуги политических элит, но формирует историко-философский фундамент, на котором выстраивается внешняя политика государства, реагируя на изменения в мировой политике и тенденции в общественных отношениях. При этом индийские академические элиты находятся в постоянном контакте со своими иностранными коллегами. На примере формирования одной из частей «гуджаратского нарратива», а именно концепции «морского Гуджарата», продемонстрировано, как именно происходит взаимодействие политических и академических элит. Выделено несколько этапов развития «гуджаратского нарратива» в контексте трансформации индийских внешнеполитических императивов и показано, какую роль сыграли отдельные ученые и научные школы в создании исторического базиса для реализации внешней политики Индии. В заключении выявлены основные особенности, характеризующие отношения индийских академических и политических элит, и предложено использовать имеющийся исторический задел для того, чтобы включить тему исторического взаимодействия Индии и России в рамки «гуджаратского нарратива».

© Куприянов А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Индия, Гуджарат, Индийский океан, Нарендра Моди, теория элит, политическая экономика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Куприянов А.В. Султаны, купцы и академики: «морской Гуджарат» в научном и политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 567–579. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-567-579>

Sultans, Merchants and Academicians: 'Maritime Gujarat' in Academic and Political Discourse

Aleksei V. Kupriyanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ a.kupriyanov@imemo.ru

Abstract. The article analyzes the contribution of the Indian academic community to the formation of the so-called 'Gujarat narrative', which is understood as the idea of the special role of Gujarat in the history of India, which is developed by political elites. The methodology includes elements of classical political economy, neo-Marxism and historical sociology. The author first provides a brief outline of the history of Gujarat, and then analyzes the role of intellectual elites in shaping the foundations of India's external policy. The author argues that a new type of intellectual has emerged at the top of the Indian intelligentsia: a historian and strategist who knows the past and can predict the future. This contributed to the establishment of complex relationships between the academic community and the ruling class, as well as the academic community acquiring a distinct role that transcends that of mere servants of the political elites, a position that has traditionally been occupied by experts. Academics lay the historical and philosophical foundation for building foreign policy. Using the example of 'maritime Gujarat,' the author illustrates the mechanism of interaction between politicians and academics. The author identifies several stages in the development of the 'Gujarat narrative,' linking them to the transformation of Indian external policy imperatives, and analyzes the role of individual scholars and schools. In conclusion, the author highlights the key features that characterize the relationship between the Indian academic and political elites, and suggests using the existing historical groundwork to include the topic of historical interaction between India and Russia within the 'Gujarat narrative' framework.

Key words: India, Gujarat, Indian Ocean, Narendra Modi, elite theory, political economy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kupriyanov, A.V. (2025). Sultans, merchants and academicians: 'Maritime Gujarat' in academic and political discourse. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 567–579. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-567-579>

Введение

Современная Индия — страна, занимающая четвертое место в мире по валовому внутреннему продукту (ВВП)¹, обладающая

ядерным оружием и претендующая на статус великой державы со всеми полагающимися атрибутами, включая постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Путь

¹ India Becomes World's 4th Largest Economy, Surpasses Japan: NITI Aayog // News on Air. May 25, 2025. URL: <https://www.newsonair.gov.in/india-becomes-worlds-4th-largest-economy-surpasses-japan-niti-aayog/> (accessed: 13.10.2025).

от британской колонии до регионального лидера она прошла за 77 лет, сохранив не только политическую систему, но и заложенную первым премьер-министром Джавахарлалом Неру и его соратниками общественную структуру, в соответствии с которой во главе государства стоит сравнительно узкий круг образованных элит. Это способствовало, во-первых, укреплению индийского правящего класса, формированию внешнеполитического консенсуса, закреплению представления о неизменности основных принципов внешней политики; во-вторых, складыванию специфической стратегической культуры; в-третьих, созданию индийского национального внешнеполитического мифа².

В отличие от внутрисполитического мифа, положения которого периодически пересматриваются после прихода к власти оппозиции, внешнеполитический миф более устойчив, но и он трансформируется: в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры и внутрисполитических соображений акцентируются одни его стороны и затушевываются другие, на пьедестал возносятся одни персонажи, а другие отходят в тень.

В течение последних десятилетий одним из основных сюжетов этой мифологии стала история одного из индийских штатов — Гуджарата. Начиная с 1980-х гг. этот регион был одним из лидеров промышленного развития, национальной площадкой для внедрения цифровых технологий. В начале XXI в., когда главным министром штата стал Нарендра Моди, за Гуджаратом закрепился имидж наиболее благоприятного для ведения бизнеса и динамично развивающегося региона. Этот имидж еще больше укрепился после того, как Н. Моди возглавил оппозиционную «Бхаратия Джаната парти» и три раза подряд привел ее к победе на общенациональных выборах. Гуджарат превратился в образ «Новой Индии»: именно там создаются основные

площадки для развертывания высокотехнологичных производств, каждые два года проходит саммит *Vibrant Gujarat*, который неизменно посещает премьер-министр. По сути, создается локальный нарратив, встроенный в общенациональный миф Индии.

Цель исследования — выявить и проанализировать ту роль, которую сыграло академическое сообщество в процессе создания этого нарратива, а также описать механизмы, при помощи которых научные изыскания ставятся на службу актуальным потребностям политических элит и превращаются в часть политического дискурса. При этом автор не ставит целью исследование всех аспектов «гуджаратского нарратива», тем более что часть их, в первую очередь касающаяся внутрисполитических его аспектов, достаточно хорошо изучена (Guichard, 2010; Jaffrelot, 2024); в фокусе его внимания находится создание и трансформация знания о роли Гуджарата как региона, исторически обеспечивавшего ключевую роль Индии в регионе Индийского океана.

Российские ученые традиционно уделяли основное внимание либо истории Гуджарата в контексте общей истории Индии, либо происходящим там в настоящее время политико-экономическим процессам (Кашин, 2014; Спектор, 2023), либо вопросам развития региона Индийского океана в целом, фокусируясь в основном на проблемах безопасности (Усов, 2003; Лебедева, 2018). В данном исследовании предпринята попытка связать все три направления исследований воедино.

Актуальность темы определяется растущей ролью Индии в региональных и глобальных процессах, необходимостью представлять, какие императивы лежат в основе национального мифа Индии. Помимо этого, интерес представляют сам механизм взаимодействия индийских интеллектуальных и политических элит и та роль, которая отводится

² «Национальный миф» в данном случае понимается в категориях, обозначенных Б. Андерсоном и Х. Бхабхой: «нарратив», являющаяся неотъемлемым атрибутом любой нации как воображаемого сообщества, перманентно незавершенная, постоянно трансформирующаяся и объясняющая причины и смысл существования нации (внутрисполитический миф) и место этой нации в сообществе других наций (внешнеполитический миф).

индийскому академическому сообществу в рамках индийской стратегической культуры.

Методологическая база исследования включает в себя методы традиционной политэкономии (в частности, автор полагает, что производство нового знания как часть культуры напрямую зависит от способа производства и запроса политических и/или экономических элит), постструктуралистского анализа и неомарксизма в его грамшианском изводе (знание, полученное в результате научных исследований, включается, зачастую в искаженном виде, в общий социально-политический дискурс и используется властью в своих целях) (Laclau & Mouffe, 1985), теории элит (Mills, 1956; Baru, 2021) и исторической социологии.

История Гуджарата

Гуджарат — штат на северо-западе Индии, граничащий с Пакистаном. Географически он делится на две основные части: аграрную континентальную и прибрежную, ориентированную на морскую торговлю. Раннее появление городов привело к образованию в Гуджарате урбанизированных районов со своей системой взаимоотношений, ускорению процесса формирования вождеств и государств, миграции в регион новых социальных групп. Континентальная часть Гуджарата исторически служила умландом и хинтерландом для прибрежных портов. Культурное и экономическое единство региона обеспечивала деятельность купеческих сообществ (парсов, баниа, бхатиа, сони) и брахманов (джоши, нагаров, шримали и др.).

Исторически Гуджарат в силу выгодного торгового положения играл важную роль в формировании торговой системы в западной части Индийского океана, связывая воедино культурно-экономическую зону Индостана и политики Ближнего Востока и Восточной Африки. Гуджаратские порты, в первую очередь Бхаруч и Сурат, играли ключевую роль в торговле сначала с Шумером, а затем с эллинистическими монархиями и Римской империей. Гуджаратские торговцы сравнительно рано начали основывать торговые

пункты на побережье Аравийского полуострова и Восточной Африки. В процессе формировалась специфическая бизнес-культура, позволившая гуджаратским купцам сохранить известную самостоятельность и повысить свой престиж как внутри, так и за пределами Индостана, сформировать махаджаны — отдаленный аналог европейских гильдий.

Прибытие и постепенное закрепление в регионе британцев привело к частичной миграции торговых сообществ из Гуджарата в Бомбей, уступленный Португалией Великобритании в 1661 г. и быстро превратившийся в важнейший порт на Малабарском побережье, куда в 1687 г. была перенесена из Сурата штаб-квартира британской Ост-Индской компании. Причем если парсы мигрировали в Бомбей почти всем сообществом, то баниа сохранили активное присутствие в Гуджарате, в городе Ахмедабад, вскоре сформировав ось Бомбей — Ахмедабад, также способствовавшую процветанию Гуджарата. Бомбей стал для многих гуджаратцев tramp-лином в новую жизнь, связующим звеном между Гуджаратом и другими территориями Западной Индии и британскими владениями и протекторатами. Гуджаратцы составили основную массу индийских торговцев, чиновников и служащих, обеспечивающих функционирование экономики британских колоний в регионе Индийского океана.

В то время как общественно-политические процессы XIX–XX вв. значительно изменили менталитет бомбейской части гуджаратского сообщества, все более воспринимающего себя как часть общеиндийской экономической элиты, собственно гуджаратские бизнес-элиты сохранили ощущение «самости», продолжая развивать родной штат. Этому способствовал специфический опыт, приобретенный ими во время британского правления. С одной стороны, большая часть Гуджарата (за исключением Камбея) формально не входила в состав британских территорий в Индии, что позволяло проводить относительно самостоятельную экономическую политику, с другой — по мере проникновения британского бизнеса в Индию

местному торговому сообществу пришлось пережить серьезную трансформацию. Изначально гуджаратские купцы помогали экспортировать в Британию пользующиеся спросом индийские товары, однако промышленная революция вкупе с запретительными мерами британских властей привели к началу массового импорта уже британских товаров в Гуджарат. Это вынудило бизнесменов переориентироваться на внутренний рынок, способствовало дальнейшему сплочению бизнес-сообществ с параллельным вовлечением в экономическую деятельность социальных групп, ранее не занимавшихся ею — в первую очередь брахманов, обладавших значительным социальным капиталом и менее скованных культурно-экономическими ограничениями по сравнению с торговыми сообществами. Они стали пионерами в развитии текстильного производства в регионе, способствуя превращению Гуджарата в один из крупных текстильных центров. Кроме того, важной частью «гуджаратского чуда» стала диаспора: многие гуджаратцы, перебравшиеся в другие части империи, после волны деколонизации предпочли уехать в бывшую метрополию, составив в общей сложности более половины индийской диаспоры в Великобритании (ок. 800 тыс. из 1,3 млн)³. Некоторые из них добились значительных успехов на политическом поприще, другие сконцентрировались преимущественно на бизнесе, способствуя формированию устойчивой экономической связи между Британией и Гуджаратом.

В 1970–1980-х гг. Гуджарат пережил экономический подъем. Это было связано с «зеленой» и «белой» революциями, обеспечившими благодаря объединению гуджаратских фермеров в кооперативы захват значительной доли индийского продовольственного рынка, накопление дополнительных средств и расширение производства. На имевшейся промышленной базе

в Гуджарате постепенно сформировался резерв квалифицированной рабочей силы, что позволило штату превратиться сначала в один из индустриальных центров Индии, а затем — в ключевой элемент «новой экономики» во время цифровой революции. На протяжении всего периода существования индийской плановой экономики сложившаяся бизнес-среда и высокая концентрация капитала помогали Гуджарату поддерживать стабильные темпы роста ВВП.

Открытие индийской экономики благодаря реформам Нарасимхи Рао придало гуджаратскому бизнесу новый импульс. Пользуясь накопленными преимуществами и связями за рубежом, Гуджарат быстро стал одним из лидеров по темпам экономического роста. Избранный главным министром штата Нарендра Моди взял курс на привлечение в Гуджарат крупного бизнеса, подвергавшегося ограничениям в других штатах, заслужив славу «наиболее дружественного бизнесу главного министра в Индии». После того как Н. Моди стал премьер-министром, Гуджарат быстро превратился в «модельный штат», где проходят обкатку основные стратегические инициативы, привлекается самый большой объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и запускаются самые современные проекты наподобие производства полупроводников. Гуджаратская модель со всеми ее плюсами (бурное развитие экономики, производства, открытость инвестициям) и минусами (растущее социальное неравенство, доминирование индуистских сообществ) воспринимается как образ новой Индии. На Гуджарат сейчас приходится 30,7% всего индийского экспорта (116,3 млрд долл. США),⁴ ключевые торговые партнеры — США, Китайская Народная Республика (КНР) и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ).

Это особое положение Гуджарата, связывающего Индию и остальной мир,

³ Gujaratis In Britain // National Congress of Gujarati Organisations (UK). URL: https://web.archive.org/web/20150204230146/http://ukncgo.org/gujaratis_britain.html (accessed: 03.10.2025).

⁴ Hariharan S., Soupramanien A. Data Focus. Telangana and Tamil Nadu Clock Highest Growth in Exports in FY25 // The Hindu Business Line. April 29, 2025. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/data-stories/data-focus/southern-states-grow-their-share-as-indias-export-basket-diversifies/article69503849.ece> (accessed: 29.05.2025).

требует рефлексии и обоснования. К счастью для властей, к моменту превращения Гуджарата в «модельный штат» оно уже существовало благодаря многолетним исследованиям индийских и зарубежных ученых.

Роль академического и экспертного сообществ в формировании общественно- политического дискурса о Гуджарате

В рамках исторической науки считается доказанным тезис о том, что историк (и в целом ученый) исследует реальность в рамках и на уровне того общества, к которому он принадлежит, и того набора представлений об устройстве реальности, который в том обществе господствует. Это объясняется принципиальной разницей между естественными и точными науками, с одной стороны, и гуманитарными и социальными — с другой: если в первой области происходит постепенное накопление знаний, а субъект почти всегда находится вне области изучаемых явлений, то во второй — субъект принадлежит изучаемой области и, следовательно, исследует объект не только с позиций достигнутого уровня знаний об объекте, но и с позиций современной ему общественной среды.

То же относится и к актуальности тематики исследования: «Общественный интерес к прошлому он (ученый-гуманитарий. — А.К.) воспринимает как своего рода заказ и своим трудом стремится реагировать на запросы и потребности времени... Влиянием современности обусловлен выбор тех или иных событий, процессов прошлого в качестве темы индивидуального исторического исследования или предмета исследования научной школы (направления) историков» (Смоленский, 2008, с. 18–19). Необязательно это восприятие является примитивно-конъюнктурным, и не всегда актуальность темы диктуется востребованностью со стороны общества или конкретных социальных групп. Однако в случае, если происходит оформление научной школы и целого направления исследований, наличие этой потребности и, следовательно,

актуальности в широком общественном смысле чаще всего очевидно.

Роль, которую играет научное сообщество в Индии, уникальна. В силу того что в Индии, в отличие от США, в 1950–1980-х гг. фактически отсутствовало экспертное сообщество за исключением специализированных аналитических центров, работавших «под крышей» и в интересах конкретных государственных заказчиков, таких как Индийский совет по международным делам (*Indian Council of World Affairs*, ICWA; относится к МИД) и Институт оборонных исследований и анализа (*Institute for Defence Studies and Analyses*, IDSA; аффилирован с Министерством обороны), значительную роль в аналитическом сопровождении деятельности исполнительной власти — особенно на стратегическом уровне — играло сообщество академическое.

В результате особенностей генезиса индийской интеллигенции в Индии после обретения независимости сформировался образ интеллектуала как человека, совмещающего знание истории своей страны и мира, понимание проблем современности и стратегическое мышление, вхожего в круги политических элит, которым требуется его совет, и тем самым влияющего на политику страны (Вару, 2021). Образцом такого рода интеллектуала может служить Кришнасвами Субраманьям (1929–2011), отец нынешнего министра иностранных дел Индии Субраманьяма Джайшанкара, автор ряда работ, считающихся классикой индийской исторической науки, геополитики и стратегии.

Помимо развития сети контактов с политическими элитами своей страны индийские ученые активно взаимодействовали с западными коллегами, пользуясь отсутствием языковой и методологической пропасти. Налаживанию контактов способствовал существующий в западных научных кругах неизбывный интерес к Индии — как чисто академический, так и практический. Начавшийся же в 1960-х гг. в западной науке постколониальный поворот дал дополнительный импульс историческим, антропологическим и социологическим исследованиям бывших колоний.

Наряду с большими нарративами повысился интерес к *subaltern studies* — практикам существования колонизируемых групп в условиях трансформации общества, их взаимоотношениям с колонизаторами, формированию новых идентичностей. Западные ученые, критикующие колониальные практики, превратились, таким образом, в ценных союзников индийских интеллектуальных и политических элит, выстраивавших новый национальный нарратив. Установившееся сотрудничество помогло, с одной стороны, включить открытия индийских ученых в западный научный дискурс, а с другой — легитимизировало новые направления их исследований, придав им дополнительную академичность, обогащая и дополняя их благодаря изысканиям в западных архивах.

Автор ранее в своих статьях (Куприянов, 2019; 2022; 2023) уже обращался к той роли, которую сыграло в формировании индийского политического дискурса научное сообщество: так, научные работы К.М. Паниккара заложили основу представления о необходимости для Индии обеспечить контроль над регионом Индийского океана. Индийские ученые сыграли (и продолжают играть) важную роль в оформлении и поддержании концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как «естественного пространства» торгового и культурного взаимодействия, обосновывая политику Дели по укреплению связей с индо-тихоокеанскими странами и утверждая исторически решающую роль Индии в ИТР. Ученые Алигархской школы (Habib, 1963; Athar Ali, 1966; Chandra, 1986), реагируя на запросы со стороны политических элит, глубоко исследовали период правления Великих Моголов, полностью изменив в итоге сложившуюся к тому моменту в мировой исторической науке картину и продемонстрировав, что держава Моголов была сложным бюрократическим механизмом с достаточно развитыми технологиями, и тем самым подтвердив, что Индия была великой державой задолго до европейского завоевания.

В 1990-х гг. ситуация в экспертно-аналитическом поле начала изменяться.

Либерализация индийского рынка в результате реформ Нарасимхи Рао, появление и развитие новых отраслей экономики, стремительный рост благосостояния индийских бизнес-элит, постепенная культурная переориентация индийских элит на американские социальные практики привели к возникновению в Индии профессионального экспертного сообщества. Достаточно быстро произошла его иерархизация, оформились специфические черты: множественность аффилиаций, привлечение к работе отставных дипломатов и военных, постепенный переход наиболее перспективных центров под завуалированный или прямой контроль политических элит, формирование схемы спонсирования олигархами и бизнес-элитами работы формально независимых, но реально тесно взаимодействующих с органами исполнительной власти или правящими политическими партиями аналитических центров в обмен на политические бонусы. Параллельно шел взаимовыгодный процесс проникновения академических ученых в экспертную среду: ученые получали в результате немалую политическую выгоду и новый инструмент взаимодействия с политическими и экономическими элитами, а аналитические центры — повышение статуса.

Экспертное сообщество заняло свое место в структуре индийского общества, претендуя — в противовес образу ученого-интеллектуала, склонного искать ответы в прошлом, — на роль генератора тактических идей и решений и одновременно посредника между политической элитой и урбанизированным средним классом, все более обретающим политическую субъектность.

«Гуджаратский нарратив»

Формирование нарратива, посвященного истории Гуджарата, шло по нескольким направлениям: религиозная история, роль бизнес-элит, генезис региональной бизнес-этики и предпринимательского духа и т. п. Одним из направлений стал нарратив о «морском Гуджарате» (далее — «гуджаратский нарратив»). Его оформление началось более

полувек назад. На данный момент опубликовано три библиографических исследования, позволяющих проследить этапы создания «гуджаратского нарратива» в широком смысле (Chavda, 1972; Satyaprakash, 1976; Simpson, 2011), и выдающееся эссе Эдварда Алперса (Alpers, 2019), посвященное непосредственно формированию нарратива о «морском Гуджарате». Мы не ставим перед собой задачу представить полную библиографию работ по этой теме, поскольку цель данного исследования состоит в демонстрации того, как ученые реагировали на общественный запрос и отчасти его формировали.

У истоков «гуджаратского нарратива» стоит писатель Гунвантрай Попатбхай Ачарья. Этот плодовитый автор (за жизнь он написал 169 произведений) творил на языке гуджарати. В ряде своих произведений (прежде всего в романах «Дарьялал» (букв. «Любимое море»), опубликованном в 1934 г. и принесшем ему известность, «Сарфарош», «Сарккарбар» и др.) он воспевал гуджаратскую морскую культуру и идентичность, связь населения Гуджарата с морскими пространствами и заморским территориями (прежде всего Суахильским побережьем). «В течение тысячелетия Дарьялал играл фундаментальную роль в истории Гуджарата; и поэтому море действительно заслуживает того, чтобы его изучать и о нем думать... Те, кто игнорирует море, никогда в полной мере не поймут историю нашего региона или страны» (Transregional Trade and Traders..., 2019, p. 1). Книжки Г.П. Ачарьи, популярные среди местной интеллигенции, заложили фундамент, на котором строилась идентичность нового поколения гуджаратцев.

Пионерами в исследовании «морского Гуджарата» с научной точки зрения стали Эдвард Алперс и Чарльз Пирсон. Если Алперс изначально сосредоточился на взаимосвязях Гуджарата и Суахильского побережья, взаимодействии гуджаратских купцов с местными торговцами и иными обитателями (Alpers, 1976), то Пирсон предложил теоретическую концепцию формирования и развития гуджаратской морской культуры (Pearson, 1976). Ключевым элементом

концепции Пирсона стала идея о том, что эта культура существовала в отрыве от культуры политической: гуджаратские правители мало интересовались делами морских торговцев, полагая это занятием, недостойным правителя, и рассматривая в качестве основы преуспевания земельную ренту. Этот тезис достаточно быстро обрел популярность среди индийских интеллектуалов, так как, во-первых, позволял объяснить, почему индийские государства, обладавшие большим количеством опытных моряков, сложившейся морской культурой и значительными ресурсами, не сумели дать отпор европейской морской экспансии; во-вторых, он акцентировал внимание на опасности недооценки политическим руководством морской силы — проблеме, которая активно обсуждалась в то время в интеллектуальных и военных кругах.

Через три года к Э. Алперсу и Ч. Пирсону присоединился первый собственно индийский ученый — Ашин Дас Гупта (Das Gupta, 1979). В отличие от предшественников, он сфокусировался на работе с материалами Английской и Голландской Ост-Индских компаний. Отличалась и методология: вместо анализа фундаментальных социальных процессов он уделял основное внимание фактологии, персоналиям и специфике социальных сообществ, что позволило перекинуть мостик между делами давно минувших дней и современностью. Почти все сообщества, о которых писал Дас Гупта, присутствовали в общественной жизни независимой Индии. Кроме того, он сузил рамки исследования, сосредоточившись в первую очередь на Сурате как одном из ключевых региональных портов XVII в.

По следам «трех великих» двинулись следующие поколения исследователей. «Суратский вектор», заданный А. Дас Гуптой, во многом определил географические рамки их исследований: так, Макранд Мехта сосредоточился на формировании городской торговой культуры и торговой оси Сурат — Ахмедабад (Urbanization in Western India..., 1988; Mehta, 1991), Руби Малони исследовала документы Суратской фактории

Английской Ост-Индской компании (Maloni, 1992; 2003). П.К. Митра посвятил Сурату одну из монографий серии об индийских портах (Mitra, 1995), а Дилип Чакрабартти опубликовал работу об исторической археологии европейского присутствия в Гуджарате, уделив Сурату основное внимание (Chakrabarti, 2003). Параллельно шло формирование так называемого «камбейского направления»: так, А. Рай, С. Арасаратнам (Arasaratnam & Ray, 1994) и В.А. Джанаки (Janaki, 1980), исследуя причины упадка Камбея, сумели опровергнуть общепринятое мнение, что виной тому была не решаемая на тогдашнем техническом уровне проблема заиливания устья реки, а комплекс причин, включающий, в частности, общий упадок империи Моголов и стремление британцев установить монопольный контроль над индийским товарным экспортом.

Ранние работы этого периода концентрировались в основном на исследовании причин, приведших к упадку гуджаратской торговли и неспособности гуджаратских правителей дать отпор британцам на море, позднее же пришлось уже на период после конца холодной войны, когда Индия встала перед необходимостью найти новое место в изменившемся мире. Глобализация, резкий рост товарооборота, наметившиеся упадок роли государств и превращение мира в «глобальную деревню» способствовали переносу фокуса внимания на деятельность торговых сообществ, формирование мультиэтнических и полирелигиозных торговых сетей, ставящих целью максимизацию прибыли всех участников. Львиная доля работ, опубликованных в период с 1987 по 2003 г., была посвящена именно деятельности отдельных торговых сообществ и проблемам их взаимодействия с местными и европейскими торговыми структурами, а также той роли, которую играли субалтерн-сообщества. Типичными для этого периода можно считать работы Лакшми Субраманьян: исследуя роль гуджаратских баниа, она продемонстрировала, что они как посредники и финансисты тесно сотрудничали с британцами, способствуя тем самым обнищанию мусульманских сообществ, специализирующихся

на производстве (Subramanian, 1987; 1996). Перу Л. Субраманьян принадлежит термин *Anglo-Bania Order*: этот «порядок» основывался на взаимодействии в рамках четырехугольника Ахмедабад — Бомбей — Камбей — Сурат и послужил основой дальнейшего преуспевания гуджаратских баниа.

Однако в самый разгар «однополярного момента» появились первые признаки формирования альтернативной парадигмы, основоположником которой стал Санджай Субраманьям. Издавший до того ряд работ и заслуживший репутацию многообещающего и талантливого исследователя, в 1995 г. он опубликовал статью, в которой опровергал предыдущие выводы Ч. Пирсона и А. Дас Гупты о полном отсутствии связи между торговыми сообществами и политическими элитами Гуджарата (Subrahmanyam, 1995). Субраманьям выдвинул тезис о том, что в условиях отсутствия развитой и хорошо работающей бюрократии политические элиты Гуджарата, фактически проводившие меркантилистскую внешнюю политику, делали ставку на союз с одной или несколькими торговыми группами. Те, в свою очередь, хорошо понимая свои преимущества, использовали альтернативные инструменты влияния на политические элиты, добиваясь нужных им решений.

Концепцию Субраманьяма развил Фархат Хасан, расширивший рамки анализа и показавший, что даже после падения гуджаратских политий и установления в регионе власти Великих Моголов политические элиты в Дели осуществляли контроль над Гуджаратом прежде всего через взаимодействие с местными бизнес-сообществами и джентри, в результате чего фактическая власть в Гуджарате достаточно скоро перешла в руки торговых сообществ, представители которых заняли ключевые посты в административном аппарате Моголов (Hasan, 2004). Этот вывод подтвердил Хорхе Флореш, на примере ряда могольских чиновников продемонстрировавший неизбежность сращивания политической и экономической верхушки, формирования типа «чиновника-купца» (Flores, 2011). Гхулам

Надри продемонстрировал важность прямого участия династии Моголов в развитии морской торговли и морских перевозок в целом, поскольку именно им зачастую принадлежали корабли, на которых паломники отправлялись в хадж. Он же исследовал роль, сыгранную в развитии Гуджарата османскими купцами, активно инвестировавшими в покупку судов и доли в перевозках (Nadri, 2009).

Подавляющее большинство перечисленных работ были написаны в десятилетие бурного расцвета Гуджарата как бизнес-хаба под руководством Н. Моды. Повышенное внимание в них уделяется уже не взаимодействию торговых сообществ вне контроля государства в рамках торговых сетей, а взаимодействию этих сообществ и государства. Учитывая, что деятельность современных институтов в Индии зачастую сочетается с домодерными практиками, исторические на первый взгляд работы приобрели неожиданную актуальность.

На нынешнем этапе (с. 2014 г.) продолжается активная публикация работ, глав в монографиях и статей, посвященных в первую очередь роли Гуджарата как Индоокеанского хаба (Transregional Trade and Traders..., 2019; Yazdani, 2017; Port Towns of Gujarat, 2015). Все больше внимания уделяется другим его портам, кроме Сурата и Камбея, торговым связям Гуджарата с Ближним и Дальним Востоком (Goswami, 2016; Merchants and Ports in the Indian Ocean World..., 2023; The Gulf in World History, 2018; Knowledge and the Indian Ocean..., 2019), появляются новые исследования, посвященные деятельности гуджаратских торговых сообществ на Суахильском побережье (Machado, 2014). Все активнее разрабатывается образ «морской Индии» (Malekandathil, 2014; Indian Ocean in the Making of Early Modern India, 2017), постулируется, что взаимодействие с Индийским океаном сыграло ключевую роль в процессах модернизации, начавшихся

в Индии в XVI в. и прерванных европейским завоеванием. Актуальность этих сюжетов на современном этапе подчеркивается при помощи широкого набора символических жестов: от строительства в Гуджарате масштабного туристического комплекса, посвященного морскому прошлому страны⁵, до погружения Н. Моды с аквалангом для молитвы в затонувшем городе у гуджаратского побережья⁶.

Заключение

Описанный выше процесс смены научных парадигм и периодов актуализации различных направлений исследования, примерно совпадающий со сменой политических и экономических государственных и общественных приоритетов, позволяет сделать ряд выводов.

1. Академическое сообщество в Индии играет важную роль в процессе формирования государственных нарративов, обеспечивая исторический фундамент для обоснования актуальной государственной политики. Чем глубже этот фундамент, тем он надежнее: в последнее время наблюдается рост интереса к «глубинной истории» (*deep history*), позволяющий анализировать развитие исторических процессов в рамках соответствующих *longue durée* Ф. Броделя. Это в полной мере касается региона Индийского океана: так, за последние десятилетия вышел целый ряд работ, в которых используется этот подход, в том числе применительно к Гуджарату.

2. Позиция академического сообщества в структуре принятия индийских политических решений уникальна, оно не может быть заменено ни аналитическими центрами, концентрирующимися, как правило, на современных процессах, ни соответствующими аналитическими подразделениями, создаваемыми в рамках органов исполнительной власти.

⁵ National Maritime Heritage Complex, Lothal, India. URL: <https://nmhc.in/> (accessed: 10.04.2025).

⁶ Modi in Gujarat: PM Dives Into Sea to Perform Underwater Puja off Dwarka // Hindustan Times. February 25, 2024. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/pm-modi-goes-underwater-in-deep-sea-prays-at-site-where-dwarka-city-submerged-101708848674804.html> (accessed: 10.04.2025).

3. Исторические исследования в силу своей специфики не позволяют быстро откликаться на общественно-политические запросы. При этом исследователи зачастую предвидят возникновение этих запросов, создавая соответствующие заделы за 5–7 лет до оформления такого запроса.

4. Процесс расширения числа исследовательских направлений обладает мультиплицирующим эффектом, ускоряя формирование научных школ и позволяя обеспечить преемственность в рамках этих школ и, следовательно, продолжение работы по научной теме, которая может трансформироваться и обрести все новую актуальность. Примером может служить взаимодействие Индии со странами Восточной Африки — тема, изначально интересовавшая индийские политические элиты в контексте укрепления связей Дели в рамках Движения неприсоединения, затем — как пример региональной глобализации и, наконец, обретшая актуальность в контексте

декларируемого индийско-китайского соперничества в регионе.

Эти особенности вкупе с очевидным интересом правительства Индии к формированию особого «гуджаратского нарратива» могут быть использованы для укрепления российско-индийских культурных, научных, политических и экономических связей. Существует слабо разработанный и в российской, и в индийской историографии сюжет — деятельность Индийского торгового подворья в Астрахани в XV–XVIII в. и формирование торговых сетей, включающих Индию, Иран и Центральную Россию. Ключевую роль в этом процессе играли панджабские и гуджаратские купцы. Учитывая растущий в российском обществе интерес к этому периоду отечественной истории, расширение географических рамок «гуджаратского нарратива» за счет участия в его создании российских историков представляется весьма перспективным.

Поступила в редакцию / Received: 23.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 01.06.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Кашин В.П. Индия. Предвыборная гонка началась: Нарендра Моди против династии Ганди — Неру // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 12–17. EDN: RWQFCR
- Куприянов А.В. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246>; EDN: TPGOTC
- Куприянов А.В. Морской регионализм как ответ на стратегический вызов: теоретическое наследие К.М. Паниккара // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 2. С. 95–107. <https://doi.org/10.31857/S086919080014925-4>; EDN: TWLFDP
- Куприянов А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 2. С. 35–48. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-35-48>; EDN: CNQCEW
- Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия. Москва : Институт Востоковедения РАН, 2018. EDN: YURHRR
- Смоленский Н.И. Теория и методология истории. Москва : Издательский центр «Академия», 2008. EDN: QPJTZF
- Спектор И.Б. Выступление «Партии простых людей» на региональных выборах 2022–2023 гг. — Панджаб, Гоа и Гуджарат // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика : материалы науч. конф. Москва, 04–07 апреля 2023 г. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 271–272. EDN: JSBPDT
- Усов В.А. Формирование общего индоокеанского пространства. Москва : Институт Африки РАН, 2003. EDN: QORULB
- Alpers E.A. Forty Years On: Gujarat in the Indian Ocean // Transregional Trade and Traders: Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900 / ed. by E.A. Alpers, Ch. Goswami. New Delhi : Oxford University Press, 2019. P. 17–51. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199490684.003.0002>

- Alpers E. A.* Gujarat and the Trade of East Africa, c. 1500–1800 // *International Journal of African Historical Studies*. 1976. Vol. 9, iss. 1. P. 22–44. <https://doi.org/10.2307/217389>
- Arasaratnam S., Ray A.* Masulipatnam and Cambay : A History of Two Port Towns, 1500–1800. New Delhi : Munshiram Manoharlal Publishers, 1994.
- Athar Ali. M.* The Mughal Nobility under Aurangzeb. Bombay : Asia Publishing House, 1966.
- Baru S.* India's Power Elite. Delhi : Penguin, 2021.
- Chakrabarti D. K.* The Archaeology of European Expansion in India : Gujarat, c. 16th–18th Centuries. New Delhi : Aryan Books International, 2003.
- Chandra S.* The 18th Century in India : Its Economy and the Role of the Marathas, the Jats, the Sikhs, and the Afghans. Calcutta : Centre for Studies in Social Sciences, 1986
- Chavda V. K.* A Select Bibliography of Gujarat : Its History and Culture, 1600–1857. Ahmedabad : New Order Book, 1972.
- Das Gupta A.* Indian Merchants and the Decline of Surat c. 1700–1750. Wiesbaden: Franz Steiner, 1979.
- Flores J.* The Sea and the World of the Mutasaddi: A Profile of Port Officials from Mughal Gujarat (c. 1600–1650) // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2011. Vol. 21, iss. 1. P. 55–71. <https://doi.org/10.1017/S135618631000057X>
- Goswami Ch.* Globalization Before Its Time : The Gujarati Merchants from Kachchh. Gurgaon: Portfolio Penguin, 2016.
- Guichard S.* The Construction of History and Nationalism in India : Textbooks, Controversies and Politics. London : Routledge, 2010. <https://doi.org/10.4324/9780203848579>; EDN: WPEYRR
- Habib I.* The Agrarian System of Mughal India (1556–1707). London : Asia Publishing House, 1963.
- Hasan F.* State and Locality in Mughal India: Power Relations in Western India, c. 1572–1730. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Indian Ocean in the Making of Early Modern India* / ed. by P. Malekandathil. Abingdon ; New York : Routledge, 2017.
- Jaffrelot Ch.* Gujarat Under Modi : Laboratory of Today's India. London : Hurst & Company, 2024.
- Janaki V. A.* The Commerce of Cambay from the Earliest Period to the Nineteenth Century. Baroda : Department of Geography, Maharaja Sayajirao University of Baroda, 1980.
- Knowledge and the Indian Ocean : Intangible Networks of Western India and Beyond* / ed. by S. Keller. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-96839-1>
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy : Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 1985.
- Machado P.* Ocean of Trade: South Asian Merchants, Africa and the Indian Ocean, c. 1750–1850. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
- Malekandathil P.* Indian Ocean in the Shaping of Late Medieval India // *Studies in History*. 2014. Vol. 30, iss. 2. P. 125–149. <https://doi.org/10.1177/0257643014534368>
- Maloni R.* European Merchant Capital and the Indian Economy : A Historical Reconstruction Based on Surat Factory Records 1630–1668. New Delhi : Manohar, 1992.
- Maloni R.* Surat, Port of the Mughal Empire. Mumbai : Himalaya Publishing House, 2003.
- Mehta M.* Indian Merchants and Entrepreneurs in Historical Perspective : With Special Reference to Shroffs of Gujarat, 17th to 19th Centuries. Delhi : Academic Foundation, 1991.
- Merchants and Ports in the Indian Ocean World : Across Sea and Land* / ed. by R. Seshan, R. Shimada. Abingdon : Routledge, 2023.
- Mills C. W.* The Power Elite. Oxford : Oxford University Press, 1956.
- Mitra P. K.* Port Towns in Medieval India, 1605 A.D. — 1707 A.D. : A Case of Surat. Calcutta : Punthi-Pustak, 1995.
- Nadri G. A.* Eighteenth-Century Gujarat : The Dynamics of Its Political Economy, 1750–1800. Leiden : Brill, 2009.
- Pearson M. N.* Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the Sixteenth Century. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1976.
- Port Towns of Gujarat* / ed. by S. Keller & M. Pearson. Delhi : Primus Books, 2015.
- Satyaprakash.* Gujarat: A Select Bibliography. Gurgaon : Indian Documentation Service, 1976.
- Simpson E.* Society and History of Gujarat since 1800 : A Select Bibliography of the English and European Language Sources. Hyderabad : Orient Blackswan private Ltd., 2011.
- Subrahmanyam S.* Of Imârat and Tijârat: Asian Merchants and State Power in the Western Indian Ocean, 1400 to 1750 // *Comparative Studies in Society and History*. 1995. Vol. 37, iss. 4. P. 750–780. <https://doi.org/10.1017/S0010417500019940>

- Subramanian L.* Baniyas and the British: The Role of Indigenous Credit in the Process of Imperial Expansion in Western India in the Second Half of the Eighteenth Century // *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21, iss. 3, P. 473–510. <https://doi.org/10.1017/S0026749X00009173>
- Subramanian L.* Indigenous Capital and Imperial Expansion : Bombay, Surat and the West Coast. Oxford : Oxford University Press, 1996.
- The Gulf in World History : Arabia at the Global Crossroads / ed. by A.J. Fromherz. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018.
- Transregional Trade and Traders : Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900 / ed. by E.A. Alpers, Ch. Goswami. Oxford : Oxford University Press, 2019.
- Urbanization in Western India : Historical Perspective / ed. by M.M. Mehta. Ahmedabad : Gujarat University, 1988.
- Yazdani K.* India, Modernity and the Great Divergence : Mysore and Gujarat (17th to 19th c.). Leiden ; Boston : Brill, 2017.

Сведения об авторе:

Куприянов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, руководитель Центра Индоокеанского региона, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23; eLibrary SPIN-код: 2766-9679. ORCID: 0000-0002-9041-6514; e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-580-597

EDN: ISWEFT

Научная статья / Research article

Роль смены президента в институциональной трансформации культурной дипломатии Франции в XXI веке

П. А. Воронова , Э. Варпаховскис

НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация

 evarpahovskis@hse.ru

Аннотация. Несмотря на растущий академический интерес к проблематике культурной дипломатии, исследования, посвященные эволюции и трансформации этого явления в одной из наиболее активно практикующих его стран — Франции, остаются ограниченными. Анализ существующей литературы показывает недостаточную фокусировку на институциональных аспектах, хотя именно институциональные преобразования способны приводить к значимым изменениям во внешнеполитическом курсе, влияя на функциональность профильных государственных структур. Исследование направлено на реализацию двух целей: восполнение существующих в научном дискурсе пробелов и выявление взаимосвязи между сменой президентской администрации и институциональными трансформациями в сфере культурной дипломатии. Анализ бюрократических механизмов, задействованных в реализации культурной дипломатии, демонстрирует, что институциональная архитектура Франции в данной области отличается высокой степенью сложности и многоуровневости. Ввиду масштабности и структурной разветвленности этой системы рассмотрение всех возможных преобразований в рамках одной статьи представляется невозможным. В связи с этим используется нисходящий (*top-down*) аналитический подход, предполагающий акцент на изменениях на уровне высших органов государственной власти. Методологическую основу исследования составляет «отслеживание процесса» (*process tracing*), что позволяет проследить причинно-следственные механизмы, связывающие президентский переход с последующими институциональными сдвигами в культурной дипломатии Франции. Полученные результаты подтверждают выдвинутые гипотезы. Первая гипотеза утверждает, что вновь избранный президент способен корректировать существующие механизмы культурной дипломатии. Вторая гипотеза предполагает, что такие институциональные изменения обусловлены несоответствием между сложившейся архитектурой культурной дипломатии и обновленными целями внешней политики, а также видением действующего президента и его команды. Предложена оценка степени и направленности реформ, осуществляемых в сфере культурной дипломатии, и выявлены элементы институциональной преемственности, сохраняющиеся несмотря на политические изменения на высшем уровне.

Ключевые слова: внешняя политика Франции, институциональная трансформация, трансформация институтов, смена президентской администрации, публичная дипломатия, общественная дипломатия, мягкая сила, Эмманюэль Макрон, Франсуа Олланд, Николя Саркози, Жак Ширак

Благодарности. Авторы статьи выражают благодарность анонимным рецензентам и членам редколлегии за их конструктивные замечания и советы.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Воронова П.А.: написание, курирование данных исследования, валидация данных, редактирование рукописи, визуализация. Варпаховскис Э.: концептуализация, разработка методологии исследования, написание, редактирование рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Воронова П.А., Варпаховскис Э. Роль смены президента в институциональной трансформации культурной дипломатии Франции в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 580–597. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-580-597>

The Role of Presidential Change in the Institutional Transformation of French Cultural Diplomacy in the 21st Century

Polina A. Voronova , Eriks Varpahovskis

HSE University, Moscow, Russian Federation

 evarpahovskis@hse.ru

Abstract. Despite the growing academic interest in the field of cultural diplomacy, research of how this phenomenon evolves and transforms in one of its most prolific users, France, remains limited. A review of the literature on cultural diplomacy reveals a paucity of attention to institutional aspects, despite institutional reforms having the potential to effect transformative changes in foreign policy by altering the functionality of relevant agencies. Our study aims to close previously unaddressed research gaps and determine the relationship between the changes in presidential administration and institutional transformations in the context of cultural diplomacy. An analysis of the bureaucratic mechanisms associated with cultural diplomacy reveals that France's institutional structure for carrying out cultural diplomacy is complex and multi-layered. Given the complexity and scope of this structure, it is not feasible to examine all the transformations in one paper. Therefore, a top-down approach has been adopted, with a focus on changes at the higher echelons of power. The present study utilizes process tracing as its methodological foundation to examine the relationship between the presidential transition in France and subsequent shifts in cultural diplomacy. The study provides evidence to support two proposed hypotheses. The first hypothesis posits that the newly elected president is capable of influencing the existing mechanisms of France's cultural diplomacy. The second hypothesis indicates that these transformations occur due to discrepancies between the inherited structure of France's cultural diplomacy and the updated requirements and goals of the country's foreign policy, as well as the vision of the incumbent president or members of his team. Additionally, the study presents observations regarding the degree and scale of reforms in the context of cultural diplomacy, as well as legacy trends.

Key words: French foreign affairs, institutional transformation, presidential administration change, public diplomacy, soft power, Emmanuel Macron, François Hollande, Nicolas Sarkozy, Sarkozy, Jacques Chirac

Acknowledgements. The authors of this article would like to extend their gratitude to the anonymous reviewers and members of the editorial board for their constructive comments and advice.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. P.A. Voronova: writing, data curation, data validation, editing of the manuscript, visualization. E. Varpahovskis: conceptualization, development of research methodology, writing, editing of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Voronova, P.A., & Varpahovskis, E. (2025). The role of presidential change in the institutional transformation of French cultural diplomacy in the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 580–597. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-580-597>

Введение

Несмотря на значительный интерес к внешней политике Франции, роли культурной дипломатии и значению институциональных трансформаций в функционировании инструментов внешней политики страны в академических и политических кругах, наблюдается недостаток исследований на стыке этих областей. Цель данного исследования — определить влияние прихода нового президента во Франции на институциональную структуру культурной дипломатии страны. В соответствующих разделах статьи представлены всесторонний обзор литературы, концептуализация модели трансформации и ключевых понятий, подробное описание методологии, а также анализ результатов в контексте кейс-стади культурной дипломатии Франции XXI в.

Обзор литературы

Обзор литературы содержит анализ нескольких ключевых тем, рассматриваемых в исследовательской литературе, касающейся предмета данного исследования. С концептуальной точки зрения важно кратко проанализировать, каким образом ученые приходили к пониманию и определению культурной дипломатии. В 2016 г. Ш. Фоше поставила под вопрос само значение этого понятия. Согласно ее мнению, продвижение национальных культурных ценностей может не только поддерживать статус-кво национальной идентичности, но и оказывать влияние на глобальные события (например, международные конфликты), способствуя сотрудничеству, принятию культурного разнообразия, а также снижению напряженности и недопонимания между народами и государствами (Faucher, 2016).

Для реализации цели исследования также полезно обратиться к литературе, сосредоточенной на культурной дипломатии Франции. Так, Ф. Лейн (Lane,

2013) утверждает, что стремление Франции сохранять традиции во всех их проявлениях — язык, искусство, обычаи и т. д. — создает возможности для налаживания контактов на высоком уровне, преодолевающих культурные барьеры, и служит основой для международного сотрудничества. Ученый обращает внимание на такие организации, как *Alliance Française* и *Académie des Sciences*, которые поддерживают существующие механизмы многонационального взаимодействия (Lane, 2013). Он также подчеркивает значение внутренней коммуникации, направленной на укрепление культурных ценностей, и приводит пример сотрудничества между министерствами и административными округами, как демонстрируют Министерство иностранных дел и Министерство национального образования (*Ministère de l'Éducation nationale*) Франции (Lane, 2013).

Кроме того, в статье Г. Пранаите «Роль государственных учреждений в контексте французской культурной дипломатии» (2014) подчеркивается значимость различных государственных структур, таких как Национальный центр кинематографии и анимационных фильмов, некоторые министерства и сеть французских посольств, которые поддерживают внешнеполитическую повестку Франции (Pranaitytė, 2014).

Наконец, следует учитывать вклад исследователей, анализирующих внешнюю политику Франции через призму президентской власти. Так, Э. де Шарретт отмечает, что главными целями Николя Саркози на посту президента были укрепление позиции Франции как мировой державы через развитие отношений с бывшими африканскими колониями, сотрудничество с другими государствами Европейского союза (ЕС) и инициирование изменений в Совете Безопасности ООН, при этом ключевую роль в достижении этих целей играла культурная дипломатия (de Charette, 2008). Аналогичную оценку лидерства Франсуа Олланда предложил Жан-Пьер Дарнис, проанализировавший как достижения, так и недостатки

внешнеполитической стратегии этого президента Франции¹.

В свою очередь, Т. Гомар и М. Хеккер проанализировали президентство Эммануэля Макрона. Их исследование посвящено пониманию Макроном внешней политики, которое формируется под влиянием глобальных конфликтов на Ближнем Востоке. По мнению экспертов², Э. Макрон рассматривается как лидер, ценящий международное сотрудничество и поддерживающий геополитическую роль Франции в мире. Кроме того, он относится к числу немногих президентов, которые признают особую ценность культурных связей как инструмента «мягкой силы» и считают, что их следует развивать более продуманно для обеспечения положительного имиджа страны за рубежом (de Corte, 2019).

Более того, очевидно, что тема культурной дипломатии, в контексте которой действует французское правительство, интересует не только англоязычных и франкоязычных исследователей, но и русскоязычных ученых, которые уделяют значительное внимание роли культурных реформ (Левицкий, 2019), включая попытки Франции оказывать культурное влияние на зарубежные правительства (Косенко, 2014), а также на политику страны в рамках Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) (Ежов, Дхуха, 2023).

Таким образом, в существующих научных трудах демонстрируется устойчивый интерес ученых к культурной дипломатии Франции как в целом, так и в контексте конкретных президентских каденций. Вместе с тем имеющиеся исследования

в основном охватывают общие вопросы, что создает исследовательский пробел в отношении изменений институциональных характеристик французской культурной дипломатии при вступлении в должность нового президента.

Концептуальные и методологические рамки исследования

Культурная дипломатия

Хотя многие определения культурной дипломатии, предложенные исследователями, во многом схожи, следует отметить отдельные различия.

С. Марк³ и Д. Кларк (Clarke, 2020) утверждают, что основной акцент культурной дипломатии делается на внешней политике государства, цели которой могут достигаться посредством культурных инструментов. К таким инструментам, по их мнению, относятся примеры «высокой культуры», такие как балет, театральные постановки, классическая литература, изобразительное искусство и другие формы искусства. Однако в последнее время выделяется еще один важный элемент культурной дипломатии — «популярная культура», включающая популярные романы и фильмы, понятные и востребованные широкой аудиторией⁴.

Другим известным определением культурной дипломатии является подход М. Каммингса, который рассматривает ее как деятельность, основанную на взаимодействии между государствами и их гражданами с целью достижения «взаимопонимания» посредством идей, искусства, обычаев, языка и других аспектов,

¹ Darnis J.-P. François Hollande's Presidency: A New Era in French Foreign Policy? IAI Working Papers. Instituto Affari Internazionali // HAL Open Science. 2012. URL: <https://hal.science/hal-03916317/document> (accessed: 02.02.2025).

² Gomart T., Hecker M. Macron, Diplomat. A New French Foreign Policy? // IFRI: Institut Français des Relations Internationales. Études de l'Ifri. April 2018. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/gomart_hecker_macron_diplomat_new_french_foreign_policy_2018.pdf (accessed: 02.02.2025).

³ Mark S. A Greater Role for Cultural Diplomacy // Netherlands Institute of International Relations Clingendael. Discussion Papers in Diplomacy. 2009. No. 114. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20090616_cdsp_discussion_paper_114_mark.pdf (accessed: 02.02.2025).

⁴ Ibid.

отражающих культуру конкретной страны⁵. Д. Кларк также подчеркивает, что культурная дипломатия включает демонстрацию собственного «национального самосознания» миру (Clarke, 2020).

П.М. Гофф предлагает еще одно интересное объяснение рассматриваемой концепции. В отличие от большинства авторов, она проводит различие между культурной дипломатией и внешней политикой, утверждая, что культурная дипломатия связана с представлением подлинной идентичности нации, которая не обязательно совпадает с официальной риторикой, но необходима для установления более прочных связей с другими странами (Goff, 2013).

В академических дискуссиях также исследуется взаимосвязь культурной и публичной дипломатии. Так, С. Вильянуэва Ривас и Х. Ким, утверждают что культурная и публичная дипломатия — это два отдельных, но иногда пересекающихся понятия (Villanueva Rivas, 2007; Kim, 2017). Культурную дипломатию можно рассматривать как неотъемлемую часть публичной дипломатии (Popiolkowski & Cull, 2009; Varpahovskis, 2018) или как концепцию, аналогичную публичной дипломатии, и оба этих понятия взаимозаменяемы⁶. Важно подчеркнуть, что концепция культурной дипломатии, также именуемая «дипломатией влияния», широко распространена среди франкоязычных исследователей и практиков (Huang & Wang, 2024), в то время как публичная дипломатия занимает второстепенное место.

Определение культурной дипломатии, применяемое в данном исследовании, заимствовано из материалов Министерства Европы и иностранных дел Франции.

Согласно этому определению, под культурной дипломатией понимается распространение национальных достижений в письменной, визуальной и аудиоформе с целью взаимодействия с другими странами через специализированные организации как на локальном, так и на глобальном уровнях⁷.

Институциональные трансформации и роль президента

Данное исследование направлено на расширение теоретической рамки за счет связывания институциональных трансформаций с ролью вновь назначенного президента и его новой администрации. Вопрос о том, является ли институциональное развитие постепенным или причинно обусловленным процессом, остается предметом дискуссий (Mahoney & Thelen, 2010). Поскольку институциональные механизмы претерпевают циклические изменения, мы рассматриваем институциональные трансформации в сфере культурной дипломатии одновременно как эндогенный фактор, влияющий на обстоятельства, приводящие к дальнейшим изменениям, и как их результат.

Поскольку роль президентства отражает изменения в государственном управлении, ее можно рассматривать как внешнюю переменную, подлежащую анализу. Предложенная модель представлена на рис. 1. Предполагается, что инновации и изменения могут проистекать из множества источников, включая предшествующую структуру, нового президента и его администрацию, а также другие экзогенные и эндогенные факторы, изученные рядом исследователей (например, (Mahoney & Thelen, 2010; Kezar & Eckel, 2002;

⁵ Cummings M. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey // Center for Arts and Culture. 2003. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf> (accessed: 02.02.2025).

⁶ Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences // Netherlands Institute of International Relations Clingendael. Discussion Papers in Diplomacy. 2008. No. 105 // Diplo. URL: https://www.diplomacy.edu/wp-content/uploads/2021/11/Public_Diplomacy_and_Nation_Branding_Conceptual_Si.pdf (accessed: 02.02.2025). См. также: (Signitzer & Wamser, 2006).

⁷ Cultural and Creative Industries, Key to Our Foreign Policy // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. October 2023. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/cultural-diplomacy/cultural-and-creative-industries-key-to-our-foreign-policy/> (accessed: 02.02.2025).

Destler, 2015)). Процесс носит циклический характер: на следующем этапе элемент, ранее внедренный в административную систему, становится «предшествующей административной системой культурной дипломатии». Эта цикличность наглядно представлена на рис. 1, иллюстрирующем взаимосвязь между новым президентом (и началом работы новой администрации) и институциональными изменениями в административной системе культурной дипломатии Франции.

Методология

Для устранения выявленного пробела методологическая рамка данного исследования включает сравнительный анализ (McNabb, 2015) и метод «отслеживания процесса» (*process-tracing*) (Beach & Pedersen, 2019). Сравнивая административные механизмы культурной дипломатии, а также расходы на культурную дипломатию и политические стратегии, реализуемые в период президентства Николя Саркози, Франсуа Олланда и Эммануэля Макрона, а также отчасти и Жака Ширака, мы стремимся проанализировать внутренние механизмы функционирования специализированных государственных органов и модели их трансформации.

Метод отслеживания процесса предполагает сбор так называемых «диагностических свидетельств» (Beach & Pedersen, 2019; Collier, 2011), которые могут быть как качественными, так и количественными, с целью выявления влияния — прямого или косвенного — переменных и/или событий на другие переменные и/или события в контексте исследуемого явления. Для оценки институциональных реформ, таких как изменение названия организации или ее административной структуры, традиционно внимание уделялось самой модификации, а не ее степени и значимости.

Метод отслеживания процесса позволяет не только наблюдать внедрение инноваций и изменений в управлении культурной дипломатией, но и изучать роль президента в инициировании этих изменений, а также определять, можно ли их прямо приписать конкретному президенту и его администрации. Например, были обнаружены диагностические свидетельства, подтверждающие связь переименования Министерства Европы и иностранных дел с изменением управленческой миссии президента в 2007–2022 гг., а также эволюцией государственных учреждений образовательной направленности во время президентства Николя Саркози.

Рис. 1. Циклическая модель процесса изменения системы управления культурной дипломатией

Источник: составлено Э. Варпаховским и П.А. Вороновой.

Следует отметить, что личное влияние каждого президента может рассматриваться как наиболее субъективный критерий для отслеживания институциональных изменений, учитывая сложность оценки всех внутренних и внешних факторов, которые могли повлиять на определенные решения. Для минимизации этой проблемы использовался анализ речей президентов и их активного участия в общественных мероприятиях, таких как открытие Лувра в Абу-Даби. Кроме того, даже если президент лично не инициирует все изменения в области национальной и внешней политики, он выступает в качестве высшей инстанции одобрения и подписания соответствующих декретов, что подчеркивает его ключевую роль в структурных и политических трансформациях государства.

В рамках данного исследования была предпринята попытка адаптировать таксономию тестов причинности, предложенную для метода отслеживания процесса (например: (Collier, 2011; Sevin, 2017)). Эта таксономия позволяет сохранять относительную гибкость и пространство для интерпретации при проведении тестов на причинно-следственные связи. Для решения исследовательского вопроса о взаимосвязи между приходом нового президента к власти во Франции и институциональными трансформациями культурной дипломатии применяется теоретическая модель (см. рис. 1), и выдвигаются две гипотезы:

H1. Приход нового президента к власти приводит к трансформациям институциональных механизмов культурной дипломатии Франции.

H2. Недостатки инноваций, ранее внедренных в культурную дипломатию Франции, ведут к трансформациям ее институциональных механизмов.

Нулевая гипотеза для H1 и H2 предполагает отсутствие взаимосвязи между исследуемыми переменными.

Что касается данных, то в исследовании используются как качественные, так и количественные сведения, размещенные в открытом доступе. Часть статистических данных, особенно финансовых, была исключена, так как методы их сбора изменялись в период с 2007 по 2022 г., что не позволяло проводить корректный сравнительный анализ. Основными источниками данных являются отчеты и официальные заявления министерств (например, Министерства Европы и иностранных дел (*Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères*)⁸), Министерства культуры (*Ministère de la culture*)⁹, а также агентств, отвечающих за деятельность в сфере культурной дипломатии, таких как *Institut Français* и *Alliance Française*). В дальнейшем именно эти отчеты использовались в качестве основных источников для отслеживания большинства изменений в политике. Кроме того, данные с официальных сайтов позволили построить диаграммы распределения бюджета на основе описательного и сравнительного анализа публично доступных финансовых отчетов за разные годы. Это позволило наблюдать, что наибольшая доля бюджета в пользу *France Médias Monde* была распределена в период президентства Франсуа Олланда (рис. 2).

Выбранный нами подход имеет ряд ограничений, связанных с выбранными аналитическими методами, доступностью данных и масштабом исследования. Как и в большинстве кейс- или процесс-ориентированных исследований, полученные результаты не предназначены для генерализации или применения к другим странам в контексте роли президентов в формировании механизмов культурной дипломатии. Дальнейшие исследования могут показать, применима ли предложенная теоретическая модель и выявленные взаимосвязи между ролью президента и институциональными трансформациями в иных национальных контекстах.

⁸ Cultural Diplomacy // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. December 2021. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/cultural-diplomacy/> (accessed: 27.07.2024).

⁹ Ministère de la culture. URL: <https://www.culture.gouv.fr/> (accessed: 27.07.2024).

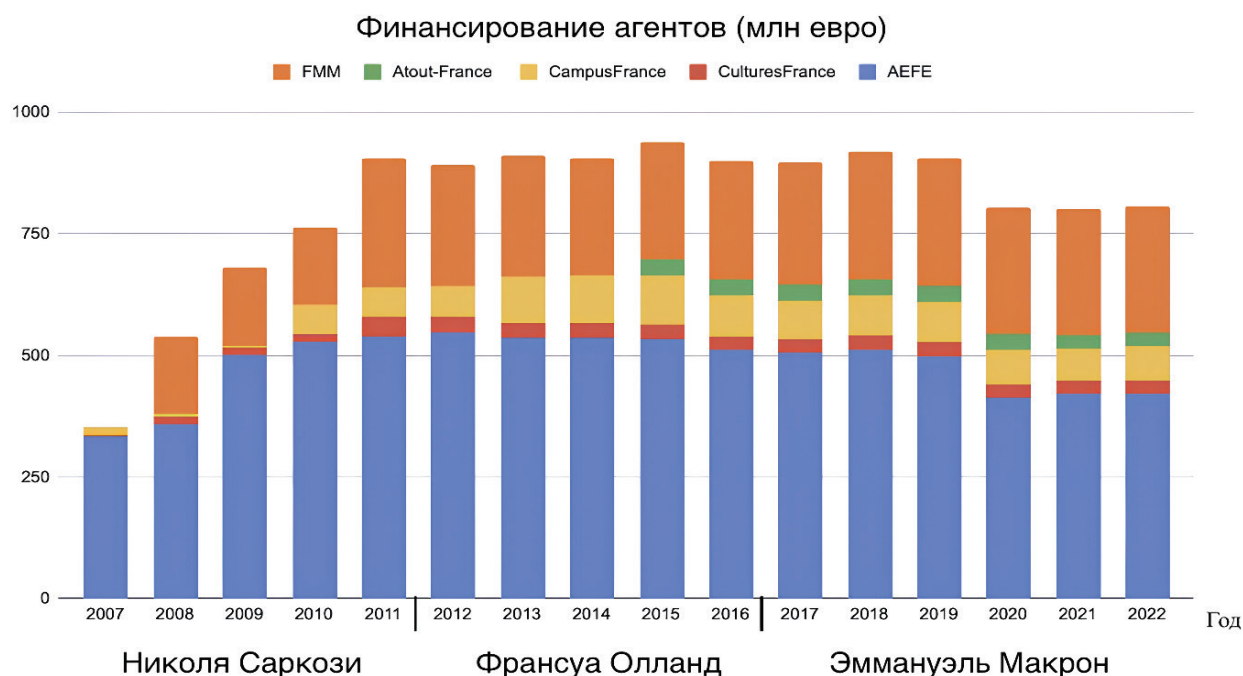

Рис. 2. Объем финансирования пяти государственных организаций из государственного бюджета Франции, 2007–2022 гг., постоянные цены в евро: FMM — *France Médias Monde*, AEFЕ — Агентство по французскому образованию за рубежом (*Agence pour l'enseignement français à l'étranger*)

Источник: составлено П.А. Вороновой и Э. Варпаховским на базе: Budget de l'État // Ministère de l'économie, des finances et de la souveraineté industrielle et numérique. 2007–2022. URL: <https://www.budget.gouv.fr/budget-etat> (accessed: 05.02.2024); Budget Allocated to France Médias Monde in France 2016–2024 // Statista. 2024. URL: <https://web.archive.org/web/20240724195536/https://www.statista.com/statistics/1246880/france-medias-monde-annual-budget-france/> (accessed: 05.02.2024).

Тем не менее возможность проведения сравнения с другими странами позволила бы рассмотреть полученные выводы в более широком глобальном контексте и установить, как культурная дипломатия трансформируется в рамках конкретного государства. Кроме того, метод отслеживания процесса обычно позволяет выявлять косвенное влияние факторов, что открывает возможности для обнаружения дополнительных факторов, определяющих институциональные изменения в культурной дипломатии Франции, при использовании иных исследовательских стратегий или при привлечении дополнительных данных.

Следует также учитывать, что исследование базируется на онлайн-отчетах, которые могут быть предвзятыми. В частности, данные могут отражать преимущественно благоприятную для имиджа страны повестку, исключать противоречивые заявления,

фокусироваться на интересах отдельных государств и чрезмерно подчеркивать значимость определенных событий.

Результаты исследования и их интерпретация

Институциональная трансформация культурной дипломатии

Прежде всего следует подчеркнуть, что в научной литературе появление элементов культурной дипломатии во Франции принято датировать уже XV в., а ее более широкое распространение, как правило, связывают с эпохой Старого режима (*Ancien Régime*) (Roche & Piniau, 1995). Несмотря на значительную эволюцию и постоянное совершенствование практических механизмов, с тех пор сущностное содержание и базовые принципы культурной дипломатии остаются в целом неизменными.

На раннем этапе культурная дипломатия выполняла преимущественно вспомогательную функцию, обеспечивая обмен культурными ценностями в рамках дипломатических миссий и содействуя установлению либо поддержанию междинастических контактов (Roche & Piniau, 1995). Особое место занимал французский язык, обладавший юридическим статусом языка дипломатии и рассматривавшийся государством как ключевой элемент собственного культурного влияния (Lane, 2013). В качестве основных инструментов использовались научные и художественные формы межкультурного взаимодействия. Так, в XVIII в. был создан лицей Галатасарай, где французские преподаватели обучали представителей турецкой аристократии (Roche & Piniau, 1995).

На современном этапе французское правительство продолжает развивать институциональные механизмы культурной дипломатии через сеть Французских институтов (*Institut Français*), а также посредством так называемых «вилл» (*Villas*) — организаций, предоставляющих возможность проживания, обучения и творческой работы представителям различных национальностей и французским гражданам, занимающимся искусством или культурными исследованиями. Подобные институции действуют в разных странах мира, среди них «Вилла Альбертин» в США, «Вилла Медичи» в Италии, «Вилла Свагатам» в Индии, «Вилла Кудзёяма» в Японии и др. Этот формат международного взаимодействия способствует укреплению двусторонних связей и формированию общих культурных интересов между Францией и партнерскими государствами.

Приведенные выше примеры научного и культурного обмена свидетельствуют о том, что, несмотря на придание соответствующим практикам более современного характера, общая направленность культурной дипломатии Франции остается неизменной. Кроме того, исследователи подчеркивают, что процессы цифровизации оказывают существенное влияние на культурные практики и современную дипломатию Республики (Valenduc & Vendramin, 2017). Наиболее очевидным средством воздействия на другие государства становятся цифровые медиа — радио, телевидение и социальные сети. Последние два направления, реализуемые медиаструктурой *France Médias Monde*, получают значительное государственное финансирование (см. рис. 2), что указывает на восприятие их Министерством иностранных дел как одного из ключевых инструментов формирования положительного образа Франции за рубежом¹⁰. Кроме того, платформа «Цифровые университеты Франции» (*France Université Numérique*) предлагает более 300 онлайн-курсов, обеспечивающих дистанционный доступ к обучению¹¹, виртуальные туры по Лувру, Центру Помпиду, Мон-Сен-Мишелю и другим историческим объектам¹², а также форматы цифрового сотрудничества — например, взаимодействие французской и африканской киноиндустрий в рамках программ культурного обмена посредством онлайн-кинотеатров¹³. Все более широкое распространение получают и мероприятия в цифровой среде, такие как *Novembre Numérique*¹⁴. Каждое новое технологическое нововведение, таким образом, неизбежно приводит к изменению процедур

¹⁰ Best of industries culturelles et creatives. Projets emblématiques de la mission prioritaire ICC (2020–2022) // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. Juillet 2023. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/best-of-icc-09-10-23_cle05fb7a.pdf (accessed: 27.07.2024).

¹¹ Online or Distance Training // Campus France. URL: <https://www.campusfrance.org/en/online-correspondence-programmes> (accessed: 10.02.2025).

¹² Virtual Tours and French Museums: Get to Learn Online! // Institut Français. URL: <https://ife.ee/en/virtual-tours-and-french-museums-get-to-learn-online/> (accessed: 10.02.2025).

¹³ Festival de court métrage de Clermont-Ferrand: 10 films de catalogues IFcinéma mis à l'honneur // Institut Français. URL: <https://web.archive.org/web/20250210170714/https://www.institutfrancais.com/fr/magazine/portfolio/festival-du-court-metrage-de-clermont-ferrand-10-films-des-catalogues-ifcinema> (accessed: 10.02.2025).

¹⁴ Novembre Numérique // Institut Français. URL: <https://www.pro.institutfrancais.com/fr/offre/novembre-numerique>

культурной дипломатии, расширяя аудиторию, осведомленную о вовлеченности государства в эту сферу.

Наконец, диаграмма (см. рис. 2) позволяет заметить, что в год прихода к власти Франсуа Олланда произошла трансформация подходов к культурной дипломатии, реализуемых при Николя Саркози: финансирование государственных агентств было увеличено, что, в свою очередь, способствовало их дальнейшему развитию.

Может ли приход нового президента инициировать институциональную трансформацию культурной дипломатии?

Анализ политических профилей Н. Саркози, Ф. Олланда и Э. Макрона за 2007–2022 гг. показывает, что первые два президента уделяли первоочередное внимание внутренней повестке, тогда как их международная деятельность была ориентирована преимущественно на урегулирование конфликтов с опорой на инструменты «жесткой силы» и экономическую помощь. Это может объясняться экзогенными факторами, в частности снижением геополитической стабильности, во многом обусловленным войной в Ираке. Между тем Э. Макрон проявил себя как президент, активно использующий инструменты «мягкой силы» в межгосударственном взаимодействии. Хотя культурная дипломатия никогда формально не провозглашалась основным методом современной

внешней политики, Э. Макрон регулярно прибегает к ее ресурсам.

В частности, в период его первого президентского срока (2017–2022 гг.) были открыты Лувр Абу-Даби в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) и филиал Центра Помпиду в Шанхае — Музей изобразительных искусств Вест-Бунд (*Centre Pompidou x West Bund Museum*) (2019). Был предложен глобальный план продвижения французского языка и многоязычия¹⁵. В 2016 г. была учреждена ежегодная программа *UK/France Spotlight on Culture*, направленная на двустороннее культурное сотрудничество¹⁶. Эти и другие международные инициативы подтверждают вывод Й. де Корте о том, что культурная дипломатия Франции получила «новый импульс» в период президентства Макрона (de Corte, 2019).

Следует отметить, что в рамках ЕС Франция активно развивала сотрудничество с Итальянской Республикой и Федеративной Республикой Германия (ФРГ). Подписанный с Италией Квиринальский договор предусматривает взаимодействие в областях экономического развития, обеспечения национальной безопасности, научных достижений, а также образовательных и культурных обменов¹⁷. В сфере культурной дипломатии Э. Макрон и канцлер ФРГ Ангела Меркель договорились о расширении академических обменов, реализуемых через *Institut Français* и Институт Гёте¹⁸.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Франция стала инициатором уникальных международных культурных проектов,

(accessed: 10.03.2025).

¹⁵ Francophony and the French Language // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/francophony-and-the-french-language/> (accessed: 10.02.2025).

¹⁶ UK/France Spotlight on Culture // The British Council*. URL: <https://www.britishcouncil.fr/en/programmes/uk-france-spotlight-2024> (accessed: 10.02.2025). * Деятельность неправительственной организации «Британский совет (*The British Council*)» признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

¹⁷ The Quirinal Treaty: Joint Press Dossier of the Embassies of Italy in France, and France in Italy on 2023, the Year of Entry into Force // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. November 23, 2023. URL: https://www.esteri.it/en/sala_stamp/archivionotizie/retediplomatica/2023/11/il-trattato-del-quirinale-dossier-stampa-congiunto-delle-ambasciate-ditalia-in-francia-e-di-francia-in-italia-sul-2023-anno-dellentrata-in-vigore/ (accessed: 27.07.2024).

¹⁸ Tulun T.E. German-French Joint Cultural Institutes: Transformation of the “Civilizing” Mission of West European Colonialism // Avrasya İncelemeleri Merkezi. Analysis No. 2019/2. February 26, 2019. URL: <https://avim.org.tr/en/Analiz/GERMAN-FRENCH-JOINT-CULTURAL-INSTITUTES-TRANSFORMATION-OF-THE-CIVILIZING-MISSION-OF-WEST-EUROPEAN-COLONIALISM> (accessed: 27.07.2024).

не имеющих аналогов в мире. Так, Лувр Абу-Даби, расположенный на о-ве Саадият в ОАЭ, был открыт в 2017 г. при поддержке Э. Макрона, Мухаммада бин Зайда Аль Нахайяна, наследного принца Абу-Даби, и Мухаммада бин Рашида Аль Мактума, премьер-министра ОАЭ¹⁹. Главная цель открытия музея — укрепление сотрудничества между Францией и ОАЭ посредством объединения культурных инициатив, что делает его значимым инструментом продвижения международных отношений через культурную дипломатию²⁰.

Однако степень влияния открытия музея на стратегию внешней политики в целом и культурной дипломатии в частности оценить сложно. Идея проекта Лувра Абу-Даби впервые была выдвинута Жаком Шираком в 2007 г.²¹, но не была реализована по причинам, главным образом связанным с позицией арабских партнеров. Это демонстрирует, что хотя Э. Макрон не был инициатором новых культурных проектов после 2017 г., именно он способствовал их успешной реализации и институциональному укреплению.

Для оценки трансформаций административных механизмов культурной дипломатии важно обратиться к структуре ведомства, отвечающего за данное направление, — Министерству Европы и иностранных дел.

Одним из наиболее заметных изменений стали регулярные переименования министерства с приходом каждого нового президента. Так, в 2007 г., при Н. Саркози, действовало Министерство иностранных и европейских дел (Cole, 2012). В период президентства Ф. Олланда оно стало Министерством

и иностранных дел и международного развития (2012)²². В 2017 г. Макрон присвоил ему нынешнее название — Министерство Европы и иностранных дел²³.

Изменения в наименовании министерства могут не оказывать существенного влияния на специфику его функционирования. Тем не менее очевидно, что в период президентства Н. Саркози внешнеполитический курс Франции в равной степени был ориентирован на Европу, что подчеркивало незаменимую роль страны в рамках ЕС (Charillon & Wong, 2012). Эта «европеизация» стала менее заметной в 2012–2017 гг., когда Ф. Олланд объявил приоритетом установление международного мира и поддержку развивающихся государств, тем самым сместив акценты внешней политики в сторону неевропейских направлений (Müller, 2013). Впоследствии Э. Макрон вернул приоритетный характер взаимодействию с ЕС, учитывая, что Франция и ЕС функционируют сегодня как единый политический организм, что обеспечивает государству дополнительные возможности как в сфере «мягкой», так и «жесткой» силы²⁴.

Таким образом, официальное наименование министерства коррелирует с внешнеполитическими ориентирами президента Франции, что подтверждает выдвинутую в исследовании гипотезу о влиянии президентской повестки на институциональные механизмы культурной дипломатии. Однако данная работа не претендует на определение масштаба этих изменений. Анализ показывает, что речь идет скорее о постепенной эволюции и даже реинтерпретации некоторых

¹⁹ См.: Langton J. Emmanuel Macron and UAE Leaders Formally Open Louvre Abu Dhabi // The National News. November 8, 2017. URL: <https://www.thenationalnews.com/uae/emmanuel-macron-and-uae-leaders-formally-open-louvre-abu-dhabi-1.674159> (accessed: 02.02.2025); Our Partners // Louvre Abu Dhabi. URL: <https://www.louvreabudhabi.ae/en/about-us/our-partners> (accessed: 27.07.2024).

²⁰ Our Story // Louvre Abu Dhabi. URL: <https://www.louvreabudhabi.ae/en/about-us/our-story> (accessed: 27.07.2024).

²¹ Message to the President of the United Arab Emirates during the Signing of the Intergovernmental Agreement Creating the Louvre Abu Dhabi Universal Museum // Présidence de la République. March 6, 2007. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee/fr/elysee/elysee.fr/anglais/speeches_and_documents/2007/fi001286.html (accessed: 10.02.2025).

²² Darnis J.-P. François Hollande's Presidency: A New Era in French Foreign Policy? IAI Working Papers. Instituto Affari Internazionali // HAL Open Science. 2012. URL: <https://hal.science/hal-03916317/document> (accessed: 02.02.2025).

²³ Kempin R. France's Foreign and Security Policy under President Macron // SWP Research Paper. 2021. No. 28. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021RP04/> (accessed: 02.02.2025).

²⁴ Ibid.

ранее сформулированных подходов (например, в периоды президентства Ж. Ширака и Э. Макрона). Следовательно, невозможно утверждать, что приход нового президента неизбежно приводит к полной институциональной или административной трансформации системы французской культурной дипломатии.

Ключевыми агентствами, функционирующими в структуре Министерства и ответственными за реализацию культурной политики, являются *Institut Français*, Агентство по французскому образованию за рубежом (*Agence pour l'enseignement français à l'étranger*, AEFÉ), *Campus France* и медиахолдинг *France Médias Monde*²⁵. Все эти организации были интегрированы в систему Министерства в рамках Общего пересмотра государственной политики (*Révision Générale des Politiques Publiques*), инициированного Н. Саркози в 2008 г.²⁶ Несмотря на изменения в руководстве, внутренней структуре, финансировании и направлениях деятельности, их организационная конфигурация остается в целом стабильной.

Основная деятельность *Institut Français* заключается в формировании культурных сетей, расширении международного присутствия и содействии межкультурному взаимодействию²⁷. Хотя учреждение было основано еще в 1907 г., значительная государственная поддержка и официальный

статус были закреплены за ним только в 2010 г., во время президентства Н. Саркози и при министре иностранных дел Мишель Аллио-Мари²⁸. Агентство по французскому образованию за рубежом отвечает за реализацию международных образовательных программ; с 1990 г. число школ под его эгидой превысило 560²⁹.

Еще одна образовательная структура — *Campus France* — была создана в 2010 г. по инициативе Министерства под руководством Бернара Кушнера³⁰. Наконец, медиахолдинг *France Médias Monde*, основанный в 2008 г., быстро превратился в один из ключевых инструментов внешнего влияния, транслируя соответствующие концепции через радио- и телепередачи³¹. Изначально он функционировал как «Общество внешнего аудиовизуала Франции» и получал активную поддержку Н. Саркози, который рассматривал его как эффективный механизм для распространения информации и продвижения официальной позиции правительства³². В 2013 г. *France Médias Monde* приобрел современную организационную форму, объединяя различные каналы и сохраняя основные цели деятельности (Saragosse & Bonos, 2016).

Как демонстрируют данные, представленные на рис. 3, формирование и активизация деятельности государственных агентств происходили в тесной связи с президентской администрацией, начиная с избрания Н. Саркози и назначения министров

²⁵ Implementing Agencies of the Ministry // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. October 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/implementing-agencies-of-the-ministry/> (accessed: 27.07.2024).

²⁶ Ibid.

²⁷ Institut Français. URL: <https://www.institutfrancais.com/fr> (accessed: 27.07.2024).

²⁸ Loi n° 2010–873 du 27 juillet 2010 relative à l'action extérieure de l'Etat (1) // Légifrance. 2010. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000022521532> (accessed: 05.02.2024).

²⁹ См.: Lycées français du monde. Rapport d'activité 2016/2017 // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. 2017. URL: <https://aepe.gouv.fr/sites/default/files/asset/file/rapport-activite-aepe-2016-2017.pdf> (accessed: 15.02.2025); Loi n° 90–588 du 6 Juillet 1990 Portant Création de l'Agence pour l'Enseignement Français à l'étranger (1) // Légifrance. 1990. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000350878> (accessed: 05.02.2024).

³⁰ Décret n° 2011–2048 du 30 décembre 2011 relatif à Campus France // Légifrance. 2011. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000025059513> (accessed: 05.02.2024).

³¹ France Médias Monde (FMM) // République Française. URL: <https://annuaire-entreprises.data.gouv.fr/entreprise/france-medias-monde-fmm-501524029> (accessed: 27.07.2024).

³² Projet de Loi Relatif à la Communication audiovisuelle et au nouveau service public de la télévision // Senate. 6 janvier 2009. URL: <https://www.senat.fr/rap/108-150/108-15038.html> (accessed: 27.07.2024).

Б. Кушнера и М. Аллио-Мари. Именно в период президентства Н. Саркози были созданы *France Médias Monde*, *Campus France* и *Institut Français*. Данные, представленные на рис. 3, указывают, что последующие главы Французской Республики не всегда стремились сохранять существовавшие структуры в неизменном виде, но нередко модернизировали их в соответствии со своей административной логикой. Так, «Общество внешнего аудиовизуала Франции» было преобразовано в *France Médias Monde* при Ф. Олланде — не только посредством ребрендинга, но и через углубление сотрудничества с правительством³³.

Хотя влияние каждого президента на трансформацию дипломатических инструментов проследить затруднительно, оно проявляется через деятельность соответствующих министров.

Так, в период президентства Ф. Олланда различные изменения наблюдались в работе Лорана Фабиуса, который стал одним из ключевых инициаторов активного использования социальных сетей в 2015 г., превратившихся в важнейший инструмент публичной дипломатии³⁴. Помимо этого, Л. Фабиус активно применял традиционные методы культурной дипломатии, включая дипломатические миссии, что впоследствии было продолжено Жан-Ивом Ле Дрианом при Э. Макроне. При этом Ж.-И. Ле Дриан сосредоточил внимание преимущественно на Африканском регионе, тогда как его предшественник ориентировался в большей степени на Азию³⁵. Последний

также заметно активнее использовал такие дипломатические механизмы, как круглые столы, заседания, саммиты и другие мероприятия, предполагающие участие различных международных акторов и способствующие расширению партнерских связей³⁶. В результате Министерство Европы и иностранных дел все в большей степени интегрирует инструменты цифровой дипломатии — платформы *Twitter* (ныне *X*)³⁷, *Facebook*³⁸ и другие социальные сети, одновременно сохраняя традиционные форматы взаимодействия: сессии ЮНЕСКО, саммиты Франкофонии, дипломатические визиты, направленные на укрепление международных отношений, и другие значимые события.

В целом в период с 2007 по 2022 г. в работе Министерства Европы и иностранных дел не наблюдается радикальных изменений. Их характер в большей степени коррелировал с политической повесткой главы государства, что отражалось, в частности, в изменениях самого наименования Министерства и его геополитических приоритетов. Хотя эти изменения совпадали с вступлением в должность новых президентов, ни один из них официально не объявлял о пересмотре целей культурной дипломатии. Таким образом, хотя корреляция между президентской политикой и институциональными преобразованиями очевидна, она не позволяет утверждать, что именно президенты являлись единственным движущим фактором эволюции дипломатических механизмов.

³³ Signature du premier contrat d'objectifs et de moyens entre l'État et France Médias Monde // Pouria Amirshahi. 9 avril 2014. URL: <https://www.pouriaamirshahi.fr/signature-du-premier-contrat-dobjectifs-et-de-moyens-entre-letat-et-france-medias-monde/> (accessed: 15.02.2025).

³⁴ “Ambassadors Week” — Launch of a Social Media Campaign (July 10, 2015) // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. URL: <https://web.archive.org/web/20231205023032/https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/news/ambassadors-week/prior-editions/23nd-conference-of-ambassadors-24-28-august-2015/article/ambassadors-week-launch-of-a-social-media-campaign-10-07-15> (accessed: 27.07.2024).

³⁵ Search: Jean-Yves Le Drian // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/spip.php?page=recherche&lang=en&tri=date_modif&id_rubrique=&recherche=Jean-Yves+Le+Drian&debut_articles=180&page_courante=6#pagination_articles (accessed: 27.07.2024).

³⁶ Ibid.

³⁷ Социальная сеть *Twitter* заблокирована на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³⁸ Деятельность социальной сети *Facebook*, являющейся частью компании *Meta Platforms Inc.*, запрещена на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

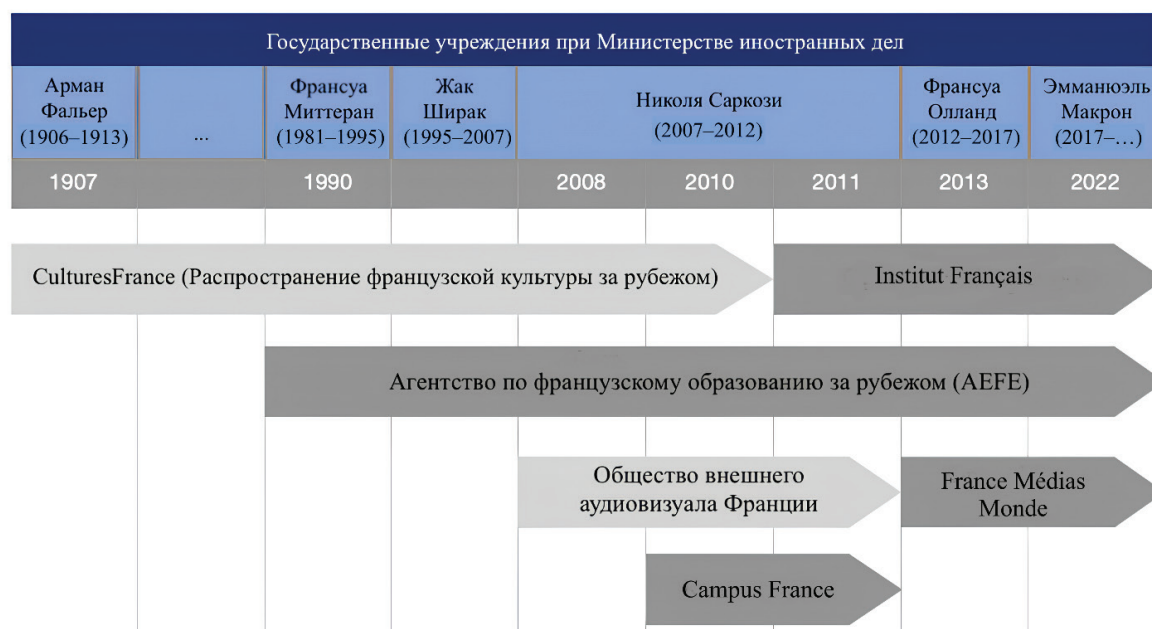

Рис. 3. Создание и функционирование французских государственных агентств под надзором внешнеполитического ведомства, 1907–2022 гг.

Источники: составлено П.А. Вороновой и Э. Варпаховским на базе: Loi n° 90–588 du 6 Juillet 1990 Portant Création de l'Agence pour l'Enseignement Français à l'étranger (1) // Légifrance. 1990. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000350878> (accessed: 05.02.2024); Loi n° 2010–873 du 27 juillet 2010 relative à l'action extérieure de l'Etat (1) // Légifrance. 2010. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000022521532> (accessed: 05.02.2024); Décret n° 2011–2048 du 30 décembre 2011 relatif à Campus France // Légifrance. 2011. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000025059513> (accessed: 05.02.2024); France Médias Monde (FMM) // République Française. URL: <https://annuaire-entreprises.data.gouv.fr/entreprise/france-medias-monde-fmm-501524029> (accessed: 05.02.2024).

Определяют ли системные несовершенства необходимость инноваций?

Изменения в механизмах культурной дипломатии, по-видимому, происходили как вследствие системных недостатков, так и под влиянием специфических представлений политического лидера о том, каким образом следует выстраивать внешние связи посредством инструментов «мягкой силы». В результате каждая смена руководства приводила к корректировке административных процессов, внедрению новых инструментов, запуску новых проектов и созданию новых учреждений, призванных компенсировать просчеты своих предшественников.

Так, Министерство Европы и иностранных дел неизменно осуществляло руководство

государственными агентствами, которые также подвергались периодическим реформам. В 2011 г. *Institut Français* заменил организацию *CulturesFrance*, обладавшую ограниченными ресурсами и не соответствовавшую требованиям современного общества³⁹. С назначением первым директором *Institut Français* Ксавье Даркоса институт был преобразован в ключевую структуру, представляющую французскую культуру и идентичность за рубежом; в настоящее время сеть института включает 98 центров и 128 отделений по всему миру⁴⁰. Можно заключить, что создание института было обусловлено необходимостью более полноценно продвигать французский язык и культуру, а не стремлением Н. Саркози учредить еще одну организацию. Например, по сравнению с *CulturesFrance* институт существенно расширил сферу своей деятельности,

³⁹ The Digital Transformation of International Cultural and Linguistic Action // Institut Français. 2022. URL: <https://www.institutfrancais.com/en/programmes-and-projects/the-digital-transformation-of-international-cultural-and-linguistic-action> (accessed: 27.07.2024).

⁴⁰ Liste des Instituts français et de leurs antennes // Data.gouv. 2019. URL: <https://www.data.gouv.fr/datasets/liste-des-instituts-francais-et-de-leurs-antennes/> (accessed: 27.07.2024).

охватывая регионы Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, что ранее было невозможно в рамках прежней «страноцентричной» модели⁴¹.

Кроме того, существовавшие инструменты требовали обновления. К моменту вступления Э. Макрона в должность Интернет уже являлся широко используемым средством внешнего влияния. Однако именно Э. Макрону удалось эффективно интегрировать дополнительные цифровые инструменты в сферу культурной дипломатии. На сайте Министерства Европы и иностранных дел⁴² отчетливо отражено понимание необходимости цифровизации культурной дипломатии, особенно после масштабных локдаунов, введенных для предотвращения распространения COVID-19. Совместно с *Institut Français* был разработан план плавного перехода к «новой цифровой среде». Организация подготовила публикации о цифровом контенте, инструментах его создания и методах внедрения, организовала специализированное обучение по использованию технологических новшеств, а также разработала онлайн-курсы для обеспечения дистанционного обучения с целью расширения аудитории и географического охвата⁴³. В совокупности это позволило Франции транслировать свои национальные интересы, культуру и язык более широкой международной аудитории, повысив эффективность культурной дипломатии.

Кроме того, Л. Фабиус, занимавший пост министра иностранных дел в период президентства Э. Макрона, заметно повысил общественный интерес к французской дипломатии

и внешней политике посредством организации «Недели послов» (*Ambassadors Week*)⁴⁴. В частности, он инициировал кампанию в социальных сетях, благодаря которой пользователи по всему миру могли узнавать о работе французских дипломатов через официальные публикации в *Facebook* и *Twitter*, а также посредством открытого мероприятия «Я встречаюсь с послом» и хештега *#SemaineAmbass*⁴⁵.

Интерес президента к информационным технологиям может частично объяснять широкое использование цифровых инструментов. Однако это также связано со значительным устареванием прежних инструментов культурной дипломатии — таких как оффлайн-мероприятия, традиционные музейные экспозиции и очное преподавание языка. До появления инновационных технологий эти формы деятельности были достаточно эффективны, однако требовали модернизации. Соответственно, в рамках устранения выявленных недостатков прежней системы изменения были неизбежны.

Обсуждение результатов и выводы

Данное исследование, основанное на методе отслеживания процессов и направленное на анализ влияния вступления нового президента в должность на институциональную трансформацию культурной дипломатии Франции, позволило проверить две гипотезы. Как показано в сводной таблице, обе гипотезы получили подтверждение посредством «неопровержимых» (*smoking gun*) аргументов.

⁴¹ Knudsen, E., Markovic, D. France. Country Report. Stuttgart : Institut für Auslandsbeziehungen, 2022. URL: https://opus.bsz-bw.de/ifa/frontdoor/deliver/index/docId/68/file/ECP_Monitor_France_Country_Report.pdf (accessed: 27.07.2024).

⁴² Ministry Digital Transformation Plan // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. June 29, 2021. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/ministry-digital-transformation-plan/> (accessed: 27.07.2024).

⁴³ La transformation numérique de l'action culturelle et linguistique internationale // Institut Français. 2022. <https://web.archive.org/web/20241214125643/https://www.institutfrancais.com/en/programmes-and-projects/the-digital-transformation-of-international-cultural-and-linguistic-action> (accessed: 27.07.2024).

⁴⁴ “Ambassadors Week” — Launch of a Social Media Campaign (July 10, 2015) // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. URL: <https://web.archive.org/web/20231205023032/https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/news/ambassadors-week/prior-editions/23nd-conference-of-ambassadors-24-28-august-2015/article/ambassadors-week-launch-of-a-social-media-campaign-10-07-15> (accessed: 27.07.2024).

⁴⁵ Ibid.

Во-первых, установлено, что в XXI в. новый президент оказывает влияние на функционирование существующих институциональных механизмов культурной дипломатии Франции. Такие трансформации могут затрагивать номенклатуру ответственных органов, особенности их организационной структуры, бюджетирование и политические рамки их деятельности.

Во-вторых, выявлено, что подобные изменения происходят вследствие несоответствия первоначальной структуры культурной

дипломатии Франции новым внешнеполитическим приоритетам страны, а также видению действующего президента или членов его команды. Анализ также показал, что начало президентского срока зачастую сопровождается инновациями, хотя это не всегда означает радикальную перестройку существующих институций. В ряде случаев прослеживается преемственность — сохранение отдельных элементов концепции предыдущей администрации относительно роли и форматов французской культурной дипломатии.

Сводная таблица для проверки гипотез 1 и 2

Смена президента / гипотезы	Ширак — Саркози	Саркози — Олланд	Олланд — Макрон	Подтверждена / опровергнута
H1. Приход нового президента к власти приводит к трансформациям институциональных механизмов культурной дипломатии Франции	Переименование Министерства иностранных дел в Министерство иностранных и европейских дел: акцент на Европе, незаменимая роль Франции в ЕС, а также сотрудничество с государственными учреждениями, включая те, которые отвечают за культурную дипломатию	Переименование Министерства иностранных и европейских дел в Министерство иностранных и международного развития: международный мир и поддержка развивающихся стран, смещение фокуса государства со стран Европы	Переименование Министерства иностранных дел и международного развития в Министерство Европы и иностранных дел: Франция и ЕС как объединенный актор (например, сотрудничество с Италией и Германией (Квиринальный договор))	Подтверждена
	Создание <i>Institut Français</i> , <i>Campus France</i> и Общества внешнего аудиовизуала Франции (SAEF)	Увеличение финансирования и дальнейшее развитие государственных агентств	Содержание государственных агентов и их финансирование, аналогичное периоду правления Ф. Олланда	
H2. Недостатки инноваций, ранее внедренных в культурную дипломатию Франции, ведут к трансформациям ее институциональных механизмов	Создание Общества внешнего аудиовизуала Франции в 2008 г.: объединение французских иностранных вещательных каналов и подход к Обществу как к инструменту «мягкой силы»	SAEF обновлен до <i>France Médias Monde</i> в 2013 г.: ребрендинг и более тесное сотрудничество с правительством	—	Подтверждена
	—	Более регулярное использование социальных сетей по сравнению с президентством Н. Саркози, но при этом склонность к использованию и более традиционных инструментов (сессии ЮНЕСКО, саммит Международной организации Франкофонии, дипломатические поездки)	Эффективное включение большинства цифровых инструментов в культурную дипломатию; «Неделя послов» повысила общественный интерес к деятельности французских дипломатов	

Примечание. Применены тесты проверки гипотез («дымящееся ружье») в рамках метода отслеживания процессов. Тест «дымящегося ружья» не исключает вероятности влияния других факторов (Collier, 2011).

Источник: составлено П.А. Вороновой и Э. Варпаховским.

Данное исследование демонстрирует, что цифровая трансформация привела к изменениям во французской культурной дипломатии. В аргументации К. Бьолы и И. Манора (Bjola & Manor, 2025) выдвигается положение о том, что генеративный искусственный интеллект (ИИ) способен оказывать влияние на процессы цифровизации дипломатии. Исходя из этой идеи, представляется обоснованным предположить, что внедрение инструментов

генеративного ИИ может привести к институциональным изменениям во французской культурной дипломатии — независимо от того, произойдет ли это в ходе текущего президентского срока Э. Макрона или в период следующей администрации после 2027 г. В связи с этим представляются необходимы дальнейшие исследования, посвященные институциональной трансформации культурной дипломатии Франции.

Поступила в редакцию / Received: 16.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 10.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Ежов И.В., Духа Б. Деятельность Франции в ЮНЕСКО в фокусе членства в Международной Организации Франкофония // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 2. С. 704–713. EDN: USQYYO
- Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 114–125. EDN: SHQOJF
- Левицкий В.Б. Реформа культурно-гуманитарного направления французской дипломатии // Дипломатическая служба. 2019. № 3. С. 43–55. EDN: AQHAFD
- Beach D., Pedersen R.B. Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2019. <https://doi.org/10.3998/mpub.10072208>
- Bjola C., Manor I. Digital Diplomacy in the Age of Technological Acceleration: Three Impact Scenarios of Generative Artificial Intelligence // Place Branding and Public Diplomacy. 2025. Vol. 21, iss. 3. P. 303–308. <https://doi.org/10.1057/s41254-023-00323-4>; EDN: VXKVQV
- Charillon F., Wong R. France: Europeanization by Default? // National and European Foreign Policies: Towards Europeanization / ed. by R. Wong, Ch. Hill. London : Routledge, 2012. P. 19–32. <https://doi.org/10.4324/9780203816035>
- Clarke D. Cultural Diplomacy // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. Oxford : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.543>
- Cole A. The Fast Presidency? Nicolas Sarkozy and the Political Institutions of the Fifth Republic // Contemporary French and Francophone Studies. 2012. Vol. 16, iss. 3. P. 311–321. <https://doi.org/10.1080/17409292.2012.675638>
- Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44, iss. 4. P. 823–830. <https://doi.org/10.1017/S1049096511001429>
- De Charette H. Nicolas Sarkozy et la Politique Étrangère de la France: Entre Changement et Continuité // Revue Internationale et Stratégique. 2008. Vol. 70, no. 2. P. 7–12. <https://doi.org/10.3917/ris.070.0007>
- De Corte J. Piercing the Cultural Diplomacy Veil: The Case of the Louvre Abu Dhabi // SSRN. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3733447> (accessed: 02.02.2025).
- Destler I.M. Presidents, Bureaucrats and Foreign Policy: The Politics of Organizational Reform. Princeton NJ : Princeton University Press, 2015.
- Faucher C. Cultural Diplomacy and International Cultural Relations in Twentieth-Century Europe // Contemporary European History. 2016. Vol. 25, iss. 2. P. 373–385. <https://doi.org/10.1017/S0960777316000126>
- Goff P.M. Cultural Diplomacy // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / ed. by A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 419–435. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199588862.013.0024>
- Huang Z.A., Wang R. Public Diplomacy in French Scholarship: Exploratory Analysis of an Emerging Field // Journal of Public Diplomacy. 2024. Vol. 4, iss. 1. P. 112–128. <https://doi.org/10.23045/jpd.2024.4.1.007>
- Kezar A., Eckel P. Examining the Institutional Transformation Process: The Importance of Sensemaking, Interrelated Strategies, and Balance // Research in Higher Education. 2002. Vol. 43, iss. 3. P. 295–328. <https://doi.org/10.1023/A:1014889001242>; EDN: AUVFCB

- Kim H. Bridging the Theoretical Gap Between Public Diplomacy and Cultural Diplomacy // *The Korean Journal of International Studies*. 2017. Vol. 15, no. 2. P. 293–326. <https://doi.org/10.14731/kjis.2017.08.15.2.293>
- Lane P. *French Scientific and Cultural Diplomacy*. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vjg4z>
- Mahoney J., Thelen K. *A Theory of Gradual Institutional Change // Explaining Institutional Change : Ambiguity, Agency, and Power* / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. New York : Cambridge University Press, 2010. P. 1–37. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511806414.003>
- McNabb D.E. *Research Methods for Political Science : Quantitative and Qualitative Methods*. New York : Routledge, 2015. <https://doi.org/10.4324/9781315701141>
- Müller P. The Europeanization of France's Foreign Policy Towards the Middle East Conflict — From Leadership to EU-Accommodation // *European Security*. 2013. Vol. 22, iss. 1. P. 113–128. <https://doi.org/10.1080/09662839.2012.698266>
- Popiolkowski J.J., Cull N.J. *Public Diplomacy, Cultural Interventions & the Peace Process in Northern Ireland: Track Two to Peace?* Los Angeles : Figueroa Press, Center on Public Diplomacy, 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/323840489_Public_Diplomacy_Cultural_Interventions_the_Peace_Process_in_Northern_Ireland_Track_Two_to_Peace (accessed: 12.03.2024).
- Pranaitytė G. The Role of Governmental Institutions in the Context of French Cultural Diplomacy // *Politikos Mokslų Almanachas*. 2014. Vol. 15. P. 137–172. <https://doi.org/10.7220/2335-7185.15.6>
- Roche F., Piniau B. *Histoires de Diplomatie Culturelle des Origines à 1995*. Paris : Ministère des Affaires Étrangères, 1995.
- Saragosse M.-C., Bonos G. France Médias Monde: À la Conquête de la Planète // *Géoéconomie*. 2016. Vol. 79, no. 2. P. 7–23. <https://doi.org/10.3917/geoec.079.0007>
- Sevin E. A Multilayered Approach to Public Diplomacy Evaluation: Pathways of Connection // *Politics & Policy*. 2017. Vol. 45, iss. 5. P. 879–901. <https://doi.org/10.1111/polp.12227>
- Signitzer B., Wamser C. *Public Diplomacy: A Specific Governmental Public Relations Function // Public Relations Theory II* / ed. by C.H. Botan, V. Hazleton. New York : Routledge, 2006. P. 435–464. <https://doi.org/10.4324/9780203873397>
- Valenduc G., Vendramin P. Digitalisation, Between Disruption and Evolution // *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2017. Vol. 23, iss. 2. P. 121–134. <https://doi.org/10.1177/1024258917701379>
- Varpahovskis E. Intangible Cultural Heritage: Is It a Platform for Cooperation or Competition Between Cultural Diplomacies? // *SNU Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 3, iss. 1. P. 119–144. URL: https://www.researchgate.net/publication/328039303_Intangible_Cultural_Heritage (accessed: 12.03.2024).
- Villanueva Rivas C. *Representing Cultural Diplomacy : Soft Power, Cosmopolitan Constructivism and Nation Branding in Mexico and Sweden*. Växjö : Växjö University Press, 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/305765927_Representing_Cultural_Diplomacy (accessed: 12.03.2024).

Сведения об авторах:

Воронова Полина Александровна — магистрант, факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; ORCID: 0009-0009-0454-3786; e-mail: pavoronova_2@edu.hse.ru

Варпаховскис Эрик — PhD (политические науки), доцент, факультет мировой экономики и мировой политики; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; eLibrary SPIN-код: 7950-2324; ORCID: 0000-0002-6740-6377; e-mail: evarpahovskis@hse.ru; evarpahovskis@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-598-609
EDN: IOJFNE

Научная статья / Research article

Поддержка иранских студентов в СССР со стороны Всесоюзного общества культурной связи с заграницей на рубеже 1920–1930-х гг.

М.Ю. Сурков

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ maksim.surkov@urfu.ru

Аннотация. Прочные отношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) значительно укрепились в начале 2020-х гг. Одной из важнейших сфер продуктивного взаимодействия является высшее образование. Среди иранских абитуриентов популярны медицинские и технические вузы в России. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время государственной структурой, ответственной за привлечение иностранных студентов, является Россотрудничество, и необходимо обращение к традициям работы с иранскими студентами, сложившимся в результате работы предшественника этой организации — Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В этом контексте деятельность ВОКС по привлечению иностранных студентов изучена недостаточно. Задачи исследования — охарактеризовать стратегию ВОКС по работе с абитуриентами и студентами из Ирана, выделить внутренние и внешние факторы, влиявшие на успешность работы ВОКС, проанализировать конкретные проблемы, с которыми сталкивались иранские студенты в СССР: отчисление, прохождение практики, трудоустройство. Материалы исследования — это документы из фонда ВОКС, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), ранее не введенные в научный оборот, а также опубликованные иранские документы из фондов иранских архивов. Методы исследования включают неоинституциональный подход, который концентрируется на действиях субъектов организаций и раскрывает роль ВОКС в системе советских учреждений. Результатом исследования является анализ организации работы со студентами из Ирана и влияния этой организации на их жизненные траектории и оценка успешности советской культурной дипломатии на иранском направлении. Как и в настоящее время, в исследуемый период иранские абитуриенты стремились получить образование в области медицины и технических специальностей. Сделан вывод, что положительного результата добивались те иранские студенты, которые обращались в ВОКС через посредников — иранское посольство в Москве либо советских дипломатов в Иране. В XXI в. опыт привлечения в Россию иностранных студентов из стран Азии и Африки является актуальным в связи с «поворотом на Восток» в российской внешней политике, расширением БРИКС и взаимодействием в рамках этой структуры.

Ключевые слова: академическая мобильность, интернационализация образования, Реза-шах Пехлеви, иранские студенты, культурный обмен

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сурков М.Ю. Поддержка иранских студентов в СССР со стороны Всесоюзного общества культурной связи с заграницей на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 598–609. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-598-609>

© Сурков М.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Support for Iranian Students in the USSR by the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries at the Turn of the 1920s — 1930s

Maksim Yu. Surkov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ maksim.surkov@urfu.ru

Abstract. In the early 2020s, the close relationship between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran was significantly strengthened. Higher education is one of the most important areas of cooperation between two countries. Russian medical and technical universities are popular with Iranians. The relevance of the study is due to the fact that the state organization responsible for attracting foreign students is currently Rossotrudnichestvo. It is therefore necessary to consider the traditions established by its predecessor, the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS), when working with Iranian students. The present article is based on solid archival ground, relying on the unpublished documents from the VOKS files of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and published documents from Iranian archives. The aim of this research is to provide a comprehensive description of VOKS' strategy for working with potential and current students from Iran, highlighting the internal and external factors that influence VOKS' performance. It also sheds light on several important case studies related to the problems Iranian students faced in the USSR, including expulsions, internships, and employment. The neo-institutional approach, which emphasizes the actions of individuals within an organization, is employed to demonstrate VOKS's place among Soviet institutions and to show how the work with Iranian students was organized and in what way this influenced their life and the success of Soviet cultural diplomacy in Iran. Studying medicine or technical subjects was as popular with Iranians then as it is today. It is concluded that Iranian students who managed to gain support from both VOKS and diplomatic officials from the USSR and Iran were successful. Attracting international students from Asia and Africa to Russia is relevant in the 21st century because of the “turn to the East” foreign policy strategy and the expansion and cooperation of the BRICS organization.

Key words: academic mobility, internationalisation of education, Reza Shah Pahlavi, Iranian students, cultural exchange

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Surkov, M. Yu. (2025). Support for Iranian students in the USSR by the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries at the turn of the 1920s — 1930s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 598–609. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-598-609>

Введение

Позиционирование России как страны, открытой для внешнего мира, выражено в показателях приоритетного проекта «Экспорт образования», который требует от вузов повышать привлекательность образовательных программ в РФ. Россия демонстрирует готовность привлекать студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Их прием в российские вузы координирует Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом,

и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Глава агентства Е.А. Примаков в ходе беседы с Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Иран (ИРИ) в России К. Джалали отметил, что наша страна заинтересована в привлечении иранских студентов¹. Иран является одним из приоритетных направлений деятельности агентства. По словам Л.В. Панькиной (Вотиновой), первого секретаря Посольства Российской Федерации в Иране и представителя Россотрудничества, в 2023/2024 учебном

¹ В Агентстве обсудили обучение иранских студентов в России // Россотрудничество. 27.09.2023. URL: <https://rs.gov.ru/news/v-agentstve-obsudili-obuchenie-iranskih-studentov-v-rossii/> (дата обращения: 04.05.2024).

году в России обучалось около 6 тыс. иранских студентов². В 2025 г. премьер-министр РФ М.В. Мишустин назвал цифру в 9 тыс. иранцев в вузах РФ³. Это свидетельствует об актуальности истории российско-иранских отношений в сфере высшего образования, тем более что в Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и ИРИ, подписанном 17 января 2025 г., в ст. 28, 30 и 34 обозначены направления образовательного сотрудничества, причем отдельно выделена подготовка специалистов-медиков (ст. 28⁴). В этой связи особенно важно обращение к опыту взаимодействия с иностранными студентами из Ирана организации — предшественницы Россотрудничества — Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), созданного в 1925 г.

Образовательная дипломатия как составная часть культурной дипломатии периода Интербеллума рассматривалась историками через призму отношений государственных структур и университетов (Tronchet, 2013, роли частных фондов в поддержке иностранных студентов (Ви, 2012, р. 115) и классификации видов академической мобильности (Global Exchanges..., 2018, pp. 13–15). Проблема интернационализации высшего образования в России изучалась как отечественными (Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 577–612; Шумилова, 2022), так и зарубежными исследователями (Perraton, 2017). Однако применительно к обучению студентов восточных стран в СССР в 1920–1930-е гг. исследователи чаще всего рассматривали работу только Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) (Kirasirova, 2024, pp. 64–65). Обучение иранцев в СССР было проанализировано в связи с деятельностью

КУТВ (Ravandi-Fadai, 2015), в контексте обращения к биографиям активистов иранского левого движения (Генис, 2014), а также связи с развитием советской иранистики (Volkov, 2018). Тем не менее перипетии судеб иранских юношей и девушек, которые ехали в СССР на учебу не по линии Коминтерна, в работах историков практически не прослеживаются. В современной иранской историографии обучение иранцев в советских вузах в 1920–1930-е гг. фактически не исследовалось, несмотря на то, что обучение иранских студентов за границей привлекало интерес академических кругов Ирана (Gheidari & Shohani, 2022) и западных стран (Menashri, 1992, pp. 125–141; Matin-Asgari, 2002, pp. 19–25).

Иностранные студенты, в том числе иранские, стремясь в советские вузы во второй половине 1920-х гг., контактировали с полпредством СССР, посольством Ирана и конкретными учебными заведениями. Помимо этого они, а также сотрудники упомянутых учреждений обращались в ВОКС за поддержкой или разъяснениями. Именно поэтому в фонде ВОКС, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), сконцентрированы соответствующие документы, которые позволяют проанализировать различные аспекты взаимодействия студента или абитуриента с советской действительностью.

Анализ этой взаимосвязи, с одной стороны, возможен в логике неoinституционального подхода, согласно которому модели поведения акторов (абитуриентов и студентов) определяются не только рациональными соображениями, но и влиянием институционального окружения (Smerplass, 2025, р. 9). С другой стороны, данную

² Votnova L. Mahdudiyati baraye tahsil dar reshteha-ye khass nadarim (mosahebe) [Вотинова Л. У нас нет ограничений на обучение по определенным специальностям (интервью)] // Farhikhtegan [Фархихтеган]. 28.09.2023. No. 3968. (На персидском языке). URL: <https://farhikhtegandaily.com/newspaper/3968/8/> (accessed: 09.06.2024).

³ Беседа Михаила Мишустина с Первым вице-президентом Ирана Мохаммадом Резой Арефом // Правительство Российской Федерации. 15.08.2025. URL: <http://government.ru/news/55941/> (дата обращения: 17.08.2025).

⁴ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 19.09.2025).

исследовательскую оптику следует настроить в темпорально-контекстуальном ключе с учетом пересечения международных отношений, советских бюрократически-ведомственных практик 1920-х гг. и культурной дипломатии. Под последней понимается деятельность государственных и негосударственных акторов по продвижению собственных ценностей и укреплению взаимопонимания на международном уровне (Martin & Piller, 2021, p. 155). При этом инициативы в области образования способствуют достижению целей культурной дипломатии (Walton, 2015, p. 345).

ВОКС и взаимодействие с иранскими студентами

Как в российской, так и в зарубежной историографии деятельность ВОКС рассматривают через призму укрепления культурных связей, организации обществ дружбы с СССР, приема иностранных гостей, создания положительного образа СССР за рубежом и развития академической мобильности (Fayet, 2014; Дэвид-Фокс, 2015; Голубев, Невежин, 2016; Груздинская, Демьянов, 2024). Однако в работе ВОКС существовал более прозаический аспект, связанный с посредническими функциями между иностранцами и советскими инстанциями. Функции посредника выполнялись ВОКС в соответствии с уставом общества, в котором утверждалось, что ВОКС «содействует обмену научными силами (...студентами) между СССР и границей»⁵.

Это был трудоемкий процесс коммуникации как с иностранным подданным, так и с его дипломатическим представительством, в данном случае — посольством Ирана. В центральном аппарате ВОКС за взаимодействие с иранскими студентами отвечал Восточный сектор, а в Иране с ними контактировали уполномоченные ВОКС — сотрудники

полпредства или консульств, а также другие советские дипломаты. Восточный сектор ВОКС (впоследствии переименованный в отдел) нес основную нагрузку по связям с иранскими студентами. Во второй половине 1920-х гг. референтами данного отдела работали люди, владевшие персидским языком (например, выпускница восточного факультета Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) А.Н. Урванцева-Левицкая), что позволяло эффективно налаживать контакты как со студентами, так и с иранским дипломатическим корпусом (Сурков, 2023, с. 64–65).

Государственная политика Ирана по отправке студентов за рубеж

Реза-шах Пехлеви, направляя ресурсы в обучение своих подданных за рубежом, не рассматривал СССР в качестве приоритетного направления для трансфера знаний и технологий. Исключение составляла военная сфера, и то в ограниченных масштабах, для обучения пилотов самолетов⁶. В иранских правящих кругах существовало опасение о восприимчивости иранцев, проживавших в СССР, к коммунистической идеологии, и иногда даже принимались меры по недопущению вернувшихся из Советского Союза лиц к поступлению на госслужбу (Poormohamadi Amlashi, Rahmani & Khazani, 2023, pp. 67–68). Европейские страны рассматривались как источник эффективных моделей организации образовательной системы и технических сведений, которые можно было бы использовать в ходе масштабных модернизационных реформ конца 1920-х гг. (Marashi, 2008, pp. 92–93).

В 1928 г. в Иране был принят «Закон об отправке студентов за границу», согласно которому в последующие шесть лет за рубеж требовалось направлять по сотне человек ежегодно. В период с 1928 по 1934 г. Министерство

⁵ Устав Всесоюзного общества культурной связи с границей. Москва : б/и, 1926. С. 2.

⁶ Moshfeghifar E. Tarikhche-ye ta'limat va tahsilat-e nezami dar Iran: dowre-e Pahlavi-ye Iran [История военного образования в Иране в период правления династии Пехлеви] // Moassese-ye motale'at va pazhuheshha-ye siyasi [Институт политических исследований]. 2021. (На персидском языке). URL: <https://psri.ir/?id=mlelc0y2> (accessed: 30.06.2024).

просвещения отправило в Европу и США 640 студентов (Moradinezhad & Pezhum-Shariati, 1974, p. 101). Всего в 1922–1938 гг. образование за рубежом как за счет государственных стипендий, так и в частном порядке получило около 1500 человек (Арабаджян, 2022, с. 195). Для обучения медицине, например, наибольшей популярностью пользовалась Франция (Azizi & Azizi, 2010, p. 358). Несмотря на нормализацию отношений между Москвой и Тегераном в связи с подписанием договора о нейтралитете 1927 г., в двустороннем взаимодействии сохранялось взаимное недоверие. Помимо этого, в СССР процессы индустриализации и иные реформы в конце 1920-х гг. только начинали реализовываться, в отличие от стран Западной Европы, что также оказало влияние на выбор Ираном стран для направления своих студентов. Также следует подчеркнуть, что в числе сотни студентов, подлежавших отбору для учебы за границей, всегда выделялась квота в 35 студентов-педагогов высшей школы (Gheidari & Shohani, 2022, p. 92; Arasteh, 1962, p. 87). Многие из вернувшихся студентов стали преподавать в Тегеранском университете (Amanat, 2017, p. 470). Учитывая идеологическую нагруженность советского образования, неудивительно, что иранское правительство направляло своих будущих учителей и преподавателей в европейские страны.

Даже тех иранцев, которые оканчивали иранские школы в СССР — например, школу «Иттихад» в Баку (Taher Ahmadi, 2005, p. 188), — предполагалось отправлять в Тегеран для участия в отборе для учебы в Европе, а не спонсировать их обучение в советских вузах. Правда, слабое владение европейскими языками стало серьезным препятствием. Ни один из иранских выпускников бакинской школы не смог отправиться

в Европу в 1929 г.⁷ Желавшим получить образование в СССР приходилось рассчитывать на поддержку семьи, советских учреждений и иранского посольства. Например, один из сотрудников советско-иранской компании «Иранрыба» М. Парвин за счет компании получил образование в СССР, однако, по словам председателя совета директоров А. Сохейли, и этот студент направлялся после пребывания в Советском Союзе на учебу в Европу⁸.

Иранские студенты в СССР: проблемы и поиск решений

За иранских подданных ходатайствовало иранское посольство в Москве. В переписке между ним и ВОКС отражены такие проблемы, с которыми сталкивались иранцы, как зачисление в вузы, отчисление, прохождение практики и трудоустройство.

Отчисление нередко отражало распространенные в советский период практики борьбы с инакомыслием, без какого-либо явного национального подтекста. Согласно утверждениям иранского посольства, иранская подданная Н. Ананьева была отчислена из строительного техникума в г. Пенза по причине социального происхождения ее отца. Из Восточного сектора ВОКС был направлен запрос директору техникума. В ответе указывалось, что студентка была отчислена не за социальное происхождение, а за «разлагательство студенческой массы», и в качестве аргумента была представлена выписка из заседания профкома техникума, организованного совместно с ячейкой ВЛКСМ. В выписке конкретизирован характер «разлагательства»: оно осуществлялось «проводимыми на квартире вечерами и елочными праздниками»⁹. В посольство было сообщено, что причиной отчисления Н. Ананьевой

⁷ Asnadi az madares-e irani dar kharej va madares-e khareji dar Iran (1301–1317). Be kushesh-e I. Abadi [Иранские школы за рубежом и иностранные школы в Иране: документы (1922–1938) / под ред. И. Абади]. Tehran : Ministry of Culture and Islamic Guidance, 2002. P. 84. (На персидском языке).

⁸ Daneshjuyan-e irani dar Orupa. Asnad (az sal-e 1307 ta 1313). Be kushesh-e A. Navaii, E. Malekzadeh [Иранские студенты в Европе. Документы (с 1928 по 1934) / под ред. А. Наваи, Э. Малекзаде]. Tehran : National Library & Archives of the I.R. of Iran, 2003. P. 137–138. (На персидском языке).

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 97. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКВД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

стало давление общественных организаций техникума¹⁰. Очевидно, что свою роль сыграло и ужесточение норм контроля ритуалов повседневности со стороны партийных структур на рубеже 1920–1930-х гг. (Лебина, 1999, с. 139).

Однако отчисления происходили по самым прозаическим причинам, например, из-за плохой посещаемости. Студентка Московского фармацевтического техникума З. Григорьян в течение первого курса учебы редко посещала занятия, и в 1930 г. была отчислена. Через посольство З. Григорьян в своем прошении аргументировала свое отсутствие на занятиях болезнью, а именно опухолью конечностей в связи с морозами. В ВОКС, ходатайствуя за иранскую студентку, выдвинули довод: «Она приехала издалека учиться, и в наших интересах вовлекать персидскую учащуюся молодежь в орбиту влияния советской культуры»¹¹. Однако в техникуме не вняли этой аргументации и отметили, что З. Григорьян была принята на первый курс в 1928/29 учебном году, училась плохо, но была оставлена на второй год в качестве исключения. В первом полугодии 1929/1930 учебного года студентка получила несколько неудовлетворительных зачетов и пропустила более 20 % занятий, что и стало причиной отчисления¹².

Родство как положительный фактор

При ходатайствах за иранских подданных учитывались их родственные связи. Например, иранское посольство просило ВОКС поддержать С. Рафат, выпускницу Первого Московского государственного медицинского института 1930 г., при трудоустройстве в одну из больниц г. Махачкалы,

поскольку ее супруг был управляющим вице-консульством Ирана¹³. Данная просьба была выполнена после согласования с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД), причем ВОКС мотивировало необходимость поддержки ходатайства тем фактом, что эта женщина была дочерью известного востоковеда, сотрудника Института востоковедения СССР М.А. Гафарова, который попросил за нее лично в ВОКС¹⁴. В результате рекомендации со стороны ВОКС и НКВД сыграли свою роль, и С. Рафат смогла устроиться на работу в больницу. Однако уже через год консульство было закрыто, и семья дипломата переехала в Тегеран, где С. Рафат смогла открыть свою медицинскую практику¹⁵.

Высокопоставленные родственники стремились обеспечить лучшие условия для получения образования иранских студентов. Например, генеральный консул Ирана в Ташкенте М. Керим-хан обратился к уполномоченному НКВД по Узбекской ССР В.И. Соловьеву с просьбой возбудить ходатайство о переводе своего племянника М.-К. Алиева, студента юридического факультета Бакинского госуниверситета, в Московский университет в связи с переездом по семейным обстоятельствам. Причем очевидно, что в отличие от своих московских коллег — иранских дипломатов — он еще не разобрался в той роли, какую играло ВОКС. Посольство обычно писало напрямую в ВОКС, минуя структуры НКВД, а иранский консул обратился к уполномоченному НКВД, который, в свою очередь, передал просьбу М. Керим-хана в Восточный отдел НКВД С.К. Пастухову, через которого письмо попало в ВОКС и было направлено в Главное

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 95. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКВД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 59. Л. 35-35об. Переписка с НКВД. 20 января 1930–11 июня 1930 г.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Вице-консульство Ирана было открыто в Петровске (Махачкала) в начале 1870-х гг. См.: (Плиева и др., 2022, с. 86).

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 146. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКВД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

¹⁵ Mojavez-e tababat-e doktor Safiyeh Ra'fatjah [Разрешение на медицинскую практику доктора Сафие Рафатджах] // Donya-ye zanan dar asr-e Qajar [Миры женщин в эпоху Каджаров]. (На персидском языке). URL: <http://www.qajarwomen.org/fa/items/14134A29.html> (accessed: 09.10.2024).

управление профессионального образования (Главпрофобр), которое вынесло положительное решение¹⁶. Таким образом, в республиках СССР слабо представляли, что ВОКС обладает определенным весом в советской иерархии и может при согласовании своей позиции с НКВД отстаивать интересы иностранных подданных.

В 1928 г. посольство ходатайствовало за иранского выпускника Высшей технической школы г. Аахен (Германия) А. Моэда по поводу прохождения им практики на бакинских нефтепромыслах. Иранец планировал приехать к родителям в Баку на каникулы, стремясь одновременно и побыть с родными, и подзаработать. Для этого он обратился в посольство, которое направило его обращение в ВОКС. Референт по Востоку А. Н. Урванцева была вынуждена заниматься устройством на практику этого студента: она получила согласие председателя правления Азнефти М. В. Барина и уведомила об этом иранское посольство¹⁷. ВОКС постепенно втягивалось в бюрократическую волокиту, на которую у общества не было ни сил, ни средств. Однако, по всей видимости, здесь сыграл свою роль факт наличия родственников в Баку, поскольку на ходатайство посольства за другого иранского студента — А. Афшара, выпускника Берлинской высшей технической школы, — был получен отрицательный ответ из-за отсутствия вакансий¹⁸. В конце 1920-х гг. студенчество действительно сталкивалось с тем, что мест для прохождения практики не хватало и это приводило к проблемам в учебном процессе¹⁹ для всех категорий студентов.

Отсутствие гарантии успеха

Посольство, а также иранские студенты воспринимали ВОКС как одну из инстанций, которая обычно по роду своей деятельности

выступала в качестве «покровителя» иностранцев в советской системе, и использовали его ресурсы, чтобы протолкнуть решение тех или иных вопросов. Иранский подданный П. Насери в сентябре 1928 г. приехал поступать в один из техникумов Москвы с рекомендацией от советского консула в Мешхеде. Несмотря на то, что ходатайства ВОКС столкнулись с сопротивлением со стороны Главпрофобра (там указывали на окончание срока приема документов), поддержка НКВД возымела действие и студент был принят на рабфак им. Калинина на государственную стипендию. Однако по причине болезни родителей он был вынужден уехать обратно в Иран и работать в различных советских учреждениях — конторе «Шарк», «Бюроперс». Это демонстрирует, что даже в случае успешного ходатайства со стороны ВОКС (то есть траты ресурсов на переписку, обсуждение, дискуссии с профильными ведомствами) отдельные студенты так и не прошли обучение в СССР.

Вместе с тем не всегда положительные рекомендации со стороны советских дипломатов определяли исход дела. Несвоевременная подача документов была главной проблемой многих иранских абитуриентов, и доводы ВОКС и сотрудников НКВД не оказывали влияния на принятие решений в структурах Наркомата просвещения (Наркомпроса). Это, безусловно, следует рассматривать как недоработку со стороны абитуриентов, которые несвоевременно направляли документы. Например, в августе 1928 г. выпускник русско-персидской школы в Тегеране Г. Могадас через полпредство направил заявление о поступлении в один из вузов столицы. Как подчеркнул заведующий генеральным консульством в Тегеране, заявление и автобиография были написаны абитуриентом самостоятельно — действительно, каллиграфическим почерком на чистом русском языке, что говорит о том, что советская школа в Тегеране

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 17. Иран. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 156. Иран. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

¹⁸ Там же. Л. 175.

¹⁹ Пушкин И. Некоторые итоги летней практики // Красное студенчество. 1928. № 5. С. 4.

справилась со своей задачей в области культурной дипломатии: был подготовлен нацеленный на обучение в СССР абитуриент с прекрасным русским языком. Более того, в своей автобиографии²⁰, понимая «правила игры» в советской административной системе, Г. Могадас привел рекомендации от бывшего генконсула в Тегеране Н.П. Итви (Подгорного) и военного атташе полпредства А.А. Бобрищева. Однако в Наркомпросе не стали заниматься подбором вуза и отказали Г. Могадасу в приеме на формальных основаниях в связи с истечением сроков приема документов, тем самым сведя на нет усилия педагогов советской школы в Иране и советской культурной дипломатии²¹. Хотя были и примеры успешной карьеры выпускников Тегеранской совшколы (Ravandi-Fadai & McNeer, 2023).

Иногда дело доходило до курьезов. В 1927 г. советский вице-консул по Дерезго-Келатскому району В. Кораблев ходатайствовал перед ВОКС за иранского подданного А. Исмаил-заде и просил найти для него место на одном из рабфаков Москвы. Референт ВОКС по Востоку А.Н. Урванцева смогла добиться, чтобы Наркомпрос выделил место, предназначенное для политэмигрантов, для этого иранца. Однако так как А. Исмаил-заде был госслужащим, то для получения загранпаспорта ему потребовалось уволиться, что ему сделать не позволили. Тогда отчаявшийся иранец сказал советскому дипломату, что он бросит службу и будет нелегальными путями пробиваться в Москву. В. Кораблев не поддержал подобный авантюризм и не одобрил это решение²². Тем не менее из данного случая видно, что зачастую ресурсы и время сотрудников ВОКС и советских дипломатов затрачивались впустую.

ВОКС как представитель интересов иностранных студентов

Факт положительного влияния ВОКС на ход того или иного дела приводил к тому, что иранские студенты обращались за помощью повторно, превращаясь в постоянных «клиентов». Особенно это касается студентов, уже поступивших в те или иные советские вузы, например, в национальных республиках или региональных центрах, но стремившихся в Москву или Ленинград, а также тех студентов, которые поступали в учебное заведение не того профиля, на который рассчитывали. Например, в 1928 г. студент сельскохозяйственного факультета Государственного университета Армении С. Ишхани через посольство обратился в ВОКС с просьбой перевести его в Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева²³. Студент экономического факультета Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова М.З. Григориан в 1928 г. обратился в посольство с просьбой о поддержке его заявления о переводе на промышленное отделение Промышленно-экономического института им. А.И. Рыкова, и ВОКС смогло добиться от руководства данного института его зачисления на 3-й курс²⁴.

Очевидно, что иностранные подданные обращались в ВОКС не только исходя из восприятия данного общества как «покровителя» иностранцев, особенно стран Востока, то есть заручившись поддержкой одного советского института при взаимодействии с другим. Они действовали по определенной инерции: вместо «внутренних» советских ресурсов отстаивания интересов, например, профсоюзных, они задействовали те ресурсы, к которым привыкли как иностранцы. Служащий

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 44об. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 63. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²² ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 78. Л. 227. Протокол совещания ВОКС о культурной работе в Персии. Октябрь 1926 — декабрь 1927 г.

²³ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 145. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²⁴ Там же. Л. 75.

Московско-Курской железной дороги, персидский подданный А. Нагизаде, будучи членом профсоюза работников железнодорожного транспорта, вместо того чтобы попасть на учебу на курсы по профсоюзной линии, попытался сделать это через ВОКС, но ходатайство не оказало действия, поскольку руководство школы перенаправило его в профсоюз²⁵. Данный шаг со стороны ВОКС представляется не очень логичным, поскольку по своим целям ВОКС следовало работать прежде всего с теми категориями иностранцев, которые были связаны со студенчеством, интеллектуальными кругами, а не с каждым иностранцем по определению. Влияние на то, что ВОКС решило поддержать этого иранца, скорее оказал факт рекомендации со стороны иранского посольства.

Представляется, что проблему представляла формулировка аргументов со стороны ВОКС при направлении ходатайств в приемные комиссии. С одной стороны, эти аргументы были верными с точки зрения продвижения советских интересов за рубежом, а с другой — могли трактоваться как попытка затратить государственные средства впустую. В некоторых случаях иранское посольство писало в ВОКС, что будущий студент взял на себя обязательство после получения образования выехать в Иран и устроиться на работу. В качестве примера можно привести И. Юзбашеву, абитуриентку Химико-технологического института в Ленинграде, или Н.Г. Лазареву, поступавшую в Московский строительный техникум²⁶. Это было абсолютно логично с точки зрения иранских государственных институтов в условиях проводившейся Реза-шахом модернизации. Для ВОКС и советских дипломатов из НКИД затраты на обучение иранской молодежи в СССР оправдывались

целями культурной дипломатии, то есть создания ориентированной на СССР прослойки образованных молодых профессионалов. Однако эта аргументация шла вразрез с необходимостью подготовки специалистов для советского модернизационного проекта, а значит, у сотрудников вузов не было мотивации поддерживать такие ходатайства.

В 1928 г. были облегчены условия прохождения вступительных испытаний в вузы для иранских подданных, причем лоббировало это иранское посольство через ВОКС. В результате Наркомпрос РСФСР распорядился, что абитуриенты из Ирана имеют право на отсрочку испытаний по русскому языку и обществоведению при условии удовлетворительных знаний по специальным предметам — математике и физике²⁷. Несмотря на это, в начале 1930-х гг. в ВОКС отмечали, что в последнее время ходатайства о приеме персидских подданных в советские учебные заведения оставались неудовлетворенными, поскольку мест в вузах не оставалось²⁸.

Не помогала и поддержка со стороны советских дипломатов на местах. Генконсул СССР в Тебризе С.И. Сычев рекомендовал к поступлению в различные вузы Советского Союза выпускников русско-персидской школы, однако никто из них не был принят, поскольку иностранные граждане поступали на общих основаниях, и не было издано какого-либо специального постановления НКИД, которое поддержало бы данное ходатайство перед приемной комиссией вузов²⁹. Также проблемы с поступлением были связаны с тем, что иногда учеба могла быть просто предлогом для пребывания в СССР. Это отмечалось в переписке между НКИД и ВОКС. Заведующий Первым Восточным отделом НКИД С.К. Пастухов отмечал, что

²⁵ ГАРФ.Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 59. Л. 56, 56об. Переписка с НКИД. 20 января 1930–11 июня 1930 г.

²⁶ ГАРФ.Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 104. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

²⁷ ГАРФ.Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 29. Л. 132. Иран. Переписка с уполномоченным ВОКС в Иране. 15 января 1928–19 сентября 1928 г.

²⁸ ГАРФ.Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 71. Л. 126. Заявление персидского подданного студента Ахмедова Сурур Джабар Заде и переписка с НКИД. 04 января 1931–03 мая 1931 г.

²⁹ Там же. Л. 101.

некоторые иранские подданные, стремясь поступить на курсы или в вузы, «в действительности занимаются незаконными деяниями в целях обоснования своего пребывания в Москве»³⁰.

Заключение

Таким образом, деятельность ВОКС включала в себя взаимодействие с будущей интеллигенцией и образованной молодежью — работу с абитуриентами и студентами советских вузов из Ирана. Теоретически этот аспект работы ВОКС выглядел привлекательно, поскольку позволял направить ориентированного на Советский Союз иранца по нескольким образовательным ступеням — сначала в русско-персидскую школу на территории Ирана, а потом — в один из вузов СССР для окончательного формирования мировоззрения, дружественного к стране победившей революции. Однако реализация этой теории сталкивалась с рядом сложностей, которые в итоге привели к тому, что ВОКС, не обладая достаточными ресурсами, было вынуждено работать «по ситуации», без четко определенной тактики действий.

Во-первых, СССР не рассматривался иранским правительством в качестве основного направления для отправки студентов как по причине недоверия к коммунистической идеологии, так и в связи с тем, что система высшего образования в СССР в конце

1920-х — начале 1930-х гг. только складывалась и на фоне систем высшего образования европейских государств выглядела менее привлекательно. По этой причине иранские абитуриенты, направлявшиеся в СССР, не могли рассчитывать на государственную стипендию и гарантию трудоустройства.

Во-вторых, ВОКС не было организацией, которая принимала бы окончательное решение относительно приема абитуриентов, и успешность ходатайств зависела от разных факторов: родственных связей студента, поддержки иранского посольства или НКВД, времени подачи заявления и т. д. Общество формально было общественной организацией, чьи рекомендации могли приниматься во внимание, а могли быть отвергнуты. Его реальный вес в советской ведомственной иерархии был небольшим, и оно не всегда добивалось успеха в решении вопросов. Это отрицательно влияло на системность работы ВОКС.

В-третьих, привлечение иностранных студентов в период индустриализации не было первоочередной государственной задачей в СССР, так как главным приоритетом было обеспечение подготовки собственных кадров. Тем не менее положительные аспекты опыта ВОКС — внимательное отношение к каждому потенциальному студенту, оказание ему поддержки в период адаптации в инокультурной среде, могут быть востребованы в практике специалистов современного Россотрудничества.

Поступила в редакцию / Received: 04.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 04.09.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Арабаджян З.А. Иранская модернизация 1926–1941 гг. Москва : ИВ РАН, 2022. EDN: FFBCFK
- Генис В.Л. Абуль Гасим Зарре (1899–1938) // Иран: история и современность / под. ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. Москва : ИВ РАН, 2014. С. 121–131. EDN: UBZAYJ
- Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. EDN: VXAGGN

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 180. Л. 16. Переписка с Наркоматом иностранных дел. Январь 1930–19 декабря 1931 г.

- Груздинская В.С., Демьянов К.В. Академическая мобильность советских ученых и ВОКС: опыт взаимодействия и сотрудничества в 1920-е гг. // Индустриальные города: научное и техническое наследие : сб. статей по материалам IX науч. школы молодых ученых ИИЕТ РАН / отв. ред. Р.А. Фандо, П.А. Захарчук, Н.А. Ростовская. Москва : Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2024. С. 65–70. EDN: ВРАКVV
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 гг. Москва : Новое литературное обозрение, 2015.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. Москва : ИД Высшей школы экономики, 2021.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. Санкт-Петербург : Журнал «Нева» — Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. EDN: RYEBBF
- Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад А. Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>; EDN: CUOVIK
- Сурков М.Ю. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии советско-иранских отношений (1925–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. EDN: QMRTDO
- Шумилова А.С. Формирование и развертывание системы обучения иностранных студентов в вузах Советского Союза // Журнал российских исследований. 2022. № 7. С. 53–65. <https://doi.org/10.48068/rusad.1126681>; EDN: SZEDZI
- Amanat A. Iran. A Modern History. New Haven ; London : Yale University Press, 2017.
- Arasteh R. Education and Social Awakening in Iran. Leiden : E.J. Brill, 1962.
- Azizi M.-H., Azizi F. Government-Sponsored Iranian Medical Students Abroad (1811–1935) // Iranian Studies. 2010. Vol. 43, iss. 3. P. 349–363. <https://doi.org/10.1080/00210861003693885>
- Bu L. Education and International Cultural Understanding // Teaching America to the World and the World to America / ed. by R. Garlit, L. Jarvinen. New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 111–133. https://doi.org/10.1057/9781137060150_6
- Fayet J.-F. VOKS: Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Chêne-Bourg : Georg éditeur, 2014.
- Gheidari A., Shohani A. Tarbiyyat-e movarrekha ya tarbiyyat-e mo'allem: e'zam-e daneshjuyan-e reshte-ye tarikh va joграфия be Orupa (1307–1312): angizha, sazokarha va natayej [Подготовка историков-профессионалов или учителей: отправка студентов для обучения по специальности история и география в Европу (1928–1933): мотивы, механизмы и результаты] // Tarikh-e Iran [История Ирана]. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 83–111. (На персидском языке). <https://doi.org/10.52547/irhj.15.2.83>
- Global Exchanges : Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World / ed. by L. Tournès, G. Scott-Smith. New York, Oxford : Berghahn Books, 2018. <https://doi.org/10.2307/j.ctvw04fqt>
- Kirasirova M. The Eastern International : Arabs, Central Asians, and Jews in the Soviet Union's Anticolonial Empire. Oxford : Oxford University Press, 2024. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197685693.001.0001>
- Marashi A. Nationalizing Iran : Culture, Power, and the State. Seattle, WA : University of Washington Press, 2008.
- Martin B.G., Piller E.M. Cultural Diplomacy and Europe's Twenty Years' Crisis, 1919–1939: Introduction // Contemporary European History. 2021. Vol. 30, iss. 2. P. 149–163. <https://doi.org/10.1017/S096077732000065X>; EDN: RMIVGL
- Matin-Asgari A. Iranian Student Opposition to the Shah. Costa Mesa, CA : Mazda Publishers, 2002.
- Menashri D. Education and the Making of Modern Iran. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1992.
- Moradinezhad H., Pezhum-Shariati P. Pazhuheshi darbare-ye ferestadan-e daneshju be kharej dar dowre-ye Ghajar va Pahlavi [Исследование отправки студентов за границу в период правления династии Каджаров и Пехлеви] // Name-ye olum-e ejtema'yi [Вестник социальных наук]. 1974. No. 4. P. 90–115. (На персидском языке).
- Perraton H. Foreign Students in the Twentieth Century: A Comparative Study of Patterns and Policies in Britain, France, Russia and the United States // Policy Reviews in Higher Education. 2017. Vol. 1, iss. 2. P. 161–186. <https://doi.org/10.1080/23322969.2017.1303788>; EDN: CSYYRR
- Poormohamadi Amlashi N., Rahmani S., Khazani M. Barresi-ye siyasat-e dowlat-e Pahlavi-ye avval nesbat be bazgasht-e mohajeran-e irani az Shuravi [Политика правительства Ирана в период правления первого шаха династии Пехлеви по отношению к возвращению иранских эмигрантов из СССР] // Tarikh-e Iran ba'd az Eslam [История Ирана после ислама]. 2023. Vol. 14, no. 36. P. 53–82. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/jiiph.2023.53396.2366>

- Ravandi-Fadai L.* “Red Mecca” — The Communist University for Laborers of the East (KUTV): Iranian Scholars and Students in Moscow in the 1920s and 1930s // *Iranian Studies*. 2015. Vol. 48, iss. 5. P. 713–727. <https://doi.org/10.1080/00210862.2015.1058640>; EDN: UFHUUR
- Ravandi-Fadai L., McNeer K.* Shadows in the Garden: Women Agents Underground and Communist Activism in Mid-20th Century Iran. Part II // *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost*. 2023. No. 3. P. 127–134. <https://doi.org/10.31857/S086919080025674-8>; EDN: OCMZKU
- Smeplass E.* Neo-Institutional Perspectives on VET: Organisational Legitimacy and Adaptation in Institutional Landscapes // *Journal of Vocational Education & Training*. 2025. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/13636820.2025.2476069>
- Taher Ahmadi M.* Ravabet-e Iran va Shuravi dar dowre-ye Reza Shah [Отношения Ирана и СССР в период правления Резы-шаха]. Tehran : Centre for Documents and Diplomatic History, 2005. (На персидском языке).
- Tronchet G.* Diplomatie universitaire ou diplomatie culturelle ? La Cité internationale universitaire de Paris entre deux rives (1920–1940) // *La Babel étudiante* / ed. by D. Kévonian, G. Tronchet. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2013. P. 59–88. <https://doi.org/10.4000/books.pur.112094>
- Volkov D. V.* Russia’s Turn to Persia : Orientalism in Diplomacy and Intelligence. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781108645270>
- Walton W.* National Interests and Cultural Exchange in French and American Educational Travel, 1914–1970 // *Journal of Transatlantic Studies*. 2015. Vol. 13, iss. 4. P. 344–357. <https://doi.org/10.1080/14794012.2015.1088329>

Сведения об авторе:

Сурков Максим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет; Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; eLibrary SPIN-код: 6635-5446; ORCID: 0000-0002-9219-3254; e-mail: maksim.surkov@urfu.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-610-623

EDN: IJJVAK

Научная статья / Research article

Роль международного сотрудничества в реализации ЦУР 3 в Латинской Америке на примере ЕС и КНР

А.Ю. Борзова , А.Р. Борзов , Е.А. Пивень

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 borzova_ayu@pfur.ru

Аннотация. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) приняли Цели устойчивого развития (ЦУР) и включают эти цели в планы развития. Пандемия коронавируса усугубила социально-экономическую ситуацию в регионе, что негативно отразилось на достижении ЦУР, и больше всего на ЦУР 3 (хорошее здоровье и благополучие). Слабые темпы постковидного восстановления поставили вопрос о выработке региональной стратегии по обеспечению самодостаточности в вопросах здравоохранения и производства лекарств, расширении межрегионального взаимодействия, совместных научных исследований, использовании цифровых технологий. В Латинской Америке был принят План по обеспечению самодостаточности в вопросах здравоохранения для региона, подготовлена Повестка дня по устойчивому развитию здравоохранения в Америках на 2018–2030 гг., где наряду с необходимостью увеличения инвестиций в инфраструктуру здравоохранения отмечается важность межрегионального сотрудничества. Цель исследования — сравнить подходы Европейского союза (ЕС) и Китая в содействии развитию системы здравоохранения в ЛАКБ. ЕС принял стратегию Global Gateway (2021), где заявляет о расширении стратегического и экономического интереса к региону. Китай продолжает развивать инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), дополняя ее «Шелковым путем здоровья» и «Цифровым шелковым путем». В качестве методологии авторы опираются на теорию властного транзита, принципы историзма и научной объективности и проблемно-хронологический подход. Сделан вывод, что китайское содействие развитию региона носит долгосрочный, комплексный характер в рамках реализации концепции «единой судьбы человечества», а ЕС стремится изменить в свою пользу складывающуюся конфигурацию отношений КНР и ЛАКБ, расширяя свои позиции в проектах возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и здравоохранения. В свою очередь ЕС начинает определять для себя Китай, чье влияние в регионе уже фактически сопоставимо с американским, как системную угрозу наряду с соперничеством за регион, развернувшимся между ЕС и США. Последнее на фоне увеличения расходов европейских государств на оборону также будет содействовать расширению сотрудничества стран ЛАКБ с Китаем.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, здравоохранение, COVID-19, вакцины, фармацевтика, Европейский союз, ЕС, Global Gateway, КНР, развитие

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Борзова А.Ю.: концептуализация, разработка методологии исследования, обеспечение данных, подготовка черновика рукописи. Борзов А.Р.: визуализация, обеспечение данных, работа с программным обеспечением. Пивень Е.А.: обеспечение данных, проведение исследования, редактирование рукописи.

© Борзова А.Ю., Борзов А.Р., Пивень Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Борзова А.Ю., Борзов А.Р., Пивень Е.А. Роль международного сотрудничества в реализации ЦУР 3 в Латинской Америке на примере ЕС и КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 610–623. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-610-623>

The Role of International Cooperation in the Implementation of SDG 3 in Latin America: The Case of the EU and China

Alla Yu. Borzova , Artem R. Borzov , Elena A. Piven

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 borzova_ayu@pfur.ru

Abstract. The countries of Latin America and the Caribbean (LAC) have adopted the Sustainable Development Goals (SDGs) and incorporated these goals into their development plans. The coronavirus pandemic worsened the socio-economic situation in the region, negatively impacting the achievement of the SDGs, particularly SDG-3 (good health and well-being). The weak pace of the post-COVID recovery raised the issue of developing a regional strategy to ensure self-sufficiency in healthcare and pharmaceutical production, expanding interregional cooperation, joint scientific research, and the use of digital technologies. Latin America has adopted the Regional Health Self-Sufficiency Plan and the Sustainable Health Agenda for the Americas 2018–2030, which emphasizes the significance of interregional cooperation, along with the need to increase investment in healthcare infrastructure. The purpose of the article is to compare the approaches of the European Union (EU) and China in promoting the development of the healthcare system in LAC. In 2021, the EU adopted the Global Gateway strategy, thereby declaring its expanding strategic and economic interest in the region. China continued developing the Belt and Road Initiative (BRI), complementing it with the Health Silk Road (HSR) and the Digital Silk Road (DSR). The authors rely on the theory of power transition, the principles of historicism and scientific objectivity, and a problem-chronological approach as their methodology. They conclude that China's assistance to the region's development is long-term and comprehensive, within the framework of implementing the concept of a "shared future for humanity," while the EU is seeking to transform the emerging configuration of relations between China and the LAC region by expanding its position in renewable energy and healthcare projects. In turn, the EU is beginning to view China as a systemic threat. China's influence in the region is now comparable to that of the United States, and there is ongoing rivalry between the EU and the United States for control of the region. Against the backdrop of increasing defense spending by European states, this will also facilitate closer cooperation between LAC countries and China.

Key words: SDGs, healthcare, COVID-19, vaccines, pharmaceuticals, European Union, EU, Global Gateway, China, development

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. A.Yu. Borzova: conceptualization, development of research methodology, data collection, manuscript drafting. A.R. Borzov: visualization, data collection, software development. E.A. Piven: data collection, research execution, manuscript editing.

For citation: Borzova, A. Yu., Borzov, A. R., & Piven, E. A. (2025). The role of international cooperation in the implementation of SDG 3 in Latin America: The case of the EU and China. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 610–623. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-610-623>

Введение

Проблемы развития, содействия в развитии регулярно поднимаются мировым сообществом, и в 2015 г. принятие 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) всеми государствами — членами ООН в рамках Повестки

дня в области устойчивого развития до 2030 г. (далее — Повестка 2030) стало всеобщим призывом к конкретным действиям и мобилизации ресурсов по искоренению нищеты, развитию здравоохранения, повышению качества жизни людей, а также противостоянию климатическим изменениям.

Динамика достижений и проблем в реализации ЦУР в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ) рассматривается в научных монографиях Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН) (Цифровая трансформация в Латинской Америке..., 2023), в работах ряда авторов (Мартынов, Борзова, Некрасов, 2020), где выявляются причины снижения темпов в достижении ЦУР. Пандемия нанесла серьезный ущерб экономике региона, усилила политическую нестабильность, выявила неспособность системы здравоохранения выработать эффективный ответ на глобальную угрозу (Волосюк, Школяр, 2021). Уроки пандемии¹, вектор развития здравоохранения и проблемы достижения заявленных индикаторов ЦУР 3 исследованы в ряде работ (Rubinstein, 2025; Ortiz-Prado et al., 2021; Lessons from Regional Responses to Security..., 2024). И в этом плане интерес представляет изучение помощи внерегиональных акторов в постпандемийном восстановлении ЛАКБ, прежде всего со стороны Европейского союза (ЕС) (Тайар, Пономарев, 2023; Косевич, 2023; Corral et al., 2018) и Китайской Народной Республики (КНР)². Сопоставление европейской помощи региону в развитии здравоохранения с китайским «Шелковым путем здоровья», выявление достижений и проблем в ее реализации приобретает особую актуальность в условиях быстро меняющейся глобальной ситуации, развития украинского конфликта (Яковлев, 2022) и изменения внешнеполитических приоритетов США.

В теоретико-методологическом плане исследование опирается на теорию властного транзита, принципы историзма и научной объективности, а также

проблемно-хронологический подход. В рамках избранной теории логика международного поведения государств определяется шестью компонентами, которые составляют индекс национального потенциала, и динамика их изменений влияет на способности к лидерству (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 213). Конкуренция за лидерство в Латиноамериканском регионе приводит к изменению баланса сил, однако в данном случае она вряд ли приведет к серьезным конфликтам, поскольку динамично развивающаяся Китайская Народная Республика наращивает там свое влияние, опираясь на торговлю, углубление технического сотрудничества, финансирование инвестиционных проектов, а ЕС в рамках «теории транзита альянса» расширяет свое влияние через торговлю, инвестиции, официальную помощь развитию в виде различных программ. Однако влияние США (что не входит в задачу данного исследования) в военной, экономической, инвестиционной сферах не стоит недооценивать, и это делает выбранную теорию весьма актуальной.

Индикаторы ЦУР для ЛАКБ

В 2016 г. в Латинской Америке была создана координационная группа по разработке индикаторов ЦУР для региона³, а также были подготовлены единые критерии, что содействовало унификации подходов и возможности получить представление о реальной ситуации в каждой стране, чтобы выявить направления для регионального и межгосударственного взаимодействия по ЦУР⁴.

На IX заседании Статистической конференции стран (Мексика, 2017 г.) были определены

¹ Esteves P. Latin America's Uncoordinated Response in Tackling COVID-19 // South African Institute of International Affairs: Policy Insights. 2020. Vol. 97. P. 1–17. URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2020/12/Policy-Insights-97-Esteves.pdf> (accessed: 12.03.2025).

² Heldt E.C. China's 'Health Silk Road' Offensive: How the West Should Respond // Global Policy. 2020. Vol. 12, iss. 5. P. 1–3. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/09/12/2020/chinas-health-silk-road-offensive-how-west-should-respond> (accessed: 12.03.2025). См. также: (Сафронова, 2021; Арсентьева, 2024).

³ Grupo de coordinación estadística para la Agenda 2030 en América Latina y el Caribe. Objetivos de Desarrollo Sostenibles — ODS // CEPAL. URL: <https://www.cepal.org/es/organos-subsidiarios/conferencia-estadistica-americas/grupo-coordinacion-estadistica-la-agenda-2030-america-latina-caribe> (accessed: 25.03.2025).

⁴ Indicadores priorizados para el seguimiento de los ODS en América Latina y el Caribe // Agenda 2030 en América Latina y el Caribe. URL: <https://agenda2030lac.org/estadisticas/indicadores-priorizados-seguimiento-ods.html> (accessed: 25.03.2025).

154 индикатора ЦУР для региона, из которых 120 относятся к глобальной системе, 30 введены дополнительно, и 4 — косвенные. Эти 154 индикатора охватили все 17 ЦУР и включили 94 из 169 задач, входящих в глобальную систему показателей⁵. С 2017 г. стал ежегодно проводиться Форум по устойчивому развитию, который превратился в региональный механизм по реализации Повестки-2030, и страны предоставляют там добровольные отчеты по ЦУР, а показатели по их достижению включаются в стратегии развития (Мартынов, Борзова, Некрасов, 2020, с. 116–117).

Наибольшее число индикаторов — 29 — было разработано для ЦУР 3, поскольку именно в области здравоохранения страны Латинской Америки столкнулись со значительными трудностями, и за последние годы прогресс замедлился в таких областях, как материнская смертность, смертность от неинфекционных заболеваний и доступ к основным услугам в области здравоохранения⁶. Наряду с глобальными задачами на региональном уровне были поставлены цели, связанные со снижением распространения ВИЧ/СПИД, планированием семьи, уменьшением числа ранних браков и раннего материнства.

Проблемы в области здравоохранения после COVID-19

В 2019 г. первый Глобальный индекс безопасности в сфере здравоохранения (Global Health Security Index, GHS Index) представил развернутую ситуацию по странам мира.

Бразилия, Аргентина, Чили и Мексика вошли в список наиболее благополучных стран по предотвращению появления и распространения патогенов (22, 25, 27 и 28-е места), а за ними с большим отрывом следовали Эквадор, Перу, Коста-Рика, Колумбия и Сальвадор. Наиболее серьезными возможностями для сдерживания эпидемий обладают Бразилия и Чили, а самые эффективные системы здравоохранения работают в Аргентине, Мексике, Никарагуа, Бразилии и Перу. Остальные страны ЛАКБ, по мнению специалистов, находятся в зоне риска, а политическая нестабильность, климатические изменения и ряд других негативных факторов могли привести к распространению пандемии⁷.

Появление в 2019 г. и распространение коронавируса показали неоднозначность этих выводов. Бразилия, Аргентина, Колумбия и Чили, которые по данным GHS 2019 обладали наиболее эффективной системой здравоохранения, оказались в числе стран с наибольшим числом заболевания и смерти от COVID-19. Латинская Америка вообще наиболее сильно пострадала от пандемии: население региона составляет 8,4 % от мировой популяции, но на него пришлось 20,1 % заболевших и 38 % умерших от этой инфекции к 30 августа 2021 г.⁸ В 2024 г. ситуация значительно не улучшилась, и процент вакцинированного населения по странам сильно различается (табл. 1).

Принимаемые странами меры сводились к вакцинированию населения, однако этого оказалось недостаточно при отсутствии собственных вакцин и дефицита закупаемых вакцин у внешних производителей⁹.

⁵ Capacidades nacionales para la producción de los indicadores de los Objetivos de Desarrollo Sostenible // Agenda 2030 en América Latina y el Caribe. URL: <https://agenda2030lac.org/estadisticas/capacidades-nacionales-produccion-indicadores-ods.html> (accessed: 25.03.2025).

⁶ The Challenge of Accelerating the 2030 Agenda in Latin America and the Caribbean: Transitions towards Sustainability // ECLAC. April 12, 2024. URL: <https://www.cepal.org/en/publications/69133-challenge-accelerating-2030-agenda-latin-america-and-caribbean-transitions> (accessed: 25.03.2025).

⁷ Индекс GHS. Глобальный индекс безопасности в сфере здравоохранения. Укрепление взаимодействия и прозрачности // GHS Index. 2019. URL: https://ghsindex.org/wp-content/uploads/2020/12/NTI_RussianGHSIndex.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

⁸ Health at a Glance: Latin America and the Caribbean // OECD. April 18, 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/health-at-a-glance-latin-america-and-the-caribbean-2023_532b0e2d-en.html (accessed: 25.03.2025).

⁹ Esteves P. Latin America's Uncoordinated Response in Tackling COVID-19 // South African Institute of International Affairs: Policy Insights. 2020. Vol. 97. P. 1–17. URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2020/12/Policy-Insights-97-Esteves.pdf> (accessed: 12.03.2025).

Таблица 1. Ключевые показатели по заболеваемости, смертности и вакцинированию от коронавируса в Латинской Америке на 28 июня 2024 г.

Страна	Численность заболевших, чел.	Численность умерших, чел.	Количество доз вакцин на 100 человек	Процент полностью вакцинированного населения на 23.12.2022	Количество вакцин, выделенных в рамках программы COVAX на 22.09.2023
Бразилия	37 511 921	702,116	225,92	82,3	25 882 560
Аргентина	10 113 117	130,686	257,04	83,5	7 066 000
Мексика	7 618 633	334,537	175,02	64,1	34 618 440
Колумбия	6 390 900	142,727	175,29	72,4	30 131 880
Чили	5 401 026	62,730	341,08	92,6	2 307 800
Перу	4 526 977	220,975	248,47	86,1	8 261 570
Гватемала	1 250 370	20,203	114,11	41,1	6 593 140
Коста-Рика	1 234 701	9,372	262,06	84,1	2 559 330
Боливия	1 212 145	22,387	120,18	53,4	8 649 260
Куба	1 113 662	8,530	410,23	88,3	Вакцина не поступала
Эквадор	1 077 288	36,050	219,79	80,6	6 345 330
Панама	1 044 821	8,748	201,72	73,3	484 320
Уругвай	1 041 329	7,682	264	83,3	148 800

Источник: составлено А.Р. Борзовым по данным: Number of Confirmed Cases of the Novel Coronavirus (COVID-19) in Latin America and the Caribbean as of July 28, 2024, by Country // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1101643/latin-america-caribbean-coronavirus-cases/> (accessed: 25.03.2025).

В Чили использовалась китайская вакцина *Sinovac*, в Мексике — *AztraZeneca* («Оксфордская вакцина»), в Аргентине — «Спутник V» (производитель — Россия). Бразилия закупила 600 млн доз у разных производителей: *Pfizer/BioNTech* (разработана немецкой биотехнологической компанией *BioNTech* при сотрудничестве с американской *Pfizer* и китайской *Fosun Pharma*) — 300 млн, *AztraZeneca* — 102 млн, *Sinovac* — 100 млн, *CanSino Biologics* (китайская вакцина) — 60 млн, *Janssen* (Нидерланды) — 38 млн доз¹⁰, а ряд стран полагался на гуманитарную помощь по программе COVAX, всемирной инициативе по обеспечению равного доступа к вакцине странам с низким и средним уровнях дохода.

В индексе GHS 2021 лидерами по готовности предотвращать, обнаруживать

биологические угрозы и реагировать на них уже стали Мексика (25-е место), Чили (28-е место), Перу (32-е место), Аргентина (34-е место), Панама (37-е место), Колумбия (38-е место), Бразилия (43-е место) и Эквадор (44-е место), а остальные страны сильно отставали по всем показателям¹¹. В октябре 2024 г. Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) совместно с Панамериканской организацией здравоохранения (ПАОЗ) подготовили доклад о системе здравоохранения в ЛАКБ, где было отмечено, что пандемия COVID-19 усугубила ситуацию, которая в сочетании с кризисом развития ставит под угрозу достижения ЦУР 3: «Неравенство в доступе к здравоохранению, разрывы в качестве получаемой помощи и высокие расходы из кармана населения не только подчеркивают срочность увеличения

¹⁰ Number of Confirmed Doses of COVID-19 Vaccines for Brazil as of June 1, 2022, by Vaccine Producer (In Millions) // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1288270/brazil-confirmed-doses-covid-vaccine/> (accessed: 25.03.2025).

¹¹ Leading Countries Based on the Global Health Security (GHS) Index in Latin America in 2021 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1105787/latin-america-global-health-security-index-overall/> (accessed: 25.03.2025).

расходов на общественное здравоохранение наряду с эффективным управлением ресурсами, но и выявляют необходимость продвижения в финансовой устойчивости инвестиций для укрепления устойчивости систем здравоохранения»¹².

Региональная стратегия по развитию системы здравоохранения

В сложившейся ситуации встал вопрос о пересмотре региональной стратегии в сфере здравоохранения, изменении приоритетов, связанных с производственным и технологическим потенциалом. Одна из задач по увеличению расходов государства на здравоохранение остается недостижимой: расходы на общественное здравоохранение в ЛАКБ

возросли на 25 % в 2000–2014 гг. в период «золотого десятилетия», однако в 2015–2019 гг. эти расходы снизились, что было вызвано кризисными явлениями в экономике. Это, в свою очередь, усугубило ситуацию после начала пандемии. В 2021 г. средние расходы составили 4,5 % от валового внутреннего продукта (ВВП), и только треть стран региона достигли целевого показателя в 6 % ВВП, предложенного ПАОЗ/ВОЗ (табл. 2).

В 2021 г. только 61 % от расходов на здравоохранение выделялись из средств государственного бюджета, 28 % — покрывались за счет так называемых «выплат из кармана», то есть оплаты услуг населением, что углубляло неравенство в доступе к медицинской помощи, ведь к 2023 г. 22,5 % населения региона находилось за чертой бедности¹³.

Таблица 2. Выделение средств на здравоохранение в 2021–2023 гг.

Страна	Доля ВВП на здравоохранение в 2021 г., %	Расходы на здравоохранение на душу населения, долл. США	Число врачей общей практики и специалистов на 1000 чел. в 2023 г.
Аргентина	9,71	1 045 (2021)	4
Боливия	8,16	761 (2021)	2,4
Бразилия	10,7	1 258 (2023)	2,5
Чили	9,0*	2 699 (2022)	3
Колумбия	9,02	1 640 (2022)	3
Коста-Рика	7,57	1 658 (2022)	3,5
Эквадор	8,29	494 (2022)	2,9
Гватемала	6,90	341 (2022)	0,4
Мексика	6,08	1 181 (2022)	3
Панама	9,68	1 415 (2022)	2,4
Перу	6,16	412 (2021)	1,9
Уругвай	9,36	1 620 (2021)	5

Примечание. * — доля ВВП Чили указана за 2022 г.

Источник: составлено А.Р. Борзовым по данным: Number of Confirmed Cases of the Novel Coronavirus (COVID-19) in Latin America and the Caribbean as of July 28, 2024, by Country // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1101643/latin-america-caribbean-coronavirus-cases/> (accessed: 25.03.2025).

¹² ECLAC and PAHO Call for Prioritizing Investment in Health to Reduce Inequality and Achieve the SDGs in Latin America and the Caribbean // ECLAC. October 21, 2024. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/eclac-and-paho-call-prioritizing-investment-health-reduce-inequality-and-achieve-sdgs> (accessed: 25.03.2025).

¹³ Latin American Economic Outlook 2024: Financing Sustainable Development // OECD. URL: <https://doi.org/10.1787/c437947f-en> (accessed: 25.03.2025).

Чили вышла на первое место по расходам в системе здравоохранения на душу населения, значительными стали расходы Уругвая, Панамы, Колумбии, Коста-Рики и Бразилии. В Эквадоре государственная система здравоохранения предоставляет бесплатную медицинскую помощь всем жителям, но доступ к ней ограничен в сельской местности, в связи с чем расходы граждан из собственного бюджета доходят до 33,83 %. Схожая ситуация наблюдается в Боливии, Сальвадоре, Никарагуа, Доминиканской Республике, Белизе, Суринаме, Гайане, Гондурасе и Гаити, где около 90 % населения проживает в условиях нищеты. По числу врачей общей практики и специалистов также наблюдаются большие различия. Самый высокий показатель отмечается на Кубе — примерно 8,4 врача на 1000 человек, самый низкий — на Гаити (0,2 врача на 1000 человек), в среднем по региону этот показатель составляет 3,5 на 1000 человек¹⁴.

Как отметил Хосе Мануэль Салазар-Ширинакс, исполнительный секретарь ЭКЛАК, «в секторе здравоохранения сохраняются хроническое недофинансирование, фрагментация и сегментация систем здравоохранения. Сейчас как никогда ранее необходимы существенные преобразования в моделях развития региона, при этом здравоохранение является ключевым фактором для расширения социальной защиты и движения к более продуктивному, инклюзивному и устойчивому развитию»¹⁵.

Во время председательства Мексики в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) в 2021 г. был подготовлен План по обеспечению самодостаточности в вопросах здравоохранения для региона¹⁶, а на саммите СЕЛАК в Аргентине (2023) была подчеркнута важность обеспечения преемственности принятого плана и одобрен План санитарной самодостаточности стран, в основе которого лежит не только закупка и распределение лекарств, но и поддержка исследований и технологического развития, направленных на разработку и производство собственных медикаментов¹⁷.

Для реализации этих решений ПАОЗ приняла Стратегический план на 2020–2025 гг.¹⁸, где представлен расширенный индекс здоровья — *Sustainable Health Index Expanded Plus (SHIe+)* с комплексом показателей, затрагивающих экономическую, социальную и экологическую ситуацию. Этот план стал основой для Повестки дня по устойчивому развитию здравоохранения в Америках на 2018–2030 гг. (*Sustainable Health Agenda for the Americas 2018–2030, SHAA2030*), где выделено 11 целей, которые затрагивают проблему сокращения неравенства в доступе к услугам здравоохранения, увеличения продолжительности жизни, снижения смертности, борьбы с недоеданием, ранними браками, курением и наркотиками, а также улучшения положения женщин (Rubinstein, 2025). На реализацию программ на 2024–2025 гг. ПАОЗ выделила 700 млн долл. США, а ассигнования Программного бюджета

¹⁴ Health at a Glance: Latin America and the Caribbean // OECD. April 18, 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/health-at-a-glance-latin-america-and-the-caribbean-2023_532b0e2d-en.html (accessed: 25.03.2025).

¹⁵ ECLAC and PAHO Call for Prioritizing Investment in Health to Reduce Inequality and Achieve the SDGs in Latin America and the Caribbean // ECLAC. October 21, 2024. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/eclac-and-paho-call-prioritizing-investment-health-reduce-inequality-and-achieve-sdgs> (accessed: 25.03.2025).

¹⁶ Plan for Self-Sufficiency in Health Matters in Latin America and the Caribbean: Lines of Action and Proposals // ECLAC. September 18, 2021. URL: <https://www.cepal.org/en/publications/47253-plan-self-sufficiency-health-matters-latin-america-and-caribbean-lines-action-and> (accessed: 25.03.2025).

¹⁷ VII Summit of Heads of State and Government of the Community of Latin American and Caribbean states (CELAC) Declaration of Buenos Aires. Buenos Aires, January 24, 2023 // EU — LAC. URL: <https://eulacfoundation.org/sites/default/files/attachments/Declaration%20of%20Buenos%20Aires.pdf> (accessed: 25.03.2025).

¹⁸ Strategic Plan of the Pan American Health Organization 2020–2025: Equity at the Heart of Health. URL: <https://iris.paho.org/handle/10665.2/52473> (accessed: 25.03.2025).

ВОЗ на программы для региона составляют 295,6 млн долл. США¹⁹.

Наряду с необходимостью увеличения инвестиций в инфраструктуру здравоохранения ПАОЗ также указывает на важность развития межрегионального сотрудничества.

Межрегиональные проекты ЕС и стран ЛАКБ по развитию здравоохранения

Отношения ЕС и ЛАКБ за 25 лет после Первого межрегионального саммита в 1999 г. получили всестороннее развитие (Unión Europea y América Latina..., 2020). В сфере здравоохранения первым шагом стал многоаспектный проект *EUROsociAL*, включающий программу «Укрепление сектора здравоохранения в Латинской Америке как вектора социальной сплоченности». В рамках одного из аспектов указанного проекта *EUROsociAL/Salud (2005–2009)* со стороны ЕС была оказана техническая помощь странам ЛАКБ в развитии системы управления в медицинских службах и оказания качественной первичной помощи. Проект финансировался ЕС при координации Испании, Бразилии и Колумбии и поддерживал инициативы по равному доступу к услугам здравоохранения, разработке политики общественного здравоохранения, развитию кадров и рациональному распределению лекарственных средств (Salgado, 2024).

Проект «Здравоохранение ЕС — Латинская Америка и Карибы (2011–2017): дорожная карта для совместных исследований в области здравоохранения» был направлен на развитие научно-технических исследований и создание экспертных сетей. В ЕС эти расходы доходили до 18 % от общих расходов на НИОКР, а в Латинской Америке — 9,5 %²⁰. Результатом

проекта стало создание Стратегической дорожной карты по программам научных исследований в здравоохранении и последующее финансирование 13 проектов с ориентировочной суммой в 16 млн евро. Странами с самым высоким уровнем участия исследователей стали Германия, Испания, Аргентина, Чили, Эквадор, Уругвай, Польша и Бразилия (Corral et al., 2018).

Пандемия изменила это сотрудничество. Для борьбы с коронавирусом ЕС предоставил региону 3 млрд евро на поддержку здравоохранения, поставил более 130 млн доз вакцин, стал ведущим спонсором программы COVAX, по которой в регион поступило более 50 млн доз вакцины²¹. В 2020 г. ЕС переориентировал программы сотрудничества на борьбу с пандемией, выделив на это 918 млн евро, а Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) — еще 325 млн евро (Тайар, Пономарев, 2023, с. 117). ЕС выработал механизмы по координации действий, используя инструменты программы *EUROsociAL* для управления чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения (Косевич, 2023).

По программе ЕС *Global Gateway (2021–2027)* для ЛАКБ предусмотрено 48,7 млрд евро для реализации в течение 4 лет примерно 130 проектов в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ), сокращения инвестиционного разрыва, цифрового перехода, а также развития здравоохранения и образования²². На саммите ЕС — СЕЛАК (2023 г.) была принята Дорожная карта ЕС — СЕЛАК на 2023–2025 гг., в рамках которой были подписаны соглашение между ЕС и ПАОЗ на сумму 3,8 млн евро о партнерстве для доступа стран региона к новым технологиям, проведению совместных

¹⁹ Alignment of PAHO — WHO Planning and Budget Frameworks. URL: <https://www.who.int/about/accountability/budget/programme-budget-digital-platform-2024-2025/alignment-of-paho-who-planning-and-budget-frameworks> (accessed: 25.03.2025).

²⁰ EU — LAC Health // COHRED. URL: <https://www.cohred.org/eulac/> (accessed: 25.03.2025).

²¹ EU — Latin America and Caribbean Leaders' Meeting Via Video Conference, 2 December 2021 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2021/12/02/> (accessed: 25.03.2025).

²² EU — LAC Global Gateway Investment Agenda // European Commission. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/eu-lac-global-gateway-investment-agenda_en (accessed: 25.03.2025).

исследований²³, а также декларация о создании Цифрового альянса. В 2024 г. была запущена Инициатива Team Europe как часть проекта *EUROsocial*, в рамках которой планируется мобилизовать более 1 млрд евро с вкладом ЕС в размере 268 млн евро для укрепления медицинских институтов и содействия социальным инновациям в регионе ЛАКБ²⁴.

Китайский «Шелковый путь здоровья» в ЛАКБ

Наряду с развитием инициативы ОПОП Китай в 2016 г. в Пекинском коммюнике о сотрудничестве в области здравоохранения выдвинул предложение о создании «Шелкового пути здоровья» (Health Silk Road, HSR), подписал Меморандум о взаимопонимании в 2017 г. и план действий по сотрудничеству с ВОЗ²⁵. Проект HSR был предложен как часть ОПОП, что вызвало дискуссии о целях Китая, в рамках которой деятельность Китая оценивалась неоднозначно — от его стремления заменить существующую систему управления здравоохранением до улучшения существующих институтов (Zeng, Ding & Liu, 2023; Xu & Wang, 2022). По мнению А. Сантьяго и К. Родригеса, цели инициативы состояли в укреплении инфраструктуры здравоохранения, усилении международного сотрудничества в изучении болезней и контроле за их распространением, а также продвижении китайской модели развития здравоохранения как альтернативы западной модели (Santiago & Rodrigues, 2023).

В Латинской Америке наиболее значимыми проектами HSR стало строительство трех госпиталей в Эквадоре в 2013, 2015 и 2018 гг., однако пандемия коронавируса кардинально изменила ситуацию (Zeng, Ding & Liu, 2023).

Китай стал первым, кто организовал воздушный мост по доставке необходимых материалов и врачей в Венесуэлу, Колумбию, Перу, Боливию, Бразилию, Эквадор, Гайану, Чили, Аргентину и Уругвай. В 2020 г. Китай выделил 215 млн долл. США на средства индивидуальной защиты (СИЗ), ПЦР-тесты, аппараты искусственной вентиляции легких (ИВЛ), и почти половина этой суммы — 100 млн долл. США — была предназначена для Венесуэлы. Колумбия получила гуманитарную помощь от Китая на сумму 1,5 млн долл. США, а компании Alibaba, Huawei и Three Gorges направили медикаменты (на 1,5 млн долл. США) в Перу, Боливию и Аргентину. Tencent Global Foundation пожертвовал 2,2 тонны медицинского оборудования (120 000 масок и 5000 защитных костюмов), а China National Petroleum Corporation (CNPC) отправила 9,3 тонны расходных материалов в Эквадор (Fuenzalida & Fulchéron, 2020). В Чили было доставлено 15 тонн оборудования на сумму в 2,5 млн долл. США. Китайская помощь пришла даже в те страны, которые поддерживают отношения с Тайванем: так, в Парагвай через посольство Бразилии была передана помощь на 53 тыс. долл. США (Сафронова, 2021). В 2020 г. КНР заявила о предоставлении кредита в 1 млрд долл. США странам региона для приобретения китайских вакцин²⁶. США, озабоченные

²³ Global Gateway: EU Builds New Partnership for Improved Latin American and Caribbean Health Technologies with Pan American Health Organization // European Commission. July 17, 2023. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/news-and-events/news/global-gateway-eu-builds-new-partnership-improved-latin-american-and-caribbean-health-technologies-2023-07-17_en (accessed: 25.03.2025).

²⁴ EU Launches New Initiative for More Inclusive and Equitable Societies // FIAP. March 27, 2023. URL: <https://www.fiap.gob.es/en/noticias/eu-launches-new-initiative-for-more-inclusive-and-equitable-societies/> (accessed: 25.03.2025).

²⁵ Lo C., van de Pas R. China's Global Health Diplomacy: Possibilities and Limitations for Cooperation // Maastricht University. 2023. URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/files/143732052/China_Global_Health_Diplomacy.pdf (accessed: 12.03.2025).

²⁶ Ray R., Albright C.Z., Wang K. China — Latin America Economic Bulletin: 2021 Edition. Boston: Boston University Global Development Policy Center, 2021. URL: https://www.bu.edu/gdp/files/2021/02/China-LatAm-Econ-Bulletin_2021.pdf (accessed: 12.03.2025).

ситуацией с коронавирусом в своей стране, за тот же период выделили странам ЛАКБ всего 153 млн долл. США для закупки СИЗ²⁷.

В 2021 г. КНР приступила к совместному производству и распространению вакцин: *Sinovac* — в Бразилии и Чили, *Sinopharm* — в Аргентине и Перу, *CanSino* и *Walvax* — в Мексике. *Sinovac* производит 100 млн доз вакцины *CoronaVac* в Сан-Паулу, Перу начало распространение 300 000 доз вакцины *Sinopharm* в феврале 2021 г., Мексика одобрила одноразовую вакцину *CanSino* и заказала 7 млн доз²⁸. Программа вакцинации в Чили стала одной из самых передовых в мире, и почти три четверти ее доз вакцины были заказаны у *Sinovac*. Эта активная гуманитарная помощь, так же как и китайские вакцины, улучшила общественное мнение о Китае в странах ЛАКБ и повысила его репутацию по сравнению с США²⁹. Вся антиковидная кампания Китая в регионе проходила под лозунгами об укреплении сотрудничества в борьбе «против общего врага» и создания китайско-латиноамериканского «сообщества общего будущего» как важной ступени к формированию «сообщества единой судьбы всего человечества» (Сафронова, 2021, с. 189–190).

В Плане действий КНР и СЕЛАК (Vadell, 2021) в разделе по здравоохранению была поставлена задача совместного производства и разработок вакцин, а также обмена передовыми практиками в области клинической медицины. КНР открыла доступ к льготным кредитам для строительства инфраструктуры

здравоохранения в государствах региона и выразила готовность продолжать проведение операций по удалению катаракты в рамках проекта *Brightness Action*³⁰.

Проблемы фармацевтической промышленности в ЛАКБ

Пандемия показала, что важным аспектом для борьбы с заболеваниями является производство собственных вакцин. Однако если доля региона в мировом экспорте товаров в 2020 г. составила 5,4 %, то доля в мировом фармацевтическом экспорте — лишь 0,7 % и имеет тенденцию к снижению: она сократилась на 32 % с пикового значения в 7,1 млрд долл. США в 2012 г. до 4,9 млрд долл. США в 2020 г. В итоге эти страны испытывают постоянный дефицит в обеспечении лекарствами, и их импорт в 2020 г. в шесть раз превысил экспорт (Ortiz-Prado et al., 2021).

В 2023 г. Бразилия имела самый развитый фармацевтический рынок, объем которого составил 37,3 млрд долл. США, затем шла Мексика (12,9 млрд долл. США). В 2021 г. Бразилия импортировала лекарства на 11 млрд долл. США, а экспорт сократился с 1,57 млрд долл. США в 2014 г. до 1,24 млрд долл. США в 2023 г.³¹ В Бразилии на страны ЕС приходится более 50 % импортных лекарств (в основном из Бельгии и Германии), а доля американских лекарств составляет 12 %³².

²⁷ Rudolf M. China's Health Diplomacy During COVID-19 The Belt and Road Initiative (BRI) in Action // SWP Comment. 2021. No. 9. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/256670/1/2021C09.pdf> (accessed: 12.03.2025).

²⁸ Ray R., Albright C.Z., Wang K. China — Latin America Economic Bulletin: 2021 Edition. Boston: Boston University Global Development Policy Center, 2021. URL: https://www.bu.edu/gdp/files/2021/02/China-LatAm-Econ-Bulletin_2021.pdf (accessed: 12.03.2025).

²⁹ Heldt E.C. China's 'Health Silk Road' Offensive: How the West Should Respond // Global Policy. 2020. Vol. 12, iss. 5. P. 1–3. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/09/12/2020/chinas-health-silk-road-offensive-how-west-should-respond> (accessed: 12.03.2025). См. также: (Urdinez, 2024).

³⁰ China — CELAC Joint Action Plan for Cooperation in Key Areas (2022–2024) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. December 7, 2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2020zt/kjgzbdffyq/202112/t20211207_10463459.html (accessed: 25.03.2025).

³¹ Pharma Market Value in Latin America 2023, by Country (In billion U.S. dollars) // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/418021/revenue-from-pharmaceutical-industry-in-latin-america-by-major-country/> (accessed: 25.03.2025).

³² Фармрынок вокруг света: Латинская Америка // RNC Pharma. 15.03.2024. URL: <https://telegra.ph/Farmrynok-vokrug-sveta-Latinskaya-Amerika-03-15?ysclid=m87mp7daao722470778> (accessed: 25.03.2025).

Расходы на исследования в области фармацевтики и биотехнологии с 2019 по 2023 г. в мире выросли со 180 до 255 млрд долл. США, на ИТ — с 220 до 300 млрд долл. США, а на медицинское оборудование — с 15 до 20 млрд долл. США³³. В ЛАКБ только Бразилия выделяет 1,1 % от ВВП на НИОКР³⁴, в том числе на клиническую медицину, биологию и биохимию, нейронауки, иммунологию, биотехнологию, робототехнику. Институт *Fiocruz* является крупнейшим исследовательским центром и производителем вакцин в Латинской Америке, и Бразилия стремится к расширению сотрудничества в медицинских исследованиях.

В 2022 г. Евросоюз запустил проект со странами региона, направленный на обмен технологиями в фармацевтической промышленности, укрепление устойчивости здравоохранения для борьбы с эндемичными и новыми заболеваниями³⁵. Однако в ЕС доминируют крупные транснациональные фармацевтические компании, главная задача которых — получение прибыли, и гармонизация интересов между ними и странами ЛАКБ, где медицинские технологии и производство осуществляются в государственных учреждениях за счет государственных инвестиций, затруднительна³⁶. Споры, связанные с патентами и правами интеллектуальной собственности на лекарства, остаются самыми сложными в отношениях ЕС и Латинской Америки во многом из-за позиции фармацевтического сектора, который вносит серьезный вклад в ВВП самого ЕС³⁷.

Что касается Китая, то в 2022 г. компания *Sinovac* приступила к строительству предприятий по производству вакцин в Чили и Колумбии, а также подписала соглашение о техническом сотрудничестве с Эквадором. В 2021 г. Китай приступил к строительству трех госпиталей в Чили, в 2023 г. в Перу начал строиться госпиталь *Tambobamba*, а в 2024 г. — лаборатория *BGI Genomics* в Уругвае. В 2023 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между КНР и Бразилией, в частности, между Китайской академией наук и *Fiocruz* была достигнута договоренность о создании Китайско-бразильского центра исследований и профилактики инфекционных заболеваний с разработкой технологий для тестирования и диагностики заболеваний и совместного производства вакцин (Zeng, Ding & Liu, 2023).

Вклад Китая в систему здравоохранения ЛАКБ связан не только с передовыми технологиями и возможностью их передачи, инновационным медицинским оборудованием и лекарствами, но и с обеспечением препаратами из активных фармацевтических ингредиентов, которые он производит для всего мира (834 производителя этих ингредиентов в Китае против 13 в Бразилии в 2023 г.) (Santiago & Rodrigues, 2023).

На Глобальном саммите по готовности к пандемии (Рио-де-Жанейро, 29–30 июля 2024 г.) президент *Fiocruz* М. Морейро отметил, что трудности, с которыми сталкиваются страны Глобального Юга, все больше усугубляются концентрацией глобальных цепочек

³³ Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship // World Intellectual Property Organization (WIPO). 2024. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (accessed: 25.03.2025).

³⁴ Ibid.

³⁵ EU — Latin America and Caribbean Partnership: Manufacturing Vaccines, Medicines and Health Technologies and Strengthening Health Systems in Latin America // European Commission. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/partnership-manufacturing-vaccines-medicines-and-health-technologies-and-strengthening-health_en (accessed: 25.03.2025).

³⁶ Cimini F., Bayerlein M., Villarreal P. A., Schwebel F. Exploring New Interregional Opportunities for Pharmaceutical Supply Chains: The Potential of Mercosur Countries to Advance the EU's Global Health Strategy // SWP Comment. 2024. No. 5. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2024C05/> (accessed: 25.03.2025).

³⁷ EU4Health Programme 2021–2027 — A Vision for a Healthier European Union // European Commission. URL: https://health.ec.europa.eu/funding/eu4health-programme-2021-2027-vision-healthier-european-union_en (accessed: 25.03.2025).

поставок в сфере здравоохранения в странах Глобального Севера, что препятствует доступу к медицинским материалам и технологиям, таким как вакцины, лекарства, диагностические реагенты, медицинское оборудование и средства индивидуальной защиты³⁸.

В этом плане Китай демонстрирует серьезные преимущества в сравнении с ЕС. Китай рассчитывает, что HSR поможет создать прочную основу для инвестиций в медицинскую инфраструктуру «следующего поколения», что предполагает интеграцию с Цифровым шелковым путем, телемедицину и другие цифровые приложения, внедрение новейших технологий, таких как Интернет, технологии больших данных, спутниковая навигация и искусственный интеллект, в том числе и в медицине, взаимодействие с проектом ОПОП. Так, по состоянию на 2023 г. выделенный Китаем объем средств на ОПОП по всему миру превысил 1 трлн долл. США, а *Global Gateway* предусматривает лишь 300 млрд долл. США на 2021–2027 гг. Руководство ЕС отдает себе отчет, что растущее геополитическое влияние КНР (наряду с ростом торговли, инвестиций, инфраструктурных проектов) представляет проблему, и это нашло отражение в докладе Европарламента, опубликованном в 2025 г.³⁹ Именно поэтому ЕС начинает определять для себя Китай как «системную угрозу, в русле, более похожем на США»⁴⁰, которые также угрожают интересам стран Евросоюза в этом регионе.

Заключение

Страны ЛАКБ серьезно подошли к реализации ЦУР, разработали единые региональные индикаторы наряду с глобальными, и наиболее приоритетной целью для государств региона стала ЦУР 3, поскольку формирование здорового общества тесно связано с другими

целями: борьбой с голодом и неравенством, развитием образования, формированием здоровой среды и противостоянием климатическим изменениям. Пандемия коронавируса выявила крайнюю уязвимость системы здравоохранения в ЛАКБ, ее неспособность противостоять распространению инфекции и обеспечить население достаточным количеством вакцин. В результате ПАОЗ совместно с ЭКЛАК разработали региональную стратегию по совершенствованию системы здравоохранения с конкретными рекомендациями для каждой страны и выделением средств на реализацию программ по обеспечению региональной самодостаточности в этой области, что нашло отражение в Плане SHAA2030, рассчитанном на 2024–2025 гг.

Наряду с необходимым ростом государственных затрат для совершенствования национальных систем здравоохранения и доступности населения к базовым услугам борьба с пандемией выявила серьезные пробелы в развитии высокотехнологичного фармацевтического производства в странах Латинской Америки, доступности медицинских препаратов и наличии квалифицированных кадров. Важным компонентом решения данной проблемы здесь стало расширение международного сотрудничества, доступ к новым технологиям в производстве лекарств, подготовке кадров, цифровизации медицинских услуг.

ЕС в рамках программы *EUROsocial* развивает это взаимодействие, однако коммерческие интересы в «вакцинной дипломатии» нанесли ущерб имиджу Европы в отличие от Китая, который организовал воздушный мост по доставке в ЛАКБ необходимых медицинских средств, и это значительно улучшило восприятие Китая вопреки глобальной кампании по его

³⁸ Global Pandemic Preparedness Summit 2024. URL: <https://cepi.net/gpps> (accessed: 25.03.2025).

³⁹ China's Increasing Presence in Latin America: Implications for the European Union EPRS // European Parliament. February 2025. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769504/EPRS_BRI\(2025\)769504_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769504/EPRS_BRI(2025)769504_EN.pdf) (accessed: 25.03.2025).

⁴⁰ Lewkowicz J. Beyond the Belt and Road? What's Next for the EU in Latin America // Dialogue Earth. September 26, 2024. URL: <https://dialogue.earth/en/business/beyond-the-belt-and-road-whats-next-for-the-eu-in-latin-america/> (accessed: 25.03.2025).

дискредитации в связи с происхождением вируса. В этой связи проект HSR получил серьезный импульс к развитию, укрепляя инициативу ОПОП.

ЕС активизировал свою деятельность в ЛАКБ, приняв ряд новых программ и проектов, однако у ЕС имеются определенные ограничения в помощи развитию, в частности фармацевтической промышленности в регионе ЛАКБ, связанные с интересами и потенциальным снижением доходов крупных европейских корпораций — производителей лекарств. Позиция Китая отличается от европейской, поскольку он готов делиться технологиями производства вакцин, обеспечивая справедливый доступ к качественным медицинским продуктам, а также строит госпитали, готовит кадры,

что, в свою очередь, укрепляет его доминирование в ЛАКБ.

Здравоохранение становится одной из тех сфер, где соперничество возрастает, поскольку КНР выделяет значительно больший объем средств на его модернизацию в ЛАКБ. Можно рассматривать программу Global Gateway как европейский ответ на инициативу ОПОП, однако мы видим экономическую стагнацию ЕС, потерю лидерства в ключевых технологиях, снижение финансовой составляющей, отсутствие четких процедур для реализации проектов. Рост разногласий между ЕС и США, увеличение европейских расходов на оборону в связи с украинским конфликтом также негативно отразятся на сотрудничестве Евросоюза с ЛАКБ, что неизменно приведет к укреплению позиций КНР.

Поступила в редакцию / Received: 28.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 22.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 8.09.2025

Список литературы

- Арсентьева И. И. Цифровой Шелковый путь КНР: вызовы и возможности для региона Латинской Америки и Карибского бассейна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 51–64. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64>; EDN: EUXXHM
- Волосюк О. В., Школяр Н. А. Латинская Америка в борьбе с коронавирусом: влияние на экономическую и политическую стабильность региона // Ибероамериканские тетради. 2021. Т. 9, № 2. С. 28–47. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-2-28-47>; EDN: WVZJHR
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 2. С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>; EDN: PXYZEE
- Косевич Е. Ю. ЕС — Латинская Америка: институты сотрудничества и доверие к ним латиноамериканцев // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 2. С. 114–129. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-114-129>; EDN: WUEKDW
- Мартынов Б. Ф., Борзова А. Ю., Некрасов Б. И. Амазонский пакт в контексте целей устойчивого развития // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 4. С. 108–126. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.3>; EDN: ZBXPEI
- Сафронова Е. И. Китайско-латиноамериканские отношения в контексте пандемии COVID-19 // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 179–199. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-179-199>; EDN: KSDJKQ
- Тайар В. М., Пономарев Е. А. Трансрегиональное сотрудничество Евросоюза с Латинской Америкой: перспективы, возможности, ограничения // Современная Европа. 2023. № 6. С. 110–125. <https://doi.org/10.31857/S0201708323060104>; EDN: XXQSIW
- Цифровая трансформация в Латинской Америке / отв. ред. Л. Н. Симонова. Москва : Институт Латинской Америки РАН, 2023. EDN: UMFZEK
- Яковлев П. П. Европа и Латинская Америка: неоднозначное прошлое, проблемное настоящее, неясное будущее // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3. С. 15–43. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.03.01>; EDN: VWGQSI

- Corral T., de Román M., Gómez-Núñez A., Gómez-Núñez A. J., Mourenza B. et al. Healthy Bi-Regional Connection: The EU — LAC Health Initiative Has Promoted Equitable and Collaborative Health Research and Innovation // Health Research Policy and Systems. 2018. Vol. 16. P. 1–7. <https://doi.org/10.1186/s12961-018-0390-1>
- Fuenzalida A. F., Fulcheron A. China's Health Diplomacy in Latin America: A Silk Road of Health? The Case of SARS-CoV-2 // Journal of Public Governance and Policy: Latin American Review. 2020. No. 6. P. 49–62. URL: <https://journalofpublicgovernance.cucea.udg.mx/index.php/jpgp/article/download/7875/5720/24939> (accessed: 25.03.2025).
- Lessons from Regional Responses to Security, Health, and Environmental Challenges in Latin America / ed. by I. Ganchev. Wilmington, DE : Vernon Press, 2024.
- Ortiz-Prado E., Espín E., Vásconez J., Rodríguez-Burneo N., Kyriakidis N. C., López-Cortés A. Vaccine Market and Production Capabilities in the Americas // Tropical Diseases, Travel Medicine and Vaccines. 2021. Vol. 7, no. 1. P. 1–11. <https://doi.org/10.1186/s40794-021-00135-5>; EDN: FTREUP
- Rubinstein A. How Latin American Health Care Systems Will Respond to the Next Crises? Lessons and Challenges After the COVID-19 Pandemic // Archives of Medical Research. 2025. Vol. 56, iss. 1. P. 1–2. <https://doi.org/10.1016/j.arcmed.2024.103069>; EDN: CRDRCE
- Salgado C. The Place of Health in the EU — CELAC Interregional Cooperation from 2005 to 2023: A Historical, Empirical and Prospective Analysis // Globalization and Health. 2024. Vol. 20, no. 1, P. 1–15. <https://doi.org/10.1186/s12992-024-01059-3>; EDN: TQFKBM
- Santiago A. R., Rodrigues C. The Impact of the Health Silk Road on Global South Countries: Insights from Brazilian Health Agents // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1250017>; EDN: NPDLRT
- Unión Europea y América Latina: Una asociación estratégica para los desafíos globales / ed. por H. Casanueva. Madrid : Marcial Pons, Ediciones Jurídicas y Sociales, 2020. <https://doi.org/10.2307/j.ctvlgrb9fj>
- Urdinez F. Undermining U.S. Reputation: Chinese Vaccines and Aid and the Alternative Provision of Public Goods during COVID-19 // The Review of International Organizations. 2024. Vol. 19. P. 243–268. <https://doi.org/10.1007/s11558-023-09508-1>; EDN: QAQLZJ
- Vadell J. China's Bilateral and Minilateral Relationship with Latin America and the Caribbean: The Case of China — CELAC Forum // Area Development and Policy. 2021. Vol. 7, iss. 2. P. 187–203. <https://doi.org/10.1080/23792949.2021.1974907>
- Xu J., Wang Yu. China's Health Silk Road: A Way Forward for Global Health Equity in a Post-Pandemic World // Journal of Global Health Economics and Policy. 2022. Vol. 2. P. 1–3. <https://doi.org/10.52872/001c.36044>; EDN: LFEIYI
- Zeng W., Ding M., Liu H. China's Health Silk Road Construction During the COVID-19 Pandemic // Global Public Health. 2022. Vol. 18, iss. 1. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/17441692.2023.2185799>; EDN: HMYMRA

Сведения об авторах:

Борзова Алла Юрьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 6759-3585; ORCID: 0000-0002-9886-7977; e-mail: borzova_ayu@pfur.ru

Борзов Артем Рамилевич — аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Медицинский институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0009-0007-4310-3527; e-mail: 1042210171@rudn.university

Пивень Елена Анатольевна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Медицинский институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 2847-1819; ORCID: 0000-0002-4688-0926; e-mail: piven_ea@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-624-634

EDN: IHRMDS

Научная статья / Research article

Изучение русского языка в Китае: история, текущее состояние, проблемы и перспективы

И.В. Цвык¹ , Г.И. Цвык² ¹ Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Москва, Российская Федерация² Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация galya_91@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена важностью поддержки и продвижения русского языка как инструмента гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, а также стратегического характера российско-китайских отношений. В контексте динамичного развития двусторонних связей подготовка высококвалифицированных китайских специалистов, владеющих русским языком, становится ключевым фактором эффективного взаимодействия в экономической, научно-технической и культурной сферах. Выявлены особенности текущего состояния изучения русского языка в Китайской Народной Республике (КНР). Теоретико-методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и исторических методов и подходов. История изучения русского языка в Китае насчитывает более трех столетий, начиная с основания в 1708 г. Русской школы в Пекине. Пик популярности русского языка пришелся на 1950-е гг. и был обусловлен союзническими отношениями Советского Союза и КНР. Затем последовал спад интереса к русистике, связанный с ухудшением двусторонних отношений, и лишь с началом проведения в Китае политики реформ и открытости в 1978 г. интерес к изучению русского языка начал постепенно восстанавливаться, выйдя на высокий уровень с развитием российско-китайского стратегического партнерства в начале XXI в. На современном этапе русский язык занимает устойчивые позиции как один из наиболее востребованных иностранных языков в КНР, уступая по распространенности лишь английскому и японскому. Ведущую роль в консолидации русистов и методической поддержке преподавателей русского языка играет Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Среди ключевых проблем в изучении русского языка в Китае авторы выделяют использование устаревших методик обучения, делающих акцент на грамматике, а не на коммуникативных навыках, недостаток современных учебных материалов, географическую концентрацию центров изучения русского языка в северо-восточных регионах Китая, а также ограниченные карьерные перспективы выпускников-русистов, не имеющих дополнительной специализации. В качестве решения предложено активнее внедрять модель «Язык плюс специальность», которая готовит специалистов, владеющих не только русским языком, но и компетенциями в конкретных профессиональных областях (экономика, право, технические науки), что в большей степени отвечает запросам российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: образование, изучение, российско-китайские отношения, история, гуманитарная политика, Университет МГУ — ППИ в Шэньчжэне

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Цвык И.В., Цвык Г.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Цвык И. В.: разработка концепции исследования, написание текста, редактирование материала. Цвык Г. И.: разработка концепции исследования, подбор и анализ источников и литературы, разработка методологии исследования, выбор источниковой базы, написание текста. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Цвык И. В., Цвык Г. И. Изучение русского языка в Китае: история, текущее состояние, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 624–634. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-624-634>

Studying the Russian Language in China: Historical Background, Current State, Problems and Prospects

Irina V. Tsuyk¹ , Galina I. Tsuyk²

¹ Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

² Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 galya_91@mail.ru

Abstract. The relevance of this research is underpinned by the importance of supporting and promoting the Russian language as an instrument of the Russian Federation’s humanitarian policy abroad, coupled with the strategic significance of the comprehensive partnership of our country with the People’s Republic of China (PRC). Against the backdrop of rapidly intensifying Russian-Chinese relations, the training of highly qualified Chinese specialists proficient in Russian has emerged as a critical factor for effective cooperation in economic, scientific, technological and cultural spheres. In this context, the purpose of this article is to evaluate the current state of Russian language education in China. In this research the authors employed a combination of general scientific and historical methods. The foundation was formed by the historical and problem-chronological methods and approaches. The history of Russian language learning in China spans over three centuries, commencing with the establishment of the Russian Language Institution in Beijing in 1708. A peak in popularity of Russian language study occurred in the 1950s, fueled by the Soviet-Chinese alliance relations, followed by a decline during the subsequent deterioration of bilateral ties. A renewed phase of growth began after China introduced its reform and opening-up policy in 1978, gaining further momentum with the development of the strategic partnership between Russia and China at the beginning of the 21st century. At present, the Russian language maintains a stable position as one of the most sought-after foreign languages in China, trailing only English and Japanese in terms of prevalence. The Chinese Association of Teachers of the Russian Language and Literature plays a leading role in consolidating the community of Russists and providing methodological support. The authors highlight several key challenges, including the persistence of outdated teaching methodologies prioritizing grammatical accuracy over communicative competence; a deficit of contemporary teaching materials; the geographical concentration of Russian language centers in Northeast China and the limited career prospects for Russian studies graduates lacking supplementary specializations. As a viable solution, the study proposes a wider adoption of the “Language + Specialty” model. This approach cultivates specialists who possess not only Russian language proficiency but also competencies in specific professional fields (e.g., economics, law, technical sciences), thereby better aligning with the demands of Russian-Chinese practical cooperation.

Key words: education, study, Russia — China relations, history, humanitarian policy, Shenzhen MSU — BIT University

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. I. V. Tsuyk: development of the research concept, text writing, proofreading. G. I. Tsuyk: development of the research concept, selection and analysis of sources and literature, development of research methodology, text writing. Both authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Tsuyk, I. V., & Tsuyk, G. I. (2025). Studying the Russian language in China: Historical background, current state, problems and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 624–634. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-624-634>

Введение

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Поддержка и продвижение русского языка являются ключевыми элементами гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, способствующими формированию позитивного образа страны в мире, содействию ее научно-технологического и социально-экономического развития, а также привлечению высококвалифицированных специалистов¹. Это важнейший инструмент культурной дипломатии России (Цвык, 2018b, с. 139). В этой связи анализ современного состояния изучения русского языка на примере конкретного зарубежного государства позволяет оценить эффективность и при необходимости скорректировать шаги по продвижению русского языка в рамках реализации гуманитарной политики в целом.

Развитие всеобъемлющего стратегического партнерства с Китайской Народной Республикой (КНР), в том числе в гуманитарной сфере, представляет собой один из главных внешнеполитических приоритетов России. С укреплением двусторонних связей между Россией и Китаем в экономической и гуманитарной областях возрастает необходимость в подготовке высококвалифицированных китайских и российских специалистов со знанием русского и китайского языков соответственно. Владение русским языком предпринимателями и чиновниками из КНР существенно упрощает взаимодействие между двумя сторонами, повышает эффективность ведения переговоров.

Российские ученые и их китайские коллеги осуществляют научное сотрудничество в исследовательских проектах в таких областях, как медицина, биотехнологии, освоение космоса, экология и др. Несмотря на то, что английский язык по-прежнему остается *lingua franca* при проведении научных конференций и подготовке публикаций в академических

журналах, квалифицированное владение русским языком зачастую становится важным фактором выстраивания успешной коммуникации между участниками научно-исследовательских проектов.

В китайском образовательном секторе наблюдается растущий интерес к изучению русского языка, стимулируемый студенческими и академическими обменов. Получение высшего образования в российских высших учебных заведениях набирает популярность среди китайских абитуриентов, особенно среди тех, кто планирует строить карьеру в международных проектах с российским участием или в сферах наиболее активного сотрудничества с Россией. Анализируя тенденции в области изучения русского языка в КНР, российские образовательные учреждения могут адаптировать свои учебные планы и программы в соответствии с текущим спросом, а также расширять программы академической мобильности.

Русский язык неразрывно связан с богатым культурным наследием Российской Федерации, включающим произведения всемирно известных писателей и поэтов, а также с выдающимися достижениями в науке и искусстве. Среди китайского населения наблюдается значительный интерес к русскому культурному наследию, что способствует более глубокому пониманию китайцами традиций и обычаев народов России. Преподаватели и студенты университетов обеих стран активно участвуют в культурно-просветительских мероприятиях, фестивалях и выставках, демонстрируя тем самым взаимный научный и культурный интерес. Анализ степени владения русским языком китайскими учащимися в этом контексте позволяет в том числе оценить уровень интереса к русской культуре в Китае и определить перспективные пути для ее дальнейшего продвижения.

Исходя из вышесказанного, анализ положения русского языка в Китае приобретает

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России. 05.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 21.02.2025).

особую важность, позволяя определить, насколько востребовано изучение русского языка в современном Китае, какие образовательные учреждения обладают наибольшими компетенциями в преподавании русского языка и какие языковые программы вызывают наибольший интерес у китайских студентов.

Цель исследования — является оценка современного состояния изучения русского языка в Китае. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- выделить основные этапы становления и дальнейшего развития русистики в Китае;
- рассмотреть статистические данные по количеству изучающих русский язык в Китае и сравнить эти показатели в различные исторические периоды;
- рассмотреть роль Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и центров русского языка в этом процессе;
- выявить основные проблемы в изучении русского языка в Китае и возможные пути их решения.

В исследовании был использован комплекс научных методов. В качестве основы были выбраны исторический и проблемно-хронологический подходы.

Проблемно-хронологический подход позволил составить периодизацию процесса и проанализировать его в хронологической последовательности, выделяя ключевые проблемы каждого этапа. Авторы использовали количественные данные для оценки текущего состояния и динамики изучения русского языка. Авторы также осуществили сравнительный анализ положения русского языка в разные исторические периоды.

Авторы также рассматривают проблематику изучения русского языка в Китае как систему, состоящую из взаимосвязанных элементов: образовательных учреждений, нормативно-правовой базы, профессиональных языковых ассоциаций и центров русского языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть учтены при реализации гуманитарной политики России на китайском направлении,

прежде всего в области продвижения русского языка в Китае.

Тематика положения русского языка в Китае была освещена в исследованиях ряда российских ученых (Андреева, 2022; Ганьшина, 2015а; 2015b; Ganshina & Tsvyk, 2016; Горячев, Захаров, 2024; Цвык, 2018а; 2018b). Значительное количество научных работ посвящено исследованию исторического аспекта ситуации с изучением русского языка в Китае (Дацышен, 2013; Хохлов, 2009; Лапин, 2009; Чао, Жань, 2020; Тенчурина, Лю, 2023; Верченко, 2009; Ван, 2018).

Среди китайских исследователей особенно стоит отметить научные труды Нин Ци, ректора Пекинского университета. В своей работе «Взаимодействие иностранных языков и общества: обзор обучения русскому языку в Китае» она подробно рассматривает историю вопроса изучения русского языка в Китае и основные проблемы в этой области на современном этапе (Ning, 2021). Ряд китайских исследователей рассматривают современную ситуацию с изучением русского языка в Китае (Лю, 2022; Liu, 2017; Лю, 2012; Сяоя, 2020), включая возникающие в этой сфере проблемы (Li, Lei & Feng, 2022) и новые пути развития системы преподавания русского языка (Gao & Yan, 2023; Ли, Ван, 2023; Lu, 2024; Yang, 2023; Юань, Олесова, 2023).

История изучения русского языка в Китае

История изучения русского языка в Китае восходит к началу XVIII в. По решению Цинского правительства в 1708 г. в Пекине была основана Школа русского языка, которая стала первым в истории Китая учебным заведением по подготовке специалистов по русскому языку (Ning, 2021, p. 22). В течение длительного времени Школа также поддерживала тесные контакты с Русской духовной миссией в Пекине.

Это учебное заведение просуществовало 154 года (Ван, 2018, с. 577). В 1862 г. Школа русского языка была включена в состав Пекинского колледжа иностранных языков Тунвэньгуань, образованного в те годы

(Лапин, 2009, с. 103). Благодаря деятельности Школы были заложены основы систематического изучения русского языка в Китае, что позволило пекинским властям накопить значительный опыт в организации образовательных языковых учреждений.

После Синьхайской революции в Китае под влиянием распространения и растущего влияния марксизма в мире после основания Советского Союза как в партии Гоминьдан, так и в Коммунистической партии Китая активно приступили к подготовке специалистов со знанием русского языка, осознавая важность связей с СССР (Ning, 2021, р. 23). Согласно статистическим данным, до образования КНР в Китае насчитывалось 13 школ, в которых были созданы отделения русского языка (Fu, 1988, р. 48).

С образованием КНР в 1949 г. в истории русистики в Китае начался новый период. Союзнические отношения между КНР и СССР, в рамках которых Советский Союз оказывал масштабную помощь в развитии экономики и промышленности Китая, способствовали быстрому росту интереса китайского населения к изучению русского языка. Образовательная система КНР формировалась по советскому образцу (Верченко, 2009, с. 77). В то время уроки русского языка проводились уже и в начальных, и средних школах, а также в вузах по всей стране. Также в СССР проходили стажировку студенты из Китая.

К 1952 г. в общей сложности в 36 вузах и техникумах были созданы отделения русского языка (Liu, 2017, р. 1). К 1956 г. в китайских университетах насчитывалось 1960 преподавателей русского языка и более 13 тысяч студентов, изучающих русский язык в качестве основной специальности (Ning, 2021, р. 25). В этот период в Шанхайском университете иностранных языков был открыт первый в Китае диссертационный совет, наделенный правом присуждения ученых степеней в области русского языка и литературы (Лю, 2012, с. 256).

С началом «культурной революции» и ухудшением отношений между СССР

и КНР русистика в Китае пережила непростой период. Только с 1978 г., когда правительство КНР объявило о старте «политики реформ и открытости», культурные и образовательные обмены с СССР начали постепенно восстанавливаться.

Учреждение Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ) стало важной вехой в истории русистики в Китае. В январе 1980 г. девять вузов, включая Пекинский университет иностранных языков, Пекинский университет, Хэйлунцзянский университет и др., сформировали подготовительную группу для КАПРЯЛ. Ассоциация была официально основана 3 мая 1981 г. в Шанхае. В общей сложности в ней состояло 1300 членов (Ning, 2021, р. 27).

Следующий период роста интереса к изучению русского языка пришелся на конец 1980-х гг. С постепенной нормализацией советско-китайских отношений стали восстанавливаться двусторонние контакты, прежде всего в культурной и образовательной сферах, а также возобновились академические обмены. К середине 1980-х гг. в 29 вузах и техникумах по всему Китаю была открыта специальность «Русский язык» (Fu, 1988, р. 120). В начале 1990-х гг. развитие двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем и расширение масштабов торговли КНР со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) привели к быстрому росту спроса на преподавателей русского языка.

С наступлением XXI в. начался новый этап в области изучения русского языка в Китае.

В 2003–2005 гг. в китайских университетах были проведены реформы, направленные на совершенствование системы преподавания русского языка. Их целью являлась координация учебных планов по подготовке специалистов в соответствии с требованиями рыночной экономики, а также с учетом тенденций в торгово-экономическом сотрудничестве между Россией и Китаем.

По данным китайских исследователей, к 2005 г. около 6500 студентов в 68 университетах по всему Китаю изучали русский язык

в качестве основной специальности, количество преподавателей русского языка достигало 700 человек (Ning, 2021).

В 2005 г. было подписано Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации об изучении китайского языка в Российской Федерации и русского языка в Китайской Народной Республике. Это был важный шаг в укреплении позиций русского языка в Китае. Соглашение охватывало основные направления сотрудничества в области изучения русского языка в Китае и китайского языка в России. К ним относятся:

- ежегодные взаимные обмены квалифицированными специалистами;
- обмен учебными материалами, библиотечными и информационными ресурсами;
- стажировки в Китае и России школьников, изучающих русский и китайский языки, студентов-филологов и преподавателей русского и китайского языков;
- организация олимпиад и конкурсов на знание русского языка, литературы и культуры России и т. д.²

Еще одним важным двусторонним документом в области продвижения русского языка в Китае стало подписанное в 2006 г. в Пекине Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики в области образования. Стороны договорились углублять сотрудничество в организации изучения и преподавания русского и китайского языков в обеих странах³. Таким

образом, сфера изучения русского языка в Китае получила нормативно-правовую базу как важное направление двустороннего гуманитарного сотрудничества.

Помимо этого, важным фактором, способствовавшим росту интереса к изучению русского языка в Китае, стал проведенный в 2009 г. «Год русского языка» в рамках проектов «Годы национальных языков» в России и Китае.

Принятые в сфере продвижения русского языка меры привели к положительным результатам. Согласно статистическим данным, в 2010 г. специальность «Русский язык» была открыта уже в 103 китайских университетах⁴. Около 12 тысяч студентов изучали русский язык в качестве основной специальности. В 2015 г. около 25 тысяч человек изучали русский язык в 145 университетах⁵. Русский язык как специальность преподавался в 168 университетах в 2020 г., среднегодовое число студентов составляло около 26 тыс. человек. 20 тыс. студентов также изучали русский язык в качестве второго иностранного языка⁶.

Изучение русского языка в Китае на современном этапе

В настоящее время русский язык является одним из наиболее распространенных среди изучаемых студентами и школьниками иностранных языков. По сравнению с другими странами БРИКС Китай уверенно занимает первое место по количеству изучающих русский язык (Горячев, Захаров, 2024).

² Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации об изучении китайского языка в Российской Федерации и русского языка в Китайской Народной Республике // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.11.2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45958/ (дата обращения: 01.05.2025).

³ Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (Пекин, 9 ноября 2006 г.) // Право РФ и КНР. 06.07.2008. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/001/200876173344_116405.htm (дата обращения: 01.05.2025).

⁴ Справка: Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России // Китайский информационный центр. 25.09.2010. URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-09/25/content_21003040.htm (дата обращения: 22.08.2025).

⁵ О положении русского языка в Китае (справка). Посольство РФ в КНР. 2015. (неопубл.).

⁶ О положении русского языка в Китае (справка). Посольство РФ в КНР. 2020. (неопубл.).

По количественным показателям изучение русского языка среди местного населения демонстрирует положительную динамику. Во многом это обусловлено возможностью его сдачи в рамках единого государственного экзамена для выпускников школ (Гаокао) и более легкими по сравнению с английским языком заданиями. Другим важным фактором является то, что на фоне развития российско-китайского сотрудничества перспективы трудоустройства для выпускников вузов, владеющих русским языком, возрастают.

Согласно статистическим данным, ситуация с изучением русского языка в Китае представляется весьма неплохой, принимая во внимание тот факт, что в китайском обществе нет необходимости изучать иностранные языки без практических целей трудоустройства (Белюсова, 2024, с. 13).

По количеству студентов вузов и учащихся общеобразовательных школ, изучающих иностранные языки, русский язык занимает в Китае третье место после английского и японского (Лю, 2022, с. 126). Среднегодовое число китайских студентов и школьников, изучающих русский язык, превышает 80 тысяч человек⁷. Насчитывается около 1,6 тыс. преподавателей русского языка (в два раза больше, чем в 2005 г., и в три раза больше, чем в 2010 г.) (Горячев, Захаров, 2024, с. 87). Русский язык и филология преподаются в качестве специальностей в 181 высшем учебном заведении Китая (по сравнению с 2005 г. их число увеличилось почти в три раза)⁸. Число студентов, изучающих русский язык, составляет около 36 тысяч человек (примерно в шесть раз больше, чем в 2005 г.) (Горячев, Захаров, 2024, с. 90). Примерно 20 тысяч студентов изучают русский язык в качестве второго иностранного. Русский язык преподается в более чем 280 школах Китая, свыше 400 тысяч школьников изучают

русский язык (Юань, Олесова, 2023). Русский язык является обязательным предметом примерно в 123 школах в 19 провинциях (Чень, 2017, с. 292).

Среди китайских высших учебных заведений, где преподают русский язык и литературу, ведущие позиции в китайских рейтингах занимают университеты в Пекине, Шанхае, а также на северо-востоке Китая, где расположены приграничные с Россией провинции, имеющие глубокие исторические и культурные связи с нашей страной. Среди них на вершине рейтингов находятся Пекинский университет иностранных языков, Пекинский университет, Столичный педагогический университет, Гуандунский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков, Даляньский университет иностранных языков, Цилиньский университет, Хэйлунцзянский университет и др.⁹

Роль Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и центров русского языка

Ключевой организацией, действующей в сфере распространения русского языка в КНР, является Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (далее — Ассоциация). Данная Ассоциация, консолидирующая сообщество специалистов по русскому языку в Китае, систематически оказывает методическую поддержку преподавателям русского языка, организует курсы повышения квалификации, конференции, круглые столы, издает журналы «Русский язык в Китае», «Русский язык в средней школе» и др. (Горячев, Захаров, 2024, с. 91). Ассоциация является частью Всекитайского общества по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, но пользуется

⁷ Встреча со студентами и преподавателями Харбинского политехнического университета // Президент России. 17.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74064> (дата обращения: 22.02.2025).

⁸ В 181 китайском вузе изучают русский язык // Синьхуа Новости. 03.12.2024. URL: <https://russian.news.cn/20241203/b49518b5e0eb4116bceacb3124c6b69e/c.html> (дата обращения: 21.02.2025).

⁹ Eyu zhanlue daxue paiming [Рейтинг вузов с программами изучения русского языка] // Daxuesheng bi bei wang [Образование в Китае]. 03.05.2025. (На китайском языке). URL: <https://www.dxsbb.com/news/2090.html> (accessed: 22.05.2025).

широкой автономией. Ассоциация объединяет 100 институтов русского языка, действующих в рамках ведущих университетов Китая. Штаб-квартира Ассоциации находится в Пекинском университете, президентом Ассоциации является Нин Ци, проректор Пекинского университета.

В вузах — членах Ассоциации регулярно проводятся конкурсы по русскому языку. В апреле-мае 2024 г. такие мероприятия прошли в Пекинском университете иностранных языков, Пекинском педагогическом университете и др.

Подготовка по русскому языку также осуществляется на базе центров русского языка, которые действуют под эгидой Фонда «Русский мир» и партнерской сети Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина или созданы при участии российских высших учебных заведений на базе китайских вузов. Большинство из них представляют собой тематические кабинеты для занятий студентов факультетов или отделений русского языка, при которых они были образованы (Цвык, 2018b, с. 37).

Как показывает практика, деятельность таких учреждений не оказывает существенного влияния на увеличение числа изучающих русский язык в Китае. Они полностью подконтрольны китайским высшим учебным заведениям как в определении кадровой политики, так и в части наполнения учебных программ, финансирование также поступает из китайских источников. Эффективному функционированию многих из них также препятствует отсутствие российской учебной литературы.

Иная ситуация складывается в центре русского языка, действующем в структуре Университета МГУ — ППИ в Шэньчжэне — флагманского проекта российско-китайского образовательного сотрудничества. Изучение русского языка является обязательным для всех китайских студентов университета, которых насчитывается более 1,5 тысячи человек (Горячев, Захаров, 2024, с. 90). В этом центре работают российские преподаватели, а обучение русскому языку осуществляется в том числе с использованием российской

учебной литературы. При университете действует центр тестирования русскому языку, что позволяет студентам сдавать экзамены на уровень владения и получать соответствующие сертификаты по итогам аттестации.

Помимо центра русского языка при Университете МГУ — ППИ курсы русского языка организованы на платной основе в Российском культурном центре (РКЦ) в Пекине. В то же время филиалы этих курсов в других регионах Китая отсутствуют. Таким образом, в РКЦ обучаются преимущественно жители китайской столицы и ее окрестностей.

Вместо заключения: проблемы и перспективы изучения русского языка в Китае

Таким образом, на основе статистических данных рассмотрена ситуация с изучением русского языка в Китае с XVIII в. по настоящее время. В XX в., после пика популярности изучения русского языка в КНР в 1950-х гг., показатели резко снизились во время кризиса в советско-китайских отношениях в 1960–1970-х гг. С нормализацией отношений между СССР и КНР в конце 1980-х гг. и развитием российско-китайских связей в 1990-х гг. число изучающих русский язык к началу XXI в. увеличилось и в дальнейшем продолжило рост.

Таким образом, наряду с основными центрами обучения русскому языку на базе высших учебных заведений и образовательных организаций особую роль играет деятельность Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Данная Ассоциация консолидирует сообщество русистов в Китае и обеспечивает систематическую методическую поддержку преподавателей русского языка.

В то же время следует выделить ряд проблем, оказывающих влияние на подготовку специалистов со знанием русского языка.

Как отмечает российский исследователь Е.Ю. Андреева, основной проблемой преподавания русского языка в Китае является использование устаревших методов обучения

(Андреева, 2022, с. 172). Многие китайские преподаватели делают упор на изучение лексики и грамматики, в то время как развитию коммуникативных навыков уделяется недостаточное внимание. В результате большинство выпускников не обладают способностью использовать свою языковую подготовку ни для коммуникативного взаимодействия, ни в профессиональных целях. Они обладают обширными теоретическими знаниями, но им недостает практического опыта.

Другим фактором, оказывающим негативное влияние на процесс изучения русского языка в Китае, является нехватка качественных учебных материалов. Многие учебники были подготовлены более полувека назад и неоднократно переиздавались в 2000-х гг. В них содержится устаревшая лексика, которая совершенно не адаптирована к современным коммуникативным реалиям (Ли, Ван, 2023, с. 87).

В этой связи необходимо активизировать работу по повышению квалификации китайских преподавателей как посредством использования ресурсов Ассоциации (увеличить количество программ повышения квалификации, регулярно направлять китайских преподавателей на льготных условиях на стажировки в Россию, обеспечивать их методическую поддержку, включать их в национальные стипендиальные программы России для иностранных специалистов), так и напрямую с китайскими университетами в рамках существующих двусторонних партнерских образовательных программ. Все эти меры полностью соответствуют основным направлениям государственной языковой политики России, направленной на создание условий для продвижения и укрепления позиций русского языка за рубежом.¹⁰

Немаловажную роль играет территориальный фактор. Следует отметить, что большинство центров русского языка расположены

в северо-восточных регионах Китая, граничащих с Россией, где наблюдается значительный спрос на специалистов со знанием русского языка. В то же время густонаселенные и более экономически развитые южные и центральные регионы отстают от северо-востока Китая как по темпам, так и по масштабам распространения русского языка. Количество изучающих русский язык в этих районах значительно ниже. В этом контексте целесообразно расширить сеть центров русского языка в центральной части и на юге страны с учетом текущих показателей и перспектив социально-экономического развития расположенных там провинций.

Также необходимо отметить, что студенты, прошедшие обучение в вузах по специальности «Русский язык», часто сталкиваются с проблемами трудоустройства после окончания университета. Поскольку они не имеют квалификации в других областях, их профессиональные компетенции весьма ограничены (они, как правило, работают преподавателями русского языка или переводчиками).

На этом фоне изучение русского языка приобретает популярность среди студентов, для которых он не является основной специальностью. Русский язык все более востребован как иностранный язык, который входит в программу обучения экономическим, техническим и юридическим специальностям¹¹. Это позволяет после окончания учебного заведения использовать русский язык в практической работе с российскими партнерами. Актуальность данной тенденции отметил президент Российской Федерации В. В. Путин на встрече со студентами и преподавателями Харбинского политехнического института во время своего государственного визита в Китай в мае 2024 г. По его мнению, стремительное развитие российско-китайских отношений «создает потребность в специалистах, которые могли бы не только говорить на двух

¹⁰ Указ об утверждении Основ государственной языковой политики России. Президент подписал Указ «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Президент России. 11.07.2025. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/77431> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹ Селищев Н. Пушкыным едны: как русский язык стремительно набирает популярность среди жителей Китая // ТАСС. 06.06.2024. URL: <https://tass.ru/opinions/20957889> (дата обращения: 22.02.2025).

языках, но и совместно работать в соответствующих сферах»¹². На этом фоне некоторые исследователи отмечают, что важной задачей становится переход китайских университетов, специализирующихся на иностранных языках, от прежней модели подготовки кадров — изучения исключительно иностранного языка — к модели «язык плюс

специальность» (Ван, Космачёва, Золотых, 2022, с. 103; Сяоя, 2020, с. 89). В этом контексте обучение по таким программам будет способствовать подготовке большего числа высококвалифицированных специалистов, владеющих русским языком, и будет соответствовать запросам российско-китайского сотрудничества.

Поступила в редакцию / Received: 05.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 10.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Андреева Е.Ю. Русский язык как инструмент продвижения Русского мира (на материале Китайской Народной Республики) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 4. С. 169–174. <http://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-169-174>; EDN: KTZVIK
- Белоусова Т.П. Карьера в Китае — современные реалии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2. С. 13–15. EDN: GWKPUW
- Ван Л. Преподавание русского языка в Китае: историко-методологический опыт становления // Педагогический журнал. 2018. Т. 8, № 5А. С. 574–582. EDN: ZCWMOD
- Ван Ш., Космачёва О.Ю., Золотых Л.Г. Русский язык в траектории развития отношений между Китаем и Россией // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3. С. 99–105. EDN: YFQHMI
- Верченко А.Л. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 71–79. EDN: MLZEXT
- Ганьшина Е.И. Роль организационных структур Российской Федерации в продвижении русского языка в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2015а. № 1. С. 154–167. EDN: TKTKZV
- Ганьшина Е.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015б. № 1. С. 88–97. EDN: TMGEBH
- Горячев Ю.В., Захаров В.Ф. БРИКС и изучение русского языка в странах Глобального Юга : дайджест информационных и учебных материалов из серии «Этнокультурное образование». Вып. 4. Москва : МПГУ ; Этносфера, 2024. <http://doi.org/10.37492/978-5-93125-196-7>; EDN: RHPDGH
- Дацышен В.Г. Изучение русского языка в Китае в конце XIX — начале XX в. // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43, № 1. С. 577–586. EDN: XYXLIQ
- Латин П.А. Школа русского языка при дворцовой канцелярии в цинском Китае (начало XVIII — вторая половина XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2009. № 3. С. 103–126. EDN: KYAYQF
- Ли В., Ван Л. Преподавание русского языка в Китае: история и проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2023. Т. 15, № 3. С. 84–94. <http://doi.org/10.14529/ped230307>; EDN: BYHOEV
- Лю Х. Качественное развитие преподавания русского языка в вузах КНР на новом историческом этапе // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 2. С. 126–131. EDN: AWLPQK
- Лю Ю. Состояние преподавания русского языка в вузах Китая // Проблемы высшего образования. 2012. № 1. С. 256–258. EDN: SULFVT
- Сяоя Л. Новая модель подготовки специалистов в обучении русскому языку в Китае в новую эпоху // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 1. С. 87–92. <http://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-1-87-92>; EDN: KTFLSH
- Тенчурина Л.З., Лю С. Изучение и преподавание русского языка в Китае: исторический аспект // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2023. № 5. С. 75–80. EDN: YINNDI

¹² Встреча со студентами и преподавателями Харбинского политехнического университета // Президент России. 17.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74064> (дата обращения: 22.02.2025).

- Хохлов А.Н. Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 136–144. EDN: LKNZAZ
- Цвык Г.И. Анализ опыта продвижения русского языка в Китае // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2018а. № 2. С. 34–38. EDN: ZSDMOT
- Цвык Г.И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018b. Т. 10, № 2. С. 135–144. <http://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-2-135-144>; EDN: YMNUOT
- Чао Л., Жань Л. Развитие с 70-летней историей и нынешнее состояние преподавания русского языка в высших учебных заведениях Китая // История и современность. 2020. № 2. С. 82–95. EDN: CSXFPM
- Чень В. Проблемы преподавания русского языка в Китае на современном этапе // Право и практика. 2017. № 4. С. 287–295. EDN: YKUUID
- Юань Ц., Олесова А.П. Факторы мотивационно-ценностного отношения к изучению русского языка в Китае // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 3. С. 35. <http://doi.org/10.17513/spno.32671>; EDN: LZZFKH
- Fu K. The History of Foreign Language Education in China. Shanghai : Shanghai Foreign Language Press, 1988.
- Ganshina G., Tsvyk A. Promotion of Russian Language in China as a Tool of Cultural Diplomacy of the Russian Federation // ICADCE 2016: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Zhengzhou : Atlantis Press China, 2016. P. 1285–1289. EDN: XHGQUH
- Gao H., Yan D. E yu zhuan ye xue sheng jiu ye jing zheng li pli yu yan jiu [Исследование формирования конкурентоспособности выпускников-русистов на рынке труда] // Qi qi ha er shi fan gao deng zhuan ke que xiao que bao [Вестник Цицикарского педагогического колледжа]. 2023. No. 6. P. 96–99. (На китайском языке).
- Li X., Lei Y., Feng F. Zhong guo gao da xue sheng e yu xue xi dong ji shi zheng yan jiu. [Исследование причин демотивации китайских студентов в изучении русского языка] // Ou ya ren wen yan jiu [Евразийские гуманитарные исследования]. 2022. No. 4. P. 62–68. (На китайском языке).
- Liu L. E yu jiao xue in zhong guo: chuang cheng yu fa zhan. [Преподавание русского языка в Китае: преемственность и развитие] // E yu xue xi [Изучение русского языка]. 2017. No. 1. P. 1–7. (На китайском языке).
- Lu M. Gao xiao e yu zhuan ye fu he xing ren cai pei yang lu jing yu jiu. [Исследование модели подготовки специалистов по направлению «Русский язык и литература»] // Da xue [Университет]. 2024. No. 32. P. 71–74. (На китайском языке).
- Ning Q. The Interaction of Foreign Languages and Society: A Review of Russian Language Education in China // Onomazein: Journal of linguistics, philology and translation. 2021. Iss. IX. P. 20–37. <https://doi.org/10.7764/onomazein.ne9.02>
- Yang S. Fu he xing e yu ren cai pei yang yan jiu [Исследование подготовки универсальных специалистов со знанием русского языка] // Liao ning qing nian [Молодежь Ляонина]. 2023. No. 14. P. 126–128. (На китайском языке).

Сведения об авторах:

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет); Российская Федерация, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; eLibrary SPIN-код: 2302-1089; ORCID: 0000-0001-8597-2498; e-mail: tsvykirina@mail.ru

Цвык Галина Игоревна — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков, Дипломатическая академия МИД России; Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; eLibrary SPIN-код: 6515-6564; ORCID: 0009-0007-3585-7302; e-mail: galya_91@mail.ru

КИТАЙ В МИРЕ CHINA IN THE WORLD

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-635-651
EDN: IFFWGC

Научная статья / Research article

Инициатива «Один пояс, один путь»: модель инвестиционного сотрудничества Китая с Австралией и Новой Зеландией

Е. Ю. Каткова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉ katkova-eyu@rudn.ru

Аннотация. В последние годы масштабная инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) получила дальнейшее развитие. В 2017 г. Китай предложил новый маршрут, включающий государства Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР), которые должны стать «хабом» для судов, направляющихся в Латинскую Америку и обратно. В качестве ключевых партнеров были выбраны Австралия и Новая Зеландия, занимающие лидирующие позиции среди стран региона и обладающие достаточным влиянием на политические процессы в ЮТР. Актуальность темы исследования обусловлена все возрастающим интересом Китая к ЮТР и усиливающейся в связи с этим китайско-американской конкуренцией, оказывающей существенное воздействие на внешнеполитические решения, принимаемые в Канберре и Веллингтоне. Цель исследования — выявление различий в подходах Австралии и Новой Зеландии к инициативе ОПОП и факторов, влияющих на политику стран в отношении китайской инициативы. Методологически исследование опирается на сравнительный анализ объемов инвестиций из КНР в инфраструктурные проекты двух стран, а также общенаучные и частнонаучные методы исторических и политических исследований, среди которых нарративный метод, кейс-стади и т. д. Концептуальной рамкой исследования является теория гегемонистской стабильности, которая позволяет рассмотреть инициативу «Один пояс, один путь» в качестве нового экономического режима возвышающегося гегемона — Китая, который старается привлечь на свою сторону близких партнеров США — Австралию и Новую Зеландию. Автор приходит к выводу, что политические отношения в определенной степени оказывают влияние на объемы китайских инвестиций, однако, несмотря на то что отношения Китая с Новой Зеландией на протяжении всего рассматриваемого периода были стабильными, объемы китайских инвестиций в Австралию были намного больше. Кроме того, ни один проект в сфере критической инфраструктуры Новой Зеландии с привлечением китайской стороны одобрен не был. В то же время, несмотря на то что китайско-австралийские отношения переживали сильный спад, а Австралия отказалась участвовать в ОПОП, в 2013–2018 гг. китайские инвесторы сделали ряд очень крупных инвестиций в ее экономику.

Ключевые слова: инвестиции, инфраструктура, США, безопасность, Южно-Тихоокеанский регион, Морской Шелковый путь, стратегия балансирования, экономическое сотрудничество

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Каткова Е. Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Каткова Е. Ю. Инициатива «Один пояс, один путь»: модель инвестиционного сотрудничества Китая с Австралией и Новой Зеландией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 635–651. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-635-651>

The Belt and Road Initiative: A Model of China's Investment Cooperation with Australia and New Zealand

Evgeniya Yu. Katkova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ katkova-eyu@rudn.ru

Abstract. The large-scale Belt and Road Initiative (BRI) has undergone significant expansion in recent years. In 2017, China proposed a new route including South Pacific Region (SPR) states, intended to become a “hub” for ships heading to Latin America and back. Australia and New Zealand were chosen as key partners due to their leading positions among the region's countries and their significant influence over political processes in the SPR. The relevance of the research topic is determined by China's growing interest in the South Pacific Region and the consequently intensifying Sino-American competition, which significantly impacts the foreign policy decisions made in Canberra and Wellington. The aim of the present study is to identify differences in the approaches in Australia's and New Zealand's approaches to the BRI, and the factors influencing their policies regarding the Chinese initiative. Methodologically, the research relies on a comparative analysis of investment volumes from the People's Republic of China (PRC) into the two countries' infrastructure projects, as well as general scientific and specific scientific methods of historical and political research, including the narrative method and case studies. The conceptual framework of the study is the theory of hegemonic stability, which allows for examining the Belt and Road Initiative as a new economic regime of an emerging hegemon — China, which seeks to attract close US partners, namely Australia and New Zealand, to its side. The author concludes that political relations do, to a certain extent, influence the volume of Chinese investments. However, despite China's consistently stable relations with New Zealand throughout under the review period. Chinese investment volumes in Australia were significantly higher. Furthermore, no critical infrastructure project involving China was approved in New Zealand. Meanwhile, despite the significant deterioration in Sino-Australian relations and Australia's refusal to participate in the BRI, Chinese investors made several substantial investments in the Australian economy between 2013 and 2018.

Key words: investments, infrastructure, USA, security, South Pacific, Maritime Silk Road, balancing strategy, economic cooperation

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Katkova, E. Yu. (2025). The Belt and Road Initiative: A model of China's investment cooperation with Australia and New Zealand. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 635–651. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-635-651>

Введение

Сегодня инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) объединяет более 100 стран в транснациональную сеть торговых путей, центром которых является Китай. ОПОП включает сухопутные и морские

инфраструктурные коридоры, которые соединяют Китай с Европой и Африкой через субрегионы Азии. Включение Океании в проект кажется необычным шагом, учитывая, что регион находится вдали от основных торговых маршрутов.

Однако в последние годы Пекин активно развивает связи с государствами Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР), который долгое время находился под влиянием США и их союзников.

28 марта 2015 г. Национальная комиссия по развитию и реформам совместно с Министерством иностранных дел и Министерством торговли Китайской Народной Республики (КНР) выпустила план действий по развитию ОПОП. В документе «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства „Экономического пояса Шелкового пути“ и „Морского Шелкового пути XXI века“» говорилось, что «Морской Шелковый путь XXI в. призван пройти от побережья Китая до Европы через Южно-Китайское море и Индийский океан по одному маршруту и от побережья Китая через Южно-Китайское море до южной части Тихого океана — по другому маршруту»¹.

20 июня 2017 г. Национальная комиссия по развитию и реформам Китая и Государственное управление океанологии КНР опубликовали документ «Видение морского сотрудничества в рамках инициативы „Один пояс, один путь“». Согласно данному документу, приоритеты китайской политики в рамках создания «Морского Шелкового пути XXI века» включают «зеленое» развитие, морскую безопасность, инновационный рост и совместное управление. Важным здесь является план строительства вдоль Морского пути трех «Голубых экономических коридоров», которые соединят Азию с Африкой, Океанией, Европой и далее: Голубого экономического коридора «Китай — Индийский океан — Африка — Средиземное море», Голубого

экономического коридора «Китай — Океания — южная часть Тихого океана» и коридора, который идет в Европу через Северный Ледовитый океан².

В рамках реализации второго маршрута ключевыми странами региона стали Австралия и Новая Зеландия — два региональных лидера, которые оказывают сильное влияние на островные страны Океании. В связи с этим Китай придает большое значение Австралии и Новой Зеландии в развитии ОПОП в ЮТР и рассматривает их в качестве важных партнеров в строительстве региональной ветви «Морского Шелкового пути».

Цель исследования — выявление различий в подходах Австралии и Новой Зеландии к инициативе ОПОП и факторов, влияющих на политику стран в отношении китайской инициативы, а также сравнительный анализ объемов инвестиций из КНР в инфраструктурные проекты двух стран.

Материалы и методы

Беспрецедентный экономический рост КНР привел к такой международной ситуации, при которой эксперты стали предполагать, что он в среднесрочной перспективе сможет заменить Соединенные Штаты в качестве будущего мирового гегемона. Под «гегемонией» подразумевается международное лидерство, в частности в области экономики. Одним из показателей усиления влияния Китая является повышение его значимости для близких партнеров США, таких как Австралия и Новая Зеландия, которые на протяжении длительного времени ведут политику «хеджирования» между двумя великими державами, стараясь сохранять

¹ Tuidong gong jian sichou zhi lu jingji dai he 21 shiji haishang sichou zhi lu de yuanjing yu Xingdong [Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»] // Zhongguo yidai yilu wang [Портал «Пояс и путь»]. March 29, 2015. (На китайском языке). URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/604.html> (accessed: 21.10.2024).

² “Yidai yilu” jianshe haishang hezuo shexiang [Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь»] // Zhongguo zhengfu wang [Правительство Китая]. November 17, 2017. (На китайском языке). URL: <https://www.gov.cn/xinwen/2017-11/17/5240325/files/13f35a0e00a845a2b8c5655eb0e95df5.pdf> (accessed: 21.10.2024).

баланс таким образом, чтобы не испортить отношения ни с одной из сторон (Саймонс, Гласер (Кукарцева), 2024, с. 557).

Концептуальной рамкой исследования является теория гегемонистской стабильности, согласно которой в международной системе мир возможен только при условии существования доминирующего государства, которое обеспечит стабильность в системе. Так, по мнению американского экономиста Ч. Киндлбергера, Великая депрессия 1929 г. началась из-за отсутствия международного лидера вследствие ослабления великих европейских держав и нежелания США управлять глобальной мировой экономикой в межвоенный период, что вызвало экономический и политический хаос в Европе (Kindleberger, 1973). В свою очередь современный либеральный экономический порядок на протяжении нескольких десятилетий был достаточно стабильным благодаря наличию лидера, который «использует свои ресурсы и влияние для создания и управления международной экономикой, основанной на свободной торговле, денежной стабильности и свободе движения капитала» (Gilpin, 2001, p. 99). Таким образом, гегемон поддерживает и возглавляет международный порядок путем навязывания правил (при помощи санкций, давления и т. д.), поощрения, чтобы подтолкнуть другие государства в системе следовать правилам и придерживаться приемлемого поведения (Danner & Martín, 2019, p. 191), а также при помощи институтов и экономических режимов (Keohane, 1984).

Согласно теории гегемонистской стабильности, возвышающийся гегемон будет стремиться изменить правила международной системы, если от этого его выгоды возрастут, в то время как доминирующее государство будет стремиться удержать свое превосходство и обеспечить международный порядок и стабильность.

Китай — региональный гегемон, который обладает ресурсами и возможностями, чтобы стать глобальным гегемоном. Министерство иностранных дел КНР

в последние десятилетия разработало несколько документов, излагающих видение Китая в отношении глобального управления. Правительство Китая предлагает несколько новых концепций, включая «Сообщество единой судьбы человечества», право на суверенный Интернет, а также развитие сотрудничества в рамках международных организаций и экономических режимов, среди которых инициатива «Один пояс, один путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк БРИКС и т. д.

В свою очередь США, которые сейчас занимают позиции мирового лидера, стараются поддерживать существующий международный порядок, опираясь на своих союзников, и создают препятствия для Китая в реализации его экономических и политических инициатив, направленных на возвышение КНР. «Поворот к Азии» Б. Обамы и «Индо-Тихоокеанская стратегия» Д. Трампа / Дж. Байдена направлены на сдерживание Китая с целью обеспечения гегемонии США в мире (Askari & Tahir, 2020, p. 117).

Австралия и Новая Зеландия являются важными партнерами США в Азии и ключевыми — в ЮТР, и Вашингтон активно привлекает их к своей антикитайской политике, в то время как Китай старается экономическими методами побудить страны к конструктивному сотрудничеству. Таким образом, исследуя китайско-австралийские и китайско-новозеландские отношения, можно выявить динамику изменений в балансе сил между КНР и США.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы исторических и политических исследований, среди которых сравнительный анализ, нарративный метод, кейс-стади и т. д. Основой для анализа инвестиционной статистики стали отчеты Министерства коммерции КНР, доклады Сиднейского университета и данные Китайско-новозеландского совета, а также новостные сводки новозеландских СМИ.

Динамика отношений Китая с Австралией и Новой Зеландией

После своего создания в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь» получила стремительное развитие. Изначально задуманная как региональный проект, призванный улучшить отношения Китая со странами «периферии», она быстро заинтересовала страны всех регионов мира.

На саммите глав тихоокеанских государств в 2014 г., проходившем на о. Фиджи, председатель КНР Си Цзиньпин встретился с представителями восьми стран, которые на тот момент имели дипломатические отношения с КНР, и призвал их присоединиться к китайскому проекту (Wallis et al., 2023, p. 466). В том же году Китай пригласил Австралию и Новую Зеландию как региональных лидеров стать участниками Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и ОПОП (Zhang, 2019, p. 98). Приглашая эти два государства, Пекин преследовал несколько целей: во-первых, повысить доверие к ОПОП и побудить островные страны Тихого океана активнее присоединяться к инициативе, а во-вторых, ослабить напряженность в отношениях КНР с Австралией и Новой Зеландией из-за антикитайской стратегии США, которые старались вовлечь страны в свою политику сдерживания Китая.

Создание ОПОП совпало по времени с приходом к власти в Австралии Либеральной коалиции, которая сделала ставку на усиление альянса с США и их союзниками в регионе, в первую очередь с Японией. С этого момента австралийско-китайские отношения стали постепенно ухудшаться. В связи с этим администрация Т. Эббота в 2014 г. довольно сдержанно отреагировала на предложение Китая о присоединении к ОПОП, а с 2016 г. Австралия постепенно отказалась от своей стратегии балансирования между КНР и США и усилила критику Пекина сразу по нескольким чувствительным для Китая вопросам, включая территориальные споры

в Южно-Китайском море, права человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и Гонконге, а также причины возникновения пандемии COVID-19 (Yi, 2024, p. 57). Публичные заявления австралийского лидера по поводу пандемии в 2020 г. фактически заморозили политические связи двух стран на два года. Параллельно с этим Австралия продолжала расширять отношения с США в области безопасности и обороны, присоединившись ко всем антикитайским инициативам Вашингтона в регионе, включая «Квад» (*Quad*), АУКУС (Австралия — Великобритания — США, *AUKUS*), Транс-Тихоокеанское партнерство (ТТП) и т. д., что негативно сказалось на динамике австралийско-китайских отношений.

В отличие от Австралии Новая Зеландия продолжила политику хеджирования между КНР и США, несмотря на растущие геополитические вызовы. Сменяющие друг друга правительства Новой Зеландии настаивали на том, что, хотя у двух стран различные политические ценности, тем не менее Веллингтон и Пекин могут оставить эти различия за рамками, чтобы сотрудничать в областях, представляющих взаимный интерес. В заявлениях премьер-министра Д. Ардерн во время ее второго срока в 2021 г. подчеркивалось, что Новая Зеландия приняла «Индо-Тихоокеанскую перспективу» в соответствии со стратегией США, Великобритании и Австралии, однако Новая Зеландия выступает против использования «географических рамок... в качестве инструмента для исключения некоторых стран из диалога», так как успех политики «будет зависеть от работы с максимально широким кругом партнеров» (Smith & Holster, 2023, p. 1584).

Такая позиция была возможна, во-первых, ввиду того, что у Новой Зеландии в отличие от Австралии нет действующего договора о военном сотрудничестве с США и она в меньшей степени связана союзническими обязательствами. Во-вторых, основу экспорта Новой Зеландии составляет

сельскохозяйственная продукция, а не ресурсы, как у Австралии, в связи с чем экономика Новой Зеландии гораздо больше зависит Китая, что делает ее более уязвимой для возможных торговых санкций, поскольку быстро диверсифицировать рынки сбыта новозеландских товаров будет практически невозможно (Steff, 2024, p. 1124–1125). Фактически, стремясь сохранить экономические выгоды от режима свободной торговли с Китаем, Веллингтон игнорировал различия по таким фундаментальным для союзников вопросам, как права человека, свобода судоходства в Южно-Китайском море (ЮКМ), влияние Китая на новозеландскую внутреннюю политику и дипломатия «долговых ловушек» (Baker, 2020, p. 20). Тем не менее в последние годы и Новая Зеландия все более настороженно относится к усилению связей Китая с островными странами Тихого океана, полагая, что КНР расширяет зону своего влияния за счет традиционных партнеров, таких как Новая Зеландия и Австралия (Ning, 2023b, p. 76). Это создает потенциальную угрозу для дальнейшего развития китайско-новозеландских отношений и способствует сближению Веллингтона и Вашингтона.

Таким образом, из-за активизации антикитайской политики США в конце 2010-х гг. отношения Австралии и Китая постепенно ухудшались. Однако Новая Зеландия продолжила поддерживать высокий уровень контактов с КНР для обеспечения своих экономических интересов, несмотря на активные попытки США включить страну в свою стратегию сдерживания Китая.

Сотрудничество Австралии и Китая в рамках ОПОП и китайские инвестиции в инфраструктуру

Впервые Китай пригласил Австралию присоединиться к ОПОП в 2014 г. Выступая в австралийском парламенте 17 ноября 2014 г., председатель КНР заявил: «Океания является естественным продолжением древнего Морского Шелкового пути, и Китай приветствует участие Австралии в строительстве «Морского Шелкового пути XXI века»³. Ранее в течение 2013–2014 гг. КНР вела переговоры с Канберрой по поводу ее участия в АБИИ, однако правительство Т. Эббота под давлением США отказалось от этого предложения. В ноябре 2015 г. Си Цзиньпин вновь призвал Австралию к участию в ОПОП. Во время переговоров с австралийским коллегой на полях саммита G20 китайский лидер предложил соединить инициативу «Один пояс, один путь» с планом «Развития северных территорий» Австралии (He, Stokes & Hundt, 2024, p. 98). Предложение было повторено во время визита премьер-министра Австралии М. Тернбулла в Китай в апреле 2016 г.⁴ В итоге в декабре 2015 г. Австралия все же присоединилась к АБИИ в качестве члена-основателя, став шестым по величине акционером (Yu, 2024, p. 155), а в ходе второго китайско-австралийского стратегического экономического диалога в том же году стороны создали рабочую группу по изучению возможностей стыковки инициативы «Один пояс, один путь» и австралийского плана «Развития северных территорий»⁵.

Тем не менее по поводу вступления в ОПОП у федерального правительства Австралии имелись большие сомнения. Приглашение Китая вызвало бурные дебаты внутри австралийского

³ Xijiping zai aodaliya lianbang yihui de yanjiang (quanwen) [Полный текст выступления Си Цзиньпина в Федеральном парламенте Австралии] // Zhongguo zhengfu wang [Правительство Китая]. November 17, 2014. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-11/17/content_2780007.htm (accessed: 21.10.2024).

⁴ Xijiping huijian aodaliya zongli te'enbu'er [Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Австралии Тернбуллом] // Renmin wang [Народная газета Китая]. April 16, 2016. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0416/c64094-28280609.html> (accessed: 21.10.2024).

⁵ Collinson E. Australian Perspectives on the Belt and Road Initiative // Australia — China Relations Institute. October 30, 2019. URL: https://www.uts.edu.au/globalassets/sites/default/files/20191030-acri-facts---australian-perspectives-on-the-belt-and-road-initiative_elena-collinson.pdf (accessed: 05.08.2024).

политического, экономического и научного сообщества. Экономический блок настаивал на участии в проекте ввиду больших выгод от сотрудничества. В частности, Дж. Брамби, председатель Австрало-китайского делового совета, отметил, что, если Австралия хочет развивать свою экономику, она должна присоединиться к инициативе «Один пояс, один путь»⁶. Теневой кабинет, состоящий из Лейбористской партии, неоднократно выражал свое одобрение китайскому проекту и обещал в случае победы на выборах начать переговоры по присоединению к ОПОП. Теневой министр иностранных дел Пенни Вонг и теневой министр обороны Ричард Маррс заявляли, что отказ Австралии от ОПОП является самообманом и призывали правящую партию воспользоваться возможностями развития, предоставляемыми этой инициативой (Ju, 2020, p. 158).

Следует отметить, что изначально в австралийских СМИ преобладала позиция экономического блока и бизнес-сообщества, призывавших правительство к рассмотрению возможности присоединиться к ОПОП. Более двух третей от общего количества сообщений СМИ говорили о масштабности инициативы, выгодах для Австралии и приоритете китайско-австралийских торгово-экономических отношений (Ning, 2023a, p. 46). Однако вслед за обострением китайско-американских отношений после победы Д. Трампа на президентских выборах в США в 2017 г. и последовавшим за этим охлаждением австралийско-китайских связей в СМИ стали чаще появляться статьи с негативным восприятием ОПОП, в которых подчеркивались проблемы инициативы (Ning, 2023a, p. 46). Помимо общего беспокойства по поводу «долговых ловушек», непрозрачности проектов и других вопросов, тиражируемых в СМИ, у Канберры были большие сомнения, связанные с безопасностью и возможностью участия

в проектах под эгидой Китая, а также реакцией США в случае ее присоединения к ОПОП. В связи с этим после длительного периода колебаний в 2017 г. правительство М. Тернбулла приняло решение отказаться от участия в инициативе «Один пояс, один путь».

Однако австралийские штаты, не связанные необходимостью согласовывать политику с Вашингтоном и являющиеся бенефициарами китайско-австралийского экономического сотрудничества, благодаря достаточно большой автономии выразили заинтересованность в участии в проекте. Самым активным стал штат Виктория, для которого Китай был крупнейшим импортером, источником инвестиций, студентов и туристов. В 2016 г. для привлечения инвестиций правительство Виктории запустило «Китайскую стратегию», в рамках которой штат должен был стать «воротами Китая в Австралию»⁷. Благодаря данной инициативе к 2026 г. китайские инвестиции в Викторию должны были быть увеличены с 8 до 20 % от общего объема инвестиций КНР в Австралию, а экспорт Виктории в Китай — вырасти более чем на 5 млрд долл. США⁸.

В 2017 г. премьер-министр штата Виктории Д. Эндрюс приехал в Китай для участия в первом форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь», а в 2018 г. подписал с Китаем меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках инициативы⁹. Данная стратегия могла дать большие преимущества для Виктории, так как она стала первым штатом, рискнувшим сделать такой шаг. Однако это событие совпало с «антикитайским» поворотом в нынешней политике Австралии. В 2018 г. США переориентировали свою политику в сторону Азии и стали активнее продвигать стратегию сдерживания Китая среди своих региональных партнеров по безопасности. В связи с этим в этот период наметилась тенденция

⁶ Collinson E. Australian Perspectives on the Belt and Road Initiative // Australia — China Relations Institute. October 30, 2019. URL: https://www.uts.edu.au/globalassets/sites/default/files/20191030-acri-facts---australian-perspectives-on-the-belt-and-road-initiative_elena-collinson.pdf (accessed: 05.08.2024).

⁷ Partnerships for Prosperity: Victoria's New China Strategy. Melbourne : Victorian Government, 2016. P. 9.

⁸ Ibid. P. 10–11.

⁹ More Jobs and Investment with New Victoria and China Deal // Premier of Victoria. October 25, 2018. URL: <https://www.premier.vic.gov.au/more-jobs-and-investment-new-victoria-and-china-deal> (accessed: 07.06.2025).

к охлаждению в австралийско-китайских отношениях, и инициатива Д. Эндрюса выбивалась из этого тренда.

Сообщение по поводу подписания Викторией меморандума с КНР вызвало оживленные дебаты в австралийском обществе. Тем не менее интересна первая реакция федерального правительства на сообщение сразу после подписания меморандума, которая была довольно сдержанной. Премьер-министр Австралии С. Моррисон заявил, что эта новость стала для него «сюрпризом»¹⁰ и выразил обеспокоенность по поводу того, что Эндрюс не консультировался с Канберрой. В свою очередь министр иностранных дел М. Пейн заявила, что она не была уведомлена о соглашении заранее, но это обычная практика, когда «штаты и территории... заключают соглашения такого рода... с другими странами», а на уровне Содружества заключаются «только договоры»¹¹. Министр торговли С. Бирмингем также выразил поддержку сделке Викторией с Китаем, хотя признал, что не знает подробностей меморандума (Pan & Ni, 2024, p. 5). Глядя на такую пассивную реакцию центрального правительства, другие штаты также начали проявлять заинтересованность в участии в ОПОП. Тогдашний главный министр Северной территории М. Ганнер заявил в октябре 2019 г., что «инициатива „Один пояс, один путь“ является бесприкрытой ситуацией для всех стран»¹².

В апреле 2019 г. Д. Эндрюс вновь приехал в Китай для участия в саммите международного сотрудничества «Один пояс, один путь», а в октябре того же года подписал с Китаем

рамочное соглашение по «Совместному продвижению Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Это сообщение вновь вызвало негодование премьер-министра, однако более конкретные действия были предприняты только после того, как в интервью телеканалу *Sky News* в мае 2020 г. тогдашний госсекретарь США М. Помпео заявил о том, что хотя он не осведомлен о подробностях взаимодействия Викторией с Пекином, тем не менее это может повлиять на партнерство США с Австралией по обмену информацией в рамках разведывательного альянса «Пять глаз»¹³. Вскоре после этого администрация С. Моррисона осуществила экстренные шаги по отмене соглашения. 3 сентября 2020 г. в парламент был внесен законопроект, который давал возможность федеральному правительству регулировать взаимоотношения штатов с другими государствами (Clough, 2023, p. 263). 3 декабря 2020 г. обе палаты парламента приняли законопроект, и в апреле 2021 г. правительство отменило обе сделки между штатом Виктория и КНР¹⁴.

Несмотря на то, что Австралия отказалась от участия в ОПОП, Китай сделал ряд значительных инвестиций в инфраструктуру страны. Китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) стали быстро расти в 2007 г. (рис.) и изначально были связаны со сферами энергетики, однако с ростом беспокойства по поводу больших объемов ПИИ в чувствительных отраслях и переориентацией интереса на инфраструктуру инвесторы из КНР профинансировали ряд крупных проектов в этой сфере (табл. 1).

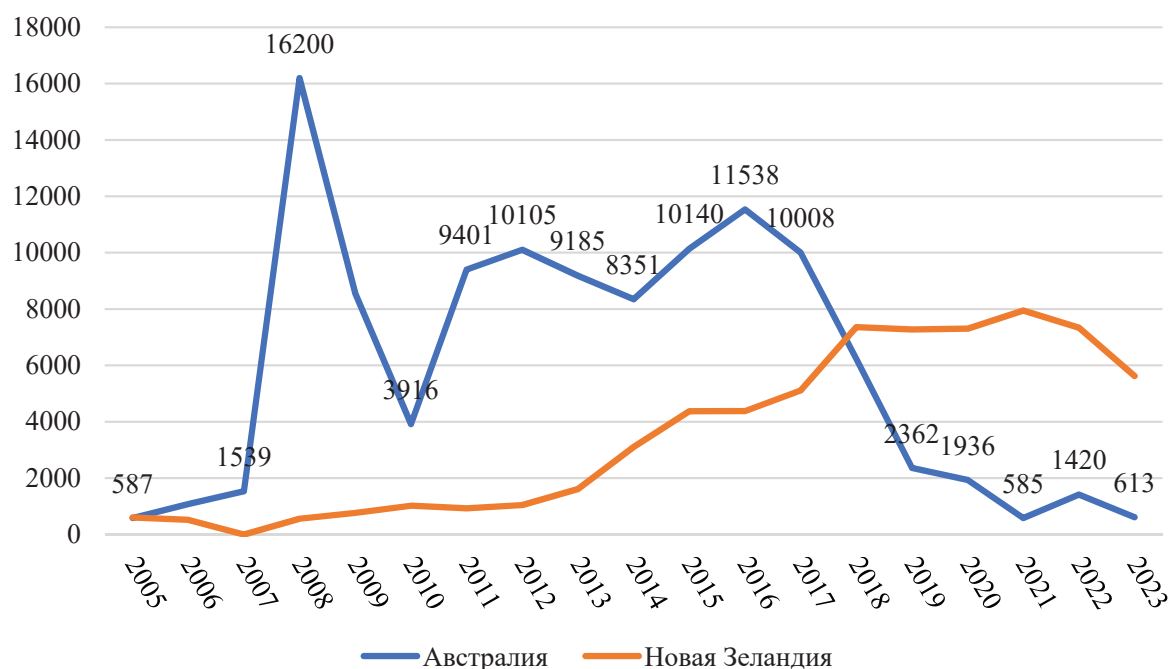
¹⁰ Prime Minister Scott Morrison, Victorian Premier Daniel Andrews Clash Over China Deal // ABC News (Australia). November 7, 2018. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-11-07/scott-morrison-daniel-andrews-clash-over-china-deal/10472026> (accessed: 21.10.2024).

¹¹ PM 'Surprised' at Secret Deal // The Australian. November 6, 2018. URL: <https://www.theaustralian.com.au/nation/foreign-affairs/scott-morrison-lashes-daniel-andrews-over-china-infrastructure-deal/news-story/bf9431067939d4b5bb0afce6210dcf2b> (accessed: 21.10.2024).

¹² Belt and Road Initiative Can Be Win-Win, Says Australia's Northern Territory Chief Minister // Xinhua. October 15, 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/15/c_138471623.htm (accessed: 26.07.2024).

¹³ Ambassador Says US Has 'Absolute Confidence' in Australia After Mike Pompeo Warns of 'Disconnect' // SBS News. May 24, 2020. URL: <https://www.sbs.com.au/news/article/ambassador-says-us-has-absolute-confidence-in-australia-after-mike-pompeo-warns-of-disconnect/8zwp6k5nk> (accessed: 26.07.2024).

¹⁴ Hurst D. Federal Government Tears Up Victoria's Belt and Road Agreements with China // The Guardian. April 22, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/apr/21/federal-government-tears-up-victorias-belt-and-road-agreements-with-china> (accessed: 16.07.2025).

Китайские ПИИ в Австралию и Новую Зеландию в 2005–2023 гг., млн долл. США

Источник: составлено Е.Ю. Катковой на основе данных Министерства коммерции КНР, доклада Сиднейского университета и статистических данных Китайско-новозеландского совета: Ferguson D., Dent H.Z., Li W., Hendrichske H., Qian S. et al. *Demystifying Chinese Investment in Australia*. Sydney : KPMG Australia ; the University of Sydney, China Studies Centre, 2024; Zhonghua renmin gongheguo zhengfu he Aodaliya zhengfu ziyou maoyi xieding jiedu [Комментарий к Соглашению о свободной торговле между Правительством КНР и Правительством Австралии] // Zhongguo ziyou maoyi qu fuwu wang [Министерство коммерции КНР]. April 24, 2017. (На китайском языке). URL: https://fta.mofcom.gov.cn/article/chinaaustralia/chinaaustralianews/201506/22176_1.html (accessed: 07.06.2025); The New Zealand China Council NZ China Dashboard // New Zealand China Council. 2023. URL: [https://nzchinacouncil.org.nz/statistics/#:~:text=Foreign%20Investment%20in%20New%20Zealand,\(year%20to%20March%202023\)](https://nzchinacouncil.org.nz/statistics/#:~:text=Foreign%20Investment%20in%20New%20Zealand,(year%20to%20March%202023)) (accessed: 26.07.2024).

Таблица 1. Крупнейшие инвестиции Китая в инфраструктуру Австралии, австралийских долл.

Год	Проект	Компания	Стоимость
2013	Оператор энергетических систем <i>AusNet</i> (19 % акций)	<i>State Grid Corporation of China</i>	810 млн
2013	Оператор энергетических систем <i>SPI (Australia) Assets (Jemena)</i>	<i>State Grid Corporation of China</i>	2,9 млрд
2014	Аренда порта Ньюкасла на 99 лет (50 % акций)	<i>China Merchants Port Holdings</i>	875 млн
2014	<i>John Holland</i> — компания, предоставляющая услуги в сфере инфраструктуры, строительства, ж/д перевозок	<i>China Communications Construction Company</i>	1,1 млрд
2015	Аренда порта Дарвин на 99 лет	<i>Landbridge Group</i>	506 млн
2016	Оператор железных дорог и портов <i>Asciano Limited</i> (16 % акций)	Консорциум, включающий китайскую компанию <i>China Investment Corporation</i>	2,4 млрд
2016	Аренда порта Мельбурн на 50 лет (20 % акций)	Консорциум, включающий китайскую компанию <i>China Investment Corporation</i>	1,9 млрд
2017	<i>Trility Group</i> — компания, предоставляющая коммунальные услуги водоснабжения и водоотведения	<i>Beijing Enterprises Water Group</i>	250 млн
2017	Газопровод <i>Darling Downs</i>	<i>State Grid Corporation of China</i>	235 млн
2018	Ж/д компания <i>RCR O'Donnell Griffin Rail</i>	<i>John Holland / China Communications Construction Company</i>	100 млн

Источник: Ferguson D., Dent H.Z., Li W., Hendrichske H., Qian S. et al. *Demystifying Chinese Investment in Australia*. Sydney : KPMG Australia ; the University of Sydney, China Studies Centre, 2024. P. 16.

В период с 2013 по 2018 г. китайские компании значительно увеличили свои инвестиции в инфраструктуру Австралии, а общий объем вложений составил более 11 млрд австралийских долларов. Помимо прямых приобретений китайские компании также обеспечили долгосрочную аренду крупных австралийских портов, включая Ньюкасл, Дарвин и Мельбурн. Однако в 2017–2018 гг. объемы китайских инвестиций в Австралию стали снижаться вслед за разработкой нового инвестиционного законодательства. Данные табл. 1 демонстрируют, что с 2017 г. проекты китайских компаний стали более мелкими, не превышающими 250 млн австралийских долл. Это связано с тем, что в 2018 г. в Австралии был принят закон о безопасности критической инфраструктуры, предусматривающий проверку и одобрение Совета по обзору иностранных инвестиций проектов зарубежных компаний¹⁵. Поэтому характер китайских ПИИ в Австралию изменился, предпочтения стали отдаваться более мелким проектам в областях, не связанных с инфраструктурой. В 2019 г. из-за пандемии коронавируса произошло дальнейшее сокращение объемов инвестиций, а в 2020–2021 гг. объемы китайских ПИИ достигли минимума из-за резкого охлаждения китайско-австралийских политических отношений. Положительная динамика в этой сфере наблюдается лишь в 2022 г., когда стороны начали постепенно восстанавливать сотрудничество (см. рис.). Следует отметить, что в 2019–2022 гг. Китай не делал инвестиций в инфраструктурный сектор Австралии.

Сотрудничество Китая и Новой Зеландии в рамках ОПОП

В отличие от Австралии Новая Зеландия меньше всего ориентировалась на США по вопросам участия в ОПОП, поэтому,

в то время как Канберра отказалась от участия в китайском проекте, Новая Зеландия в марте 2017 г. подписала с КНР меморандум по укреплению сотрудничества в рамках ОПОП, который охватывает такие сферы, как торговое и политическое сотрудничество, культурные обмены и многостороннее сотрудничество¹⁶. В Новой Зеландии не велось широких дискуссий по поводу необходимости присоединения к инициативе «Один пояс, один путь», в основном ожидания были положительные, однако, как и в остальных западных странах, правительство выдвинуло ряд требований к китайским потенциальным проектам с новозеландским участием, которые должны соответствовать международным стандартам устойчивого развития, местного участия, трудового подряда и защиты окружающей среды¹⁷.

В 2018 г. Китайско-новозеландский комитет опубликовал доклад, в котором было выделено пять приоритетных областей сотрудничества в рамках ОПОП:

- 1) координация политики путем межправительственного сотрудничества, поиск общих интересов и укрепление взаимного политического доверия;
- 2) строительство зеленой инфраструктуры вдоль маршрутов инициативы;
- 3) упрощение процедур инвестирования и торговли для создания здоровой деловой среды;
- 4) укрепление академических и культурных обменов;
- 5) финансовая интеграция, в том числе расчеты в местной валюте¹⁸.

Помимо двустороннего сотрудничества Новая Зеландия должна была стать партнером в многосторонних проектах Китая

¹⁵ Security of Critical Infrastructure Act 2018 // Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2018A00029/latest/downloads> (accessed: 30.07.2024).

¹⁶ Memorandum of Arrangement on Strengthening Cooperation on the Belt and Road Initiative Between the Government of the People's Republic of China and the Government of New Zealand // Belt and Road Portal. March 31, 2017. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/10479.html> (accessed: 30.07.2024).

¹⁷ Young J., Lin J. The Belt and Road Initiative: A New Zealand Appraisal. Wellington : New Zealand Contemporary China Research Centre, 2018. P. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/327035030_The_Belt_and_Road_Initiative_A_New_Zealand_Appraisal (accessed: 12.12.2024).

¹⁸ Belt and Road Initiative : A Strategic Pathway. Auckland : New Zealand China Council, 2018. P. 4.

вдоль ОПОП, а также хабом, упрощающим перемещение людей и товаров из Китая в Латинскую Америку и обратно. Для Пекина особый интерес представляло совместное сотрудничество в островных государствах Тихого океана, так как участие Новой Зеландии могло значительно уменьшить обеспокоенность стран региона относительно эффективности проектов и повысить доверие к китайской инициативе, а также диверсифицировать каналы финансирования и снизить долговые риски (Yue, 2021, p. 147). Так, в 2021 г. Китай и Новая Зеландия успешно завершили проект модернизации сети водоснабжения *Te Mato Vai* на О-вах Кука¹⁹, что стало примером успешного трехстороннего сотрудничества в регионе с участием китайской стороны.

Для Новой Зеландии основные потенциальные выгоды от участия в ОПОП сосредоточены в развитии инфраструктуры в стране, поскольку на сегодняшний день общая стоимость необходимых инфраструктурных проектов превысила 120 млрд долл. США²⁰. Однако, несмотря на эти выгоды, подход Новой Зеландии к ОПОП характеризуется неопределенностью.

По мере расширения экономических отношений в последние годы Китай стал одним из крупнейших инвесторов в Новую Зеландию. Китайские ПИИ стали быстро расти после подписания в 2008 г. Соглашения о свободной торговле (ССТ), которое стало всеобъемлющим двусторонним ССТ Китая с развитой экономикой. В рамках договора Новая Зеландия к 1 января 2016 г. обязалась снизить пошлины на все товары, импортируемые из Китая, до нуля. В ноябре 2016 г. начались переговоры по обновлению ССТ, и после шести раундов в апреле 2022 г. вступил в силу обновленный договор,

включающий инвестиционную либерализацию и упрощение таможенных процедур (Zhang, 2024, p. 63).

Благодаря тому, что новозеландско-китайские отношения намного стабильнее, чем австралийско-китайские, инвестиционное сотрудничество развивается также более последовательно. На рис. продемонстрировано, что начиная с 2007 г. китайские ПИИ в Новую Зеландию плавно растут без резких перепадов, как это происходит с австралийско-китайским инвестиционным сотрудничеством. В 2018 г. объемы ПИИ из Китая в Австралию стали уступать количеству инвестиций в Новую Зеландию и на 2023 г. составляли 613 млн и 5,6 млрд долл. США, соответственно (см. рис.).

Китайские инвестиции в Новую Зеландию в основном сосредоточены в таких сферах, как сельское хозяйство, разработка ресурсов, страхование, строительство и туризм (Cheng & Li, 2023, p. 44). Самыми крупными китайскими компаниями на сельскохозяйственном рынке Новой Зеландии являются *Yashili New Zealand Dairy*, производящая детское питание, *Yantai China Pet Food* (корм для домашних животных), а также молочные компании *Blue River Dairy*, *Maui Food Group* и *Shanghai Pengxin*, обладающие обширными сельскохозяйственными землями в Новой Зеландии. В сфере гостиничного бизнеса, культурной и туристической индустрии крупнейшими являются *China Travel Service* и *Fu Wah International Group*²¹.

После подписания меморандума об усилении сотрудничества в рамках инициативы ОПОП в 2017 г. инвестиционный поток из Китая в Новую Зеландию увеличился (табл. 2).

¹⁹ Major Water Infrastructure Project 'Completed' // Ministry of Infrastructure Cook Islands. May 27, 2021. URL: <https://ici.gov.ck/news/major-water-infrastructure-project-completed/> (accessed: 30.07.2024).

²⁰ Bishop H.Ch. National Infrastructure Pipeline Worth over \$120 Billion // New Zealand Government. June 19, 2024. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/national-infrastructure-pipeline-worth-over-120-billion#:~:text=%24121.2%20billion%20total%20project%20value,of%20all%20rates%20revenue%20collected> (accessed: 30.07.2024).

²¹ Invest in New Zealand Handbook. Auckland : China Chamber of Commerce in New Zealand, 2024. P. 22, 47.

Таблица 2. Существующие и потенциальные инфраструктурные проекты Новой Зеландии с участием китайских компаний, новозеландских долл.

Проект	Год	Компания	Стоимость	Стадия
Модернизация сети водоснабжения на О-вах Кука	2014	<i>China Civil Engineering Construction Corporation</i> , правительство Новой Зеландии	89 млн	Завершен в 2021 г.
Отель <i>Park Hyatt Hotel</i>	2016	<i>Fu Wah International Group</i>	300 млн	Завершен в 2020 г.
57-этажное здание жилого комплекса <i>Pacifica</i>	2017	<i>Hengyi Pacific</i>	300 млн	Завершен в 2020 г.
Жилой комплекс <i>Pacific Gardens</i> (1100 домов)	2017	<i>Changda International Development</i>	700 млн	В процессе
Модернизация шоссе Фангареи — Нортпорт и ж/д Нортпорт — Марсден Пойнт	2017	<i>China Rail</i>	500 млн	Осуществляется без участия китайской стороны
52-этажный небоскреб <i>NDG Auckland Centre</i>	2017	<i>New Development Group</i>	350 млн	В процессе
Платная дорога О Mahurangi — Penlink	2018	<i>China Tiesju Civil Engineering</i>	400 млн	Осуществляется без участия китайской стороны
Жилой комплекс <i>Seascape Apartments</i> (187 метров на 221 квартир)	2018	<i>Shundi Customs, China Construction New Zealand</i>	300 млн	В процессе
Региональная скоростная железная дорога	2020	–	14 млрд	На этапе обсуждения. Планируется осуществить без китайского участия
Второй мост/тоннель через гавань Окленда	2023	–	35–45 млрд	На этапе обсуждения. Планируется осуществить без китайского участия
Завод по производству лактоферрина	2023	<i>Yili Group</i>	43,2 млн	В процессе
Безрельсовые трамваи	2024	<i>China Rail</i>	неизвестно	Проект отменен

Источник: составлено Е.Ю. Катковой на основе: Major Water Infrastructure Project 'Completed' // Ministry of Infrastructure Cook Islands. May 27, 2021. URL: <https://ici.gov.ck/news/major-water-infrastructure-project-completed/> (accessed: 30.07.2024); The O Mahurangi — Penlink Project // Consult ANZ. April 23, 2024. URL: <https://www.consultanz.com.au/project-spotlight-new-zealand-o-mahurangi-penlink/> (accessed: 30.07.2024); Yili jituan xinxiian huoqidika xiangmu kaigong [Yili Group начинает строительство новозеландского проекта в Хокитике] // Zhongguo yidai yilu wang [Портал «Пояс и путь»]. May 26, 2023. (На китайском языке). URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0KF85K2R.html> (accessed: 21.10.2024); Zhongguo nv fuhao jiang zai aokelan jian gongyu, jiazhi 4 yi niu bi! [Богатая китайка построит в Окленде квартиру стоимостью 400 миллионов новозеландских долларов!] // Xinxilan xianqu zhongwen wang [Новозеландский вестник на китайском языке]. August 27, 2018. (На китайском языке). URL: <https://www.chineseherald.co.nz/news/property/fu-wah-reveals-400m-435-unit-wynyard-apartment-retail-plans/> (accessed: 30.07.2024); Bell M. Pacifica Penthouse Split Opens Luxury Space Up to More Buyers // Stuff. February 11, 2022. URL: <https://www.stuff.co.nz/life-style/homed/real-estate/127751077/pacifica-penthouse-split-opens-luxury-space-up-to-more-buyers> (accessed: 30.07.2024); Harrowell Ch. First Stage of \$700m Pacific Gardens Development Ready Next Year // Stuff. August 4, 2017. URL: <https://www.stuff.co.nz/business/95334317/first-stage-of-700m-pacific-gardens-development-ready-next-year> (accessed: 30.07.2024); Laird L. Northland Rail Link Talk Turns into Chinese Whispers // NZ Herald. March 28, 2017. URL: <https://www.nzherald.co.nz/northern-advocate/news/northland-rail-link-talk-turns-into-chinese-whispers/QITZMSASDWE36TIEHY2GBA7WAY/> (accessed: 30.07.2024); Nichols L. Billionaire Planning New Zealand's Tallest Building Blames City Rail Link and Covid for Delays // NZ Herald. February 23, 2022. URL: <https://www.nzherald.co.nz/nz/billionaire-planning-new-zealands-tallest-building-blames-city-rail-link-and-covid-for-delays/ZRPBD4QMFM0US7PYJ2T2LNRMVU/> (accessed: 30.07.2024); Construction Starts on New Zealand's Highest Residential Building // Building Today. February 28, 2018. URL: <https://buildingtoday.co.nz/2018/02/28/construction-starts-on-new-zealands-highest-residential-building/> (accessed: 30.07.2024); China's Belt May Support NZ Projects // NZ Herald. December 7, 2018. URL: <https://www.nzherald.co.nz/property/chinas-belt-may-support-nz-projects/ILX2O44PTHRBGQO63EUTC6ZLMI/> (accessed: 30.07.2024); Smith S. Auckland Trackless Tram Trial Off Due to 'Unsolicited' Demands from Manufacturer // Stuff. February 13, 2025. URL: <https://www.stuff.co.nz/nz-news/360579987/auckland-trackless-tram-trial-due-unsolicited-demands-manufacturer> (accessed: 08.06.2025).

С 2016 по 2020 г. китайские компании осуществили ряд крупных инвестиционных проектов в области строительства элитной недвижимости и туристической инфраструктуры, бóльшая часть которых сосредоточена в Окленде. Так, китайской компанией *Fu Wah International Group* был построен пятизвездочный отель *Park Hyatt*, и планировалось возведение в Окленде жилого комплекса на 435 квартир стоимостью до 400 млн новозеландских долл., а также отеля в Квинстауне. Кроме того, компания планировала направить инвестиции в реализацию новозеландской версии «Восточного экспресса» — роскошного туристического поезда²², однако на момент написания этой статьи информация о запуске данных проектов отсутствовала. Среди успешных примеров сотрудничества Новой Зеландии с китайскими предприятиями можно также выделить строительство небоскребов *Pacifica*, *NDG Auckland Centre*, *Seascape Apartments* и жилого комплекса *Pacific Gardens* на 1100 домов.

Что касается инвестиций в дорожную инфраструктуру, то было предпринято несколько попыток привлечь китайскую сторону в строительство дорог и модернизацию ж/д путей, но ни одна из них пока не увенчалась успехом. В 2017 г. китайская государственная компания *China Rail* подписала соглашение с Советом региона Нортленд об определении потенциальных проектов для стратегического сотрудничества и взаимодействия. После этого в СМИ появилась информация о том, что

компания профинансирует реконструкцию 22-километровой четырехполосной государственной автомагистрали Фангареи — Нортпорт и отрезка железной дороги Нортпорт — Марсден Пойнт стоимостью 500 млн новозеландских долл.²³ Эта новизна вызвала большие дебаты, касающиеся целесообразности привлечения китайской стороны к строительству критической инфраструктуры вокруг порта, и на момент написания данной статьи в рамках этого соглашения не было реализовано или предложено каких-либо конкретных проектов. В итоге модернизацию шоссе и ж/д путей осуществляют новозеландские компании за счет госфинансирования²⁴.

Еще одним потенциальным проектом было инвестирование китайского предприятия в платную дорогу, которая должна связать полуостров Уангапараоа с Оклендом. В 2018 г. стало известно, что торговая палата Окленда поддержала заявку компании *China Tiesiju Civil Engineering* на строительство платной дороги *Penlink* стоимостью 400 млн новозеландских долл.²⁵ Однако в итоге Транспортное агентство Новой Зеландии отдало проект четырем новозеландским компаниям, его общая стоимость составила 830 млн долл. США. Строительство планируется завершить в 2026 г.²⁶

Помимо этих инициатив китайских инвесторов планировалось привлечь и к другим крупным проектам, среди которых, например, региональная скоростная железная

²² Xinxilan jiang jian “dongfang kuaiche” guanchuan nanbei dao [Новая Зеландия построит «Восточный экспресс», курсирующий через Северные и Южные острова] // Sohu. December 5, 2017. (На китайском языке). URL: https://www.sohu.com/a/208585722_99939278 (accessed: 30.07.2024).

²³ Laird L. Northland Rail Link Talk Turns into Chinese Whispers // NZ Herald. March 28, 2017. URL: <https://www.nzherald.co.nz/northern-advocate/news/northland-rail-link-talk-turns-into-chinese-whispers/QITZMSASDWE36TIEHY2GBA7WAY/> (accessed: 30.07.2024).

²⁴ Botting S. Government to Spend \$550M on Northland Railway, Including Spur to Northport // NZ Herald. April 6, 2022. URL: <https://www.nzherald.co.nz/northern-advocate/news/government-to-spend-550m-on-northland-railway-including-spur-to-northport/3LN6R5NFU2ALIMQN235PLQIUUVI/> (accessed: 30.07.2024).

²⁵ Chatterton M. We’ve Got a History of Leaving Things Just Too Damn Long // Radio New Zealand. October 8, 2018. URL: <https://www.rnz.co.nz/news/national/368206/we-ve-got-a-history-of-leaving-things-just-too-damn-long> (accessed: 30.07.2024).

²⁶ The O Mahurangi — Penlink Project // Consult ANZ. April 23, 2024. URL: <https://www.consultanz.com.au/project-spotlight-new-zealand-o-mahurangi-penlink/> (accessed: 30.07.2024).

дорога, которая свяжет Гамильтон и Окленд (стоимость реализации — более 14 млрд новозеландских долл.), строительство второго моста или туннеля через гавань Окленда, а также менее масштабные планы строительства нового спортивно-развлекательного стадиона на набережной в Окленде и конференц-центра в Квинстауне²⁷. Однако по первым двум инициативам правительство в итоге отказалось от привлечения иностранного капитала, а по проектам стадиона и конференц-центра пока нет никаких конкретных предложений. В 2024 г. в СМИ появилась информация о том, что в мае компания *China Rail* представила Комитету по транспорту и инфраструктуре городского совета Окленда идею строительства безрельсовых трамваев. Пробный запуск был запланирован на конец 2024 г.²⁸, однако проект был отменен в начале 2025 г. после того, как Управление транспорта Окленда не согласовало смету на частичное финансирование испытаний и покупку выставочного образца²⁹.

Таким образом, несмотря на то что Китай и Новая Зеландия подписали соглашение о совместном развитии инициативы «Один пояс, один путь», за 7 лет достигнуты довольно скромные результаты. В отчете новозеландского аналитического центра *New Zealand Initiative* за 2024 г. отмечается ряд причин, по которым на данный момент все еще нет конкретного плана работы в рамках ИИП. Во-первых, это опасения по поводу прозрачности мероприятий в рамках ОПОП, а во-вторых, переориентация китайской

инициативы с крупных инфраструктурных проектов на «маленькие», которые бы создавали «красивую картинку»³⁰. Если рассмотреть все инициативы, в которых изначально планировала принять участие китайская сторона, то их итоговая стоимость намного превышала сумму, которую были готовы вложить китайские компании.

Кроме того, в 2021 г. Новая Зеландия изменила свою инвестиционную политику, ужесточив требования к иностранным инвесторам. Были введены следующие правила: «тест на соответствие национальным интересам» при покупке 25 % и более акций иностранными госпредприятиями, дополнительная проверка при приобретении «чувствительных» земель, подтверждающая, что приобретение принесет долгосрочную выгоду Новой Зеландии, и дополнительная комплексная проверка в случаях приобретения 25 % и более новозеландских активов или инвестиции на сумму свыше 100 млн новозеландских долл.³¹ Кроме того, у Веллингтона имеются опасения по поводу инвестиций китайских госпредприятий, которые в основном и осуществляют крупные инфраструктурные проекты.

В этой связи сотрудничество в рамках ОПОП у Китая и Новой Зеландии пока продвигается крайне медленно. На сайте инициативы обозначен только один проект — строительство завода по производству лактоферрина в Хокитике китайской компанией *Yili Group* в 2023 г., которая инвестировала в проект 700 млн сингапурских долл. (примерно 532 млн долл. США)³².

²⁷ China's Belt May Support NZ Projects // NZ Herald. December 7, 2018. URL: <https://www.nzherald.co.nz/property/chinas-belt-may-support-nz-projects/ILX2O44PTHRBGQO63EUTC6ZLMI/> (accessed: 30.07.2024).

²⁸ Smith S. Trackless Trams Trial Coming to Auckland // Stuff. July 9, 2024. URL: <https://www.stuff.co.nz/nz-news/350337409/trackless-trams-trial-coming-auckland> (accessed: 30.07.2024).

²⁹ Smith S. Auckland Trackless Tram Trial off Due to 'Unsolicited' Demands from Manufacturer // Stuff. February 13, 2025. URL: <https://www.stuff.co.nz/nz-news/360579987/auckland-trackless-tram-trial-due-unsolicited-demands-manufacturer> (accessed: 08.06.2025).

³⁰ Clark N., Hartwich O. Belt and Road Initiative : Implications for New Zealand. Wellington : The New Zealand Initiative, 2024. P. 3.

³¹ Foreign Investment Policy and National Interest Guidance // Te Tai Ōhanga. The Treasury. 2021. URL: <https://www.treasury.govt.nz/sites/default/files/2021-06/for-invest-pol-nat-interest-guidance-jun21.pdf> (accessed: 21.10.2024).

³² Yili jituan xinxilan huojidika xiangmu kaigong [Yili Group начинает строительство новозеландского проекта в Хокитике] // Zhongguo yidai yilu wang [Портал «Пояс и путь»]. May 26, 2023. (На китайском языке). URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0KF85K2R.html> (accessed: 21.10.2024).

Заключение

Таким образом, подводя итоги анализа сотрудничества Австралии и Новой Зеландии с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь», можно прийти к следующим выводам.

Несмотря на то, что австралийско-китайские отношения на протяжении 2010-х гг. постепенно ухудшались, а либеральная администрация Австралии отказалась от участия в ОПОП, тем не менее на протяжении этого времени Китай сделал ряд крупных инвестиционных вложений в австралийскую инфраструктуру, включая порты Ньюкасл, Дарвин и Мельбурн. Только после серьезного кризиса в двусторонних отношениях, вызванного давлением США на Канберру, китайские инвесторы отказались от серьезных вложений в экономику Австралии.

В отличие от Австралии отношения Новой Зеландии и Китая были более стабильными. После подписания меморандума об активизации сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в 2017 г. инвестиционный поток из Китая в Новую Зеландию увеличился. В 2018 г. страна обогнала Австралию по количеству китайских инвестиций, и за последние годы китайские инвесторы сделали ряд вложений в инфраструктурные проекты в Новой Зеландии, в основном касающиеся туристической, жилищной и сельскохозяйственной

сфер, однако ни один проект в сфере критической инфраструктуры с привлечением китайской стороны одобрен не был. Несмотря на то, что Новая Зеландия старается нивелировать негативное влияние от китайско-американского соперничества, а также нуждается в иностранных инвестициях в критическую инфраструктуру, тем не менее очевидно, что обеспокоенность по поводу китайских инвестиций, затрагивающая в равной мере все страны англосферы, не может не сказываться на развитии китайско-новозеландского инвестиционного сотрудничества.

В этой связи следует отметить все возрастающее влияние американского фактора на отношения Австралии и Новой Зеландии с КНР. Зависимость этих стран от китайского рынка, усиливавшаяся в течение последних двух десятилетий, ослабила позиции США как нынешнего мирового гегемона, грозя подорвать существующий международный порядок. В ответ на это Вашингтон в последние годы усилил давление на своих партнеров и активизировал усилия по консолидации своих союзников, стремясь сохранить статус-кво и собственное лидерство в мире. В связи с этим можно сделать вывод, что в ближайшем будущем Австралия и Новая Зеландия при всех попытках сохранить баланс в отношениях с КНР и США будут вынуждены дистанцироваться от Китая.

Поступила в редакцию / Received: 11.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М.А. Политика балансирования Новой Зеландии между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе: нарративы ежегодных отчетов Министерства иностранных дел // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 545–562. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-545-562>; EDN: LUOURN
- Askari M. U., Tahir M. Sino-US Rivalry in the South China Sea: A Hegemonic Stability Theory Perspective // Journal of Politics and International Studies. 2020. Vol. 6, no. 2. P. 115–127.

- Baker M.* New Zealand's Strategic Challenge: Responding to China's New Interventionist Foreign Policies // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2020. Vol. 3, no. 1. P. 11–39. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/JIPA/journals/Volume-03_Issue-1/Baker.pdf (accessed: 12.12.2024).
- Cheng T., Li A.* Xinxilan huaqiao huaren zai zhong xin “yidai yilu” hezuo zhong de zuoyong tanxi [Анализ роли зарубежных китайцев в Новой Зеландии в китайско-новозеландском сотрудничестве в рамках «Пояса и пути»] // *Huaqiao huaren zhengzhi jingji* [Политика и экономика китайской диаспоры]. 2023. No. 3. P. 42–49. (На китайском языке).
- Clough G.* The Australia's Foreign Relations Act and Australia's Relationship with International Law // *Federal Law Review*. 2023. Vol. 51, no. 2. P. 257–281. <https://doi.org/10.1177/0067205X231166158>; EDN: VYBOFI
- Danner L.K., Martin F.E.* China's Hegemonic Intentions and Trajectory: Will It Opt for Benevolent, Coercive, or Dutch-Style Hegemony? // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2019. Vol. 6, iss. 2. P. 186–207. <https://doi.org/10.1002/app5.273>
- Gilpin R.* *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton : Princeton University Press, 2001. <https://doi.org/10.1515/9781400831272>
- He B., Stokes G., Hundt D.* The Politics of Australian Responses to the Belt and Road Initiative // *East Asian Policy*. 2024. Vol. 16, iss. 1. P. 95–106. <https://doi.org/10.1142/S1793930524000072>; EDN: WKPTMM
- Ju Zh.* Te'enbu'er zhengfu shiqi aodaliya dui “yidai yilu” changyi de renzhi: taidu, kunjing yu duice [Восприятие инициативы «Один пояс, один путь» в Австралии при администрации Тернбулла: Отношение, дилеммы и контрмеры] // *Huaqiao huaren yanjiu* [Исследования китайской диаспоры]. 2020. No. 1. P. 156–169. (На китайском языке).
- Keohane R.O.* *After Hegemony : Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton : Princeton University Press, 1984. <https://doi.org/10.1515/9781400820269>
- Kindleberger C.P.* *The World in Depression, 1929–1939*. Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1973.
- Ning T.* Aodaliya dui “yidai yilu” juece de zhengdang zhengzhi luoji [Партийно-политическая логика принятия решений в Австралии по инициативе «Пояс и путь»] // *Yinduyang jingji ti yanjiu* [Экономические исследования Индийского океана]. 2023a. No. 6. P. 42–61. (На китайском языке). <https://doi.org/10.16717/j.cnki.53-1227/f.2023.06.003>
- Ning T.* Xinxilan guojia anquan zhanlue: yanjin, tiaozheng yu Shijian [Стратегия национальной безопасности Новой Зеландии: Эволюция, корректировка и практика] // *Guojia anquan yanjiu* [Исследования национальной безопасности]. 2023b. No. 6. P. 66–84. (На китайском языке).
- Pan R., Ni Y.* Longitudinal Change in the Attitude of Australian Government towards the Belt and Road Initiative: Stages, Causes and Countermeasures // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, iss. 3. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e24882>; EDN: UCCGYG
- Smith N.S., Holster B.* New Zealand's ‘Maori Foreign Policy’ and China: A Case of Instrumental Relationality? // *International Affairs*. 2023. Vol. 99, iss. 4. P. 1575–1593. <https://doi.org/10.1093/ia/iad123>; EDN: TTEBAQ
- Steff R.* ‘Our Region is Now a Strategic Theatre’: New Zealand's Balancing Response to China // *The Pacific Review*. 2024. Vol. 37, iss. 6. P. 1120–1151. <https://doi.org/10.1080/09512748.2024.2314764>
- Wallis J., Xie G., Waqavakatoga W., Habru P., Koro M.* Ordering the Islands? Pacific Responses to China's Strategic Narratives // *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. Vol. 16, no. 4. P. 457–481. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad015>; EDN: OFWZYO
- Yi S.* Zhong mei zhanlue jingzheng beijing xia aodaliya duiwai zhanlue bianhua de duochong guojia shenfen ren zhi yinsu [Множественные факторы национальной идентичности, лежащие в основе изменений во внешней стратегии Австралии в контексте стратегической конкуренции между Китаем и США] // *Yinduyang jingji ti yanjiu* [Экономические исследования Индийского океана]. 2024. No. 5. P. 56–83. (На китайском языке).
- Yu H.* *Understanding China's Belt and Road Initiative*. Singapore : Springer, 2024. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-9633-9>
- Yue Sh.* Ao xin liang guo dui “yidai yilu” changyi de renzhi bijiao yu jizhi hua jianshe [Сравнительный анализ подходов Австралии и Новой Зеландии к инициативе «Один пояс, один путь» и ее институционального построения] // *Liaoning daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* [Журнал Ляонинского университета (издание по философии и социальным наукам)]. 2021. Vol. 49, no. 4. P. 142–154. (На китайском языке). <https://doi.org/10.16197/j.cnki.lnupse.2021.04.015>

Zhang T. Zhongguo — xinxilan jingmao hezuo xin jinzhan: Shenru fenxi yu qianzhan yanjiu [Новый прогресс в торгово-экономическом сотрудничестве Китая и Новой Зеландии: Углубленный анализ и перспективные направления дальнейших исследований] // Guoji shangmao [Международная торговля]. 2024. Vol. 33, no. 13. P. 62–65. (На китайском языке). <https://doi.org/10.19699/j.cnki.issn2096-0298.2024.13.062>

Zhang Y. Shi lun “Yidai yilu” changyi zai nan taipingyang daoguo de shishi lujing [Пути реализации инициативы «Один пояс, один путь» в островных странах южной части Тихого океана] // Taipingyang xuebao [Тихоокеанские исследования]. 2019. Vol. 27, no. 1. P. 93–104. (На китайском языке). <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2019.01.009>

Сведения об авторе:

Каткова Евгения Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 6742-4740; ORCID: 0000-0002-2855-3163; e-mail: katkova_eyu@pfur.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ENERGY DIMENSIONS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-652-667
EDN: HXKFAP

Научная статья / Research article

Сочетание изобилия и доступности: роль Нигерии в глобальном энергетическом переходе

К. Дженесис , И. Ф. Шириязданова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 shiriazdanova-if@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрена энергетическая безопасность как ключевой элемент национальной стабильности, формируемой сочетанием географических, политических и экономических факторов. Наибольший интерес представляют системы энергетической безопасности стран Глобального Юга, где структурные уязвимости сочетаются с растущими требованиями глобального энергетического перехода. На примере Нигерии — одного из крупнейших производителей углеводородов в Африке — проанализирована парадоксальная ситуация: обладая значительными запасами нефти, природного газа, гидро- и солнечной энергии, страна продолжает сталкиваться с дефицитом внутреннего энергоснабжения и широко распространенной нехваткой энергии. Это противоречие указывает на глубинные институциональные и инфраструктурные дисбалансы, не позволяющие странам — экспортерам природных ресурсов извлекать устойчивые выгоды для собственного развития. Существующие исследования в области энергетической безопасности преимущественно акцентируют внимание на отдельных ее аспектах, таких как стабильность поставок, экономическая доступность или технологическая модернизация. Однако такие подходы зачастую игнорируют комплексное взаимодействие политических, правовых, инфраструктурных и социально-экономических факторов, определяющих внутренний доступ к энергии в государствах, ориентированных на экспорт ресурсов. В связи с этим выявляется существенный исследовательский пробел: недостаточно изучено, каким образом страны, подобные Нигерии, могут расширить внутреннюю энергетическую доступность, при этом сохранив свою стратегическую роль в глобальной трансформации энергетических рынков. Особое внимание уделено несоответствиям в энергетической инфраструктуре, хронической нехватке долгосрочных инвестиций и нормативно-правовым ограничениям, препятствующим устойчивому развитию сектора. Предлагается интегрированный аналитический подход, включающий оценку геополитических аспектов экспорта энергоресурсов, анализ внутреннего инфраструктурного потенциала и сопоставление опыта других государств с формирующейся рыночной экономикой и ресурсной ориентацией. Методологическая база исследования сочетает количественные и качественные методы, включая анализ первичных и вторичных данных, что позволяет глубже раскрыть причинно-следственные связи между изобилием ресурсов, институциональными особенностями и уровнем доступа населения к энергии. Полученные результаты формируют основу для определения стратегических возможностей Нигерии в обеспечении справедливого, устойчивого и инклюзивного энергетического перехода, имеющего критическое значение для дальнейшего развития Африканского континента.

© Дженесис К., Шириязданова И. Ф., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергетические ресурсы, энергетическая нестабильность, энергетическая перспектива, социально-экономическое развитие, энергетическая дипломатия, энергетическая бедность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Дженисис К.: концептуализация, разработка методологии исследования, обработка данных, подготовка черновика рукописи, выполнение исследования, редактирование рукописи и визуализация данных. Шириязданова И.Ф.: концептуализация, разработка методологии исследования, обработка данных, подготовка черновика рукописи, научное руководство и рецензирование. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: *Дженисис К., Шириязданова И. Ф.* Сочетание изобилия и доступности: роль Нигерии в глобальном энергетическом переходе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 652–667. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-652-667>

Bridging Abundance and Access: Nigeria's Role in the Global Energy Transformation

Kevinus Genesis , Irina F. Shiriazdanova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 shiriazdanova-if@rudn.ru

Abstract. Energy security is examined as a key component of national stability shaped by the interplay of geographic, political, and economic factors. Particular attention is given to its manifestations in the countries of the Global South, where structural vulnerabilities intersect with the growing demands of the global energy transition. Using Nigeria — one of Africa's largest hydrocarbon producers — as a case study, the analysis highlights a paradoxical situation: despite possessing substantial oil, natural gas, hydroelectric and solar energy reserves, the country continues to experience insufficient domestic energy supply and widespread energy poverty. This contradiction is indicative of deep-rooted institutional and infrastructural imbalances that prevent resource-exporting states from deriving sustainable developmental benefits from their natural wealth. Existing research on energy security tends to focus on discrete dimensions, such as supply stability, affordability, or technological modernization. However, such approaches often overlook the complex interaction of political, legal, infrastructural, and socio-economic factors that shape domestic energy access in resource-exporting economies. As a result, a significant research gap has emerged: insufficient attention has been paid to how countries such as Nigeria can enhance domestic energy availability while maintaining their strategic role in the global transformation of energy markets. The study places particular emphasis on inconsistencies in energy infrastructure, chronic shortages of long-term investment, and regulatory constraints hindering sustainable sectoral development. An integrated analytical framework is proposed, combining an assessment of the geopolitical dimensions of energy exports with an evaluation of domestic infrastructural capacity and a comparative analysis of other emerging resource-oriented economies. Methodologically, the research employs a mixed approach integrating quantitative and qualitative methods, including the analysis of primary and secondary data. This enables a more profound exploration of the causal linkages among resource abundance, institutional characteristics, and levels of public energy access. The findings provide a foundation for identifying Nigeria's strategic opportunities in fostering a just, sustainable, and inclusive energy transition — an objective of critical importance for the broader development trajectory of the African continent.

Key words: energy security, energy resources, energy insecurity, energy prospect, socio-economy development, energy diplomacy

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the authors. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

Authors' contributions. K. Genesis: conceptualization, development of research methodology, data curation, manuscript draft preparation, study execution, editing of the manuscript and data visualization. I.F. Shiriazdanova: conceptualization, development of research methodology, data curation, manuscript draft preparation, research supervision and review. Both authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Genesis, K., & Shiriazdanova, I.F. (2025). Bridging abundance and access: Nigeria's role in the global energy transformation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 652–667. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-652-667>

Введение

Идея ресурса имеет человекоцентричную природу, поскольку для того, чтобы явление или объект могли рассматриваться как ресурс, они должны восприниматься как ценность для человека. В этом контексте энергетические ресурсы занимают ключевое место, поскольку являются фундаментальной основой функционирования всех сфер человеческой деятельности.

Нигерия, расположенная на западном побережье Африки и характеризующаяся разнообразием природно-климатических условий — от аридных до влажных экваториальных зон, — обладает значительным набором природных богатств. Наиболее существенными среди них являются крупные запасы нефти и природного газа. Несмотря на наличие широкого спектра как возобновляемых, так и невозобновляемых энергетических ресурсов, значительная их часть остается недостаточно освоенной. Одним из наиболее недоиспользуемых возобновляемых источников энергии (ВИЭ) является солнечная энергия, потенциал которой, вероятно, еще долгое время не будет реализован в полной мере. Эффективное вовлечение ресурсов в хозяйственный оборот имеет критическое значение для национальной экономики, поскольку наибольшую экономическую ценность представляют такие

полезные ископаемые, как сырая нефть, природный газ, уголь, олово и колумбит. Нефть, впервые обнаруженная в 1957 г., стала ключевым источником государственных доходов и валютных поступлений (Ajao et al., 2021).

Несмотря на значительный энергетический потенциал, Нигерия сталкивается с серьезными препятствиями на пути к укреплению своей позиции в глобальной системе, прежде всего в социально-экономическом и инфраструктурном развитии, а также в наращивании военного потенциала: более 70 % населения страны все еще не имеют доступа к электроэнергии¹. В мировом масштабе свыше одного миллиарда человек — около 13 % населения — лишены электричества, причем основной концентрацией являются государства Африки и Южной Азии². В странах Африки к югу от Сахары около 600 млн человек, или 57 % населения, живут без электроснабжения, тогда как в развивающихся регионах Азии этот показатель составляет 350 млн человек, или 9 % населения³. Подобные внутренние энергетические дисбалансы существенно ограничивают экономическое развитие, усиливают социальное неравенство, препятствуют модернизации инфраструктуры и снижают способность государства обеспечивать энергетическую устойчивость в соответствии с глобальными стандартами.

¹ Cozzi L., Diarra N., Roge A., Idini B., Jongejans A. Access to Electricity Stagnates, Leaving Globally 730 Million in the Dark // IEA. October 9, 2025. URL: <https://www.iea.org/commentaries/access-to-electricity-stagnates-leaving-globally-730-million-in-the-dark> (accessed: 15.10.2025).

² SDG7: Data and Projections // IEA. November 15, 2024. URL: <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections>, (accessed: 01.12.2024).

³ Decoding Africa's Energy Journey: Three Key Numbers // UN Sustainable Development Group. January 27, 2025. URL: <https://unsdg.un.org/latest/stories/decoding-africa%E2%80%99s-energy-journey-three-key-numbers> (accessed: 20.04.2025).

Тем не менее совокупность энергетического потенциала и географического положения обеспечивает Нигерии определенные преимущества в условиях трансформации мировой энергетической системы. По мере перехода глобальной экономики к низкоуглеродной модели страны, обладающие значительными ресурсами, оцениваются не только по возможности экспорта энерго-ресурсов, но и по способностям обеспечивать устойчивый и инклюзивный внутренний рост. Реализация указанных задач позволила бы Нигерии укрепить национальную устойчивость и увеличить привлекательность на международной арене, что создало бы более благоприятные условия для энергетического сотрудничества и участия в инициативах по передаче технологий.

Обострение российского-украинского конфликта актуализировало необходимость пересмотра глобальной энергетической политики, особенно в европейских странах, стремящихся уменьшить зависимость от российского природного газа. В этих условиях энергетический потенциал Нигерии приобретает стратегическое значение как возможная альтернативная база для поставок газа: по имеющимся данным, ее запасы природного газа в 2024 г. превышают 200 трлн кубических футов и сосредоточены в стратегически значимых газовых коридорах Западной Африки (Oluku & Olori, 2025).

Европейский союз демонстрирует стремление к расширению сотрудничества с Нигерией, включая возобновление проектов типа Транссахарского газопровода и увеличение импорта сжиженного природного газа из нигерийских терминалов. Однако потенциал страны в этой сфере ограничивается проблемами инфраструктуры, угрозами безопасности и устойчивой политической нестабильностью в дельте Нигера.

Параллельно Нигерия развивает энергетическое сотрудничество с Китаем и Россией: Китай инвестирует в развитие газотранспортной инфраструктуры, в то время как Россия ведет переговоры со стратегическими энергетическими компаниями,

включая «Газпром». В случае успешной навигации в сложной дипломатической среде и эффективного решения внутренних проблем Нигерия способна предоставить Европе жизнеспособную альтернативу, повысить спрос на собственные энергоресурсы, укрепить свои переговорные позиции и привлечь новые инвестиции. В конечном итоге страна обладает потенциалом для того, чтобы выйти за рамки роли поставщика энергии и стать значимым геополитическим актором, влияющим на формирование стратегических альянсов в Евразии и Африке посредством инструментов энергетической дипломатии.

Методология и источниковая база исследования

В данном исследовании применяется методология качественного сравнительного анализа государственной политики, направленная на критическую оценку состояния энергетической безопасности Нигерии в глобальном контексте. Исследование опирается на сочетание первичных и вторичных источников, сгруппированных по трем основным направлениям: правовые и институциональные рамки, научные исследования и международные статистические данные. Были систематически проанализированы ключевые национальные энергетические документы, которые формируют основу для понимания нормативных обязательств государства и институциональной готовности к энергетическому переходу.

В работе обобщена рецензируемая литература, подготовленная как нигерийскими (Owebor et al., 2025; Ekechukwu & Eziefula, 2025; Owoye et al., 2025), так и международными исследователями в области энергетики. В научных трудах акцентируется внимание на диверсификации энергетического баланса и устойчивом развитии (Oyedepo, 2012; Ajia, 2025; Dosunmu & Olanrewaju, 2024), масштабируемости солнечной энергетики (Okeke, Izueke & Nzekwe, 2014), критике правоприменительной практики в сфере энергетических правонарушений (Akabuiro & Umeobika, 2020),

а также анализе институциональных недостатков в управлении энергетическим сектором и оценке развивающегося международного газового рынка и его регулирования (Ouwunmi & Ehanmo, 2021).

Статистические данные и сравнительные показатели получены из общепризнанных международных источников, включая Международное энергетическое агентство (МЭА), Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Всемирный банк и Управление энергетической информации США. Соответствующие наборы данных позволяют оценить результаты Нигерии в контексте более широких глобальных и региональных тенденций энергетического перехода, особенно среди стран Глобального Юга, государств с формирующимися экономиками и стран, зависящих от ископаемого топлива.

Концепция энергетической безопасности и нестабильности

Отсутствие общепринятого определения концепции энергетической безопасности порождает неоднозначность и затрудняет формирование эффективной политики в этой сфере. Такая неопределенность обусловлена многомерностью самого термина, содержание которого варьируется в зависимости от контекста.

В научной литературе предпринимаются попытки систематизировать существующие определения и предложить интегративные рамки, учитывающие различные аспекты энергетической безопасности. Однако применение индикаторов энергетической безопасности для оценки последствий политики остается проблематичным: регулирующие меры нередко оказывают неоднозначное влияние на различные показатели. Отсутствие строгой микроэкономической основы у используемых индикаторов представляет

собой существенный вызов для органов государственной власти, стремящихся оценивать и улучшать уровень энергетической безопасности.

Параллельно развивается исследовательская литература, посвященная безопасности энергоснабжения, включая доступность и ценовую стабильность. Ряд исследователей выступают за более комплексный подход, учитывающий влияние энергетических рисков на экономическое и социальное благополучие. На энергетическую безопасность могут воздействовать геополитическая напряженность, военные конфликты, стихийные бедствия и инфраструктурные сбои, нарушающие функционирование энергетических цепочек.

Доступность энергетических ресурсов представляет собой еще один ключевой компонент энергетической безопасности, поскольку высокие цены могут ограничивать доступ к энергии и способствовать распространению энергетической бедности, особенно среди домохозяйств и сообществ с низким уровнем дохода. Не менее важным является аспект физической доступности — возможности подключения к энергетической инфраструктуре, что особенно актуально для удаленных и недостаточно обеспеченных регионов. Согласно определению Международного энергетического агентства, энергетическая безопасность означает «непрерывное снабжение энергией по доступным ценам»⁴. Она предполагает способность энергосистемы удовлетворять индивидуальные, социальные и экономические потребности без ущерба для национальных интересов. Энергетическая безопасность включает обеспечение стабильности и диверсификации источников энергоснабжения, предотвращение перебоев в энергоподаче, а также решение проблем, связанных с производством, распределением и потреблением энергии. Стабильность энергосистемы

⁴ Energy Supply Security 2014: International Energy Agency // OECD. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/08/energy-supply-security-2014_g1g4668f/9789264218420-en.pdf (accessed: 10.03.2024).

является важнейшим условием экономического развития и социального благополучия. Напротив, энергетическая незащищенность представляет собой отсутствие надежного, доступного и устойчивого доступа к необходимым энергетическим ресурсам, что остается критической проблемой для многих стран и сообществ.

В целом различные определения энергетической безопасности объединяет ориентация на снижение рисков, нарушающих баланс между спросом и предложением. Тем не менее авторы предлагают разные критерии оценки серьезности и масштабов воздействия энергетических угроз. К числу таких критериев относятся скорость, масштаб, продолжительность, охват, уникальность и предсказуемость последствий этих угроз. Масштаб воздействия может варьироваться от обеспечения непрерывности услуг до поддержания экономической стабильности и предотвращения более широких экологических и социальных последствий. Хотя подобные критерии преимущественно применялись для анализа бесперебойности поставок товаров, они могут быть адаптированы для оценки любых видов энергетических воздействий (Winzer, 2011, pp. 2–3).

По оценкам управляющего директора Национальной нефтяной компании Нигерии, запасы нефти страны превышают 32 млрд баррелей, что делает ее крупнейшим производителем углеводородов на Африканском континенте. Помимо 32,7 млрд баррелей нефти Нигерия располагает более 165 трлн кубических футов природного газа, включая 75,4 трлн кубических футов свободного (непопутного) газа. Несмотря на то что около 70 % энергоресурсов Западной Африки поступает из Нигерии, стране затруднительно стабильно поставлять энергоресурсы на мировой рынок из-за внутренних инфраструктурных проблем и проблем безопасности (Edomah, 2018).

Добыча нефти началась в Нигерии в 1956 г. с уровня примерно 5,1 тыс. баррелей в сутки и сопровождалась постепенным расширением энергетической инфраструктуры. После вступления в ОПЕК в 1971 г. добыча неуклонно росла, достигнув 2,32 млн баррелей сырой нефти и конденсата в сутки по состоянию на 2019 г. при средней цене 60 долл. США за баррель. С мая 2020 г. объемы добычи существенно колеблются в пределах от 1,4 до 1,1 млн баррелей в сутки, что приводит к значительному снижению ежемесячных поступлений в федеральный бюджет⁵.

Энергетические ресурсы Нигерии

Природный газ является наиболее распространенным источником производства электроэнергии в Нигерии. С 2023 г. около 79,5 % электроэнергии в стране вырабатывается из этого источника (табл. 1). На втором месте — гидроэнергетика, на долю которой приходится около 20,4 % производства электроэнергии в Нигерии⁶. Нигерия также обладает самыми большими запасами природного газа в Африке и входит в ТОП стран мира по объему доказанных запасов (Towler, 2013).

Таблица 1. Доля производства электроэнергии в Нигерии в 2024 г. по типу источников, %

Источник генерации энергии	Распределение выработки электроэнергии
Газ	79,46
Гидроэнергетика	20,37
Уголь	0
Солнечная энергия	0,12
Биоэнергия	0,05
Другие ископаемые ресурсы	0

Источник: составлено К. Дженесисом и И.Ф. Ширияздановой на основе: Share of Electricity Generation in Nigeria in 2023, by Source // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1237541/nigeria-distribution-of-electricity-production-by-source/> (accessed: 31.10.2024).

⁵ Nigeria: Overview // U.S. Energy Information Administration. 2023. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/NGA> (accessed: 11.06.2024).

⁶ Share of Electricity Generation in Nigeria in 2023, by Source // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1237541/nigeria-distribution-of-electricity-production-by-source/> (accessed: 31.10.2024).

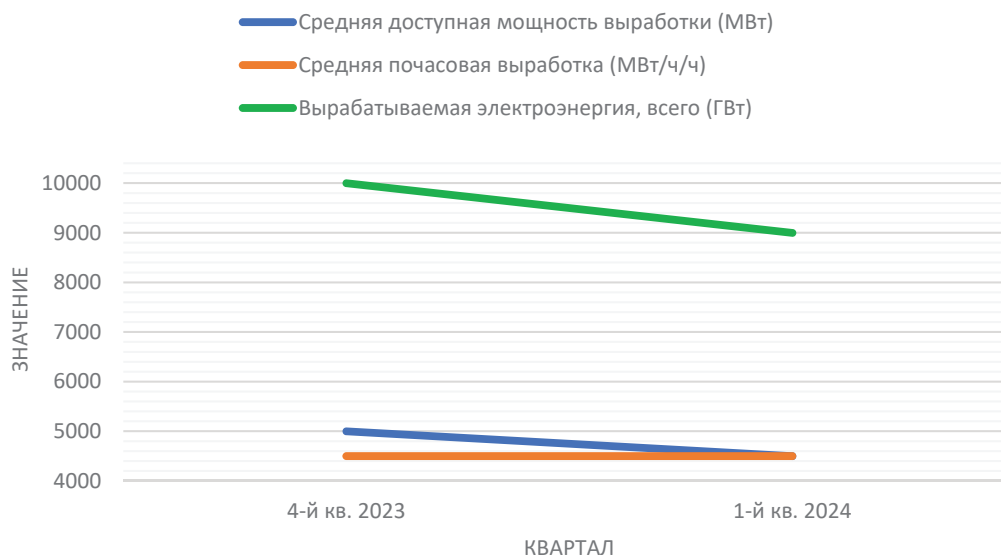

Рис. 1. Показатели выработки электроэнергии в Нигерии, 4-й квартал 2023 г. — 1-й квартал 2024 г.

Источник: составлено К. Дженесисом и И.Ф. Ширияздановой на основе: Nigeria Electricity Production, 2005–2024 // CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/nigeria/electricity-production> (accessed: 10.11.2024).

На рис. 1 наглядно проиллюстрировано снижение показателей выработки электроэнергии с 4-го квартала 2023 г. по 1-й квартал 2024 г.: средняя доступная генерирующая мощность снизилась с 4922,26 до 4249,10 МВт/ч, то есть на 13,68 %. Средняя почасовая выработка снизилась с 4433,82 до 4069,57 МВт/ч (на 8,22 %). Общий объем выработки электроэнергии снизился с 9789,87 до 8887,93 ГВт/ч (на 9,21 %)⁷.

Глобальные тенденции в энергетической сфере

Мировые энергетические рынки претерпевают существенные изменения, поскольку страны отдают приоритет диверсификации энергетики, декарбонизации и устойчивому развитию. По данным МЭА, прогнозируется рост мирового спроса на энергию на 25 % в период с 2021 по 2040 г., в первую очередь за счет развивающихся стран, особенно в Африке⁸. Глобальный переход и развитие

возобновляемых источников энергии создают как возможности, так и проблемы для Нигерии, одной из крупнейших нефтедобывающих стран. Несмотря на значительные запасы и 16-е место в мире по добыче нефти⁹, Нигерия сталкивается с парадоксом: наличие богатых ресурсов при постоянном дефиците энергии. Потенциал страны по укреплению энергетической безопасности в Западной Африке и во всем мире сдерживается недостатками инфраструктуры и неэффективностью использования энергии. Будучи ключевым игроком в мировом энергетическом секторе, Нигерия должна использовать свой значительный потенциал возобновляемых источников энергии, включая солнечную, ветровую и гидроэнергетику, и соответствовать международным программам устойчивого развития, таким как цели Парижского соглашения.

Прогноз относительно мировой выработки возобновляемой энергии к 2030 г. позволяет выделить ключевые вехи в развитии этой отрасли и утверждать, что производство ВИЭ превзойдет

⁷ Energy Sector in Nigeria — Statistics & Facts // Statista. August 19, 2024. <https://www.statista.com/topics/11022/energy-sector-in-nigeria/> (accessed: 01.10.2024).

⁸ Global Energy Review 2025 // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2025> (accessed: 12.10.2025).

⁹ Ajayi F. Meet Africa's Top 10 Oil Producers // Shore.Africa. November 27, 2024. URL: <https://shore.africa/2024/11/27/top-ten-oil-producers-in-africa-2024/> (accessed: 12.10.2025).

по объемам выработку энергии угля, атомной энергии и гидроэнергии (рис. 2). В частности, ожидается рост производства ветряной и солнечной энергии. Прогнозируется, что к 2030 г. производство электроэнергии из возобновляемых источников достигнет 17 000 ТВт/ч, что значительно превысит показатели 2023 г.

В настоящее время региональное неравенство в использовании ВИЭ определяется экономическими условиями, проблемами инфраструктуры и политическими рамками. Так, Глобальный Юг сталкивается со значительными препятствиями в масштабировании решений в области возобновляемой энергетики

из-за неразвитой инфраструктуры и ограниченных инвестиций в эту сферу. Страны этой части мира (без учета Китая) получают лишь 15 % от 2 трлн долл. США, выделенных на инвестиции в чистую энергетику. Вместе с тем такие страны, как Китай, намерены стать лидерами в развертывании возобновляемой энергетики. На их долю пришлось 60 % мирового прироста в 2023 г.¹⁰

В свою очередь такие регионы, как Европа и Северная Америка, также сталкиваются с серьезными вызовами, включая высокие издержки и нерешенные проблемы в цепочках поставок.

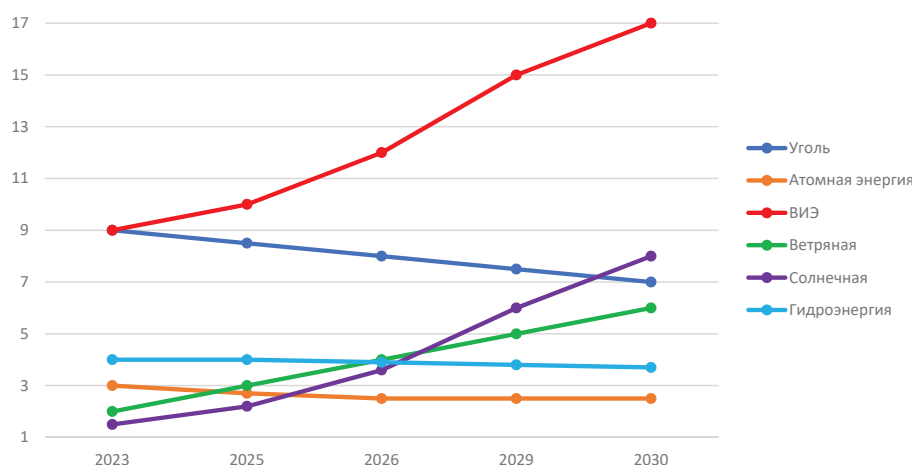

Рис. 2. Прогноз мирового производства ВИЭ до 2030 г.

Источник: составлено К. Дженесисом и И.Ф. Ширияздановой по данным: Share of Renewable Electricity Generation by Technology, 2000–2030 // IEA. December 18, 2023. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/share-of-renewable-electricity-generation-by-technology-2000-2030> (accessed: 10.11.2024).

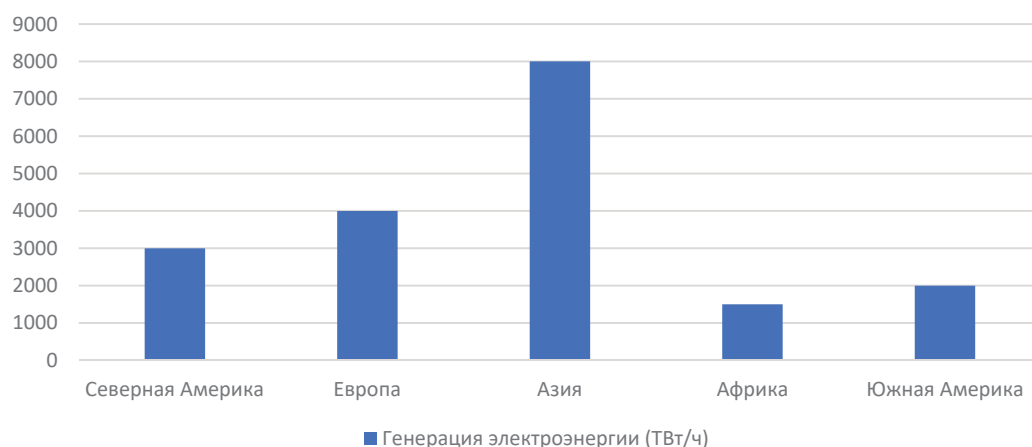

Рис. 3. Производство ВИЭ по регионам мира в 2025 г.

Источник: составлено К. Дженесисом и И.Ф. Ширияздановой по данным: (Chen, 2025, p. 244).

¹⁰ World Energy Investment 2024 // IEA. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/60fcd1dd-d112-469b-87de-20d39227df3d/WorldEnergyInvestment2024.pdf> (accessed: 04.05.2025).

На диаграммах рис. 3 видно, что Азия занимает лидирующие позиции по внедрению ВИЭ (примерно 8000 ТВт/ч). Это отражает значительные инвестиции и достижения в области технологий возобновляемых источников энергии, особенно в таких странах, как Китай и Индия. Далее следует Европа с показателем около 4000 ТВт/ч, что обусловлено наличием прочной политической базы и твердой приверженностью правительств европейских государств принципам устойчивого развития. В Северной Америке производство ВИЭ составляет 3000 ТВт/ч, и в регионе продолжают усилия по переходу

на более чистые источники энергии. В Южной Америке и Африке наблюдаются более низкие темпы внедрения ВИЭ — 2000 ТВт/ч и 1500 ТВт/ч соответственно, что указывает на такие проблемы, как дефицит инфраструктуры и инвестиций, при этом важно отметить, что Африка обладает 40 % мировых запасов кобальта, марганца и платины, необходимых для энергетического перехода. Однако поскольку континент сталкивается с такими сложностями, как нехватка финансирования, недостаточная инфраструктура и политическая нестабильность, он отстает от других регионов мира по скорости внедрения ВИЭ¹¹.

Таблица 2. Внедрение возобновляемых источников энергии в отдельных государствах Африки, 2024–2025 гг.

Страна	Год	Доля возобновляемых источников энергии, %	Доля выработки гидроэнергии, %	Солнечная энергия, МВт	Ветряная энергия, МВт
Кения	2024	89	17	350	310
	2025	89	18	350	310
Египет	2024	22	11	2500	1600
	2025	28	11	2700	1800
Южно-Африканская Республика	2024	12	1	2700	4600
	2025	14	1,2	2900	4800
Ангола	2024	6	2,5	500	0
	2025	6,8	4	600	0

Источник: составлено К. Дженесисом и И.Ф. Ширияздановой по данным: (Alex-Oke et al., 2025, p. 59).

Исходя из данных, отраженных в табл. 2, можно утверждать, что для Кении и Анголы характерны системы возобновляемой энергетики, хотя и отличающиеся друг от друга по структуре: в то время как Кения использует комбинацию геотермальной и гидроэлектроэнергии¹², Ангола полагается исключительно

на гидроэлектроэнергию¹³. Египет и Южно-Африканская Республика (ЮАР) активно расширяют свои проекты в области солнечной и ветроэнергетики, однако общее распространение ВИЭ в них по-прежнему остается низким из-за значительной зависимости от ископаемого топлива. По имеющимся

¹¹ Khoza S. Africa's Steady Race Towards Renewable Energy Sources // Global Energy Alliance. March 12, 2024. URL: <https://energyalliance.org/africas-steady-race-towards-renewable-energy-sources/> (accessed: 11.10.2024).

¹² Kenya Energy & Petroleum Statistics Report. Financial Year 2023/2024 // Energy & Petroleum Regulatory Authority. URL: https://www.epra.go.ke/sites/default/files/2025-03/Bi-Annual%20Energy%20%26%20Petroleum%20Statistics%20Report%202024_2025.pdf (accessed: 15.11.2025).

¹³ National Strategy for Renewable Energies // Ministry of Energy and Water (MINEA-Angola). January 7, 2019. URL: <https://www.minea.gov.ao/index.php/component/content/article/19-destaque/137-national-strategy-for-renewable-energies> (accessed: 15.11.2025).

прогнозам, к концу 2025 г. ЮАР будет лидировать по установленной мощности¹⁴, Кения возглавит список африканских стран по доле ВИЭ в общем производстве энергии, Египет продемонстрирует сбалансированный рост¹⁵, а Ангола, вероятно, останется преимущественно зависимой от гидроэлектроэнергии (Alex-Oke et al., 2025, pp. 2–15).

Глобальное согласование политики и энергетический переход

Энергетическая политика во всех странах, особенно в странах Африки к югу от Сахары, год от года демонстрирует все большее соответствие глобальным Целям устойчивого развития (ЦУР), в частности ЦУР 7, которая направлена на обеспечение всеобщего доступа к недорогостоящим, надежным и современным энергетическим ресурсам к 2030 г.

Геополитическое значение энергетических ресурсов имеет первостепенное значение. Страны, обладающие значительными запасами энергоносителей, такие как Нигерия, обладают потенциалом влиять на глобальные цепочки поставок энергоносителей. Например, энергетический переход в Африке имеет решающее значение для снижения угроз глобальной энергетической безопасности, поскольку такие регионы, как Европа и Азия, стремятся диверсифицировать свой импорт энергоносителей. Нигерия занимает стратегическое положение в Гвинейском заливе, а ее участие в Африканской континентальной зоне свободной торговли (АфКЗСТ) открывает возможности для торговли энергоносителями и сотрудничества с другими странами континента, потенциально укрепляя региональную энергетическую стабильность и безопасность.

Тем не менее, внутрисполитические особенности (сохраняющиеся проблемы безопасности, неразвитая инфраструктура и повсеместная коррупция, а также продолжающееся межконфессиональное насилие) и геополитические факторы, включая проблемы безопасности в дельте р. Нигер, регуляторные риски и экономическую уязвимость к колебаниям мировых цен на нефть, должны быть учтены для укрепления энергетической безопасности Нигерии как на региональном, так и на международном уровнях, поскольку на текущем этапе все эти факторы препятствуют реализации потенциала Нигерии по энергетическому переходу, существенно сокращая возможности страны в поддержании высоких уровней добычи нефти, а также в выделении необходимых средств на развитие инфраструктуры и проведение институциональных реформ¹⁶.

Национальная энергетическая политика Нигерии направлена на диверсификацию источников энергии, улучшение доступа к ним и сокращение выбросов углекислого газа. Представленный нигерийским правительством план энергетического перехода фокусируется на газе, повышении доли ВИЭ и росту энергоэффективности. Международные соглашения по климату, такие как Парижское соглашение, оказывают давление на страны с целью перехода к низкоуглеродной экономике. Хотя Нигерия добилась определенного прогресса в диверсификации своих источников энергии, необходимы дальнейшие усилия для приведения энергетического сектора в соответствие с целями в области климата. В 2021 г. Нигерия взяла на себя обязательство сократить свои выбросы на 20 % ниже обычного уровня к 2030 г. без каких-либо условий или до 47 % ниже обычного уровня к 2030 г.

¹⁴ Group Annual Results for the Year Ended 31 March 2024 // Eskom. December 19, 2024. URL: <https://www.eskom.co.za/wp-content/uploads/2024/12/Eskom-results-presentation-2024.pdf> (accessed: 15.11.2025).

¹⁵ Al-taqir al-sinwaa lil-sharikat al-qabidat li kahraba' misr 2023/2024 [Годовой отчет Египетской электроэнергетической холдинговой компании 2023/2024] // Wizarat al-kahraba' wa at-taqat al-mutajaddida. Jumhuriyyat misr al-arabiyya [Министерство электричества и возобновляемой энергии Арабской Республики Египет]. (На арабском языке). URL: http://www.moe.gov.eg/test_new/PDFReports/24-05-2025-154065Arr.pdf (accessed: 15.11.2025).

¹⁶ National Energy Policy. Revised Edition. April 27, 2022 // Energy Commission of Nigeria. URL: https://energy.gov.ng/Energy_Policies_Plan/APPROVED_REVISIED_NEP_2022.pdf (accessed: 12.04.2024).

при условии международной поддержки¹⁷. Это требует значительных инвестиций в инфраструктуру экологически чистой энергетики и активизации регионального сотрудничества для обеспечения всеобщего доступа к экологически чистой энергии.

Активность незаконных вооруженных формирований (несмотря на программу амнистии, предлагающую членам таких формирований образование и трудоустройство в обмен на разоружение), нелегальная торговля углеводородами и этнические конфликты угрожают энергетической безопасности Нигерии, поскольку способны нарушить непрерывность поставок из региона дельты р. Нигер, являющегося основным источником энергоносителей с 1956 г. Непотизм и бюрократия препятствуют проведению необходимых структурных реформ. Аудит, проведенный в 2014 г., показал, что из-за коррупции и воровства было потеряно около 20 млрд долл. США из доходов от продажи нефти, в то время как, по имеющимся оценкам, с 1960 г. через сети ополченцев, полевых командиров, бизнесменов, коррумпированных политиков и военных было украдено около 400 млрд долл. США (Rexer, 2022, p. 7).

В последние годы в рамках диверсификации импорта энергоносителей Нигерия активно закупает за рубежом бензин и дизель, несмотря на попытки увеличить внутреннюю переработку для удовлетворения потребностей в энергии. Среди ключевых поставщиков следует выделить такие страны, как Бельгия, Индия, Нидерланды, Мальта, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Республика Корея, Норвегия, Великобритания и др.¹⁸ В то же время как член ОПЕК, очень сильно зависящий от регулярных поставок сырой нефти, Нигерия имеет лишь четыре

устаревших нефтеперерабатывающих завода, которые производят меньше продукции, чем необходимо¹⁹.

Разработка и внедрение комплексного долгосрочного плана энергетического перехода требует сильной приверженности его принципам, эффективной координации и устойчивых институциональных структур. Это особенно важно в нескольких ключевых областях. Во-первых, электрификация с использованием возобновляемых источников энергии требует скоординированного и стратегического внедрения технологий для обеспечения надежности и эффективности. Электростанции должны быть оснащены соответствующими технологиями; также требуется внедрение организационных мер, позволяющих своевременно реализовывать новые энергетические решения. Во-вторых, необходима хорошо структурированная финансовая база для поддержки энергетического перехода, включая перераспределение стимулов и продвижение инвестиций в низкоуглеродные технологии (Alagoz & Alghawi, 2023). В-третьих, требуются программы и меры, способствующие доступу к финансированию, стимулированию инноваций и экономическому росту. Кроме того, крайне важно повышать осведомленность среди потребителей и граждан для обеспечения общественной поддержки инициатив, связанных с переходом, и повышения эффективности реализации политики (Bamisile et al., 2021). В совокупности технологические, финансовые, политические и социальные меры формируют согласованную стратегию продвижения энергетического перехода, позволяющую обеспечивать стабильность энергетической системы и содействовать устойчивому развитию.

¹⁷ Nigeria: Paris Agreement Targets // Climate Action Tracker. October 22, 2021. URL: <https://climateactiontracker.org/countries/nigeria/2021-10-22/targets/> (accessed: 10.10.2024).

¹⁸ Nigeria Petroleum Oils, etc, (excl. Crude); Preparation Imports by Country in 2023 // World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/NGA/year/2023/tradeflow/Imports/partner/ALL/product/271000> (accessed: 10.10.2024).

¹⁹ Dzirutwe M. Nigeria Commissions Dangote Refinery, Seeks to End Fuel Imports // Reuters. May 22, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/nigeria-commission-dangote-refinery-crude-supply-concern-2023-05-22/> (accessed: 12.04.2024).

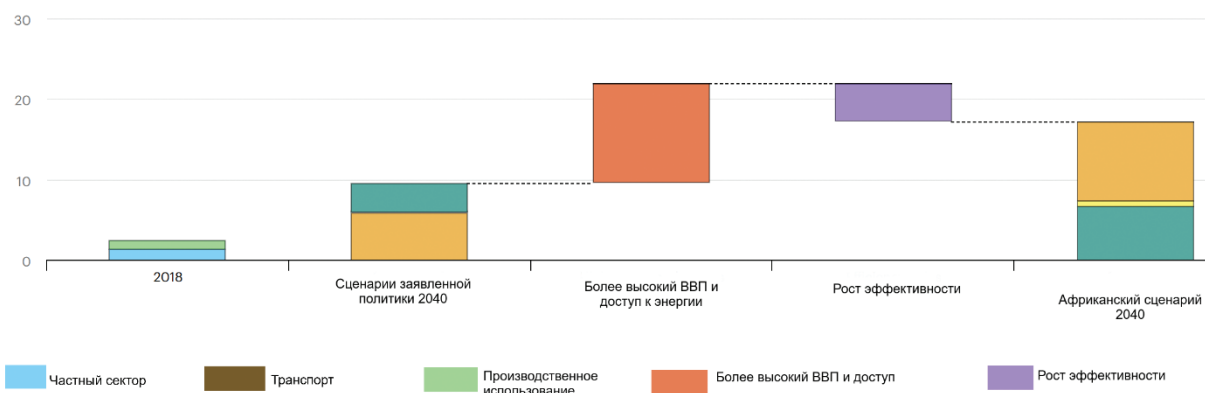

Рис. 4. Прогнозируемое потребление энергии в Нигерии, 2018–2040 гг.

Источник: Electricity Final Energy Consumption in Nigeria by Scenario, 2018–2040 // IEA. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/electricity-final-energy-consumption-in-nigeria-by-scenario-2018-2040> (accessed: 12.10.2024).

Анализ общего потребления энергии в Нигерии с 2018 по 2040 г. исходя из различных сценариев (рис. 4) демонстрирует устойчивый рост, отражающий перспективы экономического развития страны. Прогнозы *2040 Africa Case* подтверждают тенденцию на увеличение спроса на энергию при существующих политических и экономических условиях. Это имеет ключевое значение для оценки будущих потребностей Нигерии в энергии и разработки политики, способной решать как внутренние, так и региональные энергетические задачи.

Рекомендуется ряд стратегических мер для повышения энергетической безопасности Нигерии и поддержки устойчивого развития:

1) необходима диверсификация энергопотребления: Нигерии необходимо стимулировать инвестиции в возобновляемые источники, такие как солнечная, ветровая, гидроэнергия и биомасса, что позволит снизить зависимость от ископаемого топлива и повысить устойчивость системы;

2) инвестиции в электроэнергетическую инфраструктуру — включая производство, передачу и распределение электроэнергии — необходимы для повышения надежности, эффективности и доступности электричества по всей стране;

3) создание четких и последовательных нормативно-правовых рамок может стимулировать инвестиции, способствовать

инновациям и поддерживать устойчивое развитие энергетического сектора;

4) международное сотрудничество с партнерами, организациями и агентствами предоставляет Нигерии доступ к технической экспертизе, финансированию и передовому опыту, а участие в глобальных инициативах укрепляет авторитет страны и поддерживает цели энергетического перехода.

Комплексное применение этих мер, охватывающих технологический, финансовый, регуляторный и дипломатический аспекты, формирует стратегию для управления растущим спросом на энергию, обеспечения энергетической безопасности и поддержки инклюзивного и устойчивого энергетического перехода в Нигерии.

Проблемы и перспективы глобального энергетического перехода в контексте мировой политики

Глобальный энергетический переход меняет геополитический ландшафт, передавая власть от традиционных гигантов, работающих на ископаемом топливе, к новым игрокам, контролирующим возобновляемые ресурсы и технологии. Хотя этот переход обещает экологическую устойчивость и энергетическую безопасность, он также порождает многогранные проблемы. Важнейшей движущей силой этого глобального энергетического сдвига является Парижское соглашение 2015 г. — международный договор,

который рассматривает изменение климата как неотложную глобальную чрезвычайную ситуацию. Оно обязывает подписавшие его страны принять срочные меры в области изменения климата, в частности — преобразовать свои энергетические системы для сокращения выбросов углекислого газа. Соглашение вызвало волну политических реформ и принятия инновационных стратегий во всех странах, усилив центральную роль перехода к энергетике в достижении долгосрочных целей в области изменения климата.

Государства Африки и Ближнего Востока, а также Российская Федерация, зависящие от ископаемого топлива, сталкиваются с экономической уязвимостью, поскольку глобальный спрос будет смещаться в сторону ВИЭ, что вынуждает их к экономической диверсификации. Также страны, обладающие значительным потенциалом в области возобновляемых источников энергии или важнейшими полезными ископаемыми, такими как литий и кобальт, особенно в Африке, Латинской Америке

и Азии, могут приобрести геополитическое влияние. Однако реализация этого потенциала ограничивается проблемами, связанными с управлением и недостатками инфраструктуры. Кроме того, зеленый протекционизм, примером которого является Зеленое соглашение Европейского союза (ЕС), может спровоцировать торговые споры, в то время как киберугрозы децентрализованной энергетической инфраструктуре создают новые проблемы безопасности. Несмотря на эти препятствия, переходный период предоставляет возможность для создания многосторонних альянсов, таких как Международный альянс по солнечной энергии, и пересмотра парадигм глобального сотрудничества, основанных на справедливых и устойчивых энергетических системах.

В табл. 3 приведены результаты сравнительного анализа стратегий энергетического перехода некоторых значимых игроков мирового и регионального энергетического сектора — США, Европейского союза, Китая и Нигерии.

Таблица 3. Сравнительный анализ стратегий энергетического перехода США, ЕС, Китая и Нигерии

Страна	Энергетическая политика	Производственные мощности	Технологические достижения	Потенциал для сотрудничества
Соединенные Штаты Америки	Значительные инвестиции в чистую энергетику (369 млрд долл. США)	Фокус на электромобилях и возобновляемых компонентах	Лидер в производстве экологически чистых технологий	Геополитическая конкуренция может препятствовать сотрудничеству
ЕС	Инициатива <i>Fit for 55</i> , направленная на достижение климатической нейтральности к 2050 г.	Инвестиции в водород, морскую ветроэнергетику и модернизацию сетей	Инвестиции в технологии чистой энергии	Потенциал международного сотрудничества по достижению целей в области климата
Китай	Крупнейший производитель солнечных панелей, использующий глобальные цепочки поставок	Доминирует в производстве солнечных панелей и аккумуляторов	Укрепление мирового лидерства в области технологий чистой энергии	Риск сбоев в цепочке поставок из-за геополитической напряженности
Нигерия	Диверсификация источников энергии, привлечение инвестиций в ВИЭ	Богата ископаемым топливом, к 2030 г. планируется увеличить долю возобновляемых источников энергии до 30 %	Изучение партнерских отношений в области технологий чистой энергии	Возможности сотрудничества в области энергетического перехода

Источник: составлено К. Дженесисом и И.Ф. Ширияздановой на основе: World Energy Investment 2024 // IEA. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/60fcd1dd-d112-469b-87de-20d39227df3d/WorldEnergyInvestment2024.pdf> (accessed: 04.05.2025).

Заключение

Для решения энергетических проблем Нигерии необходимы стратегические рамки, которые определяют приоритетные направления развития, а также комплексные меры по реформированию сектора, инвестициям в инфраструктуру и развитию возобновляемых источников энергии. Эффективное управление энергетическим переходом требует интеграции целей и обязательств во все долгосрочные планы, включая регулирование технологий, поэтапное сокращение субсидий на использование ископаемого топлива и тщательную оценку социальных и экономических последствий. Энергетическое планирование должно учитывать различные пути перехода, включая электрификацию, внедрение новых технологий и развитие ключевой инфраструктуры, такой как чистый газ, биомасса и солнечная энергия.

Нигерия находится на критическом этапе своего энергетического развития: обладая значительными запасами ископаемого топлива и высоким потенциалом возобновляемых источников энергии, страна способна играть решающую роль в энергетическом ландшафте Африки и вносить значительный вклад в глобальный переход континента к низкоуглеродной энергетике. Для решения проблем энергетической незащищенности необходимо сбалансировать внутренние потребности в электроэнергии и экспорт энергоресурсов, одновременно инвестируя в более чистые и устойчивые источники энергии. Международное сотрудничество может повысить стабильность цепочек поставок, а партнерские инициативы обеспечат доступ к энергии внутри страны и поддержат достижение целей глобального энергетического перехода.

В условиях постепенного мирового перехода на ВИЭ у Нигерии возникает уникальная возможность утвердиться в качестве регионального лидера в области энергетики и ключевого участника глобальных усилий по достижению целей устойчивого развития. Роль правительства и политических институтов является критически важной: эффективная реализация перехода на возобновляемую энергетику позволит диверсифицировать энергетический баланс, повысить энергетическую безопасность и обеспечить устойчивый экономический рост.

Серьезные препятствия, включая инфраструктурные ограничения, социальные и экономические последствия сокращения субсидий и необходимость интеграции возобновляемой энергии, требуют грамотно выстроенного стратегического управления. При принятии соответствующих мер на уровне государственной политики и гражданского общества Нигерия сможет использовать свои энергетические ресурсы для стимулирования национального развития, создания инвестиционных возможностей и укрепления инфраструктуры.

Наконец, существует глобальный консенсус в отношении того, что проблемы роста энергопотребления, изменения климата и колебаний цен на энергоресурсы могут быть решены за счет развития ВИЭ. Игнорирование этих рекомендаций подвергает страну риску сохранения «ресурсного проклятия», связанного с зависимостью от экспорта ископаемого топлива при недостаточной внутренней электрификации, что может усилить социальное неравенство и политическую нестабильность в стране. Решение проблем энергетической безопасности, охраны окружающей среды и устойчивого экономического развития является ключевым фактором продвижения возобновляемых источников энергии в Нигерии.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 17.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Ajao K.R., Adeogun A.G., Ajimotokan H.A., Shuaib M.A. Energy Security and Nigeria's Sustainable Development: SDG 2030 (7) // *Journal of Energy Research and Reviews*. 2021. Vol. 8, iss. 1. P. 51–60. <https://doi.org/10.9734/jenrr/2021/v8i130204>
- Ajia A.T. Renewable Energy Policy and Sustainable Development in Nigeria: A Systematic Scoping Review // *Journal of Energy Research and Reviews*. 2025. Vol. 17, iss. 6. P. 1–16. <https://doi.org/10.9734/jenrr/2025/v17i6416>
- Akabuiro D.O., Umeobika C.Q. Energy Security and Energy Related Offences in Nigeria: The Challenges of Enforcement // *African Journal of Law and Human Right*. 2020. Vol. 4, no. 2. P. 181–195. URL: <https://journals.ezenwaohaetorc.org/index.php/AJLHR/article/view/1026/1029> (accessed: 12.10.2024).
- Alagoz E., Alghawi Y. The Energy Transition: Navigating the Shift Towards Renewables in the Oil and Gas Industry // *Journal of Energy and Natural Resources*. 2023. Vol. 12, iss. 2. P. 21–24. <https://doi.org/10.11648/j.jenr.20231202.12>; EDN: XUTDDH
- Alex-Oke T., Bamisile O., Cai D., Adun H., Ukwuoma C.C., Tenebe S.A., Huang Q. Renewable Energy Market in Africa: Opportunities, Progress, Challenges, and Prospects // *Energy Strategy Reviews*. 2025. Vol. 59. P. 1–21. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2025.101700>
- Bamisile O., Babatunde A., Adun Y.H., Yimen N., Mukhtar M. et al. Electrification and Renewable Energy Nexus in Developing Countries; an Overarching Analysis of Hydrogen Production and Electric Vehicles Integrality in Renewable Energy Penetration // *Energy Conversion and Management*. 2021. Vol. 236. P. 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.enconman.2021.114023>; EDN: GFOEWP
- Chen Sh. Measuring Regional Variations and Analyzing Determinants for Global Renewable Energy // *Renewable Energy*. 2025. Vol. 244. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2025.122644>
- Dosunmu A., Olanrewaju K.S. Energy Transition and Its Implications on Energy Security in the Major Oil Producing Gulf of Guinea Countries: Nigeria and Angola Case Study // *European Modern Studies Journal*. 2024. Vol. 8, no. 3. P. 387–397. [https://doi.org/10.59573/emsj.8\(3\).2024.28](https://doi.org/10.59573/emsj.8(3).2024.28); EDN: RLUMZR
- Edomah N. Historical Drivers of Energy Infrastructure Change in Nigeria // *Energy Management for Sustainable Development* / ed. by S. Gokten, G. Kucukkocaoglu. London : IntechOpen Limited, 2018. P. 1800–2015. <https://doi.org/10.5772/intechopen.74002>
- Ekechukwu D.E., Eziefula B.I. Clean Energy Alternatives, Policies, and Implementation in Nigeria: A Comparative Analysis // *Journal of Energy Research and Reviews*. 2025. Vol. 17, iss. 3. P. 1–16. <https://doi.org/10.9734/jenrr/2025/v17i3398>; EDN: KEPWMX
- Okeke R.C., Izueke E.M., Nzekwe F.I. Energy Security and Sustainable Development in Nigeria // *Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter)*. 2014. Vol. 4, no. 3. P. 63–72. URL: [https://www.arabianjbmr.com/pdfs/OM_VOL_4_\(3\)/7.pdf](https://www.arabianjbmr.com/pdfs/OM_VOL_4_(3)/7.pdf) (accessed: 12.10.2024).
- Oluku S., Olori E.F. Compressed Natural Gas: A Dual Solution to Nigeria's Environmental and Economic Issues // *International Journal of Research and Innovation in Applied Science*. 2025. Vol. X, iss. V.P. 1–15. <https://doi.org/10.51584/ijrias.2025.10050001>
- Owebor K., Okereke C., Diemuodeke O.E., Owolabi A.B., Nwachukwu Ch.O. A Systematic Review of Literature on the Decarbonization of the Nigerian Power Sector // *Energy, Sustainability and Society*. 2025. Vol. 15. P. 1–20. <https://doi.org/10.1186/s13705-025-00527-x>
- Owoeye G., Nwozor A., Iseolorunkanmi J., Nweke-Love H., Akapoti S., Owa O.B., Ojo O.V. The Technical and Policy Challenges of Renewable and Sustainable Energy Transition in Nigeria // *NIPES-Journal of Sustainable Technology Research*. 2025. Vol. 7, SI. P. 2705–2710. URL: https://www.researchgate.net/publication/397899725_The_Technical_and_Policy_Challenges_of_Renewable_and_Sustainable_Energy_Transition_in_Nigeria (accessed: 10.10.2024).
- Oyedepo S.O. Energy and Sustainable Development in Nigeria: The Way Forward // *Energy, Sustainability and Society*. 2012. Vol. 2, no. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1186/2192-0567-2-15>; EDN: SAWKQH
- Oyewunmi T., Ehanmo I. Emerging Trends in Resource-Rich Sub-Saharan Africa and a Spotlight on the Nigerian Transitional Energy Market // *Tulane Journal of International & Comparative Law*. 2021. Vol. 29. P. 1–66. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3679532>
- Rexer J. The Local Advantage: Corruption, Organized Crime, and Indigenization in the Nigerian Oil Sector // SSRN. 2022. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3894597>
- Towler B.F. Natural Gas // *The Future of Energy*. 2013. P. 89–133. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801027-3.00006-3>

Winzer C. *Conceptualizing Energy Security*. Cambridge : Energy Policy Research Group, University of Cambridge, 2011. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep44777> (accessed: 10.09.2024).

Сведения об авторах:

Дженесис Кевинус — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0009-0001-5137-0349; e-mail: genesiskevinus@gmail.com; 1132215005@rudn.ru

Шириязданова Ирина Фанилевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 6196-8789; ORCID: 0000-0001-6276-694X; e-mail: irina.shiriazdanova@gmail.com; shiriazdanova-if@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-668-683

EDN: HWBLLX

Научная статья / Research article

Трансформация повестки «Группы двадцати» в сфере низкоуглеродного развития: историческая перспектива и основные понятия

И. М. Попова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация

✉ porova-im@ranepa.ru

Аннотация. Проанализирована трансформация повестки «Группы двадцати» (G20) по вопросам климата, энергетики и справедливого перехода с первых саммитов до 2024 г. Актуальность исследования определяется тем, что G20 является одним из ведущих институтов глобального экономического управления, в том числе в сфере климата, и изучение документов, принятых лидерами государств-участниц, а также в рамках основных треков министерского взаимодействия, позволяет выделить ключевые факторы и точки трансформации, усиления и расширения климатической повестки в институте, а также противоречия между членами. Использованы метод сравнительного анализа для оценки деятельности «Группы двадцати» в сфере продвижения низкоуглеродного развития и контент-анализ итоговых документов саммитов G20. Доказано, что «Группа двадцати» играет важную роль в развитии глобального управления в сфере обеспечения низкоуглеродного развития. На первых саммитах приоритетными были проблемы устойчивого инклюзивного справедливого «зеленого роста» и восстановления, подчеркивалась необходимость учета климатических последствий при разработке политики. С принятием Парижского соглашения в 2015 г. вопросы климата, энергетического перехода и финансирования декарбонизации выделились в отдельные направления и самостоятельные цели G20, фактически отделившись от тематики экономического роста. Пика такой подход, в котором сокращение выбросов фактически оторвано от необходимости обеспечивать рост экономики, пришелся на председательство Италии в 2021 г., когда «Группа семи» (G7), испытывая давление со стороны Европейского союза (ЕС) и США, объединившихся для продвижения собственного видения урегулирования проблем климата, попыталась перенести свои решения в повестку «Группы двадцати». Однако такой подход, в котором рост и декарбонизация рассматриваются как отдельные цели, не позволяет в полной мере учитывать национальные контексты, как того требуют Парижское соглашение и предыдущие обязательства «Группы двадцати». Уже существующие противоречия внутри G20, которые становятся все более глубокими, а также стремление «Группы семи» навязывать «Группе двадцати» свои решения и повестку подрывают эффективность института и ставят под угрозу его легитимность и лидерство в сфере обеспечения низкоуглеродного развития.

Ключевые слова: энергетический переход, зеленый рост, справедливый переход, климатическая политика, ценообразование на углерод, ЦУР 7, Повестка ООН — 2030, Парижское соглашение

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании. Исследование подготовлено в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

© Попова И. М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Попова И.М. Трансформация повестки «Группы двадцати» в сфере низкоуглеродного развития: историческая перспектива и основные понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 668–683. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-668-683>

The G20's Low-Carbon Development Agenda: A Historical Perspective and Key Concepts

Irina M. Popova

Russian Presidential Academy on National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

✉ popova-im@ranepa.ru

Abstract. The article analyses the transformation of the G20 agenda on climate, energy, and just transition from the earliest summits up to 2024. The relevance of the study stems from the fact that the G20 is one of the leading institutions of global economic governance, including in the field of climate policy. Examining the documents adopted by the leaders of member states, as well as those produced within the main ministerial cooperation tracks, makes it possible to identify the key factors and turning points in the transformation, strengthening, and expansion of the climate agenda within the institution, as well as the contradictions between members. The study employs the method of comparative analysis to assess the G20's activities in promoting low-carbon development, as well as content analysis of the final summit documents. The research demonstrates that the G20 plays an important role in the development of global governance in the field of low-carbon development. At the early summits, the priority issues were sustainable, inclusive, and equitable 'green' growth and recovery, and the need to consider climate impacts when designing policy was emphasized. Following the adoption of the Paris Agreement in 2015, climate issues, the energy transition, and decarbonisation financing became separate areas and independent goals of the G20, effectively detached from the broader theme of economic growth. This approach, whereby emissions reduction is essentially separated from the need to ensure economic growth, reached its peak during Italy's presidency in 2021, when the G7, under pressure from the European Union (EU) and the United States, which had joined forces to promote their preferred vision of climate governance, attempted to transfer its decisions to the G20 agenda. However, such an approach, in which growth and decarbonisation are treated as separate objectives, does not allow for full consideration of national contexts, as required by the Paris Agreement and previous G20 commitments. The existing contradictions within the G20, which are becoming increasingly pronounced, as well as the G7's desire to impose its decisions and agenda on the G20, are undermining the institution's effectiveness and jeopardize its legitimacy and leadership in ensuring low-carbon development.

Key words: energy transition, green growth, just transition, climate policy, carbon pricing, SDG7, UN 2030 Agenda, Paris Agreement

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Funding sources. The study was prepared on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

For citation: Popova, I. M. (2025). The G20's low-carbon development agenda: A historical perspective and key concepts. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 668–683. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-668-683>

Введение

«Группа двадцати» (G20) включает самые крупные экономики, ответственные за три четверти мировых углеводородных выбросов, поэтому сотрудничество и принятие

согласованных решений по вопросам энергетики и климата могут способствовать достижению целей, прописанных в Парижском соглашении по климату в 2015 г. «Группа двадцати» играет важную роль в глобальном управлении в сфере обеспечения

низкоуглеродного развития, выполняя целый ряд функций (Киртон, 2020). Согласование учитывающих интересы всех членов Группы решений и их эффективная реализация могут внести значительный вклад в достижение целей Парижского соглашения (Nascimento et al., 2021).

Вопросы обеспечения зеленого роста, справедливого энергетического перехода и достижения климатических целей входят в ядро повестки института с самого начала проведения встреч на уровне лидеров в 2008 г. (Ларионова, 2022). Площадка является важным форматом координации позиций членов, в рамках которой согласовываются решения в преддверии Конференций сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), формулируются поручения другим международным институтам для проработки возможных сценариев развития глобального управления и сотрудничества в сфере климата.

В настоящее время в «Группе двадцати» протекают процессы поиска компромисса по климатической повестке между развитыми и развивающимися странами, экспортерами и импортерами углеводородов. Под влиянием «Группы семи» (G7) климатические риски интегрируются в корневую повестку G20, посвященную вопросам макроэкономического и финансового регулирования, активно продвигаются налоговые инструменты ограничения выбросов и более строгие инструменты регулирования. Развивающиеся страны, которые председательствуют в объединении в 2022–2025 гг., пытаются обеспечить учет своих интересов в выборе траекторий и инструментов достижения целей Парижского соглашения, предоставлении технологий и необходимого финансирования. Трансформация повестки G20 может существенно повлиять на взаимодействие в рамках ключевых институтов и стратегии их членов. Поэтому важно проводить анализ этой повестки, а также понимать, какие приоритеты закладываются различными членами Группы под влиянием политических и экономических факторов.

Климатическая повестка является одной из основных сфер сотрудничества в рамках G20, поэтому ряд исследований посвящено роли «Группы двадцати» в глобальном климатическом регулировании (Киртон, Уоррен, 2022; Unger & Thielges, 2021), в том числе рассмотрению этой роли через призму исторического институционализма (Johnstone, 2021) и взаимодействие с другими институтами.

Цель данного исследования — выделение основных факторов трансформации и развития повестки низкоуглеродного развития «Группы двадцати» и главных понятий и терминов, которые используются Группой в официальных документах и представляют компромисс между всеми членами.

В исследовании применяется аналитический подход к изучению документов, решений и деклараций саммитов «Группы двадцати» с 2008 по 2024 г., позволяющий систематизировать информацию и выделить тенденции трансформации повестки в сфере низкоуглеродного развития. Историко-институциональный подход использован с целью проследить эволюцию климатической и энергетической повестки G20 в зависимости от политических и экономических контекстов разных периодов (кризисы, Парижское соглашение, пандемия COVID-19 и т. д.). В рамках реализации метода сравнительной оценки деятельности международных институтов сопоставлены подходы и решения «Группы двадцати» и других международных форматов — G7, РКИК ООН, Парижским соглашением, а также подходы к проблемам климата в национальных стратегиях отдельных стран — участниц Группы. В исследовании также применен качественный контент-анализ официальных документов G20 — деклараций лидеров и министров, программ и планов действий. С помощью контент-анализа выявляются ключевые понятия, термины и приоритеты, отражающие изменение концепций («зеленый рост», «справедливый переход», «низкоуглеродное развитие» и др.). Исследование также содержит элементы сравнительно-политического анализа,

в рамках которого выявлены различия между позициями развитых и развивающихся стран по вопросам климатической повестки, доказано влияние председательствующих государств на формирование повестки «Группы двадцати», а также объяснены противоречия внутри института, влияющие на его эффективность и легитимность.

Таким образом, исследование сочетает качественные методы политического и институционального анализа, основанные на документальном и сравнительном исследовании, с применением контент-анализа текстов официальных источников на базе историко-хронологического подхода к изучаемым процессам.

Низкоуглеродное развитие на первых саммитах «Группы двадцати»

Вопросы устойчивого и низкоуглеродного развития вошли в повестку «Группы двадцати» практически с самого начала проведения встреч на высшем уровне. Уже второй саммит, прошедший в Лондоне (Великобритания) в 2009 г., заложил один из приоритетов сотрудничества в рамках Группы — выработку решений, которые не только будут стимулировать экономический рост, но и учитывать его климатические аспекты¹. Переход к низкоуглеродным технологиям, то есть отказ от ископаемого топлива, стал важным вопросом в повестке дня стран — импортеров энергоресурсов из-за роста цен на нефть и другие виды топлива и нашел отражение в повестке международных институтов, включая «Группу двадцати».

На встрече в Питтсбурге (США) в 2009 г. члены Группы договорились обеспечивать зеленый и устойчивый рост, направлять инвестиции в чистую энергетику и на повышение энергоэффективности, помогать развивающимся странам финансированием и технологиями. Вопрос поддержки развивающихся стран в их низкоуглеродной трансформации вошел в повестку G20 тоже практически с самого начала, но особую актуальность приобрел после принятия Парижского соглашения и повышения внимания мирового сообщества к климатическим целям. Важной вехой стало принятие в Питтсбурге обязательства, впоследствии ставшего повторяющимся практически на каждом саммите, постепенно отказываться от неэффективных субсидий на ископаемое топливо². В Торонто (Канада) в 2010 г. повестка низкоуглеродного развития фактически полностью повторяла решения предыдущего саммита³.

Саммит в Сеуле (Республика Корея) 2010 г. в целом был посвящен вопросам устойчивого восстановления и роста. «Зеленый» компонент такого восстановления стал одним из центральных. Помимо подтверждения обязательств, принятых на предыдущих саммитах, лидеры пообещали достичь «результата по сокращению выбросов, повышению транспарентности политики, увеличению финансирования, развитию и обмену технологиями, адаптации и сохранению лесов»⁴.

В Каннах (Франция) в 2011 г. члены «Группы двадцати» обязались поощрять реализацию стратегий низкоуглеродного развития в странах-членах и за их пределами⁵.

¹ Global Plan for Recovery and Reform: Statement Issued by the G20 Leaders. London, April 2, 2009 // G20 Research Group, University of Toronto, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2009/2009communique0402.html#recovery> (accessed: 18.03.2024).

² G20 Leaders Statement: The Pittsburgh Summit. September 24–25, 2009, Pittsburgh // G20 Research Group, University of Toronto, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2009/2009communique0925.html> (accessed: 18.03.2024).

³ The G20 Toronto Summit Declaration. Toronto, June 27, 2010 // G20 Research Group, University of Toronto, University of Toronto. URL: <https://www.g20.utoronto.ca/2010/to-communique.html> (accessed: 06.11.2024).

⁴ G20 Seoul Summit Leaders' Declaration. Seoul, November 12, 2010 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2010/g20seoul.html> (accessed: 18.03.2024).

⁵ Cannes Summit Final Declaration — Building Our Common Future: Renewed Collective Action for the Benefit of All. Draft of November 4. Cannes, November 4, 2011 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2011/2011-cannes-declaration-111104-en.html> (accessed: 18.03.2024).

Лидеры пообещали обеспечить скорейшее начало функционирования «Зеленого климатического фонда»⁶.

В Лос-Кабосе (Мексика) в 2012 г. основные обязательства предыдущих саммитов были подтверждены, обсуждались механизмы мобилизации государственных и частных инвестиций в инклюзивный «зеленый рост» в развивающихся странах (Goodliffe & Sberro, 2012).

В 2013 г. в Санкт-Петербурге (Россия) члены «Группы двадцати» пообещали поддерживать развитие более экологических и энергоэффективных технологий для повышения эффективности энергетических рынков. Была отмечена важная роль природного газа как менее углеродоемкого топлива для обеспечения перехода. Также было принято обязательство сотрудничать с международными организациями в сфере чистой энергетики и энергоэффективности, а также технологий⁷.

Решения в сфере низкоуглеродного развития, принятые в Брисбене (Австралия) в 2014 г., были направлены на обеспечение успеха конференции по климату, которая должна была состояться в 2015 г. в Париже. Обязательства по отказу от субсидий на ископаемое топливо, повышению энергетической эффективности и обеспечению «зеленого роста» также были подтверждены на саммите⁸.

В 2015 г. в Анталье (Турция) члены «Группы двадцати» подтвердили⁹ сформулированную в Лимском Призыве

к климатическому действию цель, касающуюся ограничения роста глобальной средней температуры не выше 2° C¹⁰.

Развитие повестки после принятия Парижского соглашения

После принятия Парижского соглашения в 2015 г. климатический аспект повестки низкоуглеродного развития выстроился вокруг его целей (Сэйнсбери, Вурф, 2016). На встрече 2016 г. в Ханчжоу (Китай) лидеры пообещали реализовать повестку устойчивого развития, состоящую из трех компонентов: достижение Целей устойчивого развития, Парижских целей и реализацию Аддис-Абебской Программы действий¹¹. Важным решением стало обязательство по минимизации воздействия на окружающую среду добычи, транспортировки и переработки природного газа как менее углеродоемкого вида ископаемого топлива¹².

Признание газа в качестве устойчивой альтернативы для переходного периода процесса декарбонизации на уровне G20 означало также согласие с тем, что национальные планы перехода могут предусматривать и осуществляться за счет замены угля газом, постепенного наращивания и развития технологий зеленой энергетики и аккумулирования достаточных объемов инвестиций для их масштабирования и внедрения в будущем на фоне последовательного сокращения выбросов.

⁶ Cannes Summit Final Declaration — Building Our Common Future: Renewed Collective Action for the Benefit of All. Draft of November 4. Cannes, November 4, 2011 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2011/2011-cannes-declaration-111104-en.html> (accessed: 18.03.2024).

⁷ G20 Leaders' Declaration. September 6, 2013, St Petersburg // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2013/2013-0906-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

⁸ G20 Leaders' Communiqué. Brisbane, November 16, 2014 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2014/2014-1116-communicue.html> (accessed: 18.03.2024).

⁹ G20 Leaders' Communiqué. Antalya, Turkey, November 16, 2015 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2015/151116-communicue.html> (accessed: 18.03.2024).

¹⁰ Decision —/CP.20. Lima Call for Climate Action // UNFCCC. December 11, 2014. URL: https://unfccc.int/files/meetings/lima_dec_2014/application/pdf/auv_cop20_lima_call_for_climate_action.pdf (accessed: 18.03.2024).

¹¹ Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development // The United Nations. July 15, 2015. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2051AAAA_Outcome.pdf (accessed: 18.03.2024).

¹² G20 Leaders' Communiqué: Hangzhou Summit. Hangzhou, September 5, 2016 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/160905-communicue.html> (accessed: 18.03.2024).

Принятое в рамках председательства Китая решение можно считать историческим, так как оно на практике подтвердило приверженность «Группы двадцати» принципу общей, но дифференцированной ответственности и возможностей, и соответственно необходимость учитывать национальные условия при выборе траектории того, что теперь называют «энергетическим переходом» (Yu, 2017).

После победы Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. в США было объявлено о выходе страны из Парижского соглашения¹³. Ожидалось, что такой шаг крупнейшей экономики и эмитента может подорвать усилия по согласованию и достижению целей соглашения, а также наложит ограничения на развитие повестки в рамках «Группы двадцати» (Ларионова, 2017). Однако климатическая повестка в Группе продолжила свое развитие, а лидеры принимали конкретные решения, эксплицитно упоминая, что принимаемые обязательства не касаются США. Так, на саммите 2017 г. в Гамбурге лидеры подчеркнули, что они совместно привержены «сокращению выбросов парниковых газов с помощью развития инноваций в области устойчивой и чистой энергетики и энергоэффективности»¹⁴. Значительное внимание было уделено вопросам финансирования климатического и энергетического перехода. Было принято обязательство наращивать ресурсы и повышать прозрачность финансирования климатических программ, увеличить финансирование развитыми странами программ в развивающихся странах как по снижению выбросов, так и по адаптации экономик к изменению климата (Фуес, 2017). Члены G20 еще раз подчеркнули необходимость выполнения

обязательства развитых стран по мобилизации к 2020 г. 100 млрд долл. США в год для финансирования адаптации и борьбы с изменением климата развивающимися странами и их намерение продолжить выполнение обязательства до 2025 г. (Киртон, Уоррен, 2021). Это решение неоднократно повторялось в итоговых документах, однако достичь заявленной цели по финансированию климатических программ не удалось.

В 2018 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) все члены, кроме США, подтвердили необратимость Парижского соглашения и обязались выполнять его в полном объеме с учетом принципа общей, но дифференцированной ответственности (Нахон, 2018). Лидеры призвали рассмотреть различные сценарии реформы и трансформации энергетики, сочетающие экономический рост со снижением уровня выбросов парниковых газов¹⁵.

В 2019 г. на саммите в Осаке (Япония) страны-члены снова активно обсуждали вопросы финансирования климатических программ, включая способы мобилизации государственного и частного финансирования и мер по повышению согласованности между ними, а также инновации, необходимые для развития с низким уровнем выбросов¹⁶. В итоговой декларации была отмечена роль всех источников энергии и технологий в энергобалансе и различные возможные национальные пути для достижения снижения выбросов в энергетике¹⁷. Япония является членом «Группы семи», в которой наблюдается гораздо менее гибкий подход с доминированием идеи полного отказа от углеводородов и всеобъемлющего перехода на возобновляемые источники энергии. Тем не менее во

¹³ President Trump Announces U.S. Withdrawal from the Paris Climate Accord // White House (Archive). June 1, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-announces-u-s-withdrawal-paris-climate-accord/> (accessed: 18.03.2024).

¹⁴ G20 Leaders' Declaration: Shaping an Interconnected World. July 8, 2017, Hamburg // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <https://www.g20.utoronto.ca/2017/2017-G20-leaders-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

¹⁵ 2018 Buenos Aires Summit. G20 Leaders' Declaration: Building Consensus for Fair and Sustainable Development // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2018/2018-leaders-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

¹⁶ G20 Osaka Leaders' Declaration. Osaka, Japan, June 29, 2019 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2019/2019-g20-osaka-leaders-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

¹⁷ Ibid.

время ее председательства в соответствии с принципом учета национальных контекстов и путей развития «Группа двадцати» подчеркивала роль всех возможных источников энергии в формировании энергетических матриц. Также внимание было уделено передовым технологиям для снижения выбросов, включая водород, а также механизмов улавливания, утилизации и хранения углерода (Ларионова, 2019).

2020 г. и председательство Саудовской Аравии в G20 были ознаменованы борьбой с коронавирусной инфекцией и ее последствиями. Несмотря на то, что перед членами G20 стояли вызовы совершенно другого уровня и характера, итоговые документы саммита содержали решения, касающиеся низкоуглеродного развития (Лакхерст, 2021). Лидеры отметили, что в ходе восстановления после пандемии они привержены «защите планеты и созданию более устойчивого с точки зрения окружающей среды и инклюзивного будущего для всех людей»¹⁸. В качестве реализации одного из приоритетов на период председательства Саудовской Аравии члены «Группы двадцати» запустили Платформу углеродной экономики замкнутого цикла, основанную на принципах 4R (*reduce* (сокращение), *reuse* (повторное использование), *recycle* (переработка), *recover* (захоронение)), признавая особую важность и стремление сократить выбросы парниковых газов (Johnstone, 2021).

Рост значимости повестки низкоуглеродного развития под давлением «Группы семи»

Вопросы энергетического перехода, борьбы с изменением климата и низкоуглеродного развития в целом были центральными для председательства Италии в «Группе двадцати»

в 2021 г.¹⁹ Была подтверждена цель достижения углеродной нейтральности к середине века или примерно к середине века. Такая формулировка стала компромиссной, поскольку члены «Группы двадцати» выстроили свои стратегии развития с низким уровнем выбросов и определенные на национальном уровне доли участия исходя из разных горизонтов планирования. Члены Группы также обязались принять меры по сокращению выбросов в ближайшие 10 лет и сформулировать или при необходимости обновить определенные на национальном уровне вклады (ОНУВ) до 2030 г. и представить долгосрочные стратегии. После принятия этого решения и проведения Координационного саммита (КС), прошедшего в Глазго, многие члены G20 действительно обновили свои ОНУВы, конкретизировав цели до 2030 г., а в некоторых случаях даже сделав их более амбициозными.

В 2021 г. было принято обязательство разработать национальные планы экономического восстановления, отводящие особое место сокращению выбросов и адаптации²⁰. Подход, при котором низкоуглеродная трансформация становится центром стратегии восстановления после кризиса, был принят в Европейском союзе (ЕС). В 2021 г. также был одобрен Многолетний бюджет ЕС до 2027 г. (*EU Multiannual Financial Framework (2021–2027)*), который также выделяет значительные ресурсы на реализацию мер по декарбонизации. Италия как член ЕС и председатель в «Группе двадцати» содействовала включению этого аспекта в повестку Группы. Необходимость обеспечить учет климатических целей в стратегиях восстановления после кризиса активно продвигалась международными институтами, прежде всего Международным валютным фондом (МВФ), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирным банком,

¹⁸ Leaders' Declaration. Riyadh Summit, November 21, 2020 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-leaders-declaration-1121.html> (accessed: 18.03.2024).

¹⁹ Greco E. The Italian G20 Presidency: A Post-Summit Assessment // The International Spectator. 2021. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/italian-g20-presidency-post-summit-assessment> (accessed: 06.11.2024).

²⁰ G20 Rome Leaders' Declaration. Rome, October 31, 2021 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/211031-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

которые активно сотрудничали с Италией во время ее председательства в G20.

Члены G20 также обязались увеличить финансирование адаптации в развивающихся странах²¹, которому зачастую уделяют гораздо меньше внимания, чем необходимости сокращать выбросы, в то время как последствия изменений климата проявляются уже сейчас, и в этой связи развивающиеся страны сталкиваются с серьезными вызовами для своего социально-экономического развития. Вопросы финансирования адаптации стали частью повестки института во время председательства развивающихся стран после принятия так называемого «Пакта Глазго».

В 2021 г. также впервые в итоговых документах отдельно был упомянут метан как весомый фактор в изменении климата. В Римской декларации подчеркивается, что сокращение его выбросов может быть одним из самых быстрых и экономически эффективных способов обеспечить достижение целей Парижского соглашения²².

Повестка по метану нашла продолжение в принятии инициативы по метану на КС в Глазго. Включение метана в повестку отражает интересы ЕС, которые продвигала Италия как председатель в G20. Именно ЕС является инициатором инициативы по метану и создателем Международной обсерватории по выбросам метана, которые упомянуты в декларации, и предлагает свои методы оценки выбросов в качестве глобальных стандартов. Также в декларации внимание было уделено сотрудничеству по совершенствованию сбора, проверки и измерения статистики для инвентаризации парниковых газов и обеспечению высокого качества научных данных.

Вошедшее в итоговые документы решение «положить конец предоставлению

международного государственного финансирования для новых проектов по выработке электроэнергии на основе угля в третьих странах»²³ вызвало серьезные разногласия между «Группой семи», с одной стороны, и Россией, Китаем, Индией и Южно-Африканской Республикой (ЮАР) — с другой. В русле дискуссий на тему отказа от угля, которые разворачивались на многих международных площадках, включая «Группу двадцати», развитые экономики пытались пролоббировать обязательство по отказу от использования угля в энергетике. В свою очередь страны, экономики которых значительно зависят от его потребления или экспорта, выступали против такой формулировки. В итоге на КС в Глазго в основном под давлением Индии, которая заняла принципиальную позицию по этому вопросу, формулировка об отказе от угля трансформировалась в обязательство по поэтапному сокращению его использования²⁴. В «Группе двадцати» стороны договорились о прекращении инвестиций в новые мощности электрогенерации на основе угля в других странах²⁵. Иными словами, в национальной экономике страны сами будут определять судьбу угля и темпы сокращения его использования, сохраняя право его экспортировать, но не имея возможности направлять инвестиции в новые зарубежные проекты, основанные на сжигании этого углеводорода.

«Группа семи» через ее председателя, Италию, при поддержке МВФ и ОЭСР также пыталась пролоббировать включение в повестку необходимости ценообразования на углерод как инструмента по снижению выбросов. Это решение нашло отражение в итоговых документах саммита G7 2021 г. Однако в G20 обеспечить включение аналогичного конкретного обязательства не удалось. Текст

²¹ G20 Rome Leaders' Declaration. Rome, October 31, 2021 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/211031-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Decision —/CP.26. Glasgow Climate Pact // UNFCCC. November 10, 2021. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cop26_auv_2f_cover_decision.pdf (accessed: 06.11.2025).

²⁵ G20 Rome Leaders' Declaration. Rome, October 31, 2021 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/211031-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

декларации саммита, состоявшегося в Риме, содержал указание на необходимость широкого набора мер по декарбонизации: инвестиции в устойчивую инфраструктуру и инновационные технологии декарбонизации и экономики замкнутого цикла; широкий спектр налоговых, рыночных и регуляторных инструментов стимулирования перехода к чистой энергетике, включая использование углеродного ценообразования (при необходимости) с обязательным предоставлением целевой поддержки наиболее уязвимым группам населения²⁶. Включение ценообразования как инструмента сокращения выбросов вызывает множество споров и сопротивление, причем не только в развивающихся странах. В США и Австралии, например, отсутствуют общенациональные инструменты прямого формирования цены, и такие инструменты не планируются к введению.

Важным событием в развитии повестки низкоуглеродного развития стало включение в План действий «Группы двадцати» опоры, посвященной защите планеты. На фоне споров о возможных наборах мер по декарбонизации экономики и их последствий международным организациям, прежде всего МВФ, было дано поручение провести анализ рисков и возможностей различных моделей низкоуглеродного развития, чтобы оценить издержки перехода и последствия его отсутствия или слишком медленных темпов²⁷.

Саммит в Риме, прошедший накануне КС РКИК ООН под председательством Италии, стал фактически переломным для развития повестки низкоуглеродного развития в «Группе двадцати». Это было обусловлено двумя факторами.

Во-первых, накануне и во время председательства Италии несколько

факторов повлияли на формирование повестки. Принятие Евросоюзом «Зеленой сделки» в 2019 г. и представление Европейской Комиссией пакета *Fit for 55*²⁸ для реализации ее целей предусматривали усиление инструментов климатического регулирования и ужесточение стандартов и требований к углеродоемкости, а также был предложен законопроект о трансграничной углеродной корректировке.

Во-вторых, в конце 2020 г. на президентских выборах в США победу одержал демократ Дж. Байден. Он практически сразу вернул США в Парижское соглашение, поскольку программа партии предполагала гораздо более серьезное отношение к изменению климата и предлагала различные меры для стимулирования декарбонизации. В свою очередь Великобритания принимала в 2021 г. КС РКИК ООН в Глазго, поэтому тоже была максимально сконцентрирована на вопросах климата для обеспечения успеха встречи.

Таким образом, акцент на климатических целях и регулировании выбросов CO₂ члены «Группы семи» транслировали и в повестку G20. Хотя при этом они столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны развивающихся стран, тем не менее они смогли в тех или иных формулировках включить наиболее важные приоритеты в документы Группы, пусть иногда и не в форме конкретных обязательств.

По итогам 2021 г. в «Группе двадцати» произошел отход от признанного в 2016 г. и подтверждавшегося в последующие годы, в том числе в рамках председательств Японии и Саудовской Аравии, признания важности использования самого широкого спектра видов топлива и технологий с учетом национальных условий, а также осуществления различных вариантов энергоперехода на основе

²⁶ G20 Rome Leaders' Declaration. Rome, October 31, 2021 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2021/211031-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

²⁷ Ibid.

²⁸ *Fit for 55* — это пакет законодательных инициатив ЕС, призванный сократить выбросы парниковых газов как минимум на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Пакет включает в себя серию законов в таких областях, как энергетика, транспорт и строительство, чтобы сделать ЕС климатически нейтральным к 2050 г., обеспечивая при этом справедливый и конкурентоспособный переход. См.: *Fit for 55* // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/fit-for-55/> (accessed: 12.04.2025).

концепции 3E+S (энергетическая безопасность, экономическая эффективность и защита окружающей среды плюс надежность). Вопросы справедливого перехода, энергетической безопасности и «зеленого роста» уступили место декарбонизации. Если раньше климатические аспекты должны были учитываться при обеспечении инклюзивного развития, то теперь снижение выбросов стало ключевой целью. Такой подход не позволяет реализовывать принцип общей, но дифференцированной ответственности с учетом национальных контекстов, сколько бы о нем ни заявляли в итоговых документах лидеры.

Председательства развивающихся стран как шанс закрепить их интересы в повестке Группы

Начиная с 2022 г. в G20 наступил продолжительный период председательств развивающихся стран. Индонезия, Индия, Бразилия и ЮАР будут возглавлять работу в институте в 2022, 2023, 2024 и 2025 гг. соответственно. Это дает им возможность попытаться заложить в повестку «Группы двадцати» приоритеты развивающихся стран в сфере низкоуглеродного развития, обеспечить более эффективный учет их интересов и потребностей, а также снизить доминирование развитых стран «Группы семи» в формировании повестки института.

Развивающиеся страны в первую очередь заинтересованы в привлечении международного финансирования из любых источников — частных, государственных, смешанных или предоставленных международными институтами и банками развития — для обеспечения своей декарбонизации, также им требуются технологии. Кроме того, им необходимо обеспечить реальный учет дифференцированной ответственности в соответствии с национальными контекстами, а не только декларируемый на бумаге. Наконец, развивающиеся страны заинтересованы в возвращении аспекта «зеленого», справедливого, инклюзивного

и устойчивого роста, в котором климатическая трансформация помогала бы им обеспечивать развитие, а не препятствовала и замедляла его и/или создавала новые зависимости, например, от технологий. Вопросы энергетической безопасности и необходимости обеспечивать ее всеми доступными средствами снова обсуждаются в «Группе двадцати».

В повестке 2022 г. под председательством Индонезии вопросы низкоуглеродного развития заняли важное место. Осознавая риски, которые изменения климата потенциально могут создавать для страны, Индонезия начала уделять климатическим аспектам гораздо большее внимание в национальной политике (Umar & Indrayani, 2022). Страна столкнулась с серьезным недостатком финансирования и необходимых технологий, которые возможно получить только от международных партнеров. Индонезия использовала свое председательство в G20 для повышения видимости своих усилий и планов по борьбе с изменением климата на международной арене, подтверждения статуса надежного и ответственного партнера, который реально заинтересован в трансформации подходов к этой сфере при достаточной поддержке (Ларионова, 2023).

В рамках своего председательства в «Группе двадцати» в 2022 г. Индонезия включила вопросы финансирования энергетического перехода развивающихся стран, а значит, и своего собственного, в приоритеты института. Одним из трех главных приоритетов стал переход к низкоуглеродным энергетическим системам с особым акцентом на энергетическую безопасность. В декларации лидеров Группы подчеркивалась необходимость «быстрого преобразования и диверсификации энергетических систем, укрепления энергетической безопасности и устойчивости, а также стабильности рынков путем ускорения и обеспечения перехода к чистой, устойчивой, справедливой, доступной и инклюзивной энергетике и притока устойчивых инвестиций»²⁹. Была признана необходимость

²⁹ G20 Bali Leaders' Declaration. Bali, November 16, 2022 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/221116-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

поддержки развивающихся стран, особенно наиболее уязвимых, по обеспечению их доступа к недорогой, устойчивой и современной энергии, новейшим технологиям, технологическому сотрудничеству и финансированию в секторе энергетики³⁰.

Лидеры G20 также пообещали «ускорить переходный процесс и обеспечить достижение климатических целей путем укрепления цепочек поставок энергии и энергетической безопасности, а также диверсификации энергетических матриц и систем». Они обязались наращивать масштабы производства климатически нейтральной электроэнергии, включая возобновляемые источники энергии ВИЭ, технологии улавливания и поглощения выбросов³¹. В целом повестка в сфере энергетики на саммите в Индонезии была выстроена вокруг седьмой Цели устойчивого развития (ЦУР 7) «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех»³².

На саммите, проходившем в 2022 г. на о. Бали (Индонезия), лидеры признали срочную необходимость мобилизации финансирования, включая значительное увеличение поддержки развивающихся стран. Было поддержано продолжение обсуждения новой коллективной цели климатического финансирования в размере 100 млрд долл. США в год для развивающихся стран. Декларация также содержала напоминание о Климатическом пакте Глазго, призывающем развитые страны удвоить финансирование развивающимся странам для их адаптации³³. Привлечение финансирования не только в проекты по снижению выбросов, но и по адаптации к изменению климата необходимо развивающимся и наименее развитым странам, так как они чувствуют последствия этих изменения уже сейчас и им необходимо подстраиваться под

них. Кроме того, члены G20 признали макроэкономические риски, связанные с изменением климата, и договорились продолжить обсуждение затрат и выгод различных переходов³⁴.

Таким образом, Индонезия на посту председателя Группы способствовала включению в повестку более четких обязательств по финансовой поддержке развивающихся стран в их низкоуглеродном развитии и энергетическом переходе, уделив значительное внимание вопросам энергетической безопасности и доступа к энергии в этих странах. Цели энергетического перехода были сформулированы в русле ЦУР 7, для которой основным является обеспечение развития и всеобщего доступа к устойчивой энергетике, а не декарбонизация. В этой связи лидеры G20 пообещали принять меры для «обеспечения упорядоченного, справедливого и доступного переходного периода», профинансировать «устойчивые и инклюзивные, экологичные и справедливые переходы»³⁵.

Формулировка по углю, содержащаяся в итоговой декларации балийского саммита, также в большей степени отражает интересы Индонезии и других развивающихся стран. Речь идет о «поэтапном отказе» от угля, а также признается необходимость поддержки справедливого перехода, то есть международной помощи и поддержки. Привлечение инвестиций в постепенный отказ от угля для энергогенерации и был главным приоритетом Индонезии, и ей удалось включить в текст итоговых документов обязательства по финансированию энергетических переходов и трансферу технологий. В повестку вернулись термины «справедливый», «инклюзивный», «устойчивый» в контексте энергетического перехода.

Целый раздел делийской декларации 2023 г. был посвящен осуществлению

³⁰ G20 Bali Leaders' Declaration. Bali, November 16, 2022 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/221116-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

перехода к чистой, устойчивой, справедливой, доступной и инклюзивной энергетике. Члены «Группы двадцати» приняли обязательство ускорить переход к такой энергетике, следуя различным путям, ради обеспечения сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста и достижения климатических целей (Mahida & Chauhan, 2023). Особо были отмечены потребности, уязвимость, приоритеты и различные национальные условия развивающихся стран³⁶.

В 2024 г. основными темами по направлению низкоуглеродного развития стали справедливый и инклюзивный энергетический переход, способы ускорения финансирования энергетических преобразований, социальное измерение энергетического перехода и перспективы инноваций в области устойчивого топлива³⁷.

Систематизация используемых в повестке терминов и концепций

Документы, принятые лидерами и министрами стран G20, используют различную терминологию для описания комплекса мер, направленных на обеспечение экономического развития с низким уровнем выбросов. Декларации, согласованные по итогам первых саммитов Группы на высоком уровне начиная с 2008 г., используют понятия «зеленое восстановление» и «зеленая экономика». Эти концепции упоминаются в документах по итогам саммитов в Питтсбурге, Лондоне и Торонто. Фокус первых встреч на высшем уровне был направлен на меры по выходу из финансового кризиса 2008 г., поэтому акцент делался на действиях по восстановлению экономик. «Зеленый» аспект такого восстановления подчеркивал тот факт, что оно должно учитывать проблему изменения климата и не наносить вред окружающей среде в целом. Начиная с саммита в Сеуле в 2010 г. в документах

«Группы двадцати» появляется термин «зеленый рост», подразумевающий, что технологии, обеспечивающие низкие или нулевые выбросы, могут стать основой экономического роста. В документах периода председательства Франции (2011 г.) также содержится это понятие.

По итогам саммитов в Лос-Кабосе (2012) и Санкт-Петербурге (2013) к понятию «зеленый рост» добавился эпитет «инклюзивный». Проведение политики инклюзивного «зеленого роста» означает обеспечение экономического роста, охраны окружающей среды и социальной интеграции, которые дополняют и усиливают друг друга (Kim & Chung, 2012). Важным аспектом инклюзивности стал и вопрос поддержки развивающихся стран. В декларации саммита в Лос-Кабосе отмечается, что «развивающиеся страны должны иметь доступ к институтам и механизмам, которые могут способствовать обмену знаниями, мобилизации ресурсов и наращиванию технического и институционального потенциала для разработки и реализации инклюзивных стратегий и политики зеленого роста»³⁸.

Начиная с 2014 г. понятия зеленых экономики, восстановления и роста перестают использоваться в текстах, принимаемых лидерами и министрами Группы. Решение вопросов изменения климата, повышения энергетической эффективности и развития чистых технологий перестает быть значимым аспектом обеспечения восстановления и роста, а становится полноценной самостоятельной целью политики института (Kokotsis, 2017). Такое изменение подхода коррелирует с параллельными процессами в рамках РКИК ООН. В 2014 и 2015 гг. шла активная подготовка к Парижской конференции сторон, на которой должно было быть подписано новое международное соглашение в сфере борьбы с изменением климата, и в этой связи эта повестка вышла на передний план

³⁶ G20 New Delhi Leaders' Declaration. New Delhi, India, September 9, 2023 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <https://www.g20.utoronto.ca/2023/230909-declaration.html> (accessed: 18.03.2024).

³⁷ G20 Sherpa Track: Energy Transitions // G20. URL: <https://g20.org/track/energy-transitions/> (accessed: 25.05.2024).

³⁸ G20 Leaders Declaration. Los Cabos, 18–19 June 2012 // G20. URL: https://g20.org/wp-content/uploads/2024/10/G20_Mexico_2012_communique-1.pdf (accessed: 06.11.2024).

взаимодействия и сотрудничества в рамках различных международных институтов (Kirton & Kokotsis, 2015).

С развитием и операционализацией важных терминов Парижского соглашения тексты по итогам встреч лидеров и министров стран G20 стали использовать преимущественно их. В декларациях саммитов в Гамбурге, Эр-Рияде (Басангов, Игнатов, 2019), Риме и Бали используется термин «развитие с низким уровнем выбросов парниковых газов». Термин «низкоуглеродное развитие» по сути представляет более короткую формулировку этого термина, используемого «Группой двадцати» и сторонами Парижского соглашения. Принятие и представление долгосрочных стратегий по обеспечению такого развития являются неотъемлемыми компонентами участия стран G20 в Парижском соглашении.

В тексты документов саммита, прошедшего на Бали, вернулись термины «зеленая инклюзивная экономика» и «устойчивые и инклюзивные, экологичные и справедливые переходы». В последние несколько лет вопросы инклюзивности и справедливости как во внутренней политике государств, так и в отношениях между странами снова выходят на первый план в повестке «Группы двадцати», так как без защиты интересов наиболее уязвимых групп не получится обеспечить устойчивый рост.

В сфере энергетики одной из главных концепций стал энергетический переход. Впервые в документах лидеров G20 он упоминается в 2017 г. по итогам председательства Германии и с этого времени становится неотъемлемой частью повести «Группы двадцати». Во время председательства Индонезии в 2022 г. особое внимание было уделено «чистым, устойчивым, справедливым, доступным и инклюзивным энергетическим переходам». Руководящие принципы Балийского

договора, который был принят на саммите в 2022 г., включают следующие меры:

- внедрение и пересмотр рамок для улучшения процесса принятия решений;
- повышение энергетической безопасности, стабильности и доступности рынка;
- обеспечение устойчивой и надежной инфраструктуры и системы энергоснабжения;
- повышение энергоэффективности;
- диверсификацию энергетических систем и матриц источников энергии;
- катализацию и масштабирование устойчивых и инклюзивных инвестиций;
- сотрудничество в мобилизации всех источников финансирования;
- расширение доступных инновационных и интеллектуальных технологий с низким и нулевым уровнем выбросов;
- создание и укрепление инновационных экосистем для стимулирования исследований, разработок, демонстрации, распространения и внедрения новых технологий³⁹.

Также во время председательства Индонезии в 2022 г. была одобрена Дорожная карта («Десятилетие действий: Дорожная карта энергетического перехода Бали»), которая устанавливает три приоритета для политики энергетического перехода: обеспечение доступности энергии, масштабирование интеллектуальных и чистых энергетических технологий, а также продвижение финансирования чистой энергии⁴⁰.

Саммиты в Индии и Бразилии в 2023 и 2024 гг., а также председательство ЮАР в 2025 г. закрепили в повестке института понятие «справедливого энергетического перехода», которое предполагает учет национальных контекстов и условий, ответственность развитых стран в предоставлении финансирования и технологий и учет последствий мер промышленной и торговой политики для интересов развивающихся экономик.

³⁹ Bali Compact. G20 Energy Transitions Ministers' Meeting. Bali, September 2, 2022 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <https://g20.utoronto.ca/2022/220902-bali-compact.html> (accessed: 06.11.2024).

⁴⁰ Decade of Actions: Bali Energy Transitions Roadmap. G20 Energy Transitions Ministers' Meeting. Bali, September 2, 2022 // G20 Research Group, University of Toronto. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2022/220902-energy-roadmap.html> (accessed: 18.03.2024).

Заключение

Вопросы низкоуглеродного развития входят в повестку «Группы двадцати» практически с самой первой встречи на высшем уровне. Со временем тематика развивалась, принимались новые обязательства в сферах энергетики, устойчивого «зеленого роста» и климатической политики, направленной непосредственно на сокращение выбросов парниковых газов. Обязательства по отказу от субсидий на ископаемое топливо, развитию устойчивой и чистой энергетики на основе альтернативных источников, обеспечению всех видов финансирования для климатического и энергетического переходов и внедрения чистых технологий, а также обеспечению финансирования декарбонизации развивающихся стран повторяются из года в год.

На первых саммитах приоритетными были проблемы устойчивого инклюзивного справедливого «зеленого роста» и восстановления, подчеркивалась необходимость учитывать климатические последствия при разработке политики. С принятием Парижского соглашения в 2015 г. вопросы климата, энергетического перехода и финансирования декарбонизации выделились в отдельные направления и самостоятельные цели «Группы двадцати», фактически отделившись от тематики роста. Подход, в котором сокращение выбросов фактически оторвано от необходимости обеспечивать рост экономики, наиболее активно продвигался во время председательства Италии в 2021 г., когда под давлением вновь укрепившегося для сферы климата альянса ЕС и США «Группа семи» попыталась перенести свои решения в повестку G20. Однако такой подход, в котором рост и декарбонизация рассматриваются как отдельные цели, не позволяет в полной мере учитывать национальные контексты, как того требует

Парижское соглашение и предыдущие обязательства «Группы двадцати».

В итоговых текстах саммитов в Анталии, Ханчжоу, Гамбурге, Осаке, Эр-Рияде и Бали значительное внимание уделяется вопросам энергетической безопасности и обеспечения всеобщего доступа к источникам энергии, причем признается возможность использовать все доступные ресурсы для достижения этой цели.

Председательствующие друг за другом Индонезия, Индия, Бразилия и ЮАР стараются обеспечить возврат к неотделимости социально-экономического роста от сокращения выбросов, не допустить игнорирования проблем энергетической безопасности и доступа к энергии для всех в духе ЦУР 7, а также усилить давление на «Группу семи» по выполнению обязательств в сфере финансирования энергетического перехода и декарбонизации в развивающихся странах, трансфера технологий.

G20 играет важную роль в развитии глобального управления в сфере обеспечения низкоуглеродного развития, выполняя целый ряд функций. Согласование решений, учитывающих интересы всех членов Группы, и их эффективная реализация могут внести значительный вклад в достижение целей Парижского соглашения. Имплементация обязательств на национальном уровне может помочь структурировать внутреннюю политику, добавить веса решениям, а также предоставить набор наилучших практик для внедрения. Однако существующие противоречия внутри Группы, которые становятся все более глубокими, а также стремление G7 навязывать «Группе двадцати» свои решения и повестку подрывают эффективность института и ставят под угрозу его лидерство в сфере обеспечения низкоуглеродного развития и легитимность.

Поступила в редакцию / Received: 18.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 24.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Басангов Л. Л., Игнатов А. А. О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 4. С. 654–662. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662>; EDN: HNOWXT
- Киртон Дж. Последствия глобализации для управления «Группы двадцати» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 2. С. 24–54. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-02>; EDN: XWFSFZ
- Киртон Дж., Уоррен Б. Управление изменением климата на саммитах «Группы двадцати» в Риме и ООН в Глазго и в последующий период // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 110–134. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-05>; EDN: AKUNWR
- Киртон Дж., Уоррен Б. От разрозненности к синергии: роль «Группы двадцати» в управлении ЦУР, изменением климата и цифровизацией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16, № 2. С. 20–54. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-03>; EDN: YKSQLV
- Лакхерст Дж. Сетевое управление «Группы двадцати» и трансверсальное воздействие кризиса COVID-19 // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16, № 3. С. 34–68. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-02>; EDN: XAFIQM
- Ларионова М. В. Итоги саммита «Большой двадцатки»: смягчение рисков // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26, № 7. С. 7–12. EDN: SLUGVX
- Ларионова М. В. Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 250–274. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-11>; EDN: BVBNKO
- Ларионова М. В. Немецкое председательство в «двадцатке». Испытание Трампом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 4. С. 807–823. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823>; EDN: ZWPRUZ
- Ларионова М. В. «Группа двадцати» на критическом этапе. Председательство Индонезии в 2022 г.: внутренние и внешние потрясения, риски изменения баланса влияния и упадка, факторы устойчивости и восстановления равновесия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18, № 1. С. 33–74. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-02>; EDN: SKTHYX
- Нахон С. Латинская Америка в «Группе двадцати»: преемственность и новые темы повестки (2008–2018 гг.) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13, № 4. С. 39–54. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-02>; EDN: YMYUZP
- Сэйнсбери Т., Вурф Х. «Группа двадцати» и будущее управления энергетикой // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 1. С. 7–27. <https://doi.org/10.17323/1996-7845/2016-01-7>; EDN: VRWFOZ
- Фуес Т. Приоритизация вопросов устойчивого развития в деятельности «Группы двадцати»: возможности и вызовы для председательства Германии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 2. С. 34–53. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-02-34>; EDN: ZDQFPF
- Goodliffe G., Sberro S. The G20 after Los Cabos: Illusions of Global Economic Governance // The International Spectator. 2012. Vol. 47, iss. 4. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/03932729.2012.733181>
- Johnstone I. The G20, Climate Change and COVID-19: Critical Juncture or Critical Wound? // Fulbright Review of Economics and Policy. 2021. Vol. 1, no. 2. P. 227–245. <https://doi.org/10.1108/FREP-05-2021-0031>; EDN: EMWHA1
- Kim J. A., Chung S. Y. The Role of the G20 in Governing the Climate Change Regime // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2012. Vol. 12, no. 4. P. 361–374. <https://doi.org/10.1007/s10784-012-9173-2>; EDN: BNIIPH
- Kirton J. J., Kokotsis E. The Global Governance of Climate Change : G7, G20, and UN Leadership. Abingdon ; New York : Routledge, 2015.
- Kokotsis E. The Gx Contribution to Global Climate Governance // Studia Diplomatica. 2017. Vol. 68, no. 3. P. 79–96. URL: <https://www.jstor.org/stable/26531658> (accessed: 18.03.2024).
- Mahida R., Chauhan S. A Study on Presidency of the G20 in India: SWOC Analysis // Vidya: A Journal of Gujarat University. 2023. Vol. 2, no. 2. P. 15–25. <https://doi.org/10.47413/vidya.v2i2.188>; EDN: FCQERS
- Nascimento L., Kuramochi T., Iacobuta G., den Elzen, M., Fekete H. et al. Twenty Years of Climate Policy: G20 Coverage and Gaps // Climate Policy. 2021. Vol. 22, iss. 2. P. 158–174. <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1993776>; EDN: SWOGTA

- Umar H., Indrayani I.* Indonesian Presidency at the G20 Forum // *Journal of Social Political Sciences*. 2022. Vol. 3, no. 4. P. 443–454. URL: <https://e-journal.unas.ac.id/index.php/jsps/article/view/142> (accessed: 18.04.2024).
- Unger Ch., Thielges S.* Preparing the Playing Field: Climate Club Governance of the G20, Climate and Clean Air Coalition, and Under2 Coalition // *Climatic Change*. 2021. Vol. 167, iss. 3–4. P. 1–21. <https://doi.org/10.1007/s10584-021-03189-8>; EDN: CDYHTN
- Yu H.* G20 and the Reform of Global Energy Governance // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 3, no. 2. P. 227–242. <https://doi.org/10.1142/S2377740017500142>

Сведения об авторе:

Попова Ирина Максимовна — научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, г. Москва, Пречистенская наб., д. 11; eLibrary SPIN-код: 8106-0481; ORCID: 0000-0002-0849-7168; e-mail: popova-im@ranepa.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-684-696

EDN: HJPFPU

Научная статья / Research article

Пространственный подход в изучении региональной безопасности Центральной Азии

С.А. Притчин

ИМЭМО РАН, Москва, Российская Федерация

✉ pritchin.stanislav@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты апробирования использования пространственного подхода в изучении процесса становления и эволюции страновой и региональной систем безопасности в Центральной Азии. Введено понятие плотности оборонного политического пространства для оценки качества и надежности нормативной и практической системы безопасности и глубины вовлечения внешних игроков в ее создание. Актуальность проблемы оценки важности вклада того или иного игрока в формирование региональной системы безопасности обусловлено тем, что Центральная Азия переживает новый этап конкуренции крупных игроков за влияние, и практически в пакете проектов, предлагаемых внешними игроками, существуют инициативы по оборонному сотрудничеству и взаимодействию в сфере военнотехнического сотрудничества. Поскольку с момента обретения независимости государств региона в 1991 г. основным гарантом их безопасности выступала Российская Федерация, в современных условиях возникает запрос на оценку, как инициативы и проекты Китайской Народной Республики (КНР), США, Турции и других крупных акторов влияют на общее оборонное политическое пространство России и Центральной Азии. Проведен анализ существовавшей архитектуры безопасности в регионе на момент распада СССР, риски и вызовы, стоявшие перед странами в период независимости, а также инициативы и механизмы обеспечения безопасности как самими странами региона, так и внешними игроками с использованием пространственного метода. Основным выводом исследования является утверждение, что апробирование странами региона сбалансированной и диверсифицированной внешнеполитической оборонной модели после ряда кризисов в конечном итоге подтолкнуло их к формированию закрытой модели региональной безопасности с опорой на гарантии безопасности со стороны РФ и значительной политической поддержки со стороны КНР. Западным странам не удалось закрепить за собой статус партнера в сфере безопасности для стран Центральной Азии, за исключением точечных сфер сотрудничества.

Ключевые слова: многовекторность, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, безопасность, внешняя политика

Сведения о финансировании. Исследование подготовлено при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

© Притчин С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пritchins С.А. Пространственный подход в изучении региональной безопасности Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 684–696. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-684-696>

Spatial Approach to Studying Regional Security in Central Asia

Stanislav A. Pritchins

IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ pritchins.stanislav@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study that employed a spatial approach to examine the formation and evolution of national and regional security systems in Central Asia. The study introduces the concept of the density of the defense policy space as an assessment of the quality and reliability of the regulatory and practical security system and the depth of involvement of external players in its formation. The relevance of assessing the contribution of each player in establishing a regional security system lies in the fact that Central Asia is undergoing a new stage of competition between major players for influence. The proposed package of projects by external players includes initiatives for defense cooperation and interaction in the field of military-technical cooperation. Since gaining independence in 1991, the regional states have relied on the Russian Federation to guarantee their security. In the current climate, it is important to assess the impact of the initiatives and projects of major actors such as the People's Republic of China (PRC), the United States, Türkiye and other major actors on the Russian-Central Asian common defense policy space. The article analyzes the region's existing security architecture at the time of the collapse of the USSR, the risks and challenges faced by the countries during the period of independence, as well as the initiatives and mechanisms employed by regional countries and external actors to ensure security, using a spatial approach. The study's main conclusion asserts that, after a series of crises, countries in the region ultimately formed a closed model of regional security based on security guarantees from the Russian Federation and significant political support from the PRC, having tested a balanced and diversified foreign policy defense model. Western countries have failed to secure the status of a security partner for Central Asian countries, with the exception of specific areas of cooperation in educational, peacekeeping, and biological programs.

Key words: multi-vectorness, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, security, foreign policy

Funding sources. This study was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order.”

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Pritchins, S.A. (2025). Spatial approach to studying regional security in Central Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 684–696. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-684-696>

Введение

Сразу же после обретения независимости странами Центральной Азии в 1991 г. в связи с распадом СССР молодые государства региона столкнулись с комплексом вызовов и рисков для своей внутренней и внешней безопасности. В Афганистане бушевала гражданская война,

что создавало серьезнейшую угрозу для всего региона, так как три страны — Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — имели протяженную границу с находящимся в кризисе государством (1374, 804 и 144 км соответственно). Более того, на севере Афганистана проживают этнически близкие населению центральноазиатских республик группы, что

создавало возможности для экспорта радикальных исламистских идей в регионе. В результате борьба с радикальными течениями исламизма и терроризмом стала одним из вызовов для молодых государств, выстраивавших светскую по характеру власть с обществом, в котором росла популярность ислама. Конфликт в вопросе выбора светского или исламского пути привел к гражданской войне в Таджикистане.

Другим острым вопросом для региона был пограничный, так как размежевание границ в рамках СССР в первой половине XX в. проводилось для повышения управляемости региона в рамках единого государства. Это создало целый комплекс проблем и конфликтных точек после обретения независимости странами Центральной Азии. Все эти непростые вызовы для молодых государств требовали комплексного подхода по формированию своей собственной оборонной системы, а также выстраиванию системы отношений с соседями и крупными игроками в рамках создания устойчивой системы региональной безопасности в Центральной Азии.

Логичным и естественным партнером для стран региона в вопросах безопасности стала Российская Федерация, так как в советское время региональная архитектура безопасности изначально формировалась с учетом наличия центра в Москве, и эта тенденция особенно усилилась в период присутствия Ограниченного контингента советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. Неудивительно, что уже в 1992 г. был подписан Договор о коллективной безопасности, который во многом обеспечивал гарантии безопасности в формате сотрудничества внутри постсоветского пространства с опорой на лидерство РФ¹. Исключением во многом стал Туркменистан, который выбрал изоляционистскую модель внешней и оборонной политики, которая официально была

признана ООН нейтралитетом (Мирзеханов, Тюльпаков, 2018).

Помимо внутрирегиональной модели обеспечения безопасности страны Центральной Азии в рамках своей многовекторной внешней политики начали диверсифицировать свои подходы к обеспечению безопасности за счет вовлечения в программы сотрудничества с США и Организацией Североатлантического договора (НАТО) (Прохоренко, 2024), в первую очередь в программу «Партнерство во имя мира»². В конечном итоге это взаимодействие в рамках антитеррористической операции в Афганистане привело к размещению в регионе военных объектов западных стран и вовлечению региональных игроков в полноценное военное сотрудничество с западными странами (Старр, 2005).

Со временем из-за потери динамики операции в Афганистане и размытости ее конечной цели США и их союзники стали постепенно терять свои позиции в регионе. Сначала после андижанских событий 2005 г. западная коалиция была вынуждена покинуть Узбекистан, а затем к 2014 г. была закрыта и последняя военная база США в киргизском аэропорту «Манас» (Притчин, 2022а). Неожиданный и спешный вывод американских войск из Афганистана заметно ослабил позиции США как возможного гаранта безопасности стран региона. В условиях последовавшей дестабилизации ситуации в Афганистане именно Россия выступила ключевым гарантом безопасности для стран Центральной Азии, проведя ряд учений с Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией, а также обеспечив поставки новых образцов вооружения в Таджикистан. Кризис в Казахстане в январе 2022 г. также показал, что никто из внешних игроков, кроме России и партнеров по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), не готов в спешном порядке выступить в качестве стабилизатора и способствовать нормализации

¹ От Договора до Организации // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 11.02.2025).

² Partnership for Peace Programme // NATO. June 28, 2024. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/partnership-for-peace-programme?selectedLocale=> (accessed: 11.02.2025).

ситуации в странах региона. Украинский конфликт ставит новые вызовы для подходов центральноазиатских государств к обеспечению безопасности (Давыдов, 2022b).

Основной исследовательский вопрос статьи заключается в том, как эволюционировали подходы пяти центральноазиатских государств к обеспечению национальной и региональной безопасности в условиях становления их государственности, трансформации международной ситуации в мире и в регионе. Хронологические рамки исследования — 1991–2024 гг.

Гипотеза исследования состоит в том, что страны Центральной Азии с момента обретения независимости до сегодняшнего дня не сумели выстроить достаточно эффективную и устойчивую систему собственной и региональной безопасности и во многом полагаются на гарантии внешних игроков, в первую очередь РФ. При этом консервативная оборонная российская стратегия, сфокусированная на сохранении существовавших на момент распада СССР форматов обеспечения безопасности в регионе, вкупе с проактивностью и готовностью брать на себя обязательства и предпринимать реальные шаги по обеспечению безопасности и стабильности стран региона позволили Москве сохранить статус основного гаранта безопасности стран Центральной Азии.

В качестве методологической базы исследования разработанная учеными Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН выступает теория политического пространства, которая будет применена к оценке безопасности и обороноспособности.

Концепт политического пространства рассматривался в рамках различных политологических школ и по-разному определялся (Прохоренко, 2015, с. 26). Основоположник российской школы изучения политического пространства Н.А. Косолапов уравнивает его с территорией, которая в свою очередь является «сферой непосредственного обитания и жизнедеятельности человека» (Косолапов, 2005а). При этом важны

не только физико-географические характеристики территории: определяющим фактором территории, позволяющим рассматривать ее как политическое пространство, является ее организация. Отмечается, что процесс организации территории может длиться долгое время, предполагает несколько важных этапов — от физического захвата, хозяйственного освоения до формирования политико-правовой, технологической, информационной и других надстроек. При их формировании предлагается рассматривать пространство как «виртуальную конструкцию, создаваемую в целях построения некоей концепции, теории, — ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть» (Косолапов, 2005b, с. 6).

Исходя из изложенной выше концепции рассмотрения пространства как организованной надстройки на конкретной территории, предлагается рассматривать современную политику как самостоятельное пространство. При этом можно выделить пространство внутренней политики как надстройку политических отношений на отдельно взятой территории, ограниченной государственными границами, так и международные отношения, которые включают надстройку суммы межгосударственных отношений в глобальном масштабе. В рамках общего политического пространства можно выделить отдельные пространства, касающиеся определенных сфер отношений, в частности безопасности, на чем и сфокусировано данное исследование, экономических отношений, правовое пространство и др., выступающие в роли искусственно создаваемой конструкции и предназначенные для лучшей организации внутригосударственных и/или международных отношений (Косолапов, 2005b, с. 6).

В процессе развития государств проявляется их дифференциация. Одни страны показывают более сложную и плотную пространственную структуру, состоящую из важных уже отмеченных пространств (степень развития политико-правовой системы,

технологической, социальной, информационной), другие менее эффективны в развитии своей организации и устойчивости. С формированием общей системы и практики международных отношений государства становятся самостоятельным пространством человеческой жизнедеятельности.

Особым явлением международных отношений является глобализация, в рамках которой происходит определенное размытие четкой увязки территории страны и ее надстроек в виде политического и экономического пространств, так как глобализация проявляется в создании глобального экономического пространства с доминированием интересов наднациональных политических и экономических акторов. С целью размытия используются различные инструменты в виде отдельно взятых пространств, например финансового пространства, основанного на доминировании доллара США, или международного-нормативного, в рамках которого господствует Всемирная торговая организация (ВТО) (Косолапов, 2005b, с. 10).

Объединение государств в союзы по примеру ЕС или дезинтеграция по примеру распада СССР создают новую конфигурацию политических и экономических пространств, а также особые надстройки межгосударственных отношений (Косолапов, 2005b, с. 6). В этом контексте будут более детально рассмотрены постсоветские страны, а именно государства Центральной Азии.

До 1991 г. этот регион в течение почти полутора веков находился в составе Российской империи, затем Советского Союза, вместе со всеми другими частями большой страны переживая серьезные трансформации: смену политико-социального строя, модернизацию, индустриализацию, усложнение и насыщение политических, экономических, социальных, технологических и других надстроек. В 1991 г. сначала произошло территориальное размежевание³, которое,

однако, не привело к автоматическому разделу политических и социальных надстроек и пространств. Так, например, страны региона почти до середины 1990-х гг. оставались в едином валютном пространстве с центром в Москве, так как продолжали использовать российский рубль в качестве национальной валюты. Схожие наднациональные надстройки сохранялись в миграционной сфере, что было связано с сохранением общего безвизового пространства (за редким исключением). Поэтому создание автономных от РФ пространств и надстроек в странах региона шло постепенно, а по некоторым вопросам наблюдался обратный процесс. Так, в рамках евразийской интеграции в процессе создания Евразийского экономического союза происходило формирование общего интеграционного экономического пространства со свободой передвижения товаров, людей, услуг и финансов с участием трех стран Центральной Азии — Казахстана и Киргизии как членов организации, Узбекистана — как страны-наблюдателя.

В контексте проблематики данного исследования основной фокус в использовании пространственного подхода обращен к надстройке безопасности и складыванию региональной оборонной системы. Если анализировать процесс формирования пространств безопасности отдельных стран Центральной Азии после обретения независимости и региона в целом, то получается достаточно сложная многомерная конструкция, включающая в себя такие элементы, как:

- автономные, независимые пространства в виде национальных вооруженных сил, пограничных войск, специальных служб и др.;
- точечные вкрапления в национальное оборонное пространство в виде военных объектов внешних игроков (военные объекты РФ в Таджикистане и Киргизии, нахождение российских пограничников на таджикско-афганской и туркменско-афганской границе до 2000 г., временное нахождение военных

³ Территориальное размежевание между странами региона продолжается до сих пор, так как процесс делимитации и демаркации границ между центральноазиатскими республиками еще не завершен.

объектов западной антитеррористической коалиции в Афганистане, неформальные китайские объекты в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан);

– наднациональное пространство безопасности, представленное ОДКБ с ее глубоко структурированной системой региональной безопасности стран-участниц, нормативно-правовыми аспектами функционирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Содружества Независимых Государств (СНГ), элементами взаимодействия НАТО и стран Центральной Азии⁴, а также отдельными элементами безопасности, такими как единая система противовоздушной обороны (ПВО) России с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном;

– фрагментарные наднациональные оборонные пространства в виде двусторонних соглашений между странами Центральной Азии или с участием внешних игроков, например двусторонние соглашения между Казахстаном и Узбекистаном⁵ или Россией и Узбекистаном⁶.

На первый взгляд может показаться, что пространство системы безопасности стран Центральной Азии очень пестрое, комплексное и многокомпонентное. В рамках существующих методологических инструментов представляется достаточно сложной задачей аргументированно доказать важность каждой из настроек и ранжировать пространства по их значимости. Для оценки весомости надстройки пространства безопасности в регионе предлагается ввести понятие *плотности пространства безопасности*, а в качестве методологической основы оценки плотности в межгосударственных отношениях — использовать следующие четыре критерия:

1) глубина системы обязательств, иными словами — уровень и глубина закреплённых

межгосударственными соглашениями гарантий взаимной безопасности;

2) проработанность нормативно-правовой базы сотрудничества, ширина и детализированность сферы сотрудничества в области безопасности;

3) степень совпадения/несовпадения национальных интересов стран Центральной Азии и участвующих в формировании системы безопасности внешних игроков;

4) практические шаги и реальные действия по обеспечению безопасности в рамках существующих правовых и политических практик, для оценки которых необходим анализ существующих механизмов обеспечения безопасности, а также прецедентов их использования.

В рамках данного исследования апробирован метод оценки плотности политического пространства безопасности в Центральной Азии и основных внешнеполитических партнеров стран региона: РФ (в том числе в формате ОДКБ), США (включая формат НАТО), КНР и Турции, а также рассмотрены региональные инициативы по обеспечению безопасности. По каждому из направлений проведен анализ по четырем выделенным выше критериям, позволяющим оценить плотность пространства безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

Риски и вызовы безопасности для Центральной Азии

С момента обретения независимости перед государствами Центральной Азии встал целый комплекс задач и вызовов в сфере безопасности. С одной стороны, становление независимости и субъектности любого государства невозможно без формирования своей собственной системы

⁴ Partnership for Peace Programme // NATO. June 28, 2024. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/partnership-for-peace-programme?selectedLocale=> (accessed: 11.02.2025).

⁵ Договор между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан о союзнических отношениях // GOV. KZ. 18.06.2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/171373?ysclid=m60o73jl8t559646164> (дата обращения: 21.02.2025).

⁶ Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Президент России. 14.11.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4709> (дата обращения: 02.02.2025).

безопасности — формирования вооруженных сил, организации охраны границы. Как мы увидим далее, республики региона использовали оборонную инфраструктуру, доставшуюся от общего пространства безопасности, созданного в советское время. Особенно это касается внешних контуров безопасности — внешних границ с Афганистаном, Китаем и Ираном. При этом именно афганская граница представляла собой самый сложный из внешних вызовов для национальной и региональной безопасности, так как помимо прямой военной угрозы существовал риск экспорта радикальных исламистских течений и террористической активности (Малышева, 2014). Очередное обострение, связанное с рисками дестабилизации со стороны Афганистана, произошло в 2021 г. в результате неожиданного и экстренного вывода американского контингента из страны (Малышева, 2022).

Межгосударственные конфликты и напряженность в отношениях стали неотъемлемой частью политического пространства безопасности в Центральной Азии и вызовом для многих региональных игроков. При этом причины подобной напряженности были разные — от личной неприязни руководителей (отношения президентов Республики Таджикистан Э. Рахмона и Республики Узбекистан И. Каримова или глав Республики Казахстан Н. А. Назарбаева и Киргизской Республики А. Атамбаева), противоречий из-за вопросов водопользования общими реками и заканчивая пограничными конфликтами. Самый острый из межгосударственных конфликтов — пограничный спор между Киргизией и Таджикистаном — привел к нескольким серьезным эскалациям с применением вооруженных сил двух стран⁷.

Комплекс внутренних кризисов на разных этапах становления независимости стран Центральной Азии также стал

серьезным вызовом для стабильности политического пространства. Самым трагичным из них стала гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг. (Муртазин, 2018). В 2005 г. радикальные группировки организовали в узбекском городе Андижане вооруженные протестные выступления, которые были жестко подавлены властями республики. Также в июле 2022 г. в Каракалпакстане имели место серьезные протесты в связи с планами Ташкента лишить автономную республику ряда конституционных привилегий (Фефелов, Тимошенко, 2023). Киргизия трижды сталкивалась с неконституционной сменой власти в 2005, 2010 и 2020 гг. (Притчин, 2021). В 2010 г. произошли трагические события в г. Оше (Киргизия) из-за этнического конфликта в Ферганской долине республики⁸. Казахстан также пережил несколько серьезных кризисов, один из которых привел к серьезной дестабилизации ситуации в республике в январе 2022 г. (Притчин, 2022b).

Таким образом, мы можем выделить три категории вызовов пространству безопасности в Центральной Азии:

- внешние угрозы региональной безопасности;
- межгосударственные конфликты и противостояния;
- комплекс внутренних вызовов: риски внутривнутриполитической дестабилизации, угроза неконституционной смены власти, межэтнические конфликты, сепаратистские и сепарационные процессы и др.

Исходя из типологии существующих рисков для стран Центральной Азии, анализ вовлеченности внешних игроков на предмет формирования политических надстроек безопасности в регионе будет происходить из возможностей внешних игроков содействовать купированию существующих вызовов.

⁷ Притчин С. Кыргызстан и Таджикистан: дружить нельзя конфликтовать // Российский совет по международным делам. 30.09.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-i-tadzhikistan-druzhit-nelzya-konfliktovat/> (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Межнациональные столкновения на юге Киргизии в 2010 г. Досье // ТАСС. 10.06.2015. URL: <https://tass.ru/info/2033902?ysclid=m66a7gkpx8144529294> (дата обращения: 21.02.2025).

Пространство безопасности России и стран Центральной Азии: механизмы и инструменты урегулирования вопросов безопасности в регионе с участием России

С учетом сложившийся к моменту обретения независимости республиками Центральной Азии архитектуры безопасности Россия даже без новых соглашений сохраняла за собой курирование системы региональной безопасности. В условиях сложной обстановки в Афганистане Россия сохранила свою ответственность за оборону внешней южной границы региона, отвечая за безопасность границ Киргизии и Туркменистана до 1999 г. и границ Таджикистана до 2005 г.⁹ Таким образом, за исключением узбекского участка первые 10–15 лет независимости пограничные войска РФ фактически отвечали за внешнюю безопасность границ Центральной Азии, что было предусмотрено двусторонними соглашениями.

Если оценивать уровень обязательств в рамках военного и оборонного сотрудничества между РФ и странами региона, то здесь необходимо учитывать как многосторонние договоренности в рамках ОДКБ, так и обязательства по двусторонним соглашениям (Кривопапов, 2021).

В рамках Организации Договора о коллективной безопасности, в которую входят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан (Узбекистан приостановил свое членство в 2021 г.), самым важным элементом соглашения, является ст. 4: «Если одно из государств — участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему

безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету), то это будет рассматриваться государствами — участниками как агрессия (вооруженное нападение, угрожающее безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на все государства»¹⁰. Более того, ОДКБ к настоящему времени эволюционировала в полноценную оборонную организацию с постоянно действующими институтами и военным резервом на случай появления внешних и внутренних угроз¹¹. В рамках обеспечения обязательств по Договору о коллективной безопасности РФ располагает в регионе рядом военных объектов, среди крупнейших можно выделить 201-ю военную базу в Таджикистане и авиабазу в киргизском городе Кант¹².

Уровень взаимных обязательств между РФ и Узбекистаном, не входящим в ОДКБ, также имеет статус союзнических, а согласно ст. 4 Договора о стратегическом пространстве между РФ и Республикой Узбекистан, в случае возникновения угроз безопасности, одной из сторон «запускается механизм консультаций для согласования позиций и координации практических мер по урегулированию такой ситуации»¹³.

Помимо этого, важно отметить создание единой системы ПВО России с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, что является частью процесса формирования единого пространства безопасности неба над большей частью региона. Также важно упомянуть, что в плане оснащения вооруженных сил центральноазиатские государства в основном опираются на российское оружие, поставляемое на льготных условиях.

⁹ Как Россия охраняла границы соседних стран: история вопроса // Коммерсантъ. 21.10.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1044942?ysclid=m6g7w4hh58983522872> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁰ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://www.jscto.org/upload/iblock/273/2734e030c2747ee8b4f711b4e048875b.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).

¹¹ От Договора до Организации // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-jscto.org/25years/> (дата обращения: 11.02.2025).

¹² Российская военная инфраструктура в Центральной Азии // Коммерсантъ. 17.06.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655?ysclid=m6g8kf59xm185670551> (дата обращения: 21.02.2025).

¹³ Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Президент России. 16.06.2004. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1945> (дата обращения: 21.02.2025).

Таким образом, у стран — участниц ОДКБ, а также Узбекистана сложились союзнические отношения с Россией, включающие обязательства по защите и взаимной обороне в случае возникновения угроз безопасности, что является проявлением наивысшего уровня плотности пространства безопасности. Соответственно нормативно-правовая база, прописывающая механизмы обеспечения безопасности, также максимально детализирована и предусматривает различные ситуации, на которые возможен совместный ответ.

Оценивая совпадение/расхождение подходов РФ и государств Центральной Азии к безопасности, можно констатировать, что в вопросе глобального обеспечения региональной безопасности интересы у стран максимально совпадают. России важно, чтобы регион был стабилен, надежно защищен от внешних угроз; этого же хотят и сами центральноазиатские страны. Расхождение можно наблюдать в обеспечении суверенитета стран региона в отношениях с РФ. Зависимость от Москвы во всех аспектах, включая оборонный, рассматривается в регионе как вызов, поэтому правительства государств Центральной Азии проводят многовекторную внешнюю политику, а также предпринимают попытки диверсифицировать оборонное пространство за счет формирования надстроек безопасности с другими крупными игроками (Притчин, 2023).

С точки зрения практических шагов по безопасности РФ содействовала безопасности стран практически во всех кризисных ситуациях, начиная с предотвращения прорыва исламистов из Афганистана¹⁴, а также действий по практическому ответу на вывод западной антитеррористической коалиции из этой страны в 2021 г.¹⁵, активного

содействия прекращению гражданской войны в Таджикистане (Каримова, 2009) и заканчивая поддержкой конституционного порядка в Казахстане во время массовых протестов в январе 2022 г. (Притчин, 2022b).

Кроме того, Россия на льготной, а иногда на безвозмездной основе поставляет вооружение и военную технику странам Центральной Азии, сохраняя лидерство в качестве их ключевого партнера в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС)¹⁶.

Таким образом, проанализировав четыре критерия плотности оборонного политического пространства РФ и стран Центральной Азии, можно заключить, что по каждому из них присутствует высокая степень совпадения и взаимозависимости:

- обязательства в рамках ОДКБ и на двусторонней основе отражают высокий уровень союзнических отношений, и Россия фактически выступает в качестве гаранта безопасности региона;

- максимально проработана нормативно-правовая база взаимодействия в области безопасности — от вопросов совместного ответа на внешние вызовы до ВТС и содействия внутривнутриполитической стабильности государств региона;

- Россию и страны Центральной Азии характеризуют высокая степень совпадения национальных интересов, заключающаяся в стремлении обеспечивать внешнюю безопасность региона, содействовать внутривнутриполитической стабильности и безопасности. Единственное расхождение заключается в стремлении стран региона за счет взаимодействия с внешними игроками (в разной степени) обеспечить определенный уровень автономии и суверенитета в отношениях с РФ;

¹⁴ Заквасин А. Московская застава: как российские войска спасли Таджикистан от исламистов // RT. 08.03.2018. URL: <https://russian.rt.com/science/article/489814-tadzhikistan-rossiyskie-pogranichniki?ysclid=m6gacuuy86358881893> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁵ Россия, Таджикистан и Узбекистан провели масштабные военные учения // Рен-ТВ. 10.08.2021. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/867282-rossiia-tadzhikistan-i-uzbekistan-proveli-masshtabnye-voennye-ucheniia> (дата обращения 20.02.2025).

¹⁶ Россия подарила Таджикистану оружие на \$320 млн // РБК. 29.10.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5db7dc3d9a7947b8ade2c93a?ysclid=mhql2tnjak677810970> (дата обращения: 20.02.2025).

– практические шаги и реальные действия России по обеспечению региональной безопасности носят исчерпывающий характер, по всем трем видам вызовов (внутренним, внешним и межгосударственным) ни один из кризисов в регионе не остался без прямого или косвенного участия Москвы.

Иными словами, плотность оборонного пространства России и стран Центральной Азии можно оценить как очень высокую, так как практически все требуемые условия общего оборонного пространства выполнены.

Подходы Китая, США и Турции к участию в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии

С точки зрения уровня военного и военно-технического сотрудничества в качестве крупных внешних игроков в регионе Центральной Азии мы можем выделить Китай, Турцию и США (вместе с союзниками по НАТО). Сразу следует оговориться, что ни с одной из пяти стран региона у этих трех акторов нет конкретных взаимных или односторонних обязательств в рамках обеспечения безопасности.

Оценивая нормативно-правовую базу как элемент политического оборонного пространства, важно отметить существующие двусторонние соглашения между странами региона и США, Китаем и Турцией (Свистунова, 2024). Сотрудничество по вопросам безопасности присутствует либо в рамках отдельных соглашений, либо как часть общих стратегических деклараций. При этом важно учитывать, что ни с одним из трех крупных внешних игроков отношения не носят союзнического характера по вопросам обеспечения безопасности; прописаны лишь отдельные элементы взаимодействия, например, развитие приграничного сотрудничества с Китаем (Ионова, 2013), развитие ВТС с КНР (Юйфэй, 2023) и Турцией (Свистунова, 2023). Таким образом, правовое политическое пространство носит фрагментарный характер и не предполагает наличие серьезных инструментов обеспечения безопасности.

Что касается совпадения/несовпадения национальных интересов, то в силу географической близости у стран Центральной Азии и Китая наблюдаются схожие подходы и взгляды на региональную безопасность и стабильность, за исключением, пожалуй, таких элементов, как, например, положение мусульманских этнических меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР.

У Турции (Вернигора, 2023) и США в силу их удаленности от региона теоретически должно отсутствовать пересечение интересов с центральноазиатскими государствами в сфере безопасности, но парадоксальным образом сотрудничество с внерегиональными игроками важно для центральноазиатских республик в рамках создания определенного противовеса мощным соседям, в первую очередь России и в меньшей степени — Китаю.

Для Вашингтона тесное взаимодействие с центральноазиатскими странами в оборонной сфере очень желаемо, так как создает возможности для давления на геополитических конкурентов — Москву и Пекин. На первый взгляд интересы США и государств региона совпадают, но реализация этой американской стратегии, как правило, всегда негативно влияла на безопасность центральноазиатских республик (Войтоловский, 2021). Так, размещение военных объектов в Центральной Азии в рамках антитеррористической операции в Афганистане не способствовало повышению безопасности региона, более того, неожиданный уход американцев из региона создал комплекс вызовов безопасности (Давыдов, 2022а).

Если говорить о практических шагах или реальных действиях перечисленных стран по обеспечению региональной безопасности, то можно выделить следующие примеры.

Пожалуй, наиболее практически ориентированной является деятельность Китая, который, не имея прямых оборонных обязательств перед странами региона, тем не менее неформально помогает Таджикистану обеспечивать безопасность границы с Афганистаном в самом труднодоступном регионе республики — Горно-Бадахшанской автономной области.

Так, по данным западной прессы, КНР построила в Мургабском районе секретную военную базу для контроля за приграничной афганской территорией¹⁷. Также Китай стал основным поставщиком оборудования для систем «безопасного города» для крупнейших мегаполисов и столиц Центральной Азии (Титаренко, 2021). Помимо этого, Пекин точно поставляет различные образцы военной техники вооруженным силам республик, как правило, на льготной и грантовой основе, создавая предпосылки для будущего более тесного взаимодействия¹⁸. При этом на двусторонней основе страны не проводят совместных военных учений или тренировок.

Примерно схожая, но еще более ограниченная стратегия наблюдается у Турции. Анкара при любой кризисной ситуации заявляет о готовности выступить гарантом безопасности, модератором в случае конфликта (как это было во время киргизско-таджикского пограничного конфликта)¹⁹, но затем не осуществляет каких бы то ни было реальных практических шагов. При этом Турция также продвигает наработки своего военно-промышленного комплекса (ВПК), в первую очередь беспилотные технологии, поставляя пробные партии в ряд стран. Наибольшего прогресса Турции удалось достичь с Казахстаном, поскольку между сторонами была достигнута договоренность о производстве различных типов БПЛА по турецкой лицензии²⁰.

Таким образом, проанализировав все элементы оборонного пространства, мы можем констатировать, что наиболее плотное пространство у стран региона сформировалось с Китаем, но его плотность качественным

образом уступает структуре российско-центральноазиатского пространства безопасности, хотя и имеет позитивную динамику. США и Турция же имеют еще более ограниченное оборонное политическое пространство со странами региона с ограниченными перспективами улучшения его плотности.

Заключение

Результаты апробации метода пространственного подхода с анализом плотности политического оборонного пространства стран Центральной Азии и внешних крупных игроков позволяют наглядно оценить глубину, качество и надежность существующих на сегодняшний день систем взаимной безопасности. Подробный разбор элементов оборонного политического пространства показывает, насколько велико влияние и вовлечение РФ во все аспекты безопасности. Фактически за редким исключением у России со странами Центральной Азии сформировалось единое пространство безопасности с очень высокой плотностью. При этом, если рассматривать эволюцию плотности общего пространства России и стран Центральной Азии, можно отметить и серьезное ее снижение в 2001–2014 гг., в период военного присутствия США и их союзников в регионе, но затем происходит полное восстановление этого пространства.

В настоящее время с экономическим усилением Китая наблюдается осторожное, постепенное формирование пусть ограниченно-го, но системного оборонного пространства

¹⁷ Британские СМИ сообщают о секретной военной базе Китая в Таджикистане // Eurasia Daily. 11.07.2024. URL: <https://easaily.com/ru/news/2024/07/11/britanskie-smi-soobshchayut-o-sekretnoy-voennoy-baze-kitaya-v-tadzhikistane> (дата обращения: 26.02.2025).

¹⁸ Храмчихин А. А. Пекин прибирает к рукам страны Центральной Азии // Независимое военное обозрение. 26.01.2023. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2023-01-26/5_1222_asia.html?ysclid=mhqltlrka518609751 (дата обращения: 26.07.2025).

¹⁹ Турция готова поддержать урегулирование между Таджикистаном и Кыргызстаном // Report.Az. 01.05.2021. URL: <https://report.az/ru/v-regione/turciya-gotova-podderzhat-uregulirovanie-mezhdu-tadzhikistanom-i-kyrgyzstanom> (дата обращения: 02.07.2025).

²⁰ Производство турецких БПЛА «АНКА» будет организовано в Казахстане: Министерство промышленности и строительства Республики Казахстан // GOV.KZ. 11.05.2022. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mps/press/news/details/369527?lang=ru> (дата обращения: 02.02.2025).

между КНР и странами региона. Отдельные элементы оборонного пространства пытаются формировать Турция, в первую очередь за счет военно-технического сотрудничества. США пока не удается восстановить в полной мере элементы оборонного пространства,

существовавшие в период их присутствия в Афганистане вплоть до 2021 г., поэтому участие США в обеспечении региональной безопасности центральноазиатских республик ограничивается военно-политическими контактами.

Поступила в редакцию / Received: 01.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 05.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Вернигора А.А.* Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 139–153. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-139-153>; EDN: NKXPOV
- Войтоловский Ф.Г.* Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 7. С. 616–626. <https://doi.org/10.31857/S0869587321070148>; EDN: NWGYOY
- Давыдов А.А.* О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. 2022b. № 4. С. 60–77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-60-77>; EDN: SQWRIP
- Давыдов А.А.* Подход к анализу двусторонних отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2022a. Т. 66, № 9. С. 111–118. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-9-111-118>; EDN: GUOICD
- Ионова Е.П.* Центральная Азия и Китай: новый этап отношений // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 4. С. 99–105. EDN: PBNSXZ
- Каримова М.* Роль России в урегулировании межтаджикского конфликта и в развитии Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 4. С. 92–97. EDN: JXKUWF
- Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005a. № 6. С. 3–13. EDN: HSCJRL
- Косолапов Н.А.* Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005b. № 7. С. 3–14. EDN: HSTXMZ
- Кривопапов А.А.* ОДКБ на исходе второго десятилетия своей истории // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 126–134. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134>; EDN: TJUNHK
- Мальшиева Д.Б.* Афганистан и новая международная конфигурация в Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 4. С. 35–43. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-35-43>; EDN: SYHLUK
- Мальшиева Д.Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 76–94. EDN: OIOQBV
- Мирзеханов В.С., Тюльпаков М.В.* Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2018. № 3. С. 19–28. EDN: YPVGSL
- Муртазин М.Ф.* Таджикистан: победа над исламизмом? // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 109–129. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-2-109-129>; EDN: XVBLRJ
- Притчин С.А.* «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022a. Т. 66, № 6. С. 112–123. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123>; EDN: PFTDIV
- Притчин С.А.* В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 7–42. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>; EDN: UBIYMK
- Притчин С.А.* Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 12. С. 104–115. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115>; EDN: OMSWVP
- Притчин С.А.* Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022b. № 1. С. 56–67. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67>; EDN: PNVFJF

- Прохоренко И. Л.* Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 1. С. 141–162. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162>; EDN: AMILCJ
- Прохоренко И. Л.* Пространственный подход в исследовании международных отношений. Москва : ИМЭМО РАН, 2015. EDN: VOEWUN
- Свистунова И. А.* Политика Турции по объединению тюркских стран: от культуры к экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 11. С. 104–114. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-104-114>; EDN: BTZFMW
- Свистунова И. А.* Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 3. С. 45–54. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-45-54>; EDN: SLVUEN
- Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 4. С. 72–87. EDN: XCENQB
- Титаренко А. М.* Китайский фактор в Таджикистане: перспективы и угрозы // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3. С. 110–125. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-3-110-125>; EDN: UJGXZI
- Фефелов Д. В., Тимошенко Н. Р.* Протесты в Каракалпакстане как фактор региональной дестабилизации // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 189–201. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-189-201>; EDN: AZIXOW
- Юйфэй В.* Политика Китая в Центральной Азии: концептуальный контекст // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 95–110. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-95-110>; EDN: GSBSEU

Сведения об авторе:

Притчин Станислав Александрович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Центральной Азии, Центр постсоветских исследований, ИМЭМО РАН; Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; eLibrary SPIN-код: 2524-6932; ORCID: 0000-0001-9464-9836; e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709
EDN: HCAHZB

Научная статья / Research article

Влияние образовательного фактора на миграционные потоки из Центральной Азии в Российскую Федерацию

К.Г. Муратшина¹ , М.В. Валеева²

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

 k.muratshina@ivran.ru

Аннотация. Проанализировано влияние образовательного фактора на миграционные траектории граждан бывших советских республик Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана), прибывших в Россию с целью получения высшего образования либо устройства на работу, то есть образовательной либо трудовой миграции. Авторы представляют результаты своего исследования, проведенного в 2020–2022 гг. с использованием социологического инструментария и последующего анализа полученных данных в контексте изучения взаимодействия России с центральноазиатскими государствами. Последовательно рассмотрены социальные характеристики изучаемой группы, уровень образования мигрантов, роль образовательной составляющей в их мотивации к переезду в Россию и применительно к студентам — мотивации к поступлению в российские вузы, вопросы владения трудовыми мигрантами и студентами русским языком и его дальнейшего изучения после переезда в РФ и, наконец, планы дальнейшего получения образования либо трудоустройства в России, в своей родной стране или в другом государстве. Результаты исследования показывают, что, хотя часть молодежи из центральноазиатских республик в той или иной степени нацелена на получение образования в России, трудовые мигранты в большинстве своем не заинтересованы в повышении собственного образовательного уровня, несмотря на то, что отсутствие необходимых компетенций не может не оказывать отрицательного влияния на выполнение ими профессиональных обязанностей, возможность коммуникации на русском языке, познания культуры России как принимающей страны и понимания правового устройства и традиций общества, в которое они попали. Подчеркнута необходимость проведения не только культурной адаптации мигрантов, но и принятия нанимающими их работодателями обязательств по повышению образовательного уровня сотрудников своих предприятий. Исследование позволяет выявить лакуны, которые необходимо заполнять в рамках реализации перспективной задачи по сохранению межнационального согласия и поддержанию взаимопонимания в обществе.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, миграция, молодежь, образование

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Муратшина К.Г.: концептуализация и научное руководство исследованием, работа с научной литературой, написание текста, редактирование текста. Валеева М.В.: работа с программным обеспечением, анкетирование, обработка анкет, написание текста. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Сведения о финансировании. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-78-10060.

© Муратшина К.Г., Валеева М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Муратшина К.Г., Валеева М.В. Влияние образовательного фактора на миграционные потоки из Центральной Азии в Российскую Федерацию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 697–709. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709>

Migration from Central Asia to the Russian Federation: The Educational Aspect

Ksenia G. Muratshina¹ , Marina V. Valeeva²

¹Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

²Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

 k.muratshina@ivran.ru

Abstract. The paper analyzes the role of education in shaping the trajectories of migrants from the former Soviet republics of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan), who came to Russia for the purposes of study or employment, i.e. for labour migration or educational migration. The authors present the results of their research, conducted in 2020–2022, which applied sociological methods and involved further analysis of the data in the context of Russia's interaction with Central Asian states. The paper consequently considers the social characteristics of the studied group, the migrants' level of education, the role of education in motivating them to move to Russia, and the motivation of students to enroll in Russian universities. The study also considers the migrants' knowledge of Russian language, as well as the continuation of their language learning while already residing in Russia. Finally, the study explores the migrants' plans regarding their further education or employment in Russia, or their native countries, or elsewhere abroad. The results of the research suggest that, while a proportion of the youth from Central Asia are somewhat committed to pursuing education in Russia, the majority of labour migrants are not interested in improving their educational level. This is despite the fact that the absence of essential knowledge invariably exerts a negative influence on their professional skills, employment prospects, and language proficiency, as well as on their understanding of the receiving state's culture, legal system and traditions. The authors posit the necessity of the cultural adaptation for migrants and the need for employers to make compulsory efforts to raise their educational level, which should be organized and controlled by state authorities. The research highlights gaps that need to be filled to promote interethnic harmony and mutual understanding in the society.

Key words: Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, migration, youth, education

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contributions. K.G. Muratshina: research conceptualisation & management, academic literature studies, manuscript writing, manuscript editing. M.V. Valeeva: software management, questionnaire distribution, questionnaire processing, manuscript writing. Both authors have read the final edition of the text and approved it.

Funding sources. The study has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10060).

For citation: Muratshina, K.G., & Valeeva, M. V. (2025). Migration from Central Asia to the Russian Federation: The educational aspect. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 697–709. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709>

Введение

Приток иностранной рабочей силы и иных мигрантов из-за рубежа — одна из реалий многих российских городов.

Постоянная въездная миграция — в первую очередь трудовая и образовательная — привела к тому, что мигранты стали одной из социальных групп в России, и характеристики этой группы необходимо

тщательно отслеживать методами общественных наук. Традиционно наибольшие миграционные потоки идут в Российскую Федерацию из бывших советских республик Центральной Азии (ЦА). Среди значимых вопросов, которые необходимо анализировать для понимания ситуации в этой сфере и выявления перспектив, как представляется, особое место занимает образовательный уровень мигрантов и получение ими высшего и/или дополнительного образования. Это важно не только для культурной адаптации мигрантов и межнационального взаимопонимания в обществе, но и для выполнения иностранными работниками профессиональных обязанностей, соблюдения регламентов и техники безопасности.

В российских исследованиях затрагивалась данная тематика, но в основном исследовались ее исторические или педагогические аспекты (см., например: (Крапивник, 2015; Образовательная миграция..., 2019; Шарафутдинова, Доронина, Казакова, 2022)). Исследований по данной проблематике конкретно применительно к Центральной Азии не хватает, к тому же категории трудовых и образовательных мигрантов обычно рассматриваются по отдельности, хотя сравнение их показателей представляет интерес.

В данной статье представлены результаты полевых исследований, проведенных авторами в 2020–2022 гг. с целью выявления актуальных образовательных характеристик миграционных потоков из ЦА в Россию. Изучение этого вопроса должно показать, какие шаги в перспективе следует предпринять российской стороне — органам власти, образовательным организациям, предприятиям-работодателям — для обеспечения высокого образовательного уровня иностранной рабочей силы, если в ней будет потребность.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступили граждане Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Таджикистан,

Туркменистана и Республики Узбекистан, приехавшие в Россию для работы или учебы. Методом исследования был выбран опрос (раздаточное анкетирование и онлайн-опрос). Было опрошено 280 трудовых мигрантов, на момент опроса проживавших и работавших в 20 российских городах (Арамиль, Астрахань, Верхняя Пышма, Долгопрудный, Екатеринбург, Казань, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Новоуральск, Нягань, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Среднеуральск, Томск, Тула, Тюмень, Чебоксары, Челябинск), и 300 студентов очных отделений вузов, на момент опроса учившихся в 14 российских городах (Астрахань, Волгоград, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Москва, Новосибирск, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Ставрополь, Томск, Тула, Чебоксары).

Тип выборки в силу условий пандемии коронавируса был использован стихийный, на основании доступности объекта, с вовлечением в него трудовых мигрантов и студентов из всех пяти республик ЦА. Возрастной состав выборки представлен на рис. 1 и 2.

Как можно заметить, трудовые мигранты, приезжающие в Россию, — это в основном молодежь. Что касается студентов, то их распределение по возрасту коррелирует с учебными программами: как было выявлено по результатам опроса, 83 % обучается на программах бакалавриата, 9 % — специалитета, 6 % — магистратуры, 2 % — аспирантуры. На программы бакалавриата в вузах обычно всегда приходится в целом наиболее широкий набор абитуриентов, тогда как количество направлений, сохранивших специалитет, не очень велико. В магистратуре меньше и сам набор, и квоты для иностранных абитуриентов. Наконец, в аспирантуру традиционно поступает небольшая часть выпускников.

С точки зрения демографических характеристик примечательно, что среди опрошенных примерно в 1,7 раза больше молодых мужчин, чем девушек (рис. 3, 4).

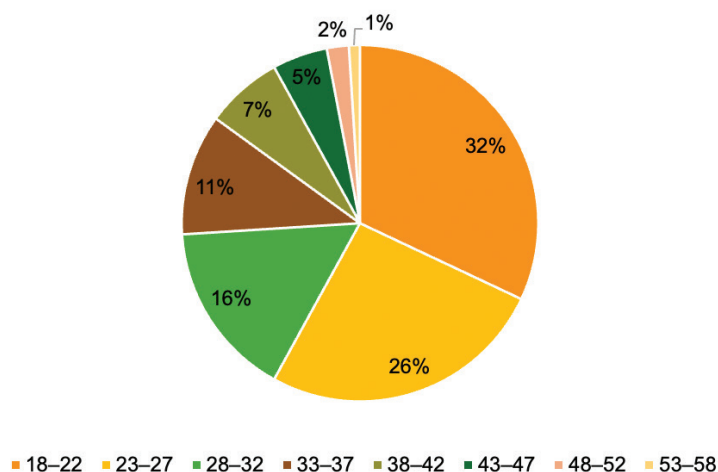

Рис. 1. Возраст трудовых мигрантов
Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

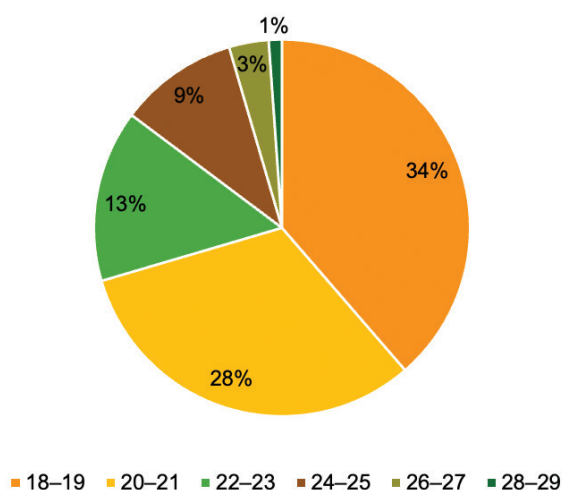

Рис. 2. Возраст студентов
Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

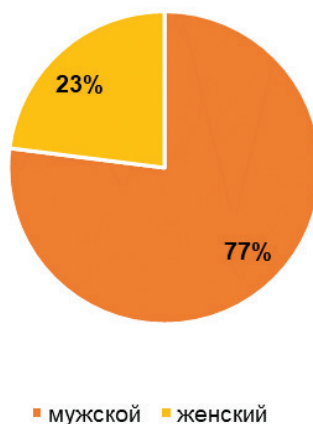

Рис. 3. Распределение респондентов по полу (трудовые мигранты)
Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

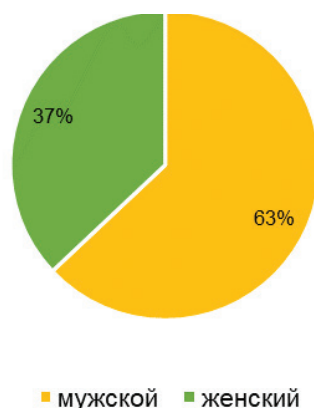

Рис. 4. Распределение респондентов по полу (студенты)

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Такая асимметрия объяснима сохраняющимся в обществах центральноазиатских стран гендерным неравенством (см., например: (Igarashi & Kumo, 2016; Kamp, 2016; New Voices from Central Asia ..., 2017; Omaleki & Reed, 2019; Najjar, Devkota & Feldman, 2022)), в том числе влияющим на образовательную сферу: высшее образование по-прежнему получают в основном мужчины, тем более если речь идет о поездке для этой цели в другую страну.

Если говорить о государствах происхождения, то 46 % опрошенных трудовых мигрантов имеют гражданство Узбекистана, 23 % — Таджикистана, 16 % — Киргизии, 6 % — Туркменистана, 4 % — Казахстана. 5 % указали, что на момент опроса стали гражданами России или имеют двойное гражданство. Среди опрошенных студентов 29 % имеют гражданство Таджикистана, 26 % — Туркменистана, 20 % — Узбекистана, 14 % — Казахстана, 9 % — Киргизии. Такой расклад вполне объясним. Таджикистан и Узбекистан — страны, из которых в целом в Россию идет наибольший поток мигрантов¹. Большое число приезжих из этих стран

в российских вузах тоже логично. Например, в 2018 г. в целом в российских вузах учились 34,7 тыс. граждан Таджикистана и 34,2 тыс. граждан Республики Узбекистан².

Туркменистан, несмотря на закрытость своей политической системы и общества, централизованно (как отмечали представители тех российских вузов, куда массово приезжают учиться туркменские студенты) направляет граждан на учебу в РФ согласно утвержденному государством перечню иностранных вузов, в которые можно поступать туркменским абитуриентам, поскольку государство заинтересовано в подготовке будущих выпускников в зарекомендовавших себя университетах. Общее число студентов из этой центральноазиатской страны в вузах РФ в 2018 г. составляло около 40 тыс. человек³. В то же время, как было отмечено в интервью представителем туркменской диаспоры в Москве, оттуда практически нет трудовой миграции⁴. Однако единичные случаи все же встречаются, когда, например, человек приезжает в Россию на длительный период времени.

¹ Rubinov I. The Impact of Migration and Remittances on Natural Resources in Tajikistan // CIFOR Occasional Paper. 2016. No. 164. P. 5–10. URL: https://www.cifor.org/publications/pdf_files/OccPapers/OP-164.pdf (accessed: 09.06.2022). См. также: (Казанцев, Гусев, 2018; Занса, 2018; Икромов, 2019; Комаровский, 2020; Югай, 2022).

² В 2018 г. в России обучались 212 тысяч студентов из стран Центральной Азии // АНО «Содружество народов Евразии». 27.02.2019. URL: <http://evrazia-ural.ru/novosti/v-2018-g-v-rossii-obuchalis-212-tysyach-studentov-iz-stran-centralnoy-azii> (дата обращения: 27.08.2021).

³ Там же.

⁴ Из интервью с представителем туркменской диаспоры в России, проведенного авторами в ходе полевых исследований.

Что касается цифр по Казахстану, то трудовая миграция оттуда тоже невелика. В образовательном плане эта страна все больше старается конкурировать с Россией за своих абитуриентов, чтобы не терять молодежь (Лысенко, 2016). Собственная система образования Казахстана во многом ориентирована на Запад и заметно отличается от российской (Оспанова, 2015). Поэтому, хотя количество казахстанских студентов в РФ традиционно наибольшее среди всех стран ЦА (86,5 тыс. в 2018 г.)⁵, многие представители российских университетов, в которых мы проводили опросы, отмечали, что в последние годы число студентов из этой страны снижается, и это было связано не с пандемией (которая в 2020–2022 гг. больше повлияла на трудовую миграцию (см., например: (Рязанцев, Вазиров, Гарибова, 2020)), тогда как у студентов все-таки была возможность учиться удаленно), а с выбором других образовательных траекторий, поступлением в вузы США, стран Европы и Китая. По нашим наблюдениям, учиться на длительный срок приезжают больше представители русской общины Казахстана. Вместе с тем казахоязычная молодежь чаще попадает в Россию по краткосрочным сетевым программам.

Киргизия по числу трудовых мигрантов занимает третью позицию после Таджикистана и Узбекистана, студентов из этой страны в России в целом не очень

много (в 2018 г. их насчитывалось 16,6 тыс.⁶), но постепенно их количество растет (Арефьев, Дербешева, 2020). Наконец, 2 % респондентов, приехавших из стран Центральной Азии, на момент исследования уже получили российское гражданство или имели двойное гражданство.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь рассмотрим полученные данные об уровне образования мигрантов.

Среднее образование имеют 100 % опрошенных. Студенты получали высшее образование в России на момент проведения исследования. В то же время среди трудовых мигрантов высшее образование имелось только у 33 % ответивших. 12 % получали его в России во время исследования. Остальные 55 % не имели высшего образования и не получали его, что свидетельствует об отсутствии побуждения к этому со стороны работодателей, хотя таковое очевидным образом было бы необходимо.

Далее, для нас было важно изучить образовательную составляющую в мотивации людей к переезду. В анкете был задан вопрос, что являлось основной причиной выбора России и конкретного города для проживания, работы или учебы. Ответы представлены в таблице.

Основная причина выбора России и конкретного города для проживания / работы / учебы (доля ответивших, %)

№п/п	Значения	Трудовые мигранты	Студенты
1	Посоветовали родственники	32	24
2	Присоединение к семье / друзьям, проживающим в России	25	10
3	Было хорошее предложение по работе	23	1
4	Выбор вуза по рекомендациям знакомых	10	41
5	Выбор вуза по международным рейтингам	7	20
6	Другое	3	4
ИТОГО		100	100 %

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

⁵ В 2018 г. в России обучались 212 тысяч студентов из стран Центральной Азии // АНО «Содружество народов Евразии». 27.02.2019. URL: <http://evrazia-ural.ru/novosti/v-2018-g-v-rossii-obuchalis-212-tysyach-studentov-iz-stran-centralnoy-azii> (дата обращения: 27.08.2021).

⁶ Там же.

В опции «Другое» респонденты называли получение квоты на обучение, поступление в университет на бюджетной основе, приемлемую стоимость обучения, желание получить образование на русском языке, меньшее расстояние до родного города или просто желание учиться именно в России в конкретных городе и вузе.

В разбросе ответов можно проследить интересную тенденцию. С одной стороны, в выборе места учебы ключевым остается фактор личных связей и рекомендаций, с другой стороны — значимым влиянием стали обладать

международные рейтинги университетов, на которые молодежь Центральной Азии ориентируется хотя и в меньшей степени, чем, скажем, другие группы иностранных студентов в России (см., например: (Antonova, Purgina & Polyakova, 2019; Antonova et al., 2021)), но все же уделяет им внимание. Кроме того, это означает, что популярность и репутация российского образования в центральноазиатских странах в целом сохраняются.

Далее, мы попросили респондентов оценить их уровень владения русским языком. Результаты представлены на рис. 5, 6.

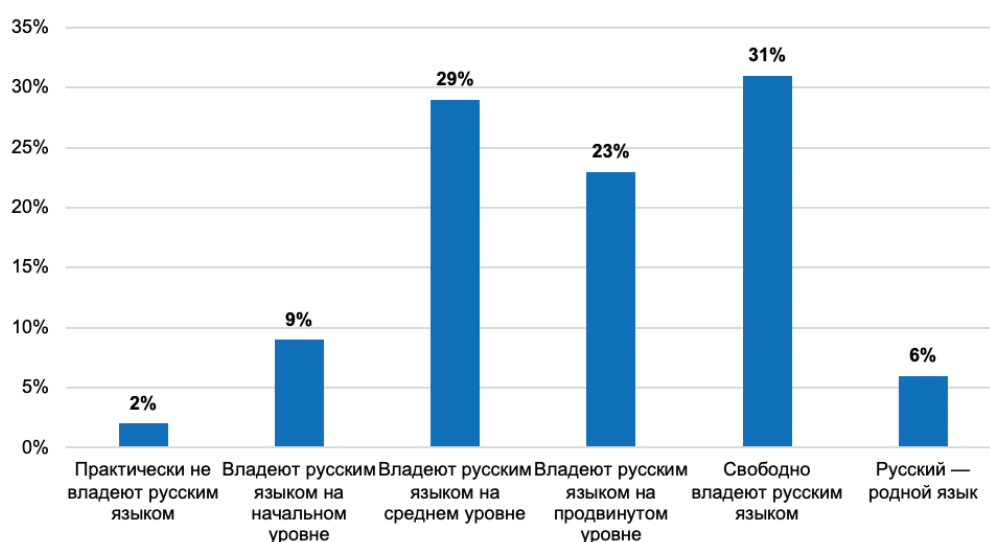

Рис. 5. Оценка трудовыми мигрантами своего уровня знания русского языка

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

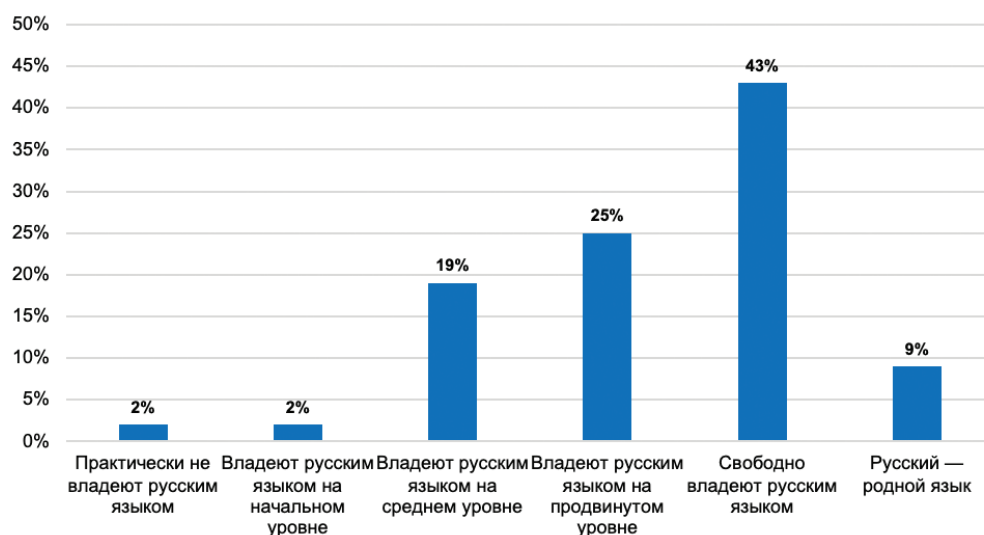

Рис. 6. Оценка студентами своего уровня знания русского языка

Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Можно увидеть, что к свободно владеющим русским языком себя в обоих случаях относят менее половины опрошенных. Значительное число может без явных затруднений читать и общаться на бытовые темы. В то же время, по нашим наблюдениям, приезжих, плохо знающих русский язык, больше, чем число указавших это в своих ответах. Помимо нашей выборки, в частности, недостаточное знание языка многими студентами из ЦА отмечали при обмене мнениями представители целого ряда вузов, в которых проводились опросы.

Исследователями уже отмечалось ухудшение ситуации с изучением русского языка в Центральной Азии⁷. Даже несмотря на имеющееся сотрудничество с Россией в этой области и стремление многих граждан дать детям русскоязычное образование, языковая политика государств этого региона часто не способствует или недостаточно способствует широкому распространению русского языка.

Безусловно, русский язык любые мигранты — как трудовые, так и образовательные — должны учить до приезда в Россию. Вместе с тем мы попытались выяснить: может быть, те, кто указали информацию о недостаточном его знании, закрывают пробелы в своем образовании уже после переезда и изучают русский, находясь на работе и/или учебе в РФ? Результаты представлены на рис. 7, 8.

В основном утвердительный ответ давали студенты, что логично, поскольку для них русский язык часто входит в учебный план, в программу осваиваемых дисциплин, и потом им приходится постоянно расширять свои познания в нем. По нашим наблюдениям, представители Казахстана как из числа студентов, так и из числа трудовых мигрантов действительно чаще свободно говорят по-русски, для многих русский язык является родным, и тогда необходимости в продолжении его изучения не возникает.

В остальном в большинстве случаев среди трудовых мигрантов результаты оказались неутешительными: лишь менее половины опрошенных продолжают освоение языка страны пребывания. К его изучению у них меньше стимулов: они чаще, чем студенты, находятся в своей замкнутой диаспоральной среде, в основном проводят время в рабочем коллективе, который может состоять преимущественно из таких же работающих по контракту выходцев из центрально-азиатских республик, возможно, даже приехавших вместе. Если работодатель не участвует в повышении профессионального уровня своих сотрудников и не обязывает их к получению образования, в том числе и в первую очередь к изучению русского языка, не экзаменует постоянно, регулярно, а не один раз и простейшим тестом при получении патента, то прогресса в этом вопросе без более строгого подхода ожидать не приходится. В конечном счете недостаточное знание русского языка будет приводить к производственному браку и нарушениям техники безопасности. Наконец, даже получение гражданства РФ отнюдь не означает, что для человека русский язык обязательно родной или он отлично говорит на нем. Это может быть и не так, поэтому среди получивших гражданство необходимость продолжать изучение языка есть также во многих случаях.

В завершение респондентам были заданы вопросы об их дальнейших жизненных планах (рис. 9, 10). Выяснилось, что большая часть ответивших хотела бы в будущем жить в России. Это можно объяснить сложным экономическим положением центральноазиатских стран, но такая цифра совсем не коррелирует с недостаточным изучением русского языка и малой долей трудовых мигрантов, желающих получить высшее образование.

⁷ См.: Бекбурзаев Н. Положение русского языка в странах Центральной Азии // CABAR. 28.02.2019. URL: https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii/#_ftn9 (дата обращения: 01.08.2021); Половина Центральной Азии уже не говорит на русском // Фонд «Русский мир». 15.03.2019. URL: https://www.russkiymir.ru/publications/253781/?sphrase_id=1006429 (дата обращения: 23.04.2020). См. также: (Fierman, 2009; Боришполец, 2014; Летняков, 2015; Rutland & Kazantsev, 2016; Сулейменова, 2020; Юй, 2020).

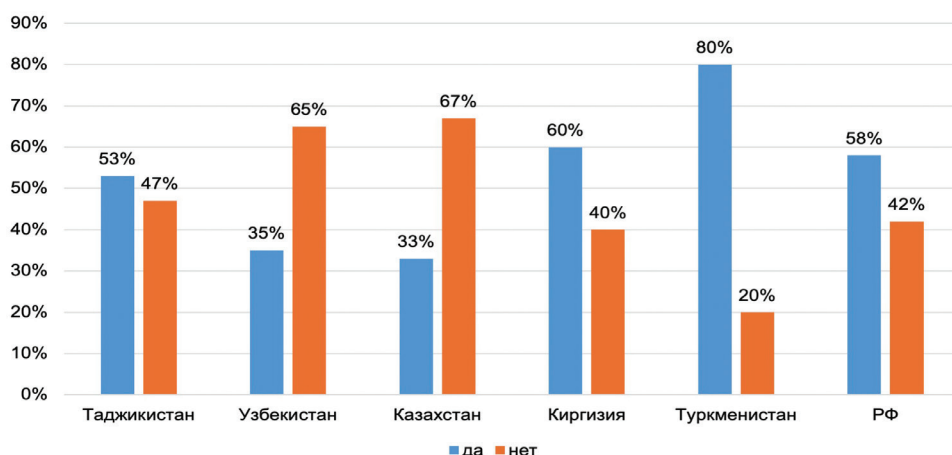

Рис. 7. Доля трудовых мигрантов, продолжающих изучение русского языка во время пребывания в России, %
 Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

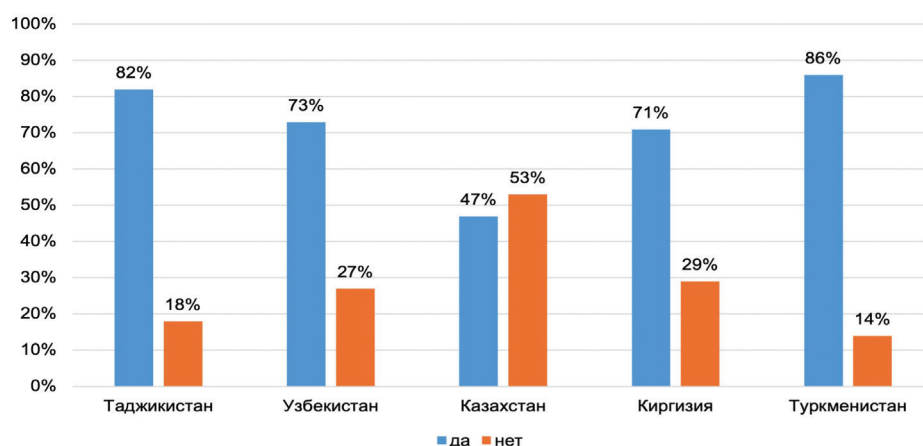

Рис. 8. Доля студентов, продолжающих изучение русского языка во время пребывания в России, %
 Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

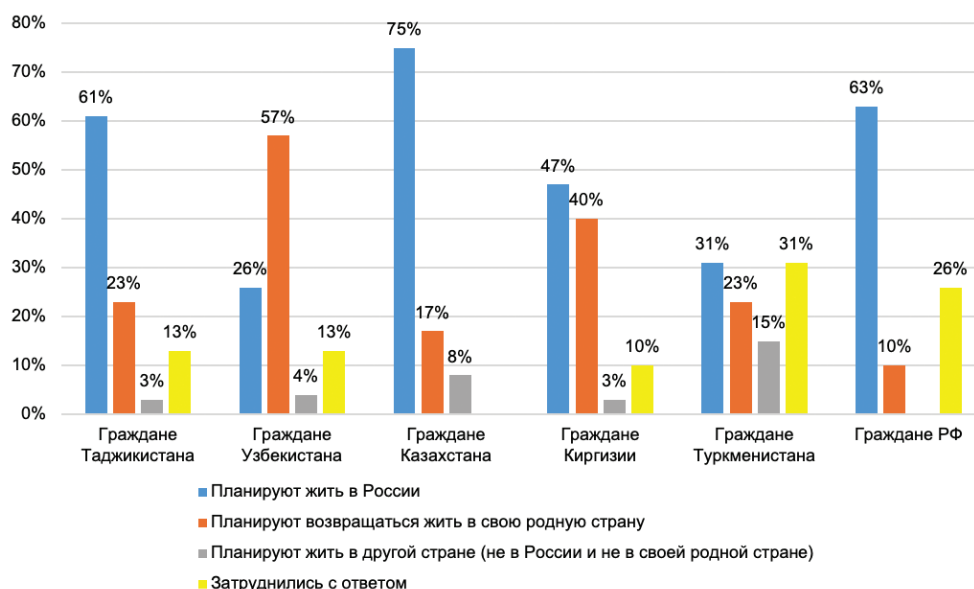

Рис. 9. Дальнейшие планы трудовых мигрантов
 Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Рис. 10. Дальнейшие планы студентов
 Источник: составлено К.Г. Муратшиной и М.В. Валеевой.

Стремление большинства опрошенных жить и работать в России соответствует сложившейся у большей части центрально-азиатских государств экономической зависимости от миграционных потоков (Курылев и др., 2018). По сути, страны, направляющие свою рабочую силу «на экспорт», пока явно не заинтересованы в том, чтобы реализовывать какие-либо значимые действия, чтобы поменять сформировавшуюся таким образом экономическую модель, не стремятся к тому, чтобы модернизировать свои промышленные мощности, восстановить пришедшие в запустение после распада СССР предприятия, увеличить финансирование научно-образовательной сферы, здравоохранения и т. д.

Еще один вопрос, на который дали ответы респонденты, — о дальнейших планах получения образования. Среди трудовых мигрантов, не имеющих высшего образования, получить его планируют только 30 %, среди них 63 % хотели бы учиться в России, 33 % — в своей родной стране, а 4 % — в другом государстве (не в России и не в своей родной стране). По этим цифрам можно отметить привлекательность российского образования для мигрантов,

но в то же время большинство не планирует получать никакого высшего образования.

Если говорить о студентах, то 22 % тех, кто учится в бакалавриате, планируют поступать в магистратуру в России, а 2 % магистрантов планируют поступать в российскую аспирантуру. Эти цифры выглядят более чем скромными, однако здесь следует помнить о том, что студенты чаще всего принимают решение по выбору места получения образования не единолично, и их родители, к примеру, вполне могли уже запланировать им либо устройство на работу сразу после бакалавриата без магистратуры, либо обучение в магистратуре на Западе или в Китае. Хотя российские вузы заинтересованы в приглашении окончивших бакалавриат выпускников в магистратуру, прилагают для этого значительные усилия и предлагают много содержательных и конкурентоспособных магистерских программ, приходится признать, что в данном аспекте траектории иностранных студентов определяются не только и не столько качеством и уровнем российского образования, которое ценится во всем мире, но в большей мере — совокупностью субъективных установок.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, следует отметить, что ситуация с образованием мигрантов, приезжающих на заработки, оставляет желать лучшего. В обществе все чаще звучат точки зрения о необходимости сокращения объемов трудовой миграции и трудоустройстве на места в ранее занимаемых мигрантами нишах рынка труда российских граждан с техническим или иным профильным образованием, умеющих работать на специальном оборудовании, и необходимости роста заработной платы, что действительно важно, как важно и прививать уважение к рабочим и бытовым профессиям.

Во-вторых, нужно комплексно оценивать вопрос о наличии или отсутствии необходимости привлечения трудовых мигрантов в каждом конкретном случае, государству необходимо усиливать контроль за этой сферой и обязывать работодателей еще до выезда мигранта из его страны проводить прозрачный и четкий отбор претендентов на трудоустройство по уровню образования и требованиям к знанию русского языка, истории и культуры России, намного превосходящим простейшие тесты, которые сейчас предлагаются для экзамена перед получением патента. Ориентируясь на свои интересы и благосостояние своих граждан, российской стороне, даже если и возникает какая-то необходимость в привлечении кадров извне, важно выбирать лишь тех кандидатов, которые имеют уникальный, наиболее высокий образовательный уровень и мотивацию к дальнейшему его повышению.

В-третьих, необходимо обязать работодателей следить за повышением квалификации специалистов-мигрантов, их дальнейшим образованием и интеграцией в общество, отсутствием конфронтации и конфликтов, а государству следует осуществлять строгий надзор как за подготовкой и проведением

тестирования для патентов, так и за выполнением работодателями требований по образованию своих сотрудников. Помимо курсов по изучению русского языка при подготовке к получению патента необходимо развивать профильные учебные программы по профессиональным специальностям и общегуманитарные по изучению истории и культуры России. В совокупности эти меры будут способствовать выполнению задачи «социальной и культурной адаптации» мигрантов, поставленной в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.

В-четвертых, необходимо предъявлять более строгие требования к уровню знания русского языка при наборе абитуриентов в вузы. Для успешного освоения учебной программы, как и для нормальной социализации в принимающем обществе, необходимо свободное владение русским языком.

Наконец, России важно продолжать развивать сотрудничество со странами Центральной Азии в области образования (как и со всеми остальными партнерами) — как высшего, так и среднего, расширять связи, чтобы помогать своим партнерам с процессом обучения русскому языку в школах, с учебной литературой, повышением квалификации учителей, сотрудничеством педагогических вузов, увеличением осведомленности потенциальных абитуриентов о возможностях образования в России. Каждому отдельному участнику гуманитарных связей (региону, вузу, школе, человеку, предприятию) чрезвычайно важно способствовать такому сотрудничеству, ведь именно образование призвано помочь преодолевать социальные конструкты стереотипов и ограничений, способствовать лучшему взаимопониманию между народами, расширять культурный кругозор, предотвращать преступления и конфликты, а также обеспечивать качественное выполнение профессиональной деятельности.

Поступила в редакцию / Received: 15.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 02.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Арефьев А.Л., Дербишева З.К. Сотрудничество России и Киргизии в области образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2020. № 5. С. 276–295. <https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020.15>; EDN: JWANKD
- Боришполец К.П. Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 63–70. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-63-70>; EDN: SBWXPP
- Икромов Д.З. Международная миграция из стран Центральной Азии в Россию: оценка влияния на социально-экономическое развитие. Душанбе : ЭР-граф, 2019. EDN: WHJIEE
- Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 292–303. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303>; EDN: XTRJCH
- Комаровский В.В. Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 105–110. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-105-110>; EDN: NDVAJY
- Крапивник Е.В. Интенсивное обучение РКИ: опыт подготовки трудящихся мигрантов к комплексному экзамену // Проблемы высшего образования. 2015. № 1. С. 261–263. EDN: TLODJJ
- Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А. Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 315–327. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327>; EDN: UULYGB
- Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 4. С. 100–115. EDN: XQZRVB
- Лысенко Ю.А. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в научно-образовательной сфере // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 276–282. EDN: WYCDPD
- Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции / под ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2019. EDN: WMMQWX
- Оспанова А.Н. Развитие двухдипломного образования: проблемы реализации и перспективы развития // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 66–69. EDN: VBLVTB
- Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 45–58. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04>; EDN: DXLLPY
- Сулейменова Э.Д. «Russian Overseas Flagship» и языковая ситуация в Казахстане // Russian Language Journal. 2020. Vol. 70, no. 1. P. 23–57. <https://doi.org/10.70163/0036-0252.1025>; EDN: JEWZZM
- Шарафутдинова О.И., Доронина Е.Г., Казакова Ю.В. Выявление практик обучения детей-мигрантов посредством глубинного интервью // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1. С. 166–173. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10119>; EDN: BKAGNH
- Югай Ю.В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 2. С. 206–219. EDN: AWMDSN
- Юй Х. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 250–270. EDN: TDORBT
- Antonova N.L., Kumar D.A., Popova G.I., Vysotskaya Ya.S. Indian Students at a Russian Regional University: Socio-Economic Impact of Short-Term Educational Programmes // Economy of Regions. 2021. Vol. 17, no. 2. P. 460–472. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-8>; EDN: MURCMP
- Antonova N.L., Purgina E.S., Polyakova I.G. The Impact of World University Rankings on BRICS Students' Choices of Universities (The Case of Ural Federal University) // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. No. 49. P. 153–161. EDN: KTSTEJ
- Fierman W. Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia // Europe — Asia Studies. 2009. Vol. 61, no. 7. P. 1207–1228.
- Igarashi N., Kumo K. Women's Voices: Gender Survey in Tajikistan // Hitotsubashi Journal of Social Studies. 2016. Vol. 47, no. 1. P. 11–30. <https://doi.org/10.15057/27661>
- Kamp M. The Soviet Legacy and Women's Rights in Central Asia // Current History. 2016. Vol. 115, no. 783. P. 270–276. <https://doi.org/10.1525/curh.2016.115.783.270>

- Najjar D., Devkota R., Feldman S.* Feminization, Rural Transformation, and Wheat Systems in Post-Soviet Uzbekistan // *Journal of Rural Studies*. 2022. Vol. 92. P. 143–153. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.03.025>; EDN: PMODES
- New Voices from Central Asia : Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 1 / ed. by M. Laruelle. Washington, D.C. : The George Washington University, 2017.
- Omaleki V., Reed E.* The Role of Gender in Health Outcomes among Women in Central Asia: A Narrative Review of the Literature // *Women's Studies International Forum*. 2019. Vol. 72. P. 65–79. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2018.12.002>; EDN: WPTDLI
- Rutland P., Kazantsev A.A.* The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*. 2016. Vol. 9, iss. 3. P. 395–413. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232287>; EDN: XFIXYV
- Zanca R.* Uzbekistan Emerges from Karimov's Shadow // *Current History*. 2018. Vol. 117, no. 801. P. 277–282. <https://doi.org/10.1525/curh.2018.117.801.277>

Сведения об авторах:

Муратшина Ксения Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН; Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12; eLibrary SPIN-код: 4716-3276; ORCID: 0000-0001-7952-6299; e-mail: k.muratshina@ivran.ru

Валеева Марина Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории наукометрии, Уральский федеральный университет; Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; eLibrary SPIN-код: 3722-6137; ORCID: 0000-0003-1623-8067; e-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-710-720

EDN: HAOXCF

Научная статья / Research article

Позиция Непала по специальной военной операции на Украине как фактор непальско-российских отношений

С.И. Лунев^{1,2} , Э.Э. Новинский¹ ¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация²Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация silounev@gmail.com

Аннотация. Специальная военная операция (СВО) на Украине стала поворотным событием современной истории, ее последствия затронули весь мир, в том числе Южную Азию. СВО привлекла внимание достаточно широкого круга исследователей, специализирующихся на данном регионе. Однако ученые рассматривают в первую очередь влияние новых мировых реалий на взаимодействие России с Индией, при этом «в тени» остаются малые страны пригималайского региона Южной Азии. Объект исследования — Непал. Особое внимание уделено эволюции связей гималайского государства с Россией. Объяснены причины невысокого уровня двусторонних отношений и критического подхода Непала к действиям России на Украине. Специальным предметом исследования стало участие значительного количества непальских граждан в СВО. Индия и Китай являются естественными главными экзогенными акторами в Непале, всегда воздействовавшими на внешнеполитический курс этого государства. Выявление причин, почему эти страны не реагируют на отход Непала от политики неприсоединения в пользу более прозападного курса, позволит более глубоко исследовать геополитический потенциал России на южноазиатском направлении. Приведены рекомендации по повышению уровня двусторонних отношений и возможного изменения подхода Непала к действиям России на Украине. Выводы исследования основаны на различных источниках. В первую очередь, детально изучена нормативно-правовая база российско-непальских взаимосвязей, включающая в себя договоры, протоколы, декларации и иные акты. Использованы статистические данные (полученные как из национальных баз данных, так и из баз данных международных институтов). Кроме того, применен метод выявления взаимосвязи и взаимовлияния между разными гранями внешней политики, двусторонних и международных отношений.

Ключевые слова: Южная Азия, внешняя политика Непала, Россия, Китай, Индия, гуркхи

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Лунев С.И.: научное руководство исследованием, разработка методологии исследования, редактирование рукописи. Новинский Э.Э.: подбор и анализ источников и литературы, подготовка черновика рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Лунев С.И., Новинский Э.Э. Позиция Непала по специальной военной операции на Украине как фактор непальско-российских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 710–720. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-710-720>

Nepal's Position Towards the Special Military Operation in Ukraine as a Factor of Nepalese-Russian Relations

Sergey I. Lunev^{1,2} , Ernest E. Novinskii¹

¹MGIMO-University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 silounev@gmail.com

Abstract. The beginning of the Special Military Operation in Ukraine was a pivotal event in modern history, the consequences of which affected the whole world, including South Asia. This shift could not fail to attract the attention of a wide range of researchers specializing in this region. However, their focus is primarily on the impact of new global realities on Russia's interactions with India. Meanwhile, the small countries of the Himalayan region of South Asia remain "in the shadow." Nepal is the main object of research in the present article. Special attention is paid to the evolution of the Himalayan state's ties with Russia. The authors tried to explain the reasons for the low level of bilateral relations and Nepal's critical approach to Russia's actions in Ukraine. A special subject of the study was the participation of a significant number of Nepalese citizens in the SMO. India and China are the natural main exogenous actors in Nepal. The reasons why they have no effect on Nepal's foreign policy in relation to the Special Military Operation are of particular interest, and their disclosure is of the most serious importance for a more complete understanding of Russia's geopolitical potential. Some recommendations were made to improve the level of bilateral relations and to prompt a potential change in Nepal's approach to Russia's actions in Ukraine. The conclusions of the study are based on materials from various sources. First of all, it is a regulatory framework that includes both general documents and special ones (contracts, protocols, declarations and other acts). Furthermore, the work uses statistical data (obtained from both national databases and databases of international institutions). The article uses the method of identifying the interconnections and mutual influences between different facets of foreign policy, bilateral and international relations; as well as interpretation of the complex interaction of socio-economic, political and cultural development.

Key words: South Asia, Nepal's foreign policy, Russia, China, India, Gurkhas

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. S.I. Lunev: scientific management of research, development of research methodology, editing of the manuscript. E.E. Novinskii: selection and analysis of sources and literature, preparation of a draft manuscript. Both authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Lunev, S.I., & Novinskii, E.E. (2025). Nepal's position towards the Special Military Operation in Ukraine as a factor of Nepalese-Russian relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 710–720. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-710-720>

Введение

Актуальность и новизна данного исследования обусловлена тем, что Непал представляет собой образец относительно нейтральной для России страны, среднестатистического небольшого государства¹, не обладающего значительными ресурсами. Его поведение и позиция в отношении событий на Украине

может продемонстрировать, как продолжающийся конфликт в Восточной Европе и беспрецедентное санкционное давление Запада влияют на отношения Москвы со странами Глобального Юга.

Исследование опирается на междисциплинарную парадигму, включающую исторические и политологические

¹ Часто Непал исходя из размера населения (30 млн человек) относят к «малым» государствам, однако тогда в Европе все государства за исключением Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании также следуют «относить к «малым» государствам.

методы и базирующуюся на теориях неореализма и неоклассического реализма в международных отношениях. Также использовались общенаучные аналитические методики (индуктивно-дедуктивный, системно-структурный, логический и типологический методы), оценочный и дискурс-анализ. Наряду с основополагающим принципом историзма упор был сделан на историко-генетическом и сравнительно-историческом методах, которые применялись в ходе анализа биполярного периода. Междисциплинарный подход позволил провести комплексное исследование позиции Непала в отношении специальной военной операции (СВО) и влияния новых геополитических реалий на связи России с этой страной, а также добиться репрезентативности основных положений и выводов исследования.

К текущему моменту уже опубликован ряд работ российских (Кашин, 2023) и зарубежных ученых (Patnaik, 2023) по восприятию СВО Индией. Это неудивительно, учитывая возрастающую мощь этой южноазиатской страны и «особо привилегированный статус» отношений между Москвой и Нью-Дели. В Непале же наблюдается недостаток исследований по данной тематике (Rana, 2024, p. 100).

Анализ литературы показывает, что геополитические и экономические последствия событий в Восточной Европе в целом дошли даже до самых дальних уголков Гималаев, вызвав в научных кругах соседей Индии активную дискуссию. Судя по публикациям, размещенным в непальской научной базе *Nepal Journals Online*, вопрос влияния событий на Украине на геополитическое положение горной страны и ее внешнеполитическую стратегию является крайне актуальным для исследователей, ряд из которых уже предложил свой экспертный анализ (Bhattarai & Pulami, 2022; Lamsal, 2023; Shrestha, 2024), при этом СВО рассматривается в совокупности с другими международными конфликтами последних лет, в первую очередь с обострением палестино-израильского конфликта после 7 октября 2023 г. (Rana, 2024, p. 100).

Российско-непальские отношения до СВО

В первое десятилетие после Второй мировой войны СССР не проводил активного внешнеполитического курса в Южной Азии, развивая связи только с Индией, причем первый этап советско-индийских отношений был достаточно «прохладным» (см. подробно: (Лунев, 2024)). С укреплением связей Москвы и Дели СССР начал активнее взаимодействовать и с другими странами региона (Лунев, 2017, с. 26).

Непал также был заинтересован в развитии контактов с Москвой в рамках принятого королем Махендрой курса на диверсификацию международных связей горной монархии и укрепления ее позиций на мировой арене. СССР и США он считал определенным балансом против Индии и Китая. 20 июля 1956 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Непалом. В 1958 г. королевская чета Непала посетила Советский Союз.

По объему экономической помощи Непалу в 1960–1980-х гг. СССР входил в четверку ведущих стран-доноров (Ледков, Лунев, 2011, с. 246), а в середине 1960-х гг. был даже вторым по экономической помощи (Яковлев, 1970, с. 127). Помощь СССР Непалу до 1972 г. являлась безвозмездной и была направлена на строительство крупных государственных предприятий.

Следует вспомнить, что в отличие от своих соседей Непал, декларируя дружбу с СССР/Россией, в международных организациях вел себя в не соответствующей своим заявлениям манере. Показательно, что еще в 1956 г. одним из первых шагов Непала в ООН стала поддержка Венгерского восстания, которое представитель королевства назвал «примером борьбы маленького государства против большого и сильного» (Bhattarai & Pulami, 2022, p. 157).

Заметным результатом переориентации СССР в Южной Азии после 1971 г. стала инициатива короля Бирендры провозгласить Непал «зоной мира», которая была поддержана всеми крупными государствами, за исключением Индии и СССР. Правительство

Индиры Ганди считало такую политику Непала антииндийской, а Москва предпочла по этому вопросу следовать в фарватере партнерских интересов (Koirala A., 2024, pp. 70–71). В 1990-х гг. присутствие России в Непале было сведено к минимуму.

С начала XXI в. политическое взаимодействие двух стран постепенно налаживалось, что было особенно заметно по деятельности министерств иностранных дел. В 2008 г. в ходе 63-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН состоялась встреча С.В. Лаврова с премьер-министром Непала П.К. Дахалом. В 2019 г. Москву посетил министр иностранных дел Непала П.К. Гьявали. Хотя двусторонний торговый оборот в начале XXI в. оставался очень скромным, отмечалось очень большое положительное сальдо России. После начала СВО объемы взаимной торговли сократились до минимальных исторических значений — 5 млн долл. США в 2022 г. и 2,3 млн долл. США — в 2023 г.²

Подход Непала к украинскому конфликту

Украинские события 2014 г. никак не сказались на российско-непальских двусторонних связях, поскольку Непал занял тогда исключительно нейтральную позицию. Хотя непальские исследователи сравнивали воссоединение Крыма с Россией с присоединением к Индии Сиккима³, официальные лица хранили молчание, а на полях ООН воздержались во время голосования по проекту резолюции A/RES/68/262 «Территориальная целостность Украины»⁴. Отношения Катманду с Киевом с политической точки зрения оставались гораздо

менее развитыми, чем с Москвой, так как Непал и Украина даже не обменялись посольствами. Интересы Непала на Украине представляет дипломатическая миссия в Берлине, интересы Украины в Непале — посольство в Индии. При этом товарооборот двух стран заметно превышал непальско-российский — в 2019 г. он составил 40 млн долл. США⁵.

В целом можно отметить наличие определенной двойственности позиции горной страны по украинскому конфликту. С одной стороны, в концептуальных документах и на двустороннем уровне она декларирует соблюдение принципов неприсоединения, нейтралитета, стремление развивать дружественные отношения со всеми⁶. С другой стороны, в ООН Непал проявляет солидарность с малыми государствами в случае их конфликта с региональными и глобальными лидерами. В этой связи М. Ист отмечал, что малые государства гораздо активнее ведут себя в международных организациях, в рамках которых они могут действовать не индивидуально, а коллективно (East, 1973, p. 576). Например, во время кризиса вокруг Кубы позиция Непала была близка советской, а по афганской и кампучийской проблемам официальный Катманду, наоборот, критиковал СССР и поддерживал инициативы США. Такую модель поведения называют «синдромом малого государства» (Bhattarai & Pulami, 2022, p. 157).

Страны, находящиеся в аналогичном положении, доброжелательно относятся друг к другу, а Украина и Непал — важные буферные государства. Первая с момента получения независимости в 1991 г. оказалась между Россией и евроатлантическим блоком, представленным Европейским союзом (ЕС)

² Непал. Двусторонние отношения // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/np/1908023/> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Kamalakaran A. Crimean Accession Has Parallels to Sikkim Joining India // *Russia Beyond*. March 18, 2014. URL: https://www.rbth.com/blogs/2014/03/18/crimean_accession_has_parallels_to_sikkim_joining_india_33823?ysclid=mhuqbbs4y4211208183 (accessed: 09.11.2024).

⁴ Юсин М. Третий мир остался с Россией // *Коммерсантъ*. 27.03.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2439463> (дата обращения: 09.04.2024).

⁵ Nepal — Ukraine Relations // Ministry of Foreign Affairs of Nepal. URL: <https://web.archive.org/web/20250421081717/https://old.mofa.gov.np/nepal-ukraine-relations/> (accessed: 31.03.2024).

⁶ Nepalko parashra niti, 2077 [Внешняя политика Непала, 2077 B.S.] // МИД Непала. (На непальском языке). URL: <https://mofa.gov.np/pages/foreign-policy-of-nepal-1/> (accessed: 06.04.2025).

и Организацией Североатлантического договора (НАТО). Непал зажат между двумя азиатскими гигантами — Индией и Китаем — и на протяжении всей своей истории пытается балансировать между ними (Тютин, Кушхов, 2022, с. 89). Индия опасается, что в случае масштабного конфликта Китайская Народная Республика (КНР) через Непал (или Бутан) попытается захватить коридор Силигури, связывающий северо-восточные штаты с другими частями Индии (Николаев, 2014, с. 127).

По мере усиления влияния Индии и КНР на мировой арене, а также на фоне регулярно обостряющегося пограничного спора между ними региональная роль Непала как буферного государства, проводящего политику неприкосновенности, возрастает (Bhattarai, 2022, p. 11). Аналогичным образом милитаризация и расширение военной инфраструктуры НАТО на Украине являются фундаментальной угрозой безопасности России⁷, игнорирование которой стало одной из причин проведения СВО.

Потому неудивительно, что непальская элита восприняла СВО как геополитический вызов (Bhattarai & Pulami, 2022, 149). Первая реакция Непала на начало СВО была осуждающей. В официальном пресс-релизе Министерства иностранных дел от 24 февраля 2022 г. Катманду призвал стороны конфликта проявить сдержанность, но в то же время подверг критике признание независимости Донецкой и Луганской Народных

Республик (в документе именуются «областями Украины») и назвал неприемлемым «любое применение силы против суверенного государства»⁸. Во время телефонного разговора с госсекретарем США Энтони Блинкеном 1 марта 2022 г. премьер-министр Непала Ш.Б. Деуба выразил поддержку территориальной целостности и суверенитета Украины⁹.

В это же время на полях Совета по правам человека ООН Непал поддержал инициативу Киева по проведению специального заседания по Украине¹⁰. На следующий день, 2 марта, в ходе голосования в Генеральной Ассамблее ООН Катманду выступил в поддержку проекта антироссийской резолюции A/ES-11/L.1 «Агрессия против Украины», осуждавшей проведение СВО и призывавшей к немедленному, полному и безоговорочному выводу российских войск¹¹.

Решение Катманду осудить СВО, встав на сторону Запада, было воспринято некоторыми силами внутри страны как отход от основополагающих принципов непальской внешней политики, которая выражается в формуле: «Дружба со всеми, вражда ни с кем» (*Amity with all and enmity with none*)¹². Критическая реакция на действия правительства прозвучала даже от партнеров «Непальского конгресса» по коалиции. Экспремьер министр страны Джан Натх Кханал назвал их «поспешными» и потребовал от Ш.Б. Деубы прояснить, не означает ли это

⁷ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 31.03.2024).

⁸ Statement on the Recent Developments in Ukraine // Ministry of Foreign Affairs of Nepal. February 24, 2022. URL: <https://mofa.gov.np/content/303/statement-on-the-recent-developments-in-ukraine/> (accessed: 31.03.2024).

⁹ Blinken Calls Deuba to Discuss Ukraine Crisis Ahead of Crucial UN Vote // MyRepublica. March 2, 2022. URL: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/blinken-calls-deuba-to-discuss-ukraine-crisis-ahead-of-crucial-un-vote/> (accessed: 31.03.2024).

¹⁰ Nepal Votes in Favour of Ukraine Call at UN for Urgent Debate on Russian Invasion // The Kathmandu Post. March 1, 2022. URL: <https://kathmandupost.com/national/2022/03/01/nepal-votes-in-favour-of-ukraine-call-at-un-for-urgently-debate-on-russian-invasion> (accessed: 31.03.2024).

¹¹ Проект резолюции ГА ООН «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://docs.un.org/ru/A/ES-11/L.1> (дата обращения: 31.03.2025).

¹² См., например, заявление премьер-министра Шармы Оли: Statement by Prime Minister and the Leader of Nepali Delegation Right Honorable Mr. K P Sharma Oli at the General Debate of the 75th Session of United Nations General Assembly // The Permanent Mission of Nepal to the United Nations. September 25, 2020. URL: https://www.un.int/nepal/statements_speeches/statement-prime-minister-and-leader-nepali-delegation%C2%A0right-honorable-mr-k-p (accessed: 31.03.2024).

«поворот Непала в сторону американского лагеря»¹³. Раджан Бхаттарай, глава департамента внешних связей Коммунистической партии Непала (объединенной марксистско-ленинской партии), главной оппозиционной силы, написал в своем *Twitter* (ныне — *X*)¹⁴: «В основе нашей внешней политики лежат принципы неприсоединения, невмешательства... Отклонение от них означает провал внешнеполитического курса. Решения правительства по российско-украинской проблеме вызывают беспокойство»¹⁵.

Украинскому конфликту была посвящена состоявшаяся 7 марта 2022 г. пресс-конференция министра иностранных дел Нараяна Кхадки. Разъясняя позицию страны, он заявил, что голосование в поддержку Украины не означает, что Непал занял в конфликте чью-либо сторону, и заверил, что Катманду продолжает придерживаться политики неприсоединения, «неотъемлемыми частями которой являются... уважение территориальной целостности и суверенитета»¹⁶.

В дальнейшем Непал продолжил голосовать в поддержку проукраинских резолюций, воздерживаясь лишь при рассмотрении наиболее русофобских документов, таких как резолюции A/ES-11/L.3 от 7 апреля 2022 г. (приостановившая членство России в Совете по правам человека ООН после публикации фейков о событиях в Буче) и A/ES-11/L.5 от 14 ноября 2022 г. (содержащая требования репараций в пользу Украины). По этим

критериям эксперты Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (ИМИ МГИМО) определяют позицию Непала по СВО как «нейтральную»¹⁷, хотя скорее ее можно назвать отрицательной.

Интересно отметить, что критическое восприятие российских действий на Украине свойственно исключительно малым странам Южной Азии. Наиболее близкую непальской позицию заняло другое пригималайское государство — Бутан. На полях ООН Королевство в целом придерживалось аналогичной стратегии голосования по русофобским резолюциям¹⁸, но при этом заявляло, что «не может одобрить перекройку международных границ в одностороннем порядке»¹⁹. При этом Бутан, голосующий в поддержку проектов антироссийских резолюций еще с 2014 г., занимает наиболее прозападную позицию из всех южноазиатских государств.

Заметно, что позиция Непала по СВО значительно отличается от той, которую заняли его соседи. Дели, основной региональный партнер Непала, придерживается сугубо нейтральной позиции, не осуждая и не поддерживая действия Москвы в Восточной Европе (Захаров, Рабей, 2023, с. 62). Это неудивительно, поскольку Индия никогда не осуществляла на постсоветском пространстве таких шагов, которые Москва могла бы расценить как антироссийские, отказываясь втягиваться в споры России со странами Содружества

¹³ Yukren mamilama Nepal hatarama bolyo: Jhalanath Khanal [Непал поспешил с высказываниями по украинской проблеме: Джаланатх Кханал] // Onlinekhabar. March 2, 2022. (На непальском языке). URL: <https://www.onlinekhabar.com/2022/03/1088014> (accessed: 31.03.2024).

¹⁴ Социальная сеть *Twitter* заблокирована на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

¹⁵ Rajan Bhattarai // Twitter. March 3, 2022. URL: <https://twitter.com/rajancbhl/status/1499371132990144512> (accessed: 31.03.2024).

¹⁶ Giri A. On Ukraine, Nepal Has Not Taken Sides, Foreign Minister Says // The Kathmandu Post. March 8, 2022. URL: <https://kathmandupost.com/national/2022/03/08/on-ukraine-nepal-has-not-taken-sides-foreign-minister-says> (accessed: 31.03.2024).

¹⁷ Safranchuk I.A., Chernov D.N., Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M. A World Divided: The Ukrainian Crisis in a Regional and Global Context. Moscow : Institute for International Studies, 2022. P. 5. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bef/hgt2r447uqdlbqurb7wdxjcx1slk0519/world-divided-ukrainian-crisis.pdf> (accessed: 12.03.2024).

¹⁸ Shivamurthy A.G. Assessing South Asia's Responses to the Ukraine Crisis // Observer Research Foundation. March 10, 2022. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/assessing-south-asias-responses-to-the-ukraine-crisis> (accessed: 31.03.2024).

¹⁹ Doma Tshering's Statement in UNGA // Twitter. March 2, 2022. URL: <https://twitter.com/Lhatseri/status/1499109334516572162> (accessed: 01.04.2024).

Независимых государств (СНГ), в том числе с Украиной, с первых лет после распада СССР (Лунев, 2022, 134).

Что касается Пекина, то он занял позицию «дружественного нейтралитета» (Кашин, 2022, с. 206), но при этом в ООН голосовал против наиболее русофобских проектов резолюций²⁰. Не исключено, что это стало одним из факторов, повлиявших на решение Катманду воздержаться в ходе голосований по нескольким антироссийским резолюциям: к 2022 г. КНР стала негативно относиться к деятельности США в Непале (Raj, 2023, р. 451), однако в целом Индия и Китай на подходы Непала к украинскому конфликту влияют минимально. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что Индия и Китай являются партнерами, но не союзниками России. Интересно отметить, насколько действия Пекина и Дели в отношении украинского конфликта контрастируют с политикой СССР, который в 1950-х гг. стремился воздействовать на весь мир для смягчения отношения к КНР или в 1970-е гг. всесторонне защищал Индию от экзогенных угроз. Подходы Китая и Индии свидетельствуют также о том, что союзнические отношения более свойственны для организаций Запада — НАТО и ЕС, чем для институтов не-Запада — БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Как показали дальнейшие события, значительного влияния на двусторонние отношения действия Катманду в международных организациях не оказали: в апреле 2023 г. в дружественной атмосфере прошел визит в Москву делегации лидеров непальского парламента, объемы товарооборота в 2023 и 2024 гг. демонстрировали тенденцию на восстановление²¹.

Премьер-министр Непала Пушпа Камал Дахал не отказывается от интервью российским информационным агентствам и заявляет об отсутствии каких-либо проблем в двусторонних отношениях²². Россия также спокойно реагирует на подходы горной страны к украинскому конфликту.

Возможно, такое поведение — следствие слабости политической системы Непала. С 2008 г. премьер-министры менялись 14 раз. Политики по существу лишены чувства ответственности перед населением, заняты решением личных проблем и не очень дружелюбны (что нехарактерно для простых непальцев, см.: (Bell, 2024)). Существует высокий уровень коррупции, которую тщательно замалчивают лица, принимающие решения (Gupta, Adhikari & Shrestha, 2018).

Проблема участия непальских солдат в СВО

Спустя полгода после начала СВО руководство Непала практически перестало высказываться по данной проблеме, за исключением обязательных ссылок на осложнение международной обстановки на планете из-за ситуации на Украине и эскалации в Газе. С середины 2023 г., однако, в прессе начинают появляться свидетельства участия в конфликте на Украине с российской стороны добровольцев из Непала.

Необходимо упомянуть, что военнослужащие всегда были гордостью Непала, а практика отправки гималайских воинов за рубеж имеет двухвековую традицию. После Второй мировой войны непальское правительство официально разрешило нанимать непальских

²⁰ Safranchuk I.A., Chernov D.N., Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M. A World Divided: The Ukrainian Crisis in a Regional and Global Context. Moscow : Institute for International Studies, 2022. P. 8. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bef/hgt2r447uqdlbqurb7wdxjx1slk0519/world-divided-ukrainian-crisis.pdf> (accessed: 12.03.2024).

²¹ См.: Nepal Foreign Trade Statistics: Based on Annual Data (Shrawan-Asar) of FY 2079/80 (Mid July 2022 to Mid July 2023) // Department of Customs, Ministry of Finance, Government of Nepal. 2023. URL: <https://customs.gov.np/content/56/a-v-2089-060/> (accessed: 15.06.2024); Nepal Foreign Trade Statistics: Based on Annual Data (Shrawan-Asar) of FY 2080/81 (Mid July 2023 to Mid July 2024) // Department of Customs, Ministry of Finance, Government of Nepal. 2024. URL: <https://customs.gov.np/content/45/a-v-2080-041/> (accessed: 15.06.2025).

²² Пахомов Е. Премьер-министр Непала: настало время встречи на высшем уровне между нашими странами // ТАСС. 30.11.2023. URL: <https://tass.ru/interviews/19398359> (дата обращения: 10.04.2022).

гуркхов только индийской и британской армии, а также полиции Сингапура²³. Эти подразделения считаются престижными, кандидатам необходимо преодолеть строгий и сложный отбор. Те, кто его не проходят, часто поступают на службу в третьи страны. До 2021 г. популярным направлением был Афганистан, где непальцы охраняли западные посольства. Только официальной патент на работу в сфере безопасности в этой стране получили 1,5 тысячи непальцев (Koirala T., 2024, p. 323). Всего же, по разным оценкам, за 20 лет (2001–2021 гг.) в Афганистане несли службу более 35 тысяч жителей Непала, при этом нередко их направляли на наиболее опасные позиции (например, охранять внешний периметр посольств)²⁴.

На выбор военной профессии жителей горной страны толкает отсутствие перспектив на внутреннем рынке — до 20 % молодых непальцев (от 15 до 29 лет) являются безработными. Многие заняты в неформальном сегменте экономики, не имея достойных условий и оплаты труда²⁵. Военная служба оплачивается высоко, а в некоторых странах позволяет получить гражданство.

По всей видимости, катализатором интереса молодых непальцев к службе в российской

армии стало подписание президентом России 15 мая 2023 г. Указа об упрощении приема в российское гражданство иностранцев, заключивших контракт с Вооруженными Силами РФ. Первые сообщения о массовых поездках непальцев в Россию с целью военной службы появились в местной прессе во второй декаде июня 2023 г.²⁶ 17 июня относительно нейтральный текст о причинах такого интереса появился на американском портале *The Diplomat*, откуда, видимо, этот сюжет попал в крупнейшие западные СМИ.

23 июня 2023 г., отвечая на вопросы парламентариев, премьер-министр Пушпа Камал Дахал заявил, что правительство «внимательно следит за процессом вербовки и деятельностью непальской молодежи в российской армии»²⁷. 1 августа 2023 г. Министерство иностранных дел выпустило официальное заявление, призывавшее жителей страны не искать работу в сфере безопасности в «охваченных войной» странах²⁸.

В январе 2024 г. американский телеканал *CNN* со ссылкой на собственные источники привел цифру в 15 тыс. непальцев, сражающихся в российской армии²⁹. Однако это число выглядит преувеличенным в пропагандистских целях. В материале издания *Daily Storm*

²³ Anupam B. Why Nepalis Are Fighting on Both Sides of the Russia — Ukraine War // *The Diplomat*. June 17, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/06/why-nepalis-are-fighting-on-both-sides-of-the-russia-ukraine-war/> (accessed: 09.04.2024).

²⁴ Babst A. Who Will Help the Gurkhas Now? Thousands of Nepalese Came to Afghanistan to Work for Westerners — and Were Forgotten There // *NZZ*. December 15, 2021. URL: <https://www.nzz.ch/english/german-canadian-kabul-embassies-trafficked-gurkha-guards-ld.1660213> (accessed: 09.04.2024).

²⁵ Employment Promotion in Nepal // International Labour Organisation. URL: <https://web.archive.org/web/20240222154949/https://www.ilo.org/kathmandu/areasofwork/employment-promotion/lang--en/index.htm> (accessed: 09.04.2024).

²⁶ Anupam V. Yukren yuddhasangai sainika bhartibare Putinko tyo nirnaya — yasri pravesh gardaichan Rusi phaujma Nepali yuva (bhidio) [Решение Путина о наборе в армию на фоне войны на Украине: как непальская молодежь идет в российскую армию (видео)] // *Nepali Times*. June 11, 2023. (На непальском языке). URL: <https://www.nepalpress.com/2023/06/11/336502/> (accessed: 09.04.2024).

²⁷ Govt's Attention Has Been Drawn Toward Recruitment of Nepali Youth in Russian Army: PM Dahal // *MyRepublica*. June 23, 2023. URL: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/govt-s-attention-has-been-drawn-toward-recruitment-of-nepali-youth-in-russian-army-pm-dahal/> (accessed: 09.04.2024).

²⁸ Ministry Urges Nepalis Not to Go for Security-Related Work in War-Torn Countries // *Kathmandu Post*. August 1, 2023. URL: <https://kathmandupost.com/national/2023/08/01/ministry-urges-nepalis-not-to-go-for-security-related-work-in-war-torn-countries> (accessed: 09.04.2024).

²⁹ До этого утверждалось, что сотни непальцев воюют в ЧВК Вагнер. См.: Nepali Gurkhas Are Joining Wagner: The Lure of the Private Military Companies // *The Economic Times (Delhi)*. June 23, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/nepali-gurkhas-are-joining-wagner-the-lure-of-the-private-military-companies/articleshow/101276410.cms?from=mdr> (accessed: 09.04.2024).

о непальских солдатах волонтер пункта отбора назвал цифру в 1200–1500 человек, которые могли пройти через этот пункт за месяц³⁰. Осенью 2023 г. посол Непала в России Милан Радж Туладхар оценивал число своих сограждан, участвующих в СВО, в 150–200 человек³¹.

Согласно опубликованной в открытом доступе статистике Пограничной службы Федеральной службы безопасности России, за весь 2023 г. в страну прибыло 1952 непальца, из них более половины (1165 человек) — в IV квартале³².

В декабре 2023 г. премьер-министр Непала П.К. Дахал признал, что ряд непальских граждан воюют и на стороне Киева, при этом их численность установить не удалось. 4 января 2024 г. Министерство труда Непала объявило, что приостанавливает на неопределенный срок выдачу гражданам разрешений на работу в России и на Украине, ссылаясь то, что ряд непальцев стали жертвами продолжающегося конфликта³³. Однако эффективность этой меры сомнительна, поскольку контролировать выезжающих в Россию граждан трудно из-за отсутствия прямого авиасообщения между двумя странами.

Молодые непальцы в целом не озабочены проблемами идеологии и готовы присоединяться к любым вооруженным силам в исключительно меркантильных целях³⁴. Упрощенные процедуры сделали службу в российской армии для них лишь более привлекательной, а СМИ, пытаясь сделать из этого очередную антироссийскую

сенсацию, только распространили информацию среди наиболее заинтересованных слоев населения.

Заключение

СВО не привнесла в непальскую внешнюю политику каких-то базовых изменений. Гималайская республика на протяжении своей истории стремилась демонстрировать солидарность с малыми и средними государствами³⁵ на международной арене, и поддержка Непалом на полях ООН подготовленных странами Запада резолюций по Украине видится логичным продолжением такой политики. Следует учитывать и то, что в последние годы горная страна привлекает все больше внимания со стороны США и Великобритании, становится получателем крупнейших пакетов помощи от Запада, что также оказывает свое влияние на политику южноазиатской республики. Правящие круги в Катманду, несмотря на критику, не считают свои действия нарушением принципа неприсоединения и готовы продолжать сотрудничество со всеми сторонами конфликта. Поэтому, несмотря на все возникающие между Москвой и Катманду противоречия, в двусторонних отношениях сохраняется оптимизм, продолжаются дискуссии на тему углубления связей на всех уровнях взаимодействия.

Более полувека Непал не занимает значительного места во внешнеполитических приоритетах России, хотя, возможно,

³⁰ Чесноков В. Волонтер пункта отбора добровольцев рассказал, почему гуркхи из Непала массово приезжают воевать за Россию на СВО // Daily Storm. 13.02.2024. URL: <https://dailystorm.ru/obschestvo/volonter-punkta-otbora-dobrovolcev-rasskazal-pochemu-gurkhi-iz-nepala-massovo-priezzhayut-voevat-za-rossiyu-na-svo> (дата обращения: 09.04.2024).

³¹ Непал обратился к России после гибели шести граждан страны // РБК. 05.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2023/656f0fcb9a79477cda44a840> (дата обращения: 09.04.2024).

³² Въезд иностранных граждан в РФ // ЕМИСС: Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 09.04.2024).

³³ Government Halts Labour Permits for Russia and Ukraine // The Kathmandu Post. January 4, 2024. URL: <https://kathmandupost.com/national/2024/01/04/government-halts-labour-permits-for-russia-and-ukraine> (accessed: 09.04.2024).

³⁴ Anupam B. Why Nepalis Are Fighting on Both Sides of the Russia — Ukraine War // The Diplomat. June 17, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/06/why-nepalis-are-fighting-on-both-sides-of-the-russia-ukraine-war/> (accessed: 09.04.2024).

³⁵ Характеристику среднего государства см.: (Бритова, 2022).

стремление гималайской страны стать участником ШОС приведет к росту заинтересованности Москвы к повышению уровня двусторонних отношений. Возможное вступление Непала в организацию дает возможность России повлиять на изменение подходов ШОС к мировым проблемам, в том числе и к СВО. Работа с непальскими СМИ также приведет к корректировке позиции непальской общественности. Гораздо сложнее наладить отношения с политической элитой горного государства

из-за ее нацеленности на достижение своекорыстных устремлений.

Анализ ситуации в Непале показывает иллюзорность надежд на поддержание реально стратегических взаимоотношений России с азиатскими гигантами, которые руководствуются исключительно собственными национальными интересами и не предпринимают конкретных шагов по существенному снижению мирового давления на Россию. По крайней мере, Китай и Индия не оказывают влияния на внешнеполитическую позицию Непала.

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 01.06.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Бритова В.Р. Основные подходы к пониманию «средней державы» // Евразийство и мир. 2022. № 1. С. 47–53. <https://doi.org/10.18101/2306-630X-2022-1-47-53>; EDN: NNGTPV
- Захаров А.И., Рабей С.Л. Индийский подход к украинскому конфликту: год спустя // Восточная аналитика. 2023. Т. 14, № 2. С. 61–73. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-14-2-061-073>; EDN: VCJIDT
- Кашин В.Б. Россия, Китай и украинский кризис // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 2. С. 204–212. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-2-204-212>; EDN: JNILSM
- Кашин В.П. Россия и Индия в условиях СВО // Россия и Индия в процессах укрепления многополярности : сборник статей Круглого стола с международным участием. Москва, 2023. Москва : Изд-во «Ключ-С», 2023. С. 39–43. EDN: RHBEKN
- Ледков А.А., Лунев С.И. История Непала. XX век. Москва : Институт востоковедения РАН, 2011. EDN: QPUMPL
- Лунев С.И. Российско-индийские отношения: перемены за последнее десятилетие // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. Москва : Аспект Пресс, 2022. С. 133–170. EDN: LLVHPE
- Лунев С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2. С. 24–51. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51>; EDN: YZHWUL
- Лунев С.И. Советско-индийские отношения на начальном этапе их эволюции // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17, № 2. С. 54–72. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-17-54-72>; EDN: NMEKFD
- Николаев П.П. Индия как ключевой фактор в китайско-бутанских и китайско-сиккимских отношениях (1949–1962) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. № 4. С. 121–127. EDN: SWJGQN
- Тютин А.А., Кушхов Б.Р. Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала) // Международный аспект. 2022. Т. 3, № 3. С. 82–99. EDN: WZWFGO
- Яковлев Г.И. Экономическое развитие Непала (1951–1965). Москва : Наука, 1970.
- Bell T. *Human Nature: A Walking History of the Himalayan Landscape*. Gurugram : Penguin Viking, 2024.
- Bhattacharai D. Understanding the Primacy of Geography in the Conduct of Foreign Policy // *Journal of Foreign Affairs*. 2022. Vol. 2, no. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.3126/jofa.v2i01.44006>; EDN: NUJAMO
- Bhattacharai G., Pulami M.Ju. Nepal's Foreign Policy Behaviour Towards Great Power Politics: A Study of Nepal's Foreign Policy Response to the Russia — Ukraine Crisis // *Nepal Public Policy Review*. 2022. Vol. 2, no. 1. P. 147–179. <https://doi.org/10.3126/nppr.v2i1.48400>; EDN: YFHZER
- East M.A. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // *World Politics*. 1973. Vol. 25, iss. 4. P. 556–576. <https://doi.org/10.2307/2009952>

- Gupta A.K., Adhikari Sh.H., Shrestha G.L.* Corruption in Nepal: Level, Pattern and Trend Analysis // Journal of Management and Development Studies. 2018. Vol. 28, no. 1. P. 36–52. URL: <https://www.nepjol.info/index.php/jmnds/article/download/24957/21004/75842> (accessed: 09.04.2024).
- Koirala A.* Unveiling the Mysteries of Nepal's Peace Zone and Political Deadlock. Kathmandu : BookArt Nepal, 2024.
- Koirala T.R.* A Case Study of Gorkhali: Private Military and Security Companies in Global Security Assemblages // Unity Journal. 2024. Vol. 5, no. 1. P. 317–330. <https://doi.org/10.3126/unityj.v5i1.63203>; EDN: COBMAO
- Lamsal H.L.* The Russia — Ukraine Conflict: Nepal's Foreign Policy in New Dimension of World Power // Unity Journal. 2023. Vol. 4, no. 1. P. 239–253. <https://doi.org/10.3126/unityj.v4i01.52244>; EDN: EVZADE
- Patnaik A.* New International Order: India in Russia's Foreign Policy Priority // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2023. No. 4. P. 358–368. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-4-358-368>; EDN: NPSRBS
- Raj R.K.* The Manifestation of Small State Syndromes in Foreign Policy of Nepal: An Assessment Through Case of MCC Grant // International Journal of Research and Innovation in Social Science. 2023. Vol. 7, iss. 11. P. 446–454. <https://doi.org/10.47772/ijriss.2023.7011035>; EDN: GSBJBQ
- Rana S.S.J.B.* Navigating the Post-Unipolar World Amidst Current Wars: Implications for Nepal // The Shivapuri Journal. 2024. Vol. 25, no. 1. P. 99–108. <https://doi.org/10.3126/shivapuri.v25i1.63435>; EDN: JFTBFB
- Shrestha K.K.* Nuclear Aspects of the Russia — Ukraine War and Its Implications for Nepal // NCWA Annual Journal. 2024. Vol. 55, no. 1. P. 37–43. <https://doi.org/10.3126/ncwaj.v55i01.62977>; EDN: WTXFZM

Сведения об авторах:

Лунев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76; главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12; eLibrary SPIN-код: 2592-2980; ORCID: 0000-0002-5850-1188; e-mail: silounev@gmail.com

Новинский Эрнест Эрнестович — младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; eLibrary SPIN-код: 9721-9150; ORCID: 0000-0001-5740-7854; e-mail: ernestn899@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732
EDN: GWRYGP

Научная статья / Research article

Роль посредничества во внешней политике Катара на примере конфликта в Афганистане

М.А. Шпаковская¹ , Г.В. Грызлов^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Российский совет по международным делам, Москва, Российская Федерация

 1142230176@pfur.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новых возможностей антикризисной дипломатии малых стран, что стало особенно заметным явлением в условиях растущей нестабильности международной ситуации. Будучи небольшим по масштабам государством, Катар за последние десятилетия приобрел статус активного участника мировой политики, способного оказывать влияние на международные и региональные процессы. Во многом Катар добился этого благодаря ставке на оказание посреднических услуг в урегулировании международных кризисов и споров на Ближнем Востоке и в Афганистане. Цель исследования — выявление особенностей стратегии посредничества Катара на фоне меняющихся региональных и глобальных геополитических условий, а также инструментов, которые помогли стране столь быстро стать авторитетным медиатором для международного сообщества. Новизна исследования заключается в изучении феномена посредничества Государства Катар как одного из ключевых механизмов по повышению его международной значимости с фокусом на медиацию Дохи при урегулировании афганской проблемы. Применены такие методы, как историко-сравнительный метод, дискурс-анализ и кейс-стади. Авторы приходят к выводу, что Катар смог быстро завоевать доверие международного сообщества как посредник благодаря прагматичной стратегии балансирования, активному использованию собственных финансовых возможностей и тому обстоятельству, что он был новым игроком на мировой арене, который, как считалось, не имеет глубинной политической повестки при участии в урегулировании конфликтов. Вместе с тем дипломатические кризисы 2011–2013 гг. и 2017–2021 гг. негативно сказались на имидже Катара как нейтрального актора, что вынудило его пересмотреть свою посредническую стратегию. Результативное посредничество Катара при заключении сделки США с талибами вернуло Дохе авторитет беспристрастного регионального и глобального медиатора и открыло стране новые возможности для продвижения своего влияния в мировой политике, нейтрализовав негативные последствия дипломатических кризисов.

Ключевые слова: переговоры, мирный процесс, урегулирование конфликтов, антикризисная дипломатия, Ближний Восток, Талибан, США

Сведения о финансировании. Публикация выполнена в рамках проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Шпаковская М.А.: научное руководство исследованием, концептуализация, разработка методологии исследования, редактирование рукописи. Грызлов Г.В.: проведение анализа, написание — подготовка черновика рукописи, оформление библиографии, валидация источников. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Шпаковская М.А., Грызлов Г.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шпаковская М.А., Грызлов Г.В. Роль посредничества во внешней политике Катара на примере конфликта в Афганистане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 721–732. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732>

Role of Mediation in Qatar's Foreign Policy: A Case of the Afghan Conflict

Marina A. Shpakovskaya¹ , Gleb V. Gryzlov^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Russian International Affairs Council, Moscow, Russian Federation

✉ 1142230176@pfur.ru

Abstract. The present study is of particular relevance as it seeks to demonstrate the new possibilities of crisis diplomacy for small countries, a topic that has gained additional significance in an increasingly unstable international situation. In recent decades, Qatar, being a small state, has acquired the status of an active actor in world politics, capable of influencing international and regional processes. This is largely due to its reliance on mediation in the settlement of international crises and disputes. The aim of the article is to identify the specifics of Qatar's mediation strategy in the context of evolving regional and global geopolitical conditions and the tools that have enabled the country to quickly establish itself as a credible mediator within the international community. The scientific novelty of the research lies in the separate study of the phenomenon of Doha's mediation as one of the key mechanisms for enhancing Qatar's international standing, focusing on Doha's mediation in resolving the Afghan issue. The study relies on a historical and comparative method, discourse analysis, case study. The authors conclude that Qatar was able to gain the trust of the international community as a mediator due to its pragmatic balancing strategy, active use of its own financial capabilities. As a new player on the international stage, the state was considered to have no hidden agenda when engaging in conflict resolution. However, the diplomatic crises of 2011–2013 and 2017–2021 undermined Qatar's reputation as a neutral actor, forcing it to adapt its mediation strategy, as mediation of the US — Taliban negotiations demonstrated. Qatar's effective mediation of the US — Taliban deal has restored Doha's credibility as an unbiased regional and global mediator and opened up new opportunities for the country to promote its influence in global politics, neutralizing the negative effects of the diplomatic crises.

Key words: negotiations, peace process, conflict resolution, crisis diplomacy, Middle East, Taliban, USA

Funding sources. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 102502-2-000.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. M.A. Shpakovskaya: study supervision, conceptualization, development of research methodology, editing of the manuscript. G.V. Gryzlov: analysis, writing and preparation of a draft manuscript, bibliography design, validation of sources. Both authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Shpakovskaya, M.A., & Gryzlov, G.V. (2025). Role of mediation in Qatar's foreign policy: A case of the Afghan conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 721–732. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732>

Введение

В последние годы на Ближнем Востоке наметился тренд на повышение политической активности и самостоятельности региональных игроков, которые оказывают все

большее влияние на региональные и внерегиональные процессы (Звягельская, 2022, с. 58). Особенно заметным в международных делах становится участие монархий Персидского залива, таких как Королевство Саудовская

Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Султанат Оман и Государство Катар. Последний одним из первых среди малых держав Персидского залива взял курс на выстраивание самостоятельной внешней политики и формирование собственной политической идентичности, стремясь в том числе выйти из-под влияния Эр-Рияда, много лет единолично доминировавшего на Аравийском полуострове. Помимо отстаивания своего суверенитета на фоне давления более крупного соседа Катар, реализуя собственную внешнеполитическую стратегию, стремится также защитить свои энергетические маршруты и сохранить устойчивый спрос на энергоресурсы, и с этой целью страна вовлекается в процессы по поддержанию региональной стабильности.

Для решения собственных задач Доха использует различные инструменты, однако визитной карточкой Катара стало оказание посреднических услуг при урегулировании международных и региональных кризисов. За последние три десятилетия монархии удалось завоевать репутацию надежного медиатора, на ее счету не менее десятка успешных кейсов международного посредничества.

Целью данного исследования является выявление особенностей стратегии посредничества Катара в условиях региональных и глобальных геополитических трансформаций. Проанализирован кейс Катара, которому удалось за короткий срок стать авторитетным медиатором для международного сообщества, и процесс адаптации катарского подхода к посредничеству конфликтов к новым условиям, связанным с катарским дипломатическим кризисом 2017–2021 гг.

В российской историографии роль Катара как посредника в урегулировании кризисов и международных конфликтов освещена достаточно скромно. Комплексный анализ внешнеполитической линии Дохи, элементом которой является медиация конфликтов, проведен в работе Т. И. Тюкаевой (Тюкаева, 2023). Посреднической деятельности Катара, прежде всего в афганском конфликте, также уделено внимание в статье Е. С. Мелкумян (Мелкумян, 2022). При этом в англоязычной

научной литературе тема катарского посредничества в разные временные периоды проанализирована весьма обстоятельно (Kamrava, 2011; Minich, 2015; Alqashouti, 2021; Milton, Elkahlout & Tariq, 2023).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления новой роли малых держав, стремящихся брать на себя все большую ответственность в международных делах на фоне роста региональной и глобальной геополитической напряженности. На современном этапе, когда система международных отношений находится в состоянии перманентной нестабильности, возникновение новых и эскалация прежних конфликтов становится обыденностью. Поскольку сама система и существующие в ее рамках институты зачастую не способны разрешать текущие кризисы, повышается значение отдельных участников системы, причем все более активную роль берут на себя малые страны, готовые предложить свои посреднические услуги конфликтующим сторонам. В этих условиях весьма востребованным представляется изучение опыта таких небольших, но влиятельных игроков, как Катар.

В качестве теоретической рамки исследования используются концепции, объясняющие специфику внешней политики малых держав и их способность преодоления структурных ограничений за счет политики многовекторности, балансирования и применения инструментов «мягкой силы» (Miller & Al-Mansouri, 2016; Miller & Verhoeven, 2020; Al-Tamimi, Amin & Zarrinabadi, 2023). Кроме того, большое внимание уделяется исследованиям международного посредничества, позволяющим проанализировать основные функции медиатора при урегулировании международных конфликтов (Schrodt & Gerner, 2004; Kamrava, 2011).

Методологически исследование опирается на сочетание историко-сравнительного метода, дискурс-анализа и кейс-стади. Историко-сравнительный метод помогает проследить эволюцию внешнеполитической стратегии Катара и его подходов к посредничеству. Дискурс-анализ позволяет

проанализировать официальные заявления и риторику катарского руководства, формирующие образ государства-медиатора. Кейс-стади применяется для разбора основных инструментов посреднической деятельности Катара на примере американо-талибского урегулирования.

Посредничество во внешней политике Катара

Традиционно роль посредников при урегулировании военных конфликтов или политической напряженности между государствами отводилась крупным и средним державам, имевшим заметное влияние на международные процессы и непосредственные стороны конфликта, что было актуально как для глобального, так и регионального уровня. На Ближнем Востоке в качестве ключевого посредника всегда стремились выступать крупнейшие государства региона — Саудовская Аравия и Египет (Kamrava, 2011, p. 541). Однако начиная с XXI в. наибольшие успехи в роли медиатора демонстрирует Катар — одно из самых маленьких государств Ближнего Востока.

Катар можно назвать относительно молодым игроком на мировой арене, поскольку самостоятельную внешнюю политику страна фактически не вела вплоть до середины 1990-х гг., оставаясь в тени ключевого и крупнейшего государства Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — Саудовской Аравии. Только с приходом к власти шейха Хамада ибн Халифа Аль Тани в 1995 г. Доха приобретает внешнеполитическую самоидентификацию

и берет курс на повышение своего регионального и глобального влияния (Тюкаева, 2023, с. 96). Стремясь подчеркнуть свою уникальность и независимость от других монархий Персидского залива, в первую очередь от Саудовской Аравии, которая стала рассматриваться руководством Катара как основной источник угроз собственной национальной безопасности (Roberts, 2016, p. 13), Доха начала проводить прагматичную и многомерную внешнюю политику (Miller & Verhoeven, 2020, p. 10). Так, руководство Катара сделало ставку на применение инструментов «мягкой силы», усилив влияние страны благодаря приобретению статуса «газовой сверхдержавы» и укрепив безопасность за счет союза с Соединенными Штатами¹, а также активизировало внешнеполитические контакты с крупными международными игроками и влиятельными, в том числе негосударственными, акторами на Ближнем Востоке (Тюкаева, 2023, с. 97). Однако ключевой особенностью катарской внешней политики стало посредничество.

Законодательно нацеленность Катара на выполнение посреднической миссии в регионе была закреплена в ст. 7 Конституции Государства Катар, принятой в результате референдума в 2003 г. и содержащей положение о приверженности страны мирному разрешению международных споров и готовности выступить при необходимости посредником между сторонами конфликта². В заявлениях официальных лиц Катара также декларируется стремление страны содействовать урегулированию конфликтов путем диалога и подчеркивается ключевое значение посредничества для ее внешней политики³. Особое значение посреднической миссии для внешней

¹ Steinberg G. Qatar's Foreign Policy: Decision-Making Processes, Baselines, and Strategies // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2023. No. 4. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/271033/1/1841882623.pdf> (accessed: 21.06.2025).

² The Permanent Constitution of the State of Qatar // UNHCR. 2004. URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2004/en/101710> (accessed: 08.04.2025).

³ См.: Official Spokesperson for Ministry of Foreign Affairs Reviews Successes of Qatari Diplomacy During Middle East Global Summit in New York // Ministry of Foreign Affairs — State of Qatar. September 21, 2023. URL: <https://mofa.gov.qa/en/qatar/latest-articles/latest-news/details/1445/03/06/official-spokesperson-for-ministry-of-foreign-affairs-reviews-successes-of-qatari-diplomacy-during-middle-east-global-summit-in-new-york> (accessed: 21.06.2025); Atallah S. Mediation Remains Backbone of Qatar's Foreign Policy: Al-Khulaifi // The Peninsula. April 30, 2025. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/30/04/2025/mediation-remains-backbone-of-qatars-foreign-policy-al-khulaifi> (accessed: 21.06.2025).

политики отмечено и на сайте Министерства иностранных дел Государства Катар, где перечислены случаи участия страны в урегулировании конфликтов в роли медиатора начиная с 2004 г.⁴ В целом желание Дохи играть роль миротворца в таком конфликтном регионе, как Ближний Восток, выглядит логично и целесообразно, однако примечательно то, насколько быстро Катару удалось достичь статуса успешного регионального посредника, учитывая его достаточно позднюю активизацию на мировой политической арене.

Еще в декабре 1995 г., сразу после прихода шейха Хамада к власти, Катар выступил посредником между Йеменом и Эритреей в ходе конфликта вокруг архипелага Ханиш (Minich, 2015, p. 129). С тех пор Доха неоднократно успешно выступала медиатором в урегулировании различных региональных и международных конфликтов. Так, в 2007 г. Катар помог достичь соглашения о прекращении огня между хуситами и правительством Йемена, в 2008 г. — содействовал разрешению внутривосточного кризиса в Ливане, в 2011 г. в Дохе было подписано мирное соглашение между руководством Судана и повстанческой группировкой «Движение за освобождение и справедливость». В 2012 г. катарская сторона помогла заключить соглашение на пути к примирению между палестинскими фракциями «Движение палестинского национального освобождения» (ФАТХ) и «Исламским движением сопротивления» (ХАМАС), а в 2020 г. в столице Катара при его активном и многолетнем посредничестве было заключено соглашение между США и движением «Талибан» (ДТ). Среди аналогичных, хотя и менее масштабных примеров успешного посредничества Дохи можно выделить соглашение о прекращении огня между Эритреей и Джибути в 2010 г., примирение ливийских племен туарегов и тубу в 2015 г., мирное соглашение между

правительством Чада и представителями оппозиции в 2022 г. и поддержку мирного урегулирования политического кризиса в Ливии (Milton, Elkahout & Tariq, 2023, pp. 57–58). Наиболее актуальным примером результативного посредничества Катара стала его медиация при заключении весной 2025 г. соглашения о прекращении огня между правительством Демократической Республики Конго (ДРК) и повстанческой группировкой «Движение 23 марта» (М23)⁵.

Заинтересованность сторон многих конфликтов в посреднических услугах Дохи отчасти объясняется их согласием на медиацию спора беспристрастной стороной, которая не стремится получить практическую выгоду и не действует в интересах одного из участников. В то время как крупные региональные державы, такие как Египет и Саудовская Аравия, традиционно рассматривались как активные региональные игроки, использующие посредничество как инструмент для реализации и продвижения собственной политической повестки, Катар как государство, только недавно взявшее курс на проведение самостоятельной внешнеполитической линии, вплоть до 2010-х гг. воспринимался как честный посредник и успешно культивировал этот образ (Kamrava, 2011, p. 543).

Другим фактором, позволяющим Дохе выступать результативным посредником при урегулировании конфликтных ситуаций, можно назвать ее существенные финансовые возможности. Будучи одним из крупнейших экспортеров сжиженного природного газа (СПГ) в мире, Катар активно использовал полученные от продажи ресурсов средства в своих внешнеполитических целях (Al-Tamimi, Amin & Zarrinabadi, 2023, p. 51). Согласно исследованиям, материальные стимулы, которые медиатор готов предложить сторонам конфликта в случае урегулирования, могут оказать положительное влияние

⁴ Qatar Mediation Efforts // Ministry of Foreign Affairs — State of Qatar. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/mediation/mediation> (accessed: 07.06.2025).

⁵ Mureithi C. DRC Government and M23 Agree to Halt Fighting and Work Towards Truce // The Guardian. April 24, 2025. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/apr/24/drc-government-and-m23-make-surprise-truce-to-end-fighting-in-east-of-country> (accessed: 20.05.2025).

на результаты переговоров (Schrodt & Gerner, 2004, p. 322). Посредник может предложить прямые выплаты одной из сторон для прекращения конфликта либо — что происходит значительно чаще — пообещать вложить свои инвестиции в различные инфраструктурные проекты конфликтующих сторон. Так, Катар был готов активно вкладываться и оказывать материальную помощь государствам, которым страна предоставляла посреднические услуги⁶. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, подобный подход, к которому активно прибегает Доха, зачастую приводит лишь к временным сделкам, заключаемым сторонами с целью получения краткосрочной материальной выгоды, но не устраняет коренных причин конфликта, что оставляет возможность для возникновения новых противоречий между его участниками⁷.

Важно отметить, что в своей внешней политике Катар традиционно руководствовался стратегией балансирования: помимо поддержания тесных отношений с ключевым крупным союзником в лице США катарское руководство всегда стремилось быть важным партнером для многих ближневосточных и внерегиональных государств (Тюкаева, 2023, с. 98). Тесные военно-политические связи сложились между Катаром и Турцией (Васильев, Хайруллин, Коротаев, 2019), Францией и другими европейскими государствами (Miller & Al-Mansouri, 2016). Несмотря на конкуренцию с Саудовской Аравией, Катар всегда сохранял приверженность участию в ССАГПЗ, считая организацию неотъемлемым элементом для выстраивания собственной безопасности

(Kabalan, 2019, p. 71). При этом Доха неоднократно занимала особую позицию среди стран ССАГПЗ и была, например, открыта для поддержания контактов с Израилем и развития взаимовыгодных отношений с Ираном, за что неоднократно подвергалась критике со стороны других монархий Персидского залива (Тюкаева, 2023, с. 99). Подобный подход руководства Катара демонстрирует мировому сообществу нейтральный статус страны и ее готовность к выстраиванию конструктивного взаимодействия с любыми международными игроками, что повышает доверие к Дохе как к потенциальному беспристрастному посреднику.

Еще одной примечательной особенностью внешнеполитической деятельности Катара является активная работа с исламистскими движениями на Ближнем Востоке, претендующими на получение реальной политической силы в различных частях региона. Наиболее тесные исторические связи у Дохи сложились с ассоциацией «Братья-мусульмане»⁸, которая в период 2011–2013 гг. в ходе «арабской весны» стала главным проводником интересов Катара в регионе, что привело к первому кризису в отношениях страны с другими влиятельными региональными державами, осудившими действия катарского руководства по поддержке оппозиции в ряде ближневосточных государств (Тюкаева, 2023, с. 100). Катар установил тесные связи и с другими региональными движениями, признанными в ряде стран террористическими, включая палестинский ХАМАС и ливанскую «Хизбаллу». И хотя некоторые видят в действиях катарского

⁶ См.: Qatar to Complete Purchase of Sudan Government Bonds by End of April // Sudan Tribune. April 11, 2012. URL: <https://sudantribune.com/article/41613> (accessed: 08.04.2025); Qatar Paid \$1.1bn to Gaza since 2012 // Middle East Monitor. February 11, 2019. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20190211-qatar-paid-1-1bn-to-gaza-since-2012/> (accessed: 08.04.2025).

⁷ Ulrichsen K.C. Qatar and the Arab Spring: Policy Drivers and Regional Implications // Carnegie Endowment for International Peace*. 2014. P. 6. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/qatar_arab_spring.pdf (accessed: 08.04.2025). *Деятельность международной неправительственной организации «Фонд Карнеги за международный мир» (Carnegie Endowment for International Peace) признана нежелательной на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

руководства прагматизм⁹ — попытку обеспечить безопасность за счет поддержания дружественных отношений со всеми влиятельными силами региона, — поддержка исламистских сил вкупе с развитием сотрудничества с Ираном и чрезмерным влиянием в регионе телеканала «Аль-Джазира» привели к серьезнейшему кризису в отношениях Дохи с другими государствами Ближнего Востока (Мелкумян, 2019, с. 128).

В 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали дипломатические отношения с Государством Катар и объявили стране экономическую блокаду, которая продлилась вплоть до 2021 г. За четыре года, пока Катар прилагал усилия по выходу из кризиса, стране удалось достаточно успешно адаптироваться к новым условиям (Umar & Ghurab, 2023). Вместе с тем региональный авторитет Дохи был во многом подорван, поэтому стране пришлось активизировать свою внешнеполитическую внерегиональную деятельность и сделать ставку на укрепление отношений с Соединенными Штатами, чему заметно помогла роль Катара как посредника при урегулировании конфликтов.

Роль Катара в американо-талибском урегулировании и афганском мирном процессе

Завершение затянувшейся военной кампании США в Афганистане много лет оставалось одной из приоритетных задач для американского истеблишмента. Осознав бесперспективность окончания афганской миссии военным путем, американское руководство еще с начала 2010-х гг. задумалось о достижении мирного соглашения со своим противником в лице ДТ. Однако выйти

на прямые переговоры с группировкой без участия надежного посредника не представлялось возможным, и в этой ситуации ключевую роль сыграла Доха.

Несмотря на то, что официальный процесс по достижению соглашения США с талибами при посредничестве Катара был запущен лишь в июле 2018 г. (Мачитидзе, 2020, с. 66), услуги посредника страна начала оказывать гораздо раньше. Еще в 2013 г. движение «Талибан» открыло свой первый политический офис в Дохе, что ознаменовало определенную готовность группировки не только проводить боевые операции, но и вести политический диалог с различными сторонами, в первую очередь с Вашингтоном. Талибы выбрали местом своей дислокации именно Катар, поскольку считали эту страну по-настоящему нейтральной¹⁰. США также позитивно оценили Катар как потенциального медиатора, чему, безусловно, содействовал его накопленный посреднический опыт и стратегия балансирования. Таким образом, офис талибов в Дохе превратился в площадку для конфиденциальных контактов представителей движения с международным сообществом.

Не менее значимым шагом со стороны Катара стало содействие в обмене пяти заключенных в Гуантанамо высокопоставленных командиров движения на американского военнослужащего. Сам верховный лидер талибов мулла Омар поблагодарил эмира Катара за помощь, а глава Министерства иностранных дел Катара заявил, что в своих посреднических усилиях Доха руководствуется исключительно гуманистическими принципами¹¹.

С начала официальных американо-талибских переговоров в Дохе Катар оказывал важную политическую и техническую поддержку при проведении каждого

⁹ Chandrasekaran R. Qatar's Friends-With-Everyone Approach Rankles Some of Its Persian Gulf Neighbors // *The Washington Post*. October 4, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/qatars-friends-with-everyone-approach-rankles-some-of-its-persian-gulf-neighbors/2014/10/04/b89977f8-4a7b-11e4-b72e-d60a9229cc10_story.html (accessed: 08.04.2025).

¹⁰ How Qatar Came to Host the Taliban // *BBC*. June 22, 2013. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-23007401> (accessed: 09.04.2025).

¹¹ Taliban Five Arrive in Qatar After Swap Deal // *Al Jazeera*. June 1, 2014. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2014/6/1/taliban-five-arrive-in-qatar-after-swap-deal> (accessed: 09.04.2025).

переговорного раунда, а также председательствовал во время сессий. Кроме того, катарскому руководству приходилось прибегать к «челночной дипломатии», когда переговоры начинали буксовать (Milton, Elkahout & Tariq, 2023, p. 61). Так, например, после убийства в сентябре 2019 г. талибами американских солдат и заявлений Д. Трампа о том, что переговоры США и группировки «мертвые»¹², Катар помог их возобновить, оказав сторонам содействие в очередном обмене заключенными¹³.

Спустя более чем полтора года поддержания контактов и приложения дипломатических усилий 29 февраля 2020 г. в Дохе Соединенные Штаты и ДТ подписали мирное соглашение, по которому обе стороны брали на себя определенные обязательства: Вашингтон должен был постепенно снизить свое военное присутствие в Афганистане и полностью вывести контингент в установленные сроки, а талибы — препятствовать использованию афганской территории против США и их союзников и начать мирные переговоры с официальным правительством Исламской Республики Афганистан¹⁴.

Катар, который на протяжении нескольких лет всячески содействовал продвижению контактов американцев с талибами, тем не менее неоднократно подчеркивал, что не принимал непосредственного участия в обсуждении и достижении договоренностей между ними и не брал на себя обязательств по гарантии выполнения соглашений. Официальные лица страны отмечали непредвзятый характер Дохи как медиатора и заявляли, что

посредничество в урегулировании афганской проблемы является частью превентивной дипломатии Катара в условиях обострения региональных конфликтов (Мелкумян, 2022, с. 185).

Более того, Катар согласился продолжать оказывать свои посреднические услуги и на следующем этапе урегулирования афганского конфликта — начавшихся 12 сентября 2020 г. в Дохе переговорах между официальным правительством в Кабуле и оппозицией в лице талибов. Международное сообщество приветствовало начало межафганского диалога и выразило благодарность Катару за его усилия по примирению сторон¹⁵. При этом переговоры велись непосредственно самими афганскими сторонами, без присутствия формальных посредников в зале в ходе сессий. Исключением стала помощь катарского спецпредставителя по Афганистану Мутлака аль-Кахтани переговорным делегациям по разрешению процедурного вопроса в ноябре 2020 г.¹⁶

Несмотря на все усилия со стороны Катара, за несколько месяцев переговоров стороны так и не смогли достичь какого-либо прогресса. Ситуация осложнялась продолжавшимися боевыми действиями между проправительственными силами и талибами, а также растущим силовым давлением на официальный Кабул со стороны талибов. После того как стало очевидно, что вступивший в должность президент США Дж. Байден взял курс на окончательное завершение афганской миссии, судьба межафганского диалога была предпрешена. По мере того как контингент

¹² Trump Says US — Taliban Peace Talks Are 'Dead' // Al Jazeera. September 9, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/9/9/trump-says-us-taliban-peace-talks-are-dead> (accessed: 09.04.2025).

¹³ Taliban Commanders 'Land in Qatar' as Part of Prisoner Swap Move // Al Jazeera. November 20, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/20/taliban-commanders-land-in-qatar-as-part-of-prisoner-swap-move> (accessed: 09.04.2025).

¹⁴ США и «Талибан» подписали мирное соглашение // ТАСС. 29.02.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7868699> (дата обращения: 09.04.2025).

¹⁵ Security Council Thanks Qatar for Facilitating Afghan Peace Negotiations // Ministry of Foreign Affairs — State of Qatar. URL: <https://mofa.gov.qa/en/qatar/latest-articles/latest-news/details/1442/02/01/security-council-thanks-qatar-for-facilitating-afghan-peace-negotiations> (accessed: 09.04.2025).

¹⁶ Adili A. Y. Intra-Afghan Talks (1): Rules of Procedure Agreed, but Still No Agenda as Talks Resume // Afghanistan Analysts Network. January 3, 2021. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/intra-afghan-talks-1-rules-of-procedure-agreed-but-still-no-agenda-as-talks-resume/> (accessed: 09.04.2025).

Соединенных Штатов покидал афганскую территорию, боевые операции ДТ против правительственных сил становились все более успешными, что в конечном итоге привело к падению Кабула 15 августа 2021 г. и созданию Исламского Эмирата Афганистан под властью талибов.

Для многих такая скорая военная победа талибов и срыв межафганского диалога стали неожиданностью. Эти события значительно повлияли и на отношение к американо-талибской сделке: например, бывший глава Центрального разведывательного управления США и командующий миссией Организации Североатлантического договора (НАТО) в Афганистане Дэвид Петреус назвал ее «одним из худших дипломатических соглашений в истории Соединенных Штатов»¹⁷. Возможно, последствия соглашения заставляют усомниться в его эффективности и целесообразности его заключения, однако они никак не влияют на восприятие самого процесса диалога между США и ДТ, как и на центральную роль Катара. Соглашение в Дохе — большой успех для катарской внешней политики, который подтвердил репутацию Катара как ключевого регионального и глобального посредника, готового предоставить свою площадку для переговоров и оказать содействие в урегулировании споров.

Кроме того, развитие событий вокруг афганского конфликта позитивно сказалось на международном авторитете Дохи. Так, Катару удалось достаточно оперативно эвакуировать из Афганистана 60 тысяч афганских граждан и тысячи иностранцев, что было возможно только при координации с талибами (Milton, Elkahlout & Tariq, 2023, p. 62). Благодаря хорошим отношениям Катара с ДТ Доха превратилась в центр дипломатической активности, выполняя функции проводника между талибским правительством и международным сообществом. Также многие государства перенесли свои

дипломатические миссии из Кабула в столицу Катара. Именно Доха стала той площадкой, где страны, не имеющие дипломатических отношений с новым афганским правительством, могут осуществлять контакты с талибами (Мелкумян, 2022, с. 187).

Таким образом, действия Катара на афганском направлении, начиная с выстраивания конструктивных отношений с талибами и посредничества в американо-талибском диалоге и заканчивая оказанием гуманитарной поддержки Афганистану после событий 2021 г., привели к росту регионального и глобального влияния Дохи.

Развитие катарской стратегии посредничества

Анализ посредничества Катара при попытке урегулировать афганский конфликт позволяет выявить ряд новых черт катарского подхода к медиации.

Во-первых, успех заключения американо-талибской сделки позволил стране восстановить репутацию эффективного и беспристрастного посредника, готового содействовать разрешению даже самых тяжелых и длительных кризисов. Вашингтон долгое время не мог найти способ завершить военную операцию в Афганистане, и именно результативное посредничество Дохи, которая даже в самых сложных ситуациях могла помочь выйти из тупика, позволило США и их союзникам свернуть афганскую миссию НАТО. Также во время межафганских переговоров именно благодаря включенности Катара стороны достаточно быстро договорились о процедурных вопросах, что стало единственным внятным прогрессом за месяцы их диалога.

Во-вторых, после обвинений региональными державами Катара во вмешательстве во внутренние дела других стран его руководство стало более осторожным в своей внешней

¹⁷ Petraeus D. Afghanistan Did Not Have to Turn Out This Way // *The Atlantic*. August 8, 2022. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/08/us-withdrawal-afghanistan-strategy-shortcomings/670980/> (accessed: 09.04.2025).

политике. Доха готова активно содействовать разрешению конфликтных ситуаций только тогда, когда в этом заинтересованы обе стороны, а одностороннего вмешательства страна старается избегать (Milton, Elkahoulout & Tariq, 2023, p. 70). И США, и ДТ были заинтересованы в заключении соглашения и были уверены в позитивной роли Катара как посредника — этим можно объяснить его активную роль в продвижении мирной инициативы и его усилия по преодолению тяжелых ситуаций в процессе переговоров.

При этом Катар не стремится идти на риск и активно включаться в те переговоры, которые с высокой вероятностью будут провальными, поскольку провал может нанести удар по его репутации. Это объясняет достаточно отстраненное участие катарцев в межафганских переговорах, на которых афганцы и сами не хотели привлекать представителей других стран. Провал мирного процесса нельзя связать с действиями Дохи как посредника, поскольку изначально интересы сторон были слишком разные, а позиции одной из них — талибов — начали со временем усиливаться настолько, что своих целей она смогла достичь и без переговоров.

В-третьих, в случае с Афганистаном Катар не стал прибегать к материальным стимулам для подталкивания сторон конфликта к мирному урегулированию, что было присуще раннему опыту катарского посредничества. С критикой в «подкупе» сторон Катар сталкивался при урегулировании кризиса в Йемене в 2007 г.¹⁸, при попытке достичь прекращения огня между Израилем и ХАМАС в 2009 г. (Rabi, 2009, p. 459) и при разрешении кризиса вокруг Дарфура в 2010 г.¹⁹ Во всех этих случаях Катар был готов предоставить отдельным

сторонам конфликта значительные суммы на развитие и восстановление. Однако недавнее посредничество Катара в решении афганской проблемы показывает, что материальные стимулы больше не являются приоритетной стратегией для Дохи, хотя сам Афганистан как в республиканский период, так и при талибах остро нуждается во внешних инвестициях.

Таким образом, на примере ситуации с афганским конфликтом становится заметно, что посредническая политика Катара претерпела определенные изменения. Очевидно, что для Дохи посредничество — один из ключевых инструментов внешней политики, который она стремится использовать грамотно и куда более осторожно, чем раньше, чтобы как можно сильнее дистанцироваться от тех обвинений, с которыми страна столкнулась во время дипломатических кризисов в 2011–2013 гг. и 2017–2021 гг.

Заключение

За последние несколько десятилетий Государство Катар сумело выйти из-под влияния Саудовской Аравии, сформировать суверенную внешнюю политику, превратиться во влиятельного ближневосточного игрока и повысить свою значимость на мировой арене, чему во многом способствовала последовательная политика Дохи по содействию в урегулировании международных кризисов. При этом расширилась и роль Катара как посредника: от помощи в разрешении небольших локальных столкновений и споров в регионе страна перешла к посредничеству в крупных вооруженных конфликтах, таких как афганская проблема или текущий конфликт между Израилем и ХАМАС²⁰.

¹⁸ Yemen: Defusing the Saada Time Bomb // Crisis Group Middle East Report. 2009. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/icg/0016493/f_0016493_14249.pdf (accessed: 09.04.2025).

¹⁹ Donors Conference Approves Qatar's Proposal of Establishing Darfur Development Bank // ReliefWeb. March 21, 2010. URL: <https://reliefweb.int/report/sudan/donors-conference-approves-qatars-proposal-establishing-darfur-development-bank> (accessed: 09.04.2025).

²⁰ Аль-Малки Ф.Х., Садыгзаде М. Феномен малой державы: Государство Катар как часть мирового большинства // Российский совет по международным делам. 14.04.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-maloy-derzhavy-gosudarstvo-katar-kak-chast-mirovogo-bolshinstva/> (дата обращения: 14.04.2025).

Накопленный опыт в урегулировании споров различного масштаба в совокупности с умением эффективно организовать переговорный процесс позволили Катару завоевать репутацию результативного и беспристрастного медиатора как на Ближнем Востоке, так и за его пределами. Это ярко продемонстрировал в том числе недавний конфликт в Демократической Республике Конго, где именно Катару, а не Африканскому союзу или странам Европы удалось собрать за столом переговоров руководителей ДРК и Руанды, оказывающей поддержку группировке М23²¹. И хотя стороны неоднократно возобновляли ведение боевых действий, а полноценное урегулирование конфликта в ближайшем будущем маловероятно, стороны по-прежнему видят в Дохе главную площадку для переговоров²².

Кроме того, активная вовлеченность Катара в посредничество на переговорах между США и талибами позволила стране в целом закрепить за собой статус одного из важнейших игроков на афганском направлении, что еще сильнее укрепило геополитические позиции Катара, если учесть, насколько актуальным до сих пор остается вопрос Афганистана в международной повестке.

Изучение опыта Катара подтверждает, что малые государства могут играть значимую роль в мировой политике, если их руководство способно выработать долгосрочную и эффективную внешнеполитическую линию, включающую прагматизм, дипломатическую гибкость, умение балансировать и адаптироваться к меняющимся условиям. Поэтому крайне важно учитывать их присутствие на мировой арене и выстраивать с ними конструктивные отношения.

Поступила в редакцию / Received: 14.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 09.09.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Васильев А. М., Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. Часть 1 // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 2–9. <https://doi.org/10.31857/s032150750006519-2>; EDN: HOCDDWO
- Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 6. С. 55–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05>; EDN: NUMSJI
- Мачитидзе Г. Г. США — Талибан: сравнительный анализ этапов переговоров // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11, № 1. С. 65–74. EDN: ACFKWN
- Мелкумян Е. С. Катар и «Талибан» в контексте изменения ситуации в Афганистане // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2022. № 4. С. 182–193. <https://doi.org/10.31857/s086919080020625-4>; EDN: ASYZWW
- Мелкумян Е. С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11, № 1. С. 108–137. EDN: VBNHYE
- Тюкаева Т. И. Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 10. С. 94–107. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-94-107>; EDN: NGRYDA
- Alqashouti M. Qatar Mediation: From Soft Diplomacy to Foreign Policy // *Contemporary Qatar* / ed. by M. Zweiri, F. Al-Qawasmi. Singapore : Springer Singapore, 2021. P. 73–92. https://doi.org/10.1007/978-981-16-1391-3_6

²¹ Гамандий-Егоров М. Катар в роли посредника между Руандой и ДР Конго // *Новое Восточное Обозрение*. 24.03.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/03/24/katar-v-rol-i-posrednika-mezhdu-ruandoj-i-dr-kongo/> (дата обращения: 20.05.2025).

²² Mills A., Rolley S. Congo and M23 Rebels Resume Peace Talks in Doha, Sources Say // *Reuters*. May 6, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/congo-m23-rebels-resume-peace-talks-doha-sources-say-2025-05-06/> (accessed: 20.05.2025).

- Al-Tamimi N., Amin A., Zarrinabadi N.* Qatar's Nation Branding and Soft Power : Exploring the Effects on National Identity and International Stance. Cham, Switzerland : Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-24651-7>
- Kabalan M.* Actors, Structures and Qatari Foreign Policy // *Al-Muntaqa*. 2019. Vol. 2, no. 2. P. 61–82. <https://doi.org/10.31430/almuntaqa.2.2.0061>
- Kamrava M.* Mediation and Qatari Foreign Policy // *The Middle East Journal*. 2011. Vol. 65, no. 4. P. 539–556. <https://doi.org/10.3751/65.4.11>
- Miller R., Al-Mansouri K.* Qatar's Foreign Policy Engagement with the European Union: Evolving Priorities of a Small State in the Contemporary Era // *Comillas Journal of International Relations*. 2016. No. 5. P. 46–64.
- Miller R., Verhoeven H.* Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf // *International Politics*. 2020. Vol. 57, iss. 1. P. 1–20. <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00180-0>; EDN: JNXKTN
- Milton S., Elkahoul G., Tariq S.* Qatar's Evolving Role in Conflict Mediation // *Mediterranean Politics*. 2023. Vol. 30, iss. 1. P. 53–77. <https://doi.org/10.1080/13629395.2023.2266665>
- Minich R.* Conflict Mediation: The Qatari Experience // *Historia i Polityka*. 2015. Vol. 14, no. 21. P. 121–133. URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/519870.pdf> (accessed: 10.04.2025).
- Rabi U.* Qatar's Relations with Israel: Challenging Arab and Gulf Norms // *The Middle East Journal*. 2009. Vol. 63, no. 3. P. 443–459. <https://doi.org/10.3751/63.3.15>
- Roberts D.B.* The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. 2016. No. 5. P. 1–17. <https://doi.org/10.14422/cir.i05.y2016.001>
- Schrodt Ph.A., Gerner D.J.* An Event Data Analysis of Third-Party Mediation in the Middle East and Balkans // *The Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 48, iss. 3. P. 310–330. <https://doi.org/10.1177/0022002704264137>; EDN: JNGONT
- Umar S., Ghurab S.* The 2017 Gulf Crisis and Changes in Qatar's Economic Landscape // *Social Change in the Gulf Region* / ed. by M.M. Rahman, A. Al-Azm. Singapore : Springer, 2023. P. 457–473. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7796-1_27

Сведения об авторах:

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 5857-3760; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: shpakovskaya_ma@pfur.ru

Грызлов Глеб Владимирович — аспирант, лаборант-исследователь кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; программный координатор, Российский совет по международным делам; Российская Федерация, 119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8; ORCID: 0009-0005-9416-2231; e-mail: 1142230176@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-733-757
EDN: MOIRVF

Научная статья / Research article

Центральноафриканский парадокс безопасности: активное международное вмешательство на фоне затяжного конфликта

Т. Н. Кирикова¹ , А. В. Худайкулова²

¹Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

²МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 kirikova.tn7@gmail.com

Аннотация. Несмотря на внушительный потенциал и темпы роста, Африканский континент пока не смог преодолеть свою главную проблему — конфликты, которые в некоторых странах приобрели чуть ли не хронический характер. В силу ощутимых последствий этих конфликтов не только для самих африканских стран, но и для мира в целом установление и поддержание мира и безопасности в Африке остается приоритетной повесткой для международного сообщества. Центральноафриканская Республика (ЦАР) — одна из беднейших стран мира, без выхода к морю, но богатая природными ресурсами — в полной мере ощутила всю тяжесть последствий от нескончаемой череды переворотов, слабого управления и конфликтов. С середины 1990-х гг. здесь было проведено более десятка миротворческих операций. ЦАР стала своего рода «лабораторией» для всех возможных видов вмешательства — многомерных стабилизационных операций, учебных, наблюдательных, консультационных, военных миссий и операций по поддержанию мира и миростроительству. В миротворческом «марафоне» в ЦАР принимали участие не только Организация Объединенных Наций (ООН), но и различные региональные организации: Африканский союз (АС), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС), Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (СЕМАК), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Европейский союз (ЕС), а также отдельные страны — Франция и, в некоторой степени, Россия. Несмотря на десятки международных вмешательств, внутривнутриполитическая ситуация в стране долгое время оставалась нестабильной, что представляет собой центральноафриканский парадокс безопасности. С целью его изучения была рассмотрена динамика многочисленных миротворческих операций с 1997 г., при этом на основе произошедших качественных изменений ситуации с безопасностью выделены три основных этапа международного вмешательства. Методологической основой исследования выступает качественный сравнительный анализ, позволяющий выявить устойчивые комбинации факторов, определяющих эффективность или неэффективность международных миссий в условиях затяжных конфликтов. По итогам проведенного исследования выявлены основные причины невысокой эффективности международного миротворчества в ЦАР.

Ключевые слова: Африка, ЦАР, ООН, АС, ЕС, Франция, миротворчество, международное вмешательство, провайдеры безопасности

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кирикова Т. Н., Худайкулова А. В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Кирикова Т.Н.: концептуализация, проведение полевых исследований, разработка методологии и теоретической рамки. Худайкулова А.В.: написание, редактирование и перевод текста. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Кирикова Т.Н., Худайкулова А.В. Центральнаяафриканский парадокс безопасности: активное международное вмешательство на фоне затяжного конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 733–757. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-733-757>

Central Africa's Security Paradox: Active International Intervention amid Protracted Conflict

Tatiana N. Kirikova¹ , Alexandra V. Khudaykulova²

¹Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 kirikova.tn7@gmail.com

Abstract. Despite its considerable potential and growth rates, the African continent has not yet overcome its main challenge: conflicts, which have become almost chronic in some countries. Given the tangible consequences of these conflicts for both African countries and the rest of the world, establishing and maintaining peace and security in Africa remains a priority for the international community. The Central African Republic (CAR), one of the world's poorest countries, landlocked but rich in natural resources, has experienced the full impact of endless coups, weak governance and conflict. Since the mid-1990s, more than a dozen peacekeeping operations have been conducted here. The CAR has become a kind of 'laboratory' for all possible types of intervention, including multidimensional stabilization operations, training, observation, advisory, military missions and peacekeeping and peacebuilding operations. The peacekeeping 'marathon' in the CAR involved a multitude of actors, including the United Nations (UN), the African Union (AU), the Economic Community of Central African States (ECCAS), the Economic and Monetary Community of Central Africa (CEMAC), the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA) and the European Union (EU), as well as individual countries, such as France and, to some extent, Russia. Despite these interventions, the domestic political situation in the country remained unstable for a long time, representing the Central African security paradox. To study this issue, the dynamics of numerous peacekeeping operations since 1997 were examined, and three main stages of international intervention were identified based on qualitative changes in the security situation. The present study is based on a qualitative comparative analysis, which enables to identify stable combinations of factors that determine the effectiveness or ineffectiveness of international missions in protracted conflicts. The study reveals the main reasons for the limited effectiveness of international peacekeeping in the CAR.

Key words: Africa, CAR, UN, AU, EU, France, peacekeeping, international intervention, security providers

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. T.N. Kirikova: conceptualization, field studies, development of research methodology and theoretical framework. A.V. Khudaykulova: text writing, editing and translation. Both authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Kirikova, T.N., & Khudaykulova, A.V. (2025). Central Africa's security paradox: Active international intervention amid protracted conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 733–757. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-733-757>

Введение

Африка изобилует природными ресурсами, однако не в состоянии воспользоваться своими богатствами для достижения независимости и процветания, все еще оставаясь «аутсайдером в мировом хозяйстве» (Абрамова, 2018). Центральнаяафриканская Республика (ЦАР) представляет собой наглядный пример данного парадокса. Несмотря на наличие полезных ископаемых, страна остается одной из беднейших в мире, занимая 191-е место из 193 по Индексу человеческого развития¹. Несколько десятилетий подряд ЦАР сотрясают государственные перевороты и конфликты, которые были облечены в оболочку межэтнических

и межконфессиональных противоречий. Эти факторы сделали страну весьма уязвимой для внешнего влияния, что в конечном счете привело к широкому спектру международного вмешательства, будь то миротворческие операции ООН, миссии Евросоюза либо односторонние военные интервенции бывшей метрополии Франции, которая все еще пытается сохранить свое влияние в этой стране.

Несмотря на десятки сменяющих друг друга миротворческих операций (рис. 1), внутривластительная ситуация в стране пока еще далека от нормализации, что и представляет собой *центральноафриканский парадокс безопасности*, анализу которого посвящено данное исследование.

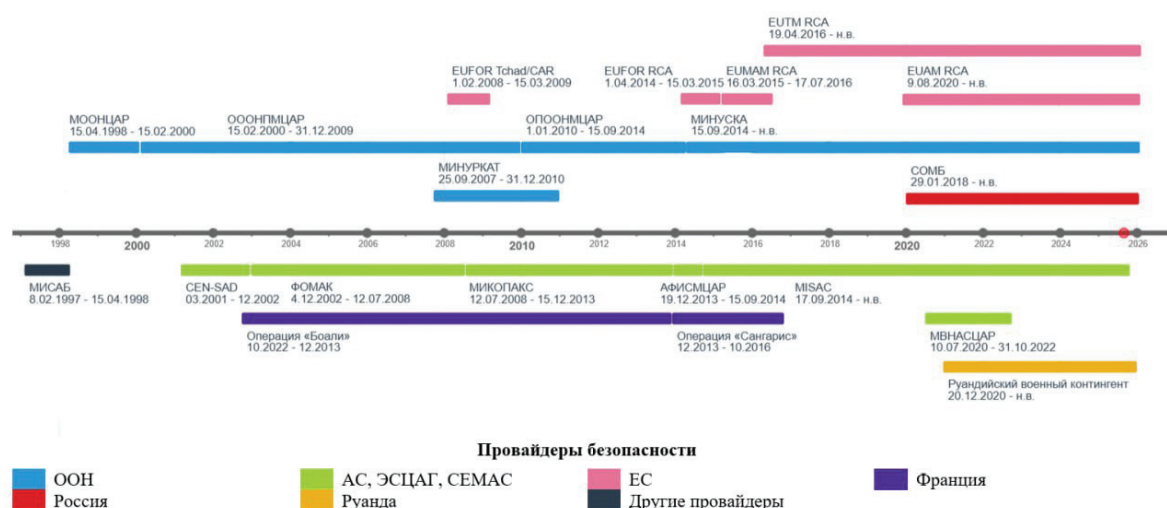

Рис. 1. Международное вмешательство в ЦАР с 1996 г. по наст. вр.

Источник: составлено Т.Н. Кириковой и А.В. Худайкуловой.

Методология исследования и обзор литературы

Для анализа международного вмешательства на территории ЦАР с 1996 г. по настоящее время авторы применяют историко-хронологический подход, выделяя три этапа:

- 1996–2013 гг. — нарастание миротворческого присутствия;
- 2013–2018 гг. — ухудшение ситуации с безопасностью;

– 2018 г. — наст. вр. — новый подход к урегулированию ситуации, связанный в том числе с деятельностью российских инструкторов (Содружество офицеров за международную безопасность, СОМБ). Выделение этих этапов обусловлено качественным изменением ситуации с безопасностью в ЦАР. По каждому из этапов приведены основные кейсы международного вмешательства, их динамика, вызовы и последствия. Также применяется историко-генетический подход, позволяющий

¹ The 2025 Human Development Report // United Nations Development Programme. May 6, 2025. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf> (accessed: 20.08.2025).

продемонстрировать генезис миротворческих операций и их преемственность.

Новизна исследования заключается в комплексном изучении всего многообразия случаев международного вмешательства в ЦАР за последние несколько десятилетий. На основе проведенного анализа подведены итоги «миротворческого марафона» и сделаны заключительные выводы.

Существующую англо- и франкоязычную литературу по теме исследования условно можно сгруппировать по нескольким направлениям. Так, часть экспертов анализирует деятельность Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА) (Gilder, 2021), а также роль локального контекста при планировании интервенций (Piquard, 2022). Другая часть рассматривает влияние внешней поддержки и институциональных факторов на боеспособность вооруженных группировок (Duursma, 2022). Отдельно освещается работа Специального уголовного суда как одного из элементов миростроительства (Pérez-León-Acevedo, 2021). Также исследуются социальные последствия конфликта (Lombard & Picco, 2021).

В русскоязычном массиве исследований по ЦАР также представлено не так много работ. Следует отметить фундаментальную коллективную монографию по миротворчеству (Миротворчество в многополярном мире, 2024). Отдельные исследования посвящены сравнению эффективности деятельности МИНУСКА и российских военных специалистов (Бовдунов, 2023). Интерес представляют исследования по анализу медиаобразов и восприятию российского участия (Исаев, Шишкина, Ликумович, 2023; Хромов, Накунне Яндоко, 2024). Проблематика ЦАР освещается также в исследованиях, посвященных внешнеполитическому позиционированию страны (Филиппов, 2014), в более общих работах в контексте кризиса «Франсафрик» (Филиппов, 2024) и в исследованиях экономики войны (Денисова, Костелянец, 2019).

Методологической основой исследования выступает качественный сравнительный анализ (*Qualitative Comparative Analysis*, QCA),

предложенный Ч. Рейгином (Ragin, 1987). Применение QCA позволяет выявить устойчивые комбинации факторов, определяющих эффективность или неэффективность международных миссий в условиях затяжных конфликтов. В работе используется вариант *crisp-set QCA*, при котором каждая переменная имеет бинарное значение (1 — наличие признака, 0 — его отсутствие). Такой формат анализа позволяет обобщить институциональные и политические различия между миссиями, сохраняя при этом их логическую сопоставимость.

В рамках проведения QCA были operationalизированы шесть факторов, отражающих ключевые параметры миссий: INSTIT — институциональная преемственность (наличие координации между мандатами), LOCINV — степень вовлеченности национальных акторов, COORD — уровень международной координации (ООН, Африканского союза (АС), Европейского союза (ЕС), Экономического сообщества стран Центральной Африки (ЭКЦАС)), MILCOMP — наличие военного компонента, FINSTAB — финансовая устойчивость миссии, LEGIT — уровень общественной поддержки миссии.

Переменная RESULT является зависимой и показывает, была ли миссия условно эффективной или неэффективной. Оценка проводится по четырем взаимодополняющим критериям: динамика насилия, сохранение политической стабильности в течение года после завершения мандата, институциональная состоятельность государственных структур, а также легитимность миссии, измеряемая через общественную поддержку и отсутствие протестов. Миссии, удовлетворяющие трем и более из указанных критериев, кодировались как RESULT = 1 (высокая или частичная эффективность), остальные — как RESULT = 0 (низкая эффективность).

Таким образом, критерии измеряют результативность международного вмешательства, а сами факторы объясняют, какие структурные сочетания условий обеспечивали (или не обеспечивали) эту результативность.

Эмпирическую основу исследования составляет обширный массив данных о миротворческих миссиях и операциях, действовавших в Центральноафриканской Республике в 1997–2025 гг. Информация была собрана из официальных документов ООН, Африканского союза, ЭКОЦАС, Европейского союза, а также аналитических баз данных — ACLED (*Armed Conflict Location & Event Data*)², Программы развития ООН (*United Nations Development Programme, UNDP*)³ и отчетов международных исследовательских центров (*International Crisis Group*⁴, *ISS Africa*⁵).

Использование данных ACLED (рис. 2) в данном исследовании обусловлено необходимостью задать измеримый и сопоставимый критерий для оценки динамики политического насилия в Центральноафриканской

Республике в анализируемый период. В рамках анализа такие количественные данные применяются не как единственный источник истины, а как эмпирическая основа для кодирования переменной RESULT. Авторы исходят из того, что даже «объективные» базы данных имеют свои методологические ограничения (Бовдунов, 2023, с. 484–485). Данные, содержащиеся в них, зависят в том числе от открытых источников, что делает их чувствительными к внешним факторам. Рост числа зафиксированных инцидентов в ЦАР в последние годы необязательно отражает рост реального насилия. Зачастую он связан с улучшением систем мониторинга, расширением присутствия неправительственных организаций, развитием мобильной связи и сетей передачи данных, а также с общим повышением прозрачности конфликта.

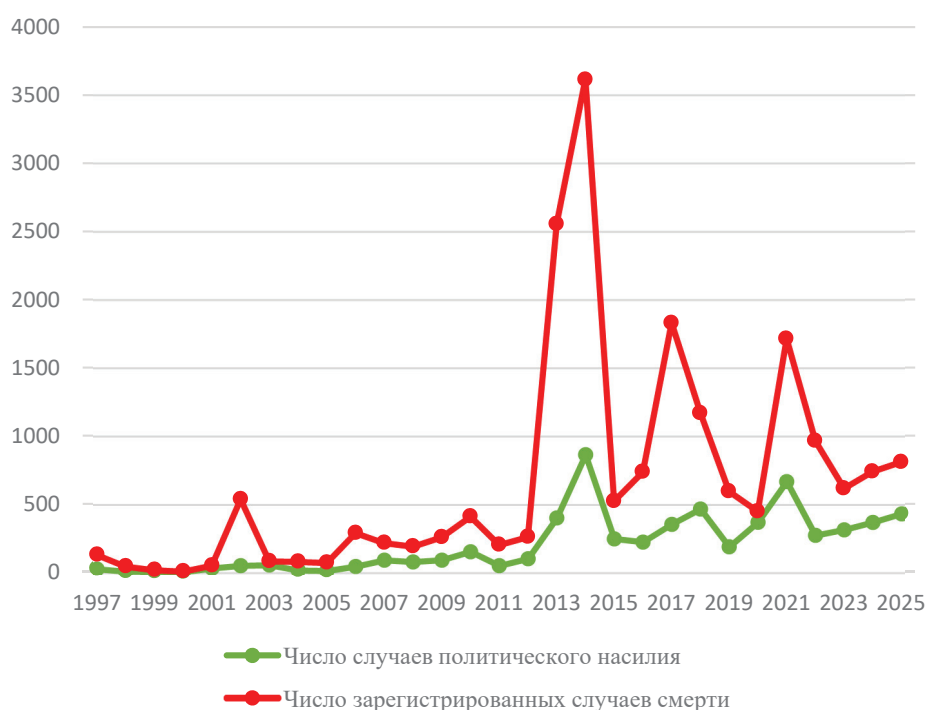

Рис. 2. Динамика политического насилия и числа погибших в ЦАР в 1997–2025 гг.

Источник: составлено Т.Н. Кириковой и А.В. Худайкуловой по данным ACLED: Conflict Data // ACLED. 2025. URL: <https://acleddata.com/conflict-data> (accessed: 24.10.2025).

² Conflict Data // ACLED. 2025. URL: <https://acleddata.com/conflict-data> (accessed: 24.10.2025).

³ Human Development Data // United Nations Development Programme. 2025. URL: <https://hdr.undp.org/data-center> (accessed: 24.10.2025).

⁴ Central African Republic // International Crisis Group. 2025. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/central-africa/central-african-republic> (accessed: 24.10.2025).

⁵ Africa Report // Institutes for Security Studies. 2025. URL: <https://issafrica.org/research/africa-report> (accessed: 24.10.2025).

Интерпретация данных ACLED в качественном сравнительном анализе позволяет трактовать эффективность не как одномерное понятие «мира», а как комбинацию деэскалации, институционального восстановления и территориальной консолидации. Переменная RESULT в данном контексте выступает не прямым измерением уровня насилия, а индикатором конфигурационной успешности миссий, зависящей от сочетания факторов INSTIT, LOCINV, COORD, MILCOMP, FINSTAB и LEGIT:

$$\text{RESULT} = f(\text{INSTIT}, \text{LOCINV}, \text{COORD}, \text{MILCOMP}, \text{FINSTAB}, \text{LEGIT}).$$

Такое комбинированное кодирование позволяет минимизировать влияние субъективности и политической конъюнктуры, соединяя в одном показателе как «жесткие» данные (ACLED), так и институциональные критерии эффективности.

Это позволяет выявить логические конфигурации, при которых миссии демонстрируют положительные исходы, и сопоставить их с комбинациями, ведущими к провалам. Иными словами, QCA используется не только для оценки, но и для обнаружения устойчивых закономерностей, определяющих различия в результативности международных операций в ЦАР в 1997–2025 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Матрица качественного сравнительного анализа миссий в ЦАР, 1997–2025 гг.

№	Миссия / операция	INSTIT	LOCINV	COORD	MILCOMP	FINSTAB	LEGIT	RESULT
1	МИСАБ	0	0	0	1	0	0	0
2	МООНЦАР	0	0	1	1	0	0	0
3	ООНПМЦАР	0	0	1	0	0	0	0
4	ОПООНМЦАР	1	0	1	0	0	0	0
5	ФОМАК	0	0	1	1	0	0	0
6	Операция «Боали»	0	0	0	1	1	0	0
7	МИКОПАКС	0	1	1	1	0	1	0
8	EUFOR Tchad/CAR	0	0	1	1	1	0	0
9	МИНУРКАТ	1	0	1	1	0	0	0
10	АФИСМЦАР	1	0	1	1	0	0	0
11	Операция «Сангарис»	1	0	1	1	1	0	0
12	МИНУСКА	1	1	1	1	1	0	1
13	EUFOR RCA	1	0	1	1	1	0	0
14	EUMAM RCA	1	0	1	0	1	0	0
15	EUTM RCA	1	1	1	0	1	1	0
16	EUAM RCA	1	1	1	0	1	1	0
17	СОМБ	1	1	1	1	1	1	1
18	Руандийский контингент	1	1	1	1	1	1	1
19	МВНАСЦАР	1	0	1	0	0	0	0

Примечания. Расшифровка аббревиатур названий миссий: МИСАБ — Межафриканская миссия по наблюдению за выполнением Бангийских соглашений; МООНЦАР — Миссия Организации Объединенных Наций в Центральноафриканской Республике; ООНПМЦАР — Отделение ООН по поддержке миростроительства в ЦАР; ОПООНМЦАР — Объединенное представительство ООН по миростроительству в ЦАР; ФОМАК — Многонациональные силы в ЦАР Экономического и валютного сообщества Центральной Африки; МИКОПАКС — Миссия по укреплению мира в Центральноафриканской Республике; EUFOR Tchad/CAR — Военная миссия Европейского союза в Чаде и ЦАР; МИНУРКАТ — Миссия Организации Объединенных Наций в ЦАР и Чаде; АФИСМЦАР — Международная миссия под африканским руководством по поддержке ЦАР; МИНУСКА — Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в ЦАР; EUFOR RCA — Военная операция Европейского союза в Центральноафриканской Республике (*European Union military operation in the Central African Republic*); EUMAM RCA — Военная консультативная миссия Европейского союза в Центральноафриканской Республике (*European Union Advisory Mission in the Central African Republic*); EUTM RCA — Военная учебная миссия Европейского союза в Центральноафриканской Республике (*European Union Military Training Mission in Central African Republic*); EUAM RCA — Гражданская консультативная миссия Европейского союза в Центральноафриканской Республике (*European Union Advisory Mission in Central African Republic*); СОМБ — Содружество офицеров за международную безопасность; МВНАСЦАР — Миссия военных наблюдателей Африканского союза в Центральноафриканской Республике.

Источник: составлено и рассчитано Т.Н. Кириковой и А.В. Худайкуловой на основании официальных документов ООН, Африканского союза, ЭКОЦАС, Европейского союза, а также аналитических баз данных ACLED, UNDP и отчетов международных исследовательских центров *International Crisis Group* и *ISS Africa: Conflict Data* // ACLED. 2025. URL: <https://acleddata.com/conflict-data> (accessed: 24.10.2025); *Human Development Data* // United Nations Development Programme. 2025. URL: <https://hdr.undp.org/data-center> (accessed: 24.10.2025); *Central African Republic* // International Crisis Group. 2025. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/africa/central-africa/central-african-republic> (accessed: 24.10.2025); *Africa Report* // Institutes for Security Studies. 2025. URL: <https://issafrica.org/research/africa-report> (accessed: 24.10.2025).

Сопоставление факторов качественного сравнительного анализа с результативностью позволяет перейти к содержательному сравнению логик двух типов миротворчества — либеральной и реалистской. Это сравнение раскрывает, почему миссии с одинаковыми мандатами достигали разных результатов и как институциональная структура вмешательства влияла на эффективность этих миссий.

Этап 1 (1996–2013 гг.): расширение миротворческого присутствия

Первый этап международного вмешательства заложил фундамент будущего центральноафриканского парадокса безопасности, продемонстрировав, что даже региональные инициативы не способны устранить коренные причины нестабильности в ЦАР (табл. 2). Каждая миссия, по факту, становилась попыткой «залатать дыры» в сфере безопасности и на деле воспроизводила все существующие институциональные и политические ограничения. Изучение данного этапа через призму историко-генетического анализа позволяет выделить три ключевые проблемы: патологическую зависимость ЦАР от бывшей метрополии, хроническое несоответствие мандатов и ресурсов текущим потребностям страны, а также отсутствие преемственности и единой политической стратегии миротворческих миссий.

Межафриканская миссия по наблюдению за выполнением Бангийских соглашений (МИСАБ)

МИСАБ стала первой африканской миротворческой миссией в ЦАР и была сформирована 25 января 1997 г. по просьбе президента А.-Ф. Патассе. На тот момент она стала символом стремления региональных лидеров, в первую очередь Габона и Чада, продемонстрировать самостоятельность в попытках

урегулировать возникший кризис без участия ООН. Однако провозглашенная «африканизация» миротворчества в случае МИСАБ оказалась весьма формальной. За этим фасадом скрывалась традиционная политика «Франсафрик», в рамках которой Париж сохранял рычаги влияния над ключевыми секторами экономики, вооруженными силами и внешней политикой своих бывших колоний (Филиппов, 2017, с. 404). Это подтверждалось тем, что материально-техническая и финансовая поддержка МИСАБ поступала главным образом от Франции (Olin, 2015, p. 198). Французские власти искали способ вывести свои войска из ЦАР, не рискуя полной дестабилизацией ситуации в Банги.

В связи с ухудшением политической ситуации и неадекватностью правовых рамок для вмешательства МИСАБ 7 июля 1997 г. президент Габона А. Бонго обратился с письмом к Генеральному секретарю ООН с просьбой о легитимизации действий миссии в соответствии с главой VII Устава Организации. В ответ Совет Безопасности (СБ) ООН 6 августа 1997 г. одобрил резолюцию 1125, которая «уполномочивала государства-члены, участвующие в МИСАБ, и государства, оказывающие материально-техническую поддержку, обеспечить безопасность и свободу передвижения их персонала»⁶. Невозможность прийти к однозначному пониманию по вопросу средств достижения этих целей обусловила неопределенность правового статуса миссии и предопределила ее судьбу.

Совет Безопасности постановил прекратить действие мандата МИСАБ и учредить Миссию Организации Объединенных Наций в Центральноафриканской Республике (МООНЦАР) в соответствии с пунктом 9 резолюции 1159 от 27 марта 1998 г., которая вступила в силу 15 апреля 1998 г. Этот шаг, с одной стороны, обеспечивал легитимность вмешательства, но с другой — окончательно закрепил зависимость региональной безопасности от внешнего управления.

⁶ Резолюция 1125 (1997), принятая Советом Безопасности на его 3808-м заседании 6 августа 1997 г. // Организация Объединенных Наций. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1125\(1997\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1125(1997)) (дата обращения: 20.08.2025).

Таблица 2. Миротворческие миссии в ЦАР, 1996–2003 гг.

Миссия	Состав / структура	Основные цели и задачи	Внешняя поддержка и финансирование	Основные события и документы	Итог / результаты	Причины ограниченной эффективности
МИСАБ	600 военных из 6 стран	Контроль за Бангийскими соглашениями и стабилизация	Франция (финансовая и логистическая помощь)	Резолюции СБ ООН 1125 (1997), 1159 (1998)	Частичная стабилизация, передача мандата ООН	Зависимость от Франции, слабая правовая база, отсутствие принуждения
МООНЦАР	1 350 военных и полицейских	Поддержание безопасности, наблюдение за выборами	Франция, ООН	Выборы 1999 г.	Завершена досрочно	Политизация мандата, отсутствие реформ безопасности
ООНПМЦАР	Гражданская миссия	Миростроительство, демократизация	ООН	Попытка переворота Ф. Бозизе (май 2001 г.)	Усиление нестабильности	Отсутствие военного компонента, неспособность контролировать ситуацию
ФОМАК	380–500 военных	Охрана президента, реформа армии	ЕС, Франция	Переворот Ф. Бозизе (15 марта 2003 г.), расширение контингента (2008 г.)	Преобразована в МИКОПАКС	Слабая координация, недостаток ресурсов
«Боали»	200 военных	Поддержка режима Бозизе, обучение армии	Франция	Пересмотр договора об обороне (2010 г.), секретные соглашения с ЮАР (2007 г.)	Сокращение присутствия	Постколониальная зависимость, внутреннее сопротивление
EUFOR Tchad/CAR	14 стран-участниц	Гуманитарная защита и безопасность	ЕС	Резолюция СБ ООН 1778 (2007)	Временная стабилизация	Ограниченный мандат, отсутствие стратегии
МИНУРКАТ	2 396 из 5 200 предусмотренных военных	Защита населения, мониторинг прав человека	ООН, ЕС	Резолюции СБ ООН 1778 (2007), 1923 (2010)	Завершена по просьбе Чада	Недоукомплектованность (46 % необходимого контингента), не хватало 14 из 18 военных вертолетов общего назначения и разведывательных вертолетов, отсутствие влияния
МИКОПАКС	400 + 360 ФОМАК + 400 ЮАР	Сдерживание «Селека», поддержание безопасности	ЭКОЦАС, АС	Либревильские соглашения (2013 г.), восстание «Селека»	Переход к АФИСМЦАР	Институциональная слабость ЭКОЦАС, отсутствие стратегии

Источник: составлено Т.Н. Кириковой и А.В. Худайкуловой на основании данных Библиотеки ООН, Совета ЕС и Совета мира и безопасности Африканского союза: United Nations Digital Library // United Nations. 2025. URL: <https://digitallibrary.un.org/> (accessed: 29.10.2025); Document Register // Council of the European Union. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents/public-register/> (accessed: 29.10.2025); Peace and Security Council Documents Archives — Communiqués and Documents // African Union. 2025. URL: <https://www.peaceau.org/en/resource/90-organ-peace-security-council> (accessed: 29.10.2025).

Миссия ООН в ЦАР (МООНЦАР)

В 1998 г. Франция добилась от ООН создания Миссии в Центральноафриканской Республике (МООНЦАР, MINURCA)⁷. Ее задачами стали управление регионом, обеспечение наблюдения за президентскими выборами и поддержание безопасности.

После победы А.-Ф. Патассе на выборах в 1999 г., несмотря на ожесточенные протесты оппозиции и невозможность выполнить все задачи миссии, ООН, стремясь как можно скорее свернуть МООНЦАР, официально признала результаты выборов, объявив их в целом свободными и справедливыми⁸. Это мнение поддержали наблюдатели от Европейского союза и Международной организации франкоязычных стран (МОФ, IOF)⁹.

МООНЦАР была выведена 1 апреля 2000 г., добившись определенных успехов, но, как и ее предшественница, не сумев реально повлиять на политическую и экономическую ситуацию в стране. Это наглядно продемонстрировало ограниченность формального миротворчества, способного обеспечить лишь временную стабилизацию без решения глубинных системных проблем.

Отделение ООН по поддержке миростроительства в ЦАР (ООНПМЦАР)

1 апреля 2000 г. МООНЦАР сменила миссия по миростроительству — Отделение ООН по поддержке миростроительства

в Центральноафриканской Республике (ООНПМЦАР)¹⁰. Изначально она была учреждена сроком на один год, но ее мандат неоднократно продлевался и действовал в итоге до 31 декабря 2009 г. Основные задачи ООНПМЦАР сводились к тому, чтобы «поддерживать усилия переходного правительства по консолидации мира и национальному примирению, укреплять демократические институты и способствовать мобилизации на международном уровне политической помощи и ресурсов для национального возрождения и экономического восстановления страны»¹¹.

В отличие от МООНЦАР в ООНПМЦАР отсутствовал военный контингент, что негативно сказалось на ситуации с безопасностью. В конечном итоге это привело к пятимесячной забастовке оппозиции, закончившейся 27–28 мая 2001 г. первой неудачной попыткой государственного переворота, предпринятой Франсуа Бозизе (Olin, 2015, p. 203). Продолжавшиеся в течение 10 дней столкновения в Банги фактически свели на нет тот хрупкий прогресс в области разоружения, достигнутый в рамках МИСАБ и МООНЦАР (Olin, 2015, p. 204). Попытки создания устойчивого мира в ЦАР столкнулись с отсутствием политической воли местных властей и нежеланием внешних доноров поддерживать долгосрочные и дорогостоящие программы стабилизации. Сочетание амбициозных целей по миростроительству и фактической беспомощности на местах превратило миссию в инструмент символического присутствия ООН, а не реального управления кризисом.

⁷ Резолюция 1159 (1998), принятая Советом Безопасности на его 3867-м заседании 27 марта 1998 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n98/083/21/pdf/n9808321.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

⁸ Ninth Report of the Secretary-General on the United Nations Mission in The Central African Republic (MINURCA) // Security Council Report. January 14, 2000. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/CAR%20S200024.pdf> (accessed: 24.10.2025).

⁹ Rapport de la Mission d'Observation des Elections Presidentielles du 19 Septembre 1999 // ACE Electoral Knowledge Network. URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/africa/CF/republique-centrafricaine-rapport-de-la-mission> (accessed: 24.10.2025).

¹⁰ Письмо Генерального секретаря от 3 декабря 1999 г. на имя Председателя Совета Безопасности ООН // Организация Объединенных Наций. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S/1999/1235&i=S/1999/1235_6828551 (дата обращения: 20.08.2025).

¹¹ Special Political Missions: Central African Republic. United Nations Peacebuilding Support Office in the Central African Republic (BONUCA) // United Nations. Field Missions Dashboard. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/content/repertoire/political-missions-and-offices> (accessed: 20.08.2025).

Многонациональные силы в ЦАР (ФОМАК) Экономического и валютного сообщества Центральной Африки

Последовавшая за переворотом гражданская война в ЦАР продолжалась с 2004 по 2007 г., что привело к массовому перемещению населения и гуманитарной катастрофе. В этот период на территории ЦАР функционировали несколько региональных миротворческих сил. В первую очередь, это Многонациональные силы в Центральноафриканской Республике (ФОМАК, FOMUC), развернутые Экономическим и валютным сообществом Центральной Африки при поддержке АС. По сути, создание африканских Многонациональных сил наблюдения в Центральноафриканской Республике можно рассматривать как попытку стран региона заменить завершившуюся МООНЦАР собственными силами урегулирования.

Однако мандат был пересмотрен после того, как 15 марта 2003 г. бывший командующий армией генерал Франсуа Бозизе совершил государственный переворот и сверг режим А.-Ф. Патассе. Проблемы с обеспечением национальной безопасности, имевшие место и до переворота, еще больше усугубились. В мае 2008 г., после прибытия дополнительного контингента из Камеруна, численность миротворцев была увеличена до 500 человек¹².

Решение СБ ООН о создании миссии и выделение финансирования со стороны Еврокомиссии в очередной раз институционализировали этот формат подчиненного участия, в котором африканская инициатива фактически

вписывалась в архитектуру внешнего управления кризисом. Прибывшие на следующий день после переворота французские войска в количестве 300 человек были задействованы в обеспечении охраны аэропорта Банги и эвакуации иностранных граждан¹³. 12 июля 2008 г. миссия ФОМАК была преобразована в Миссию по укреплению мира в Центральноафриканской Республике (МИКОПАКС, MISCORAX) и перешла под управление ЭКОЦАС.

Военная операция Франции «Боали»

Параллельно с ФОМАК в ЦАР действовала французская военная миссия «Боали» (*Boali*), начатая в октябре 2002 г. и продолжавшаяся до декабря 2013 г.¹⁴ С точки зрения своего целеполагания и функционала операция протекала в два этапа — до и после пересмотра договора об обороне в 2010 г. Первоначально французские вооруженные силы играли важную роль в обеспечении политической стабильности в ЦАР, поддерживая режим Ф. Бозизе. По сути, они обучали и консультировали армию ЦАР, а также предоставляли материально-техническую поддержку другим миротворческим миссиям в регионе. Под руководством Франции правительственные силы сражались с оппозицией в лице «Союза демократических сил за единство» (будущая «Селека»). Франция оказывала административно-техническую поддержку и проводила обучение подразделений регулярной армии в рамках двустороннего соглашения о военном сотрудничестве¹⁵.

¹² Доклад Генерального секретаря о положении в Центральноафриканской Республике и деятельности Отделения Организации Объединенных Наций по поддержке миростроительства в Центральноафриканской Республике в этой стране (S/2008/410) // Организация Объединенных Наций. 23.06.2003. URL: <https://docs.un.org/ru/S/2008/410> (дата обращения: 20.08.2025).

¹³ Доклад Генерального секретаря о положении в Центральноафриканской Республике и деятельности Отделения Организации Объединенных Наций по поддержке миростроительства в Центральноафриканской Республике (ОООНПМЦАР) (S/2003/661) // Организация Объединенных Наций. 20.06.2003. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n03/401/24/pdf/n0340124.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁴ Germain V., Rey N. 50 ans d'Opex en Afrique (1964–2014), Cahier du Retex // Centre de doctrine et d'enseignement du commandement. Septembre 2015. URL: https://ondesdechoc.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/10/germain_50-ans-d-opex-afrique_cdef_2015.pdf (accessed: 20.08.2025).

¹⁵ Loi n° 2011–426 du 20 avril 2011 autorisant l'approbation de l'accord entre le Gouvernement de la République française et le Gouvernement de la République centrafricaine instituant un partenariat de défense (1) // Légifrance. 21 avril 2011. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000023888307> (accessed: 20.08.2025).

Таким образом, в этот период стабильность в стране воспринималась как поддержание власти Ф. Бозизе, что придавало миссии выраженный политический характер.

Поскольку французская военная операция в Центральноафриканской Республике столкнулась с растущим сопротивлением внутри страны, Париж был вынужден сократить свое военное присутствие, что побудило Ф. Бозизе заключить два секретных соглашения с Южно-Африканской Республикой (ЮАР) в марте 2007 г. (Smith, 2015, p. 40).

В 2010 г. в результате пересмотра договора об обороне между Францией и Центральноафриканской Республикой стратегия Парижа изменилась. Поскольку французские войска больше не могли напрямую вмешиваться в случае угрозы правительству, акцент с поддержки режима сместился на защиту граждан европейских стран, находящихся на территории ЦАР¹⁶. Кроме того, невмешательство можно объяснить поддержкой «Селека» со стороны правительства Чада¹⁷.

Военная миссия Европейского союза в Чаде и ЦАР (EUFOR Tchad/CAR)

Эскалация конфликта на границе Чада и Судана привела к созданию 15 октября 2007 г. военной миссии Европейского союза в Чаде и Центральноафриканской Республике (EUFOR Tchad/CAR).¹⁸ Операция была призвана защитить

около 450 тыс. суданских беженцев и чадских перемещенных лиц в приграничном с Суданом регионе и облегчить доставку гуманитарной помощи, повысив уровень безопасности в этом районе в соответствии с мандатом, предусмотренным резолюцией 1778 СБ ООН от 25 сентября 2007 г.¹⁹

Операция проводилась в рамках Европейской политики безопасности и обороны²⁰ (ЕПБО, ныне — Общая политика безопасности и обороны, ОПБО) с согласия правительств Чада и ЦАР. Ее отличал многонациональный состав: 14 стран — членов ЕС присутствовали на местах, 19 — на театре военных действий и 22 — в штабе операции (ОНК) в Мон-Валериан (Франция). Париж, выступая инициатором миссии, использовал формат ЕС для перераспределения финансового и политического бремени, не отказываясь от контроля над оперативным управлением.

Несмотря на масштабное международное участие, EUFOR оставалась инструментом сдерживания, а не урегулирования конфликта, воспроизводя ту же модель ограниченного вмешательства, что и предыдущие миссии с французским участием.

Миссия Организации Объединенных Наций в ЦАР и Чаде (МИНУРКАТ)

Военная миссия Европейского союза стала временной мерой, подготовив почву для развертывания 15 марта 2009 г. военной составляющей

¹⁶ Saint Victor F. de. 45 ans d'opérations militaires françaises en République centrafricaine // L'Union Nationale de l'Arme Blindée Cavalerie Chars. 9 décembre 2013. URL: <https://www.unabcc.org/app/download/8475376/45+ans+en+RCA.pdf> (accessed: 20.08.2025).

¹⁷ Чад давно является союзником Франции в регионе. С 1969 г. Франция неоднократно принимала стабилизационные меры, и Чад играет все более важную роль в борьбе с терроризмом в Сахеле. См.: *Opérations en Afrique Centrale: Épervier et Boali* // Cahier du Retex. Centre de doctrine et d'enseignement du commandement. 2009. P. 29.

¹⁸ Acts Adopted under Title V of the EU Treaty. Council Joint Action 2007/677/CFSP of 15 October 2007 on the European Union Military Operation in the Republic of Chad and in the Central African Republic // Official Journal of the European Union. October 23, 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32007E0677&from=EN> (accessed: 20.08.2025).

¹⁹ Резолюция 1778 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5748-м заседании 25 сентября 2007 г. // Организация Объединенных Наций. URL: [https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S/RES/1778\(2007\)&i=S/RES/1778\(2007\)_3421834](https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S/RES/1778(2007)&i=S/RES/1778(2007)_3421834) (дата обращения: 20.08.2025).

²⁰ Европейская стратегия безопасности: безопасная Европа в лучшем мире // Совет Европейского союза. 2009. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/30825/qc7809568ruc.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

миссии Организации Объединенных Наций в Центральноафриканской Республике и Чаде (MINURCAT/МИНУРКАТ)²¹, уже на тот момент действующей в ЦАР.

МИНУРКАТ была уполномочена обеспечивать безопасность и защиту, а также проводить мониторинг и содействовать поощрению соблюдения прав человека и верховенству закона. Свою деятельность МИНУРКАТ координировала с Объединенным представительством ООН по миростроительству в ЦАР (ОПООНМЦАР).

Новый формат формально означал переход к универсальной модели миротворчества, но по факту воспроизводил прежние ограничения. В силу ограниченности своего мандата МИНУРКАТ не смогла добиться серьезных политических результатов. Основной причиной неудачи стало отсутствие реального политического влияния на руководство ЦАР на фоне нежелания последнего добиваться серьезного прогресса в процессе миростроительства (Olin, 2015, pp. 209–210). Кроме того, на качество миссии в рамках переходного периода сказалась недоукомплектованность личного состава и нехватка материально-технической базы.

МИНУРКАТ завершила свой мандат 31 декабря 2010 г. в соответствии с резолюцией 1923 СБ ООН²² и по настоянию правительства Чада, которое взяло на себя всю ответственность по защите своего гражданского населения. После вывода миссии в Чаде остались сотрудники странового отделения

ООН и ОПООНМЦАР, которые продолжали заниматься вопросами защиты местного населения.

Миссия по укреплению мира в Центральноафриканской Республике (МИКОПАКС)

12 июля 2008 г. была учреждена Миссия по укреплению мира в Центральноафриканской Республике, преобразованная из ФОМАК, перешедшая под управление ЭКОЦАС и просуществовавшая до 2013 г.²³ В состав МИКОПАКС вошли конголезские и камерунские солдаты. В связи с восстанием «Селека» к ним присоединились 760 военнослужащих ФОМАК для защиты гражданского населения в Банги. ЮАР направила 400 военнослужащих для поддержки президента Бозизе²⁴.

Именно действия миротворцев МИКОПАКС не позволили «Селека» захватить Банги. Однако миротворцы не смогли полностью отразить все атаки.

По итогам мирных переговоров, проходивших в Либревиле в рамках ЭКОЦАС 8–11 января 2013 г.²⁵, между правительством ЦАР и повстанческой коалицией «Селека» были подписаны два рамочных протокола (о прекращении огня и открытии гуманитарных коридоров) и уточняющий третий протокол. Четвертый протокол касался главным образом политической повестки. В совокупности эти документы известны как

²¹ Резолюция 1861 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6064-м заседании 14 января 2009 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n09/208/46/pdf/n0920846.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

²² Резолюция 1923 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6321-м заседании 25 мая 2010 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n10/375/72/pdf/n1037572.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

²³ Peace and Security Council 299th Meeting. Addis Ababa, Ethiopia. PSC/PR/COMM.(CCXCIX). Communique // African Union. November 22, 2011. URL: <https://africanlii.org/akn/aa-au/doc/communique/pscau/2011/299/eng@2011-11-22/source.pdf> (accessed: 20.08.2025).

²⁴ Военные ЮАР будут защищать президента ЦАР // RT. 06.01.2013. URL: <https://russian.rt.com/article/2756> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁵ Резолюция 2088 (2013), принятая Советом Безопасности на его 6907-м заседании 24 января 2013 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/216/30/pdf/n1321630.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

«Либревильские соглашения»²⁶. Президент Бозизе согласился не баллотироваться на пост президента после завершения своего срока в 2016 г., распустить парламент, назначить правительство национального единства, включающее представителей всех пяти сторон мирных переговоров, и организовать новые выборы в течение 12 месяцев²⁷.

Очевидно, что ЭКОЦАС, делая ставку на стратегию «микроуправления», оказалась не в состоянии справиться с кризисом в одиночку, что усилило общее давление на АС с требованием вмешаться в ситуацию в ЦАР. В результате на смену пришла Международная миссия поддержки в Центральноафриканской Республике (АФИСМЦАР), перешедшая под руководство африканских государств, которая заменила и инкорпорировала МИКОПАКС. Это решение было одобрено СБ ООН в резолюции 2127 от 5 декабря 2013 г., санкционировавшей развертывание АФИСМЦАР на 12-месячный период, а также передачу находившиеся в стране иностранных миротворческих сил²⁸.

Этап 2 (2013–2018 гг.): ухудшение ситуации

Второй этап начался с эскалации конфликта в ЦАР до уровня полномасштабной гражданской войны, гуманитарной катастрофы и перехода к экстренным многоуровневым интервенциям под руководством Африканского союза и ООН (табл. 3). Ключевым парадоксом этапа стало то, что интернационализация, призванная решить проблему, на деле привела к ее институционализации. Кризис перешел в вялотекущий, управляемый извне

процесс, где сами миротворческие структуры стали неотъемлемым элементом политико-экономического ландшафта, но не катализатором его трансформации. Историко-генетический анализ позволяет выделить три новые системные проблемы, наложившиеся на старые: подмену политической стратегии урегулирования кризиса миротворческим администрированием, криминализацию присутствия международных сил в ЦАР и их интеграцию в локальные балансы сил.

Международная миссия под африканским руководством по поддержке ЦАР (АФИСМЦАР)

АФИСМЦАР создавалась для восстановления стабильности в стране после государственного переворота, произошедшего в марте 2013 г. Миссия, возглавляемая Африканским союзом и поддерживаемая ООН, была запущена 19 декабря 2013 г. после длительного периода консультаций и координации с ЭКОЦАС в рамках официальной церемонии передачи полномочий. Развертывание АФИСМЦАР происходило довольно медленными темпами, учитывая позицию ЭКОЦАС.

Миссия позиционировалась как проект смешанного типа, созданный исключительно африканскими странами. Однако посредническая роль АС была воспринята с некоторым предубеждением из-за поддержки, оказанной Ф. Бозизе со стороны ЮАР и лично президента Джейкоба Зумы. Возглавил новую миссию Жан-Мари Мишель Мококо, специальный представитель председателя Комиссии АС, генерал из Республики Конго и политический оппонент президента Республики Конго Д. Сассу-Нгессо.

²⁶ Communiqué de presse la 350ème réunion du conseil de paix et de sécurité-RCA // African Union. January 16, 2013. URL: <https://www.peaceau.org/fr/article/communiqué-de-presse-la-350eme-reunion-du-conseil-de-paix-et-de-securite#:~:text=Le%20Conseil%20a%20salu%C3%A9%20l,conclus%20par%20les%20parties%20centrafricaines> (accessed: 20.08.2025).

²⁷ Доклад Генерального секретаря о положении в Центральноафриканской Республике (S/2013/261) // Организация Объединенных Наций. 03.05.2013. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/318/81/pdf/n1331881.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁸ Резолюция 2127 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7072-м заседании 5 декабря 2013 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/594/45/pdf/n1359445.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Таблица 3. Миротворческие миссии в ЦАР, 2013–2018 гг.

Миссия	Состав / структура	Основные цели и задачи	Внешняя поддержка и финансирование	Основные события и документы	Итог / результаты	Причины ограниченной эффективности
АФИСМЦАР	3 652 человека: 3 500 военнослужащих и 152 гражданских лица, после 2013 г. — 6 000 человек	Стабилизация обстановки после переворота, защита гражданского населения, поддержка переходного правительства	Финансирование АС при участии ЕС и Франции; материальная поддержка со стороны Парижа	Резолюция СБ ООН 2127 (2013), передача полномочий от ЭКОЦАС к АС	Временная стабилизация Банги, подготовка к передаче мандата ООН	Недостаток ресурсов, внутренняя конкуренция АС и ЭКОЦАС, зависимость от внешних военных сил
Операция «Сангарис»	3 000 военнослужащих, затем сокращено до 900	Поддержка АФИСМЦАР, обеспечение безопасности в Банги, защита гражданского населения	Полностью финансировалась Францией, координировалась с АФИСМЦАР и МИНУСКА	Резолюция СБ ООН 2127 (2013), вывод войск в октябре 2016 г.	Сдерживание насилия в столице, поддержка переходного периода	Ограниченный мандат, локальный фокус, политическая неоднозначность французского участия
МИНУСКА	Первоначально — 10 тыс. военнослужащих и 1,8 тыс. полицейских, позже — 14 400 военнослужащих и 3 020 полицейских, гражданские компоненты	Защита населения, поддержка переходного процесса, DDRR, верховенство закона	Финансирование из бюджета ООН, поддержка доноров (ЕС, США, Франция)	Резолюция СБ ООН 2149 (2014), продление мандата до ноября 2025 г.	Национальный диалог («Бангийский форум»), создание Специального уголовного суда	Перегрузка мандата, отсутствие контроля над территориями, политическая фрагментация элит
МИСАК	Малочисленный гражданско-военный компонент под эгидой АС	Поддержка переходного процесса, выборов и реформы сектора безопасности	Ограниченное финансирование АС, внешние гранты ЕС	Решение Совета мира и безопасности АС (2014 г.)	Поддержка политического диалога, слабое влияние на безопасность	Конфликт интересов внутри АС и ЭКОЦАС, недостаток ресурсов и координации
ЕUFOR RCA / EUMAM RCA / EUTM RCA	ЕUFOR: 700 военных EUMAM: военные советники EUTM: учебный контингент	ЕUFOR: обеспечение безопасности в Банги EUMAM/EUTM: обучение FACA, реформа сектора безопасности	Финансирование ЕС; основная нагрузка на Францию и Германию	Решения Совета ЕС 2014, 2015, 2016 гг.	Подготовка отдельных подразделений FACA, улучшение имиджа ЕС	Символическое участие, ограниченные ресурсы, отсутствие стратегического эффекта

Источник: составлено Т.Н. Кириковой и А.В. Худайкуловой на основании данных Библиотеки ООН, Совета ЕС и Совета мира и безопасности Африканского союза: United Nations Digital Library // United Nations. 2025. URL: <https://digitallibrary.un.org/> (accessed: 29.10.2025); Document Register // Council of the European Union. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents/public-register/> (accessed: 29.10.2025); Peace and Security Council Documents Archives — Communiqués and Documents // African Union. 2025. URL: <https://www.peaceau.org/en/resource/90-organ-peace-security-council> (accessed: 29.10.2025).

Предполагалось, что АФИСМЦАР будет развернута на первоначальный период в шесть месяцев для решения целого ряда задач²⁹. Ядро АФИСМЦАР составили контингенты МИКОПАКС. Однако количество развернутых сил оказалось недостаточным. Несмотря на полученный мандат, Африканский союз столкнулся с многочисленными трудностями, которые серьезным образом осложняли работу миссии. В 2013 г. в отношении ЦАР было введено эмбарго на поставки оружия, за исключением миротворческих сил ООН и их союзников³⁰.

Поддержку миротворцам оказали французские подразделения «Сангарис», а также силы ЕС, которые направили свои первые войска в ЦАР в апреле 2014 г. В то же время правительство Чада вывело свой пехотный батальон численностью 850 человек после обвинений в открытии огня по толпе христиан на многолюдном рынке в Банги 29 марта 2014 г., повлекшем гибель 30 мирных жителей³¹.

Военная операция Франции «Сангарис»

В попытке положить конец кровопролитию, разразившемуся после захвата власти мусульманскими повстанцами «Селека» и ответной реакции христианских ополченцев, Франция начала активно лоббировать в Совете Безопасности ООН необходимость вмешательства в ситуацию в ЦАР.

Хотя президент Ф. Бозизе обратился к Франции с просьбой о предоставлении

помощи еще до своего отстранения, операция «Сангарис» (*Sangaris*) начала действовать только после получения разрешения от СБ ООН в соответствии с резолюцией 2127³².

В ноябре 2013 г. Франция приступила к подготовке военной операции, которая стартовала в следующем месяце³³. В отличие от миссий АС или ООН мандат «Сангарис» был весьма ограниченным и сосредоточен на обеспечении безопасности столичного аэропорта (Swed & Arduino, 2025).

Первый контингент был задействован на передовой в разгар конфликта между бывшей «Селека» и вооруженными группировками «Анти-Балака». В сотрудничестве с АФИСМЦАР удалось вытеснить вооруженные группировки из Банги и поддержать восстановление власти переходного правительства.

Замена АФИСМЦАР на МИНУСКА в сентябре 2014 г. и увеличение численности последней позволили Франции постепенно изменить формат своей миссии, которая превратилась в силы реагирования в поддержку МИНУСКА.

В октябре 2016 г. Франция объявила о завершении операции «Сангарис». Вывод 2 тыс. французских военнослужащих произошел на фоне новой волны убийств, прокатившейся по ЦАР. «Сангарис» стала «последней операцией старого типа», после которой Франция окончательно перешла к логике наращивания потенциала (*capacity building*) и поддержки через ЕС, а не к самостоятельным интервенциям (Swed & Arduino, 2025).

²⁹ Publication: Communiqué of the 385th Meeting of the Peace and Security Council Held on 19 July 2013, Addis Ababa, Ethiopia // African Union. Paps Digital Repository. URL: <https://papsrepository.africanunion.org/entities/publication/71dd50b0-e6b4-4160-965e-fee2cabf32f0> (accessed: 20.08.2025).

³⁰ Security Council, Unanimously Adopting Resolution 2127 (2013), Mandates Mission in Central African Republic to Protect Civilians, Restore State Authority // United Nation. Meetings Coverage and Press Releases. December 5, 2013. URL: <https://press.un.org/en/2013/sc11200.doc.htm> (accessed: 20.08.2025).

³¹ Доклад Генерального секретаря о положении в Центральноафриканской Республике (S/2014/562) // Организация Объединенных Наций. 01.08.2014. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/479/24/pdf/n1447924.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

³² Резолюция 2127 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7072-м заседании 5 декабря 2013 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/594/45/pdf/n1359445.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

³³ France and Central African Republic // France Diplomacy. URL: <https://www.diplomatique.gouv.fr/en/country-files/central-african-republic/france-and-central-african-republic/> (accessed: 20.08.2025).

Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА)

В течение 2013 г. ситуация в ЦАР оставалась нестабильной, что привело к усилению общественного давления с требованием более активного международного вмешательства. Спустя полгода на смену АФИСМЦАР пришла более крупная миссия под управлением ООН — МИНУСКА.

Процесс передачи полномочий прошел гладко, между главами АФИСМЦАР и МИНУСКА сложились довольно конструктивные отношения. Первоочередной задачей новой миссии была объявлена защита гражданского населения. Также МИНУСКА была призвана поддерживать переходный процесс, содействовать в оказании гуманитарной помощи, поощрять и защищать права человека, укреплять справедливость и верховенство закона, а также содействовать разоружению, демобилизации, реинтеграции и репатриации.

В соответствии с резолюцией СБ ООН 2149 от 10 апреля 2014 г. в распоряжение МИНУСКА вошли 10 тыс. военнослужащих и 1,8 тыс. полицейских³⁴. Передача полномочий состоялась 15 сентября 2014 г. Контингент АФИСМЦАР перешел в подчинение ООН, составив примерно треть всех сил ООН.

За первые два года МИНУСКА добилась результатов на пути к устойчивому миру. Впервые с 2013 г. совместно с недавно воссозданными Центральноафриканскими вооруженными силами контингент МИНУСКА разместился за пределами Банги. В мае 2015 г. в рамках национального диалога, известного как «Бангийский форум», был подписан целый ряд соглашений, в том числе «О проведении политических преобразований»³⁵.

Правительство и вооруженные группы взяли на себя обязательства по разоружению, демобилизации, реинтеграции и репатриации комбатантов. В июне 2015 г. был учрежден Специальный уголовный суд для расследования и судебного преследования лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности³⁶.

После вывода французского контингента «Сангарис» МИНУСКА де-факто осталась единственной силой, выполняющей военные задачи, хотя многоаспектные миротворческие операции ООН априори не предназначены для таких задач.

Миссии Африканского союза в поддержку МИНУСКА

До июля 2013 г. Африканский союз не расширял свое участие в ЦАР, особенно учитывая трудности, с которыми сталкивалась МИКОПАКС под управлением ЭКОЦАС. В итоге АС объединил МИКОПАКС в Международную миссию поддержки АФИСМЦАР, увеличив ее военный компонент.

Однако новая миротворческая миссия АС столкнулась с рядом трудностей, вызванных недостаточной институциональной силой и зависимостью от международной поддержки. Кроме того, Африканский союз столкнулся также с серьезным противодействием со стороны ЭКОЦАС. Лидеры Чада и Республики Конго, И. Деби и Д. Сассу-Нгессо, интерпретировали растущую активность АС в ЦАР как попытку получить финансовые ресурсы для своей миссии, а не как проявление истинной заботы о стране. Ситуация усугубилась после назначения генерала Жана-Мари Мишеля Мококо, политического оппонента

³⁴ Резолюция 2149 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7153-м заседании 10 апреля 2014 г. // Организация Объединенных Наций. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/2149%20\(2014\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/2149%20(2014)) (дата обращения: 20.08.2025).

³⁵ Республиканский пакт мира, национального примирения и восстановления в Центральноафриканской Республике. Приложение I к письму Временного поверенного в делах Постоянного представительства Центральноафриканской Республики при Организации Объединенных Наций от 15 мая 2015 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/2015/344) // Миротворчество ООН. URL: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/cf150511pactforpeacereconciliation28ru29.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

³⁶ Там же.

Д. Сассу-Нгессо, на пост главы АФИСМЦАР. Д. Сассу-Нгессо отказался поддержать передачу полномочий АС и предпринял шаги, чтобы не допустить этого (Carayannis & Fowles, 2017, p. 225).

В 2014 г., после того как военный контингент АФИСМЦАР перешел в состав МИНУСКА, АС учредил Миссию Африканского союза в Центральноафриканской Республике (МИСАК, MISAC)³⁷. Мандат МИСАК, утвержденный Советом мира и безопасности АС, предусматривал поддержку политического перехода, организацию выборов, содействие национальному примирению, реформу сектора безопасности и координацию с Региональной инициативой по ликвидации «Армии сопротивления Господа»³⁸. Однако расширение мандата МИСАК на весь Центральноафриканский регион создало некоторую неопределенность, поскольку АС не располагал средствами для полноценного реагирования на ситуацию в ЦАР, не говоря уже обо всем регионе³⁹.

Миссии Европейского союза в поддержку МИНУСКА

Европейский союз всегда выступал за многосторонний подход к миротворчеству, и его миссии в ЦАР не стали исключением. В феврале 2014 г. ЕС санкционировал развертывание миссии *EUFOR RCA*⁴⁰, направленной на обеспечение безопасности в районе Банги и создание условий для оказания гуманитарной помощи. Миссия действовала в тесной координации

с французской операцией «Сангарис», что позволило последней передислоцировать свои силы за пределы столицы⁴¹. Однако, несмотря на громкие заявления, *EUFOR RCA* просуществовала всего 11 месяцев, после чего была заменена на военно-консультативную миссию *EUMAM RCA*.

*EUMAM RCA*⁴², запущенная в марте 2015 г., стала логическим продолжением *EUFOR RCA* с акцентом на реформу сектора безопасности. В рамках своего мандата *EUMAM RCA* занималась обучением и профессиональной подготовкой Центральноафриканских вооруженных сил (*FACA*), а также поддерживала создание модернизированных, этнически сбалансированных и демократически подотчетных сил безопасности. Миссия действовала преимущественно в столичном районе Банги, где сосредоточены основные государственные институты ЦАР.

Как и в случае *EUFOR*, в ходе реализации миссии *EUMAM* наблюдалось явное расхождение между стремлением государств — членов ЕС действовать и их реальной готовностью вкладывать в это ресурсы. Чрезвычайная гуманитарная ситуация в ЦАР и призывы Франции к разделению ответственности создала у государств — членов ЕС ощущение «коллективного долга», что побудило их одобрить развертывание *EUFOR* и *EUMAM*. Однако поскольку большинство государств-членов не имели прямых стратегических или экономических интересов в ЦАР, их вклад в общие усилия оказался скорее номинальным и символическим (Nováky, 2016).

³⁷ Peace and Security Council 458th Meeting. Addis Ababa, Ethiopia. PSC/PR/COMM(CDLVIII). Communiqué // African Union. September 17, 2014. URL: <http://www.peaceau.org/uploads/psc-com-458-car-17-09-2014.pdf> (accessed: 20.08.2025).

³⁸ Ibid.

³⁹ De Carvalho G., Lucey A. Fractured Peacebuilding in the Central African Republic // The Institute for Security Studies Policy Brief. 2016 (July). No. 87. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/policybrief87.pdf> (accessed: 20.08.2025).

⁴⁰ Council Decision 2014/73/CFSP of 10 February 2014 on a European Union Military Operation in the Central African Republic (*EUFOR RCA*) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014D0073&from=IT> (accessed: 20.08.2025).

⁴¹ EU Military Operation in the Central African Republic Launched // Council of the European Union. April 1, 2014. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/23899/142049.pdf> (accessed: 20.08.2025).

⁴² Décision (PESC) 2015/78 du conseil du 19 janvier 2015 relative à une mission de conseil militaire PSDC de l'Union européenne en République centrafricaine (*EUMAM RCA*) // Journal officiel de l'Union européenne. 20 janvier 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015D0078&from=FR> (accessed: 20.08.2025).

Одним из ключевых достижений EUMAM RCA стало обучение нескольких батальонов *FACA*, что должно было повысить их профессионализм и дисциплину. Однако, как отмечают эксперты, результаты этой работы оказались ограниченными. Более того, обученные подразделения зачастую не могли эффективно противостоять вооруженным группировкам в сельских районах, где уровень насилия оставался крайне высоким⁴³.

В апреле 2016 г. в ответ на запрос президента ЦАР Фостена Арканжа Туадера ЕС учредил Военную учебную миссию (*EUTM RCA*)⁴⁴, которая стала преемницей *EUMAM RCA*. Новая миссия расширила свою деятельность на район Буар, продолжая обучать вооруженные силы *FACA*. В целом, как и предыдущие миссии ЕС в ЦАР, она служила скорее символом политической воли, чем реальным инструментом стабилизации. Ее вклад в долгосрочное восстановление страны остается под вопросом.

Этап 3 (2018 — наст. вр.): новый этап урегулирования

Третий этап международного вмешательства в ЦАР характеризуется фундаментальной трансформацией парадигмы миротворчества. На смену эпохе доминирования западных и многосторонних институтов пришел период геополитической конкуренции, где ключевую роль стали играть альтернативные акторы, в первую очередь российские

частные военные компании (ЧВК). Ключевой парадокс этапа заключается в том, что новые партнеры сумели продемонстрировать эффективность там, где традиционные миссии действовали годами без ощутимых результатов (Бовдунов, 2023). Этот этап озаглавлен тремя взаимосвязанными процессами: стратегическим отступлением Франции, появлением на арене России как альтернативного центра силы и углубляющимся кризисом легитимности традиционных многосторонних миссий.

Содружество офицеров за международную безопасность

Переломным моментом стало обращение президента ЦАР Фостена Арканжа Туадера к президенту России В.В. Путину с просьбой помочь восстановить порядок в стране и укрепить суверенитет Республики⁴⁵. В результате общения двух президентов в 2018 г.⁴⁶ на территорию Республики прибыли российские военные специалисты, курируемые со стороны «Содружества офицеров за международную безопасность» (СОМБ) во главе с А.А. Ивановым (Бовдунов, 2023). Многие внутривосточные и пограничные конфликты в конечном итоге были погашены.

6 февраля 2019 г. в Хартуме центрально-африканское правительство при содействии России заключило историческое Соглашение о мире и примирении в ЦАР со всеми 14 вооруженными группировками⁴⁷. В рамках этого

⁴³ Central African Republic: Avoiding an Electoral Flare-up // International Crisis Group. October 19, 2015. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/central-african-republic/central-african-republic-avoiding-electoral-flare> (accessed: 20.08.2025).

⁴⁴ Council Decision (CFSP) 2016/610 of 19 April 2016 on a European Union CSDP Military Training Mission in the Central African Republic (EUTM RCA) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016D0610> (accessed: 20.08.2025).

⁴⁵ О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Президентом Центральноафриканской Республики Ф.-А. Туадерой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 09.10.2017. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1554659/ (дата обращения: 20.08.2025).

⁴⁶ На полях ПМЭФ Владимир Путин встретился с Президентом Центральноафриканской Республики Фостеном Арканжем Туадерой // Петербургский международный экономический форум. 23.05.2025. URL: <https://forumspb.com/news/news/meeting-with-president-of-central-african-republic-faustin-archange-touadera> (дата обращения: 20.08.2025).

⁴⁷ Political Agreement for Peace and Reconciliation in the Central African Republic, February 2019 (S/2019/145) // OCHA. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/political-agreement-peace-and-reconciliation-central-african> (accessed: 20.08.2025).

соглашения российские специалисты совместно с регулярной армией ЦАР реализуют национальную программу по разоружению, демобилизации и реинтеграции. На сегодняшний день в рамках этой программы российские военные регулярно проводят переговоры с лидерами повстанческих группировок по вопросу разоружения и установления мирных отношений с правительством ЦАР⁴⁸.

16 сентября 2021 г. на Международной конференции по району Великих озер была утверждена совместная «Дорожная карта» мирного процесса в ЦАР⁴⁹ (известная как Луандская «Дорожная карта»⁵⁰). Этот документ определяет механизмы и сроки реализации Политического соглашения о мире и примирении 2019 г.⁵¹

Еще одна миссия Евросоюза: EUAM RCA

Гражданская консультативная миссия Европейского союза в Центральноафриканской Республике (EUAM RCA)⁵², учрежденная в декабре 2019 г. и официально запущенная в августе 2020 г., стала очередным этапом в процессе участия ЕС в стабилизации ЦАР. В отличие от предыдущих военных миссий EUAM RCA была задумана как гражданская инициатива, нацеленная на стратегическое консультирование

и поддержку реформы сектора безопасности. Ее мандат включал предоставление экспертной помощи Министерству внутренних дел и другим органам власти ЦАР, содействие развитию сил внутренней безопасности, включая полицию и жандармерию, а также продвижение гендерного равенства в силовых структурах с возможностью масштабирования полномочий. EUAM RCA, как и предыдущие миссии ЕС в ЦАР, столкнулась с нехваткой финансирования, ограниченным числом экспертов и отсутствием возможности существенно повлиять на местные реалии.

Еще одна миссия Африканского союза: МВНАСЦАР

В 2020 г. АС предпринял очередную попытку укрепить свои позиции в ЦАР, учредив Миссию военных наблюдателей Африканского союза в Центральноафриканской Республике (МВНАСЦАР, MOUACA)⁵³, чтобы отслеживать реализацию Политического соглашения о мире и примирении, заключенного в 2019 г., включая создание совместных сил безопасности. Однако процесс развертывания миссии столкнулся с трудностями из-за пандемии COVID-19, что привело к задержкам и неполному выполнению поставленных задач. К октябрю 2020 г. было развернуто лишь 14 из 30

⁴⁸ СОМБ: в ЦАР сдались около 700 боевиков менее чем за месяц // ТАСС. 10.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24748515> (дата обращения: 20.08.2025).

⁴⁹ Final Communiqué: Mini-Summit of ICGLR on the Political and Security Situation in the Central African Republic // The International Conference on the Great Lakes Region — ICGLR. September 16, 2021. URL: https://icglr.org/images/PressReleases/ENG_Final_Communicu_3rd_Mini-Summit_ICGLR_-_16SET2021.pdf (accessed: 20.08.2025).

⁵⁰ Луандийская дорожная карта мира, подписанная в сентябре 2019 г. при посредничестве Африканского союза и ЭКОЦАС, представляла собой всеобъемлющую рамочную программу, направленную на достижение политического урегулирования через создание инклюзивного правительства, разоружение, демобилизацию и реинтеграцию вооруженных групп, а также организацию выборов.

⁵¹ См.: Центральноафриканская Республика. Доклад Генерального секретаря (S/2021/867) // Организация Объединенных Наций. 12.10.2021. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/274/63/pdf/n2127463.pdf> (дата обращения: 20.08.2025); RCA: revue stratégique de la feuille de route de Luanda et de l'accord de paix // Ndjoni Sango. 8 juin 2022. URL: <https://ndjonisango.com/2022/06/08/rca-revue-strategique-de-la-feuille-de-route-de-luanda-et-de-laccord-de-paix/> (accessed: 20.08.2025).

⁵² Council Decision (CFSP) 2019/2110 of 9 December 2019 on the European Union CSDP Advisory Mission in the Central African Republic (EUAM RCA) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019D2110> (accessed: 20.08.2025).

⁵³ Communiqué for the 936th Meeting of the PSC Held on 10 July 2020, on the Situation in the Central African Republic // African Union. August 3, 2020. URL: <https://www.peaceau.org/en/article/communique-for-the-936th-meeting-of-the-psc-held-on-10-july-2020-on-the-situation-in-the-central-african-republic> (accessed: 20.08.2025).

запланированных военных наблюдателей. Финансирование МВНАСЦАР осуществлялось через Европейский фонд мира, что подчеркивает сохраняющуюся логику «поколения 3½» (Yaw Tchie, 2023), при которой АС выступает в роли исполнителя, а не стратегического координатора миротворчества. Однако и этого оказалось недостаточно для обеспечения эффективной работы миссии. В результате в октябре 2022 г. МВНАСЦАР была интегрирована в МИСАК⁵⁴, что продемонстрировало ограниченность возможностей АС в реализации масштабных миротворческих инициатив⁵⁵.

Усиление руандийского контингента

В декабре 2020 г. президент Руанды Поль Кагаме по просьбе президента Фостена Арканжа Туадера оперативно направил в ЦАР дополнительно 1 тыс. военнослужащих для обеспечения безопасности президентских выборов. Президенты объяснили отправку дополнительного контингента слабостью миссии МИНУСКА. Министр обороны Руанды также заявил, что контингент (около 2 тыс. военнослужащих) служит подкреплением для руандийских миротворцев МИНУСКА. Кроме того, представители Руанды заняли ключевые позиции в личной охране президента ЦАР, армии и жандармерии на постоянной основе⁵⁶. В августе 2021 г. в состав МИНУСКА вошли еще 300 руандийских миротворцев⁵⁷.

В мае 2022 г. Кигали открыл посольство в Банги. Руанда также представлена на ключевых должностях в структурах ООН. В июне 2021 г. комиссар полиции Руанды Кристоф Бизимунгу принял командование полицией МИНУСКА, в феврале 2022 г. на должность Специального представителя Генсека ООН по ЦАР и главы МИНУСКА была назначена Валентина Ругвабиза. Центральноеафриканский офис Управления ООН по координации гуманитарных вопросов возглавил Вемасте Калима.

МИНУСКА: второе десятилетие в ЦАР

В настоящее время МИНУСКА является самой крупной из всех действующих миротворческих миссий ООН, насчитывающей 17 420 человек. За последние годы также вырос и бюджет миссии: в 2020–2021 гг. он достиг 1 006 428 200 долл. США, в 2021–2022 гг. — 1 116 738 700 долл. США, в 2024–2025 гг. запланировано финансирование в размере 1 283 314 000 долл. США⁵⁸.

В соответствии с резолюцией 2759 (2024) мандат МИНУСКА продлен до 15 ноября 2025 г. Россия поддержала подготовленный Францией проект резолюции о продлении мандата, выразив, однако, обеспокоенность тем, что мандат миссии не соответствует текущим потребностям в области миротворческой деятельности в ЦАР⁵⁹, а некоторые положения резолюции несут риски для суверенитета

⁵⁴ Peace and Security Council 1116th Meeting. Addis Ababa, Ethiopia. PSC/PR/COMM.1116.1 // African Union. October 31, 2022. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/1116.comml-en.pdf> (accessed: 20.08.2025).

⁵⁵ Diatta M.D. Will This Week's AU Mission to CAR Deliver a Change in Strategy? // The Institute for Security Studies. June 30, 2021. URL: <https://issafrica.org/iss-today/will-this-weeks-au-mission-to-car-deliver-a-change-in-strategy> (accessed: 20.08.2025).

⁵⁶ Rwanda's Growing Role in the Central African Republic // International Crisis Group. 2023 (July 7). Briefing No. 191. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/central-african-republic-rwanda/b191-rwandas-growing-role-central-african-republic> (accessed: 20.08.2025).

⁵⁷ MINUSCA Capacity Boosted by Arrival of Additional Rwandan Peacekeepers // MINUSCA — UN Missions. August 3, 2021. URL: <https://minusca.unmissions.org/en/minusca-capacity-boosted-arrival-additional-rwandan-peacekeepers> (accessed: 20.08.2025).

⁵⁸ Резолюция A/RES/78/298, принятая Генеральной Ассамблеей 28 июня 2024 г. // Организация Объединенных Наций. 28.06.2024. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/195/28/pdf/n2419528.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

⁵⁹ Выступление заместителя Постоянного представителя А.М. Евстигнеевой по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН о продлении мандата МООНСЦАР // Постоянное представительство Российской Федерации про ООН. 14.11.2024. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/14112024> (дата обращения: 20.08.2025).

страны, особенно в контексте деятельности Международного уголовного суда (МУС).

Основным направлением деятельности МИНУСКА стало оказание поддержки в подготовке к муниципальным, парламентским и президентским выборам, назначенным на 28 декабря 2025 г. В феврале 2025 г. на заседании СБ ООН глава миссии Валентина Ругвабиза доложила о значительном прогрессе в подготовке к выборам, акцентировав внимание на интегрированном характере поддержки, оказываемой МИНУСКА в тесной взаимосвязи с программами ООН и западными донорами⁶⁰.

Несмотря на масштабность присутствия, миссия МИНУСКА утратила доверие населения. Как показывают исследования, проведенные в ЦАР (в частности в Нделе), миротворцы часто воспринимаются как силы, которые лишь заполняют институциональную пустоту, но не противостоят источникам насилия (Glawion, 2025). Жители ожидали конфронтации с вооруженными группировками, однако, когда миротворцы ограничивались патрулированием и административными функциями, это вызывало обвинения в бездействии и даже в сговоре с повстанцами. Таким образом, разрыв между объективными результатами (снижение числа жертв) и субъективным восприятием (ощущение незащищенности и разочарования со стороны населения) стал ключевым фактором делегитимации миссии.

«Миротворческий марафон» в ЦАР: итоги

За последние десятилетия в ЦАР было проведено около двух десятков военных операций и миротворческих миссий под руководством различных акторов, которые порой отражали конкурентный характер при взаимодействии, способствуя не урегулированию, а скорее эскалации напряженности. Несмотря на постоянное увеличение числа миротворцев, численность которых к началу 2014 г.

превысила количество военнослужащих национальной армии ЦАР, ситуация имела стойкую тенденцию к ухудшению. Несмотря на присутствие трех миротворческих сил (АС, ЕС, Франции), их численность была недостаточной для развертывания по всей стране и выполнения всего спектра задач — военных, полицейских и гражданских. Более того, состав и характер операций не всегда соответствовали задачам, поставленным в мандатах. В расчет не брались этнические и религиозные факторы, а также национальные особенности Республики. Также усугубляла кризис предвзятость миротворческих контингентов.

Каждое последующее миротворческое вмешательство, начиная с МИКОПАКС (под руководством ЭКОЦАС), АФИСМЦАР (под руководством АС) и заканчивая МИНУСКА (под руководством ООН), было скорее дополнением к предыдущей операции, чем стратегически проработанной новой миссией. Миротворческие миссии Африканского союза, хотя и учитывали некоторые особенности и причины конфликтов в ЦАР, значительно уступали по составу, возможностям и оснащению миссиям ООН, ЕС и Франции. При этом АС рассчитывал получить недостающее финансирование от различных акторов и продолжить работу, несмотря на скептическое отношение международной общественности к его потенциалу в урегулировании кризиса в ЦАР.

Однако ни одна из миссий не могла обеспечить долговременную и прочную стабилизацию на всей территории страны, не говоря уже о длительном мире. Большинство из них были направлены на краткосрочную стабилизацию и лишь временное снижение уровня насилия. Как правило, усилия по восстановлению порядка ограничивались столицей и прилегающими к ней важнейшими инфраструктурными объектами. Миротворцы активно участвовали в национальном диалоге и при каждой новой вспышке насилия пытались наладить процессы разоружения, демобилизации

⁶⁰ Central African Republic Faces Ongoing Challenges Ahead of Elections // United Nation Peacekeeping. February 25, 2025. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/central-african-republic-faces-ongoing-challenges-ahead-of-elections> (accessed: 20.08.2025).

и реинтеграции бывших комбатантов. При этом никто из миротворцев, представленных в стране, не смог найти и предложить «формулу мира», которая устранила бы глубинные причины конфликта — неутраченные споры об идентичности, гражданстве и принадлежности. Вместо этого в ЦАР активно продвигалась либерально-демократическая повестка коллективного Запада на фоне слабости государственных институтов.

В глазах местных жителей различные миссии сливались воедино, поскольку сменяли друг друга в быстрой последовательности, часто без смены персонала или местных командных структур. При каждой последующей операции происходило так называемое «наложение» на предыдущую с сохранением всего багажа проблем и трудностей, которые не удавалось решить предшественнику. Это запустило «цикл» операций, мандаты, контингенты войск, материально-техническое обеспечение и руководство которых не всегда соответствовали целям.

При этом российский подход и действия СОМБ по решению многих проблем безопасности в ЦАР оказались гораздо более эффективными, чем усилия многих других вовлеченных в процесс обеспечения безопасности акторов, включая МИНУСКА (Бовдунов, 2023; Swed & Arduino, 2025). 19 апреля 2025 г. при посредничестве СОМБ в Нджамене было подписано соглашение между правительством ЦАР и группировками *UPC* и *3R*, а 10 июля 2025 г. их лидеры Али Дарасса и Сембе Бобо публично объявили о роспуске своих движений. К лету 2025 г. оружие сложили около 5 тыс. боевиков, что стало крупнейшим успехом мирного процесса с момента Хартумского соглашения 2019 г.⁶¹

Следует отметить, что только понимание глубинных проблем конфликта и реализация гибридной модели миротворчества, которая сочетает в себе целенаправленное военное давление на непримиримые вооруженные группировки и успешную медиацию, продемонстрировало способность привести к реальному и устойчивому миру.

К концу лета 2025 г. МИНУСКА «подтвердила» свою второстепенность в части обеспечения мирных инициатив и урегулирования конфликта. Фактически порядок «на земле» поддерживают национальные вооруженные силы при поддержке СОМБ, в то время как ООН ограничивается функциями наблюдателя и гуманитарной организации. В сохранении миссии в ее нынешнем виде заинтересованы, главным образом, западные страны. Для них присутствие МИНУСКА служит инструментом влияния и удобным информационным поводом. В электоральных кругах ЦАР все чаще звучат призывы к трансформации или постепенному сворачиванию миссии⁶² с передачей ответственности за обеспечение безопасности собственным вооруженным силам, которые теперь достаточно окрепли при участии России в лице СОМБ.

Возвращение внутренне перемещенных лиц и беженцев также служит неоспоримым свидетельством стабилизации обстановки и восстановления доверия к правительству ЦАР и его инициативам. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), по состоянию на 30 апреля 2025 г. 64 700 человек, ранее вынужденных покинуть свои жилища, вернулись в родные деревни и города⁶³.

⁶¹ Романов Д. «Они действовали по беспределу». Как ЧВК «Вагнер» помогла разоружить боевиков в ЦАР и положить конец кровавой гражданской войне // Lenta.ru. 27.08.2025. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/08/27/tsar/> (дата обращения: 27.08.2025).

⁶² President Touadéra Wants UN Peacekeepers to Leave Bangui // Africa Intelligence. June 11, 2024. URL: <https://www.africaintelligence.com/central-africa/2024/11/06/president-touadera-wants-un-peacekeepers-to-leave-bangui%2C110336047-eve> (accessed: 24.10.2025).

⁶³ Regional Trends: Forced Displacement in West and Central Africa in 2025 // UNHCR. June 11, 2025. URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-06/west-central-africa-regional-trends-forced-displacement-2025.pdf> (accessed: 20.08.2025).

Заключение

Миротворческим операциям в ЦАР вне зависимости от принадлежности контингентов и руководства операциями не хватало четкой политической стратегии, понимания ситуации, политической воли к устранению коренных причин, лежащих в основе конфликтов, а также постоянного присутствия миротворцев. Несмотря на переходный период, переподчинение миссий не всегда было в достаточной мере спланировано, наталкивалось на серьезные проблемы в управлении, что сказывалось на качестве и эффективности операций в целом.

Невысокая эффективность миротворческих усилий в ЦАР обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, в ходе операций не было четкой политической стратегии и глубокого понимания ситуации. Все участники процесса урегулирования в ЦАР предпочитали действовать через нарративы, разработанные в других местах, и полагались на одну и ту же провальную формулу — временное сокращение насилия, национальный диалог, обещание разоружения, демобилизации, реинтеграции и репатриации комбатантов и выборы в качестве стратегии выхода. Эта формула не смогла обеспечить мир, поскольку не затрагивала глубинные причины конфликта — споры об идентичности, гражданстве и принадлежности. Тем не менее она стала запасной стратегией как для ООН, так и для АС в ответ на повторяющиеся циклы насилия.

Во-вторых, каждое новое вмешательство накладывалось на предыдущее, создавая своего рода «слоеный пирог» из миротворческих операций, чьи мандаты, контингенты войск и руководство не всегда соответствовали поставленным целям. Этот опыт не только указывает на необходимость улучшения управления процессом перехода войск из региональных операций в операции ООН,

но и наглядно демонстрирует сложности, с которыми сталкиваются как АС, так и ООН в управлении своими зачастую напряженными и иногда даже конкурентными отношениями с региональными организациями.

На основании проведенного анализа было выявлено, что только три из 19 миссий оказались эффективными: МИНУСКА, СОМБ и руандийский контингент. Однако каждая из миссий оказалась результативной по-своему. В самом начале своего мандата МИНУСКА действительно сумела продемонстрировать эффективность, но впоследствии все ее результаты были практически сведены на нет, как и в случае большинства международных миссий. Руандийский контингент довольно успешно справился с задачами «в своей нише»: военные оказали существенную поддержку во время подавления мятежей 2020–2021 гг., что способствовало снижению уровня насилия, укреплению государственной власти и установлению политической стабильности. При этом их задачи были ограниченными и не включали функции по поддержанию мира и миростроительству. Кроме того, в связи с тем, что в одно и то же время на территории ЦАР действовали СОМБ, которые единственные соответствуют всем четырем критериям результативности, МИНУСКА и руандийский контингент автоматически получили условную оценку своей полезности, так как их конкретный вклад чрезвычайно сложно отделить от комплексного эффекта, создаваемого присутствием СОМБ.

Таким образом, хотя МИНУСКА и руандийский контингент продемонстрировали отдельные успехи, их высокая оценка является в значительной степени априорной, поскольку синхронизированные и всеобъемлющие действия СОМБ, полностью отвечающие критериям эффективности, создали общий благоприятный фон, на котором результаты других миссий оказались мало различимыми.

Поступила в редакцию / Received: 20.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 30.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 6–21. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21>; EDN: VMQIGG
- Бовдунов А.Л. СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 480–496. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-480-496>; EDN: GYKHNP
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Конфликт в ЦАР: экономика войны // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1. С. 9–21. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-9-21>; EDN: KCHQZX
- Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Лиокумович Я.Б. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 322–338. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338>; EDN: DWBKSW
- Миротворчество в многополярном мире / под ред. С.А. Бокерия, Д.А. Дегтерева. Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: MLCRDA
- Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156>; EDN: PNNVOD
- Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 402–415. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415>; EDN: YMRWIL
- Филиппов В.Р. Сердце Черной Африки: запланированный инфаркт // Международные отношения. 2014. № 2. С. 164–179. <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2014.2.11643>; EDN: SEDSUV
- Хромов А.О., Накунне Яндоко Д.Н. Центральнаяафриканская республика и Российская Федерация: проблемы военно-экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2024. № 9. С. 5–11. <https://doi.org/10.31857/S0321507524090012>; EDN: RGMWPC
- Carayannis T., Fowles M. Lessons from African Union — United Nations Cooperation in Peace Operations in the Central African Republic // African Security Review. 2017. Vol. 26, no. 2. P. 220–236. <https://doi.org/10.1080/10246029.2017.1302707>
- Duursma A. State Weakness, a Fragmented Patronage-Based System, and Protracted Local Conflict in the Central African Republic // African Affairs. 2022. Vol. 121, iss. 483. P. 251–274. <https://doi.org/10.1093/afraf/adac012>; EDN: EMRSRG
- Gilder A. Human Security and the Stabilization Mandate of MINUSCA // International Peacekeeping. 2021. Vol. 28, iss. 2. P. 200–231. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1733423>; EDN: TNQPIW
- Glawion T. Living Up to Popular Expectations during Intervention: Filling Voids and Confronting Spoilers in the Central African Republic and Beyond // International Peacekeeping. 2025. Vol. 32, iss. 3. P. 299–326. <https://doi.org/10.1080/13533312.2024.2443862>
- Lombard L., Picco E. Distributive Justice at War: Displacement and Its Afterlives in the Central African Republic // Journal of Refugee Studies. 2021. Vol. 34, iss. 1. P. 806–829. <https://doi.org/10.1093/jrs/fez012>
- Nováky N.I.M. From EUFOR to EUMAM: The European Union in the Central African Republic // European Foreign Affairs Review. 2016. Vol. 21, iss. 1. P. 95–114. <https://doi.org/10.54648/eerr2016007>
- Olin N. Pathologies of Peacekeeping and Peacebuilding in CAR // Making Sense of the Central African Republic / ed. by T. Carayannis, L. Lombard. London : Zed Books Ltd., 2015. P. 194–218. <https://doi.org/10.5040/9781350221246.ch-009>
- Pérez-León-Acevedo J.P. Much Cry and Little Wool?: Determining the Exact Role of the International Criminal Court in Transitional Justice Efforts // California Western International Law Journal. 2021. Vol. 51, no. 2. P. 381–434.
- Piquard B. What Knowledge Counts? Local Humanitarian Knowledge Production in Protracted Conflicts. A Central African Republic Case Study // Peacebuilding. 2022. Vol. 10, iss. 1. P. 85–100. <https://doi.org/10.1080/21647259.2021.1989902>; EDN: PJRURS
- Ragin C.C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Oakland, CA : University of California Press, 1987.
- Smith S. CAR's History: The Past of a Tense Present // Making Sense of the Central African Republic / ed. by T. Carayannis, L. Lombard. London : Zed Books Ltd., 2015. P. 17–52.

- Swed O., Arduino A.* Do Mercenaries Perform Better Than States? Evaluating the Wagner Group's Impact on Central African Republic // *Small Wars & Insurgencies*. 2025. Vol. 36, iss. 1. P. 59–86. <https://doi.org/10.1080/09592318.2024.2418675>
- Yaw Tchie A.E.* Generation Three and a Half Peacekeeping: Understanding the Evolutionary Character of African-Led Peace Support Operations // *African Security Review*. 2023. Vol. 32, iss. 4. P. 421–439. <https://doi.org/10.1080/10246029.2023.2237482>; EDN: CQIXBP

Сведения об авторах:

Кирикова Татьяна Николаевна — соискатель, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 9911-0686; ORCID: 0009-0002-5853-1229; e-mail: kirikova.tn7@gmail.com

Худайкулова Александра Викторовна — кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 4283-6460; ORCID: 0000-0003-0680-9321; e-mail: alexandra_77@mail.ru

ПРОБА ПЕРА

EMERGING VOICES

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-758-772

EDN: GUPKKT

Научная статья / Research article

Роль гражданского общества в стратегическом партнерстве Бразилии и Европейского союза

В. С. Ольховская

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Российская Федерация

✉ v.s.olkhovskaia@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена растущей ролью гражданского общества как ключевого актора в формировании двусторонних отношений между Бразилией и Европейским союзом (ЕС). В условиях глобальных вызовов — от защиты прав человека до реализации целей устойчивого развития — сотрудничество неправительственных организаций (НПО) и некоммерческих объединений приобретает стратегическое значение, оставаясь при этом недостаточно изученным в научной литературе. Необходимо установить, как гражданское общество влияет на принятие внешнеполитических решений, включая такие сложные процессы, как переговоры по соглашению ЕС — Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР). Теоретико-методологическую основу исследования составили институциональный и системный подходы, дополненные историко-политологическим анализом. Используются методы сравнительного анализа, обобщения статистических данных (в том числе Института географии и статистики Бразилии, IBGE), а также качественного анализа программных документов, отчетов и публичных заявлений гражданских организаций и институтов ЕС. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении взаимодействия гражданских обществ Бразилии и ЕС как самостоятельного уровня международного партнерства. Впервые в российской литературе детально проанализированы механизмы влияния НПО на внешнюю политику Бразилии, включая их роль в приостановке ратификации торгового соглашения с ЕС, а также выявлены циклические зависимости между внутривнутриполитической конъюнктурой и уровнем активности гражданского сектора. Результаты исследования подтверждают, что гражданское общество Бразилии не только участвует в диалоге с европейскими партнерами через такие форматы, как Круглый стол ЕС — Бразилия, но и способно влиять на внешнеполитический курс страны. Поддержка со стороны ЕС усиливает демократические институты и способствует «зеленому переходу», однако существует и обратный риск — инструментализация НПО в целях внешнего вмешательства. В заключение подчеркивается, что устойчивое партнерство между Бразилией и ЕС невозможно без вовлечения гражданского общества, которое выступает одновременно ресурсом сотрудничества и потенциальным источником напряженности.

Ключевые слова: неправительственные организации, устойчивое развитие, Круглый стол ЕС — Бразилия, асимметрия партнерства, общие ценности

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ольховская В.С. Роль гражданского общества в стратегическом партнерстве Бразилии и Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 758–772. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-758-772>

The Role of Civil Society in the Strategic Partnership between Brazil and the EU

Violetta S. Olkhovskaia

Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ v.s.olkhovskaia@gmail.com

Abstract. The relevance of the topic stems from the growing role of civil society as a key actor in shaping bilateral relations between Brazil and the European Union (EU). In the context of global challenges, ranging from human rights protection to the implementation of the Sustainable Development Goals, cooperation between non-governmental organizations (NGOs) and non-profit associations is gaining strategic importance, while remaining insufficiently studied in the scientific literature. It is especially important to understand how civil society influences foreign policy decision-making, including the complex processes such as negotiations on the EU — MERCOSUR agreement. The study uses an institutional and systematic approach complemented by historical and political analysis. Methods of comparative analysis, generalization of statistical data (including that from the Brazilian Institute of Geography and Statistics, IBGE), as well as the qualitative analysis of policy documents, reports and public statements from civil society organizations and EU institutions are used. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the interaction between Brazilian and EU civil societies as an independent level of international partnership. For the first time in the Russian scientific researches, the mechanisms of influence of NGOs on Brazil's foreign policy have been analyzed in such detail, including their role in suspending the ratification of the trade agreement with the EU, and cyclical dependencies between the domestic political situation and the level of activity of the civil sector have been identified. The results of the study demonstrate that Brazilian civil society not only engages in dialogue with European partners through such formats as the EU — Brazil Round Table, but is also able to influence the country's foreign policy course. While EU support strengthens democratic institutions and promotes a “green transition,” there is also a risk of NGOs being used for external interference. In conclusion, it is emphasized that a sustainable partnership between Brazil and the EU is impossible without the involvement of civil society, which is both a resource for cooperation and a potential source of tension.

Key words: non-governmental organizations, sustainable development, EU — Brazil Round Table, partnership asymmetry, shared values

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Olkhovskaia, V.S. (2025). The role of civil society in the strategic partnership between Brazil and the EU. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 758–772. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-758-772>

Введение

Европейский союз (ЕС) и Федеративная Республика Бразилия развивают долговременное и продуктивное сотрудничество, охватывающее широкий спектр областей и интересов. Расширяются контакты в сфере гуманитарных вызовов, а именно вопросов защиты окружающей среды, в частности

целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, развития образовательного процесса, усиления потенциала научно-исследовательских и конструкторских работ и диалога по линии гражданских обществ региона. ЕС стремится расширить свои отношения со всеми странами Латинской Америки, а сотрудничество происходит на многостороннем уровне, охватывающем экономические, политические

и социальные аспекты. Взаимодействие с гражданским обществом играет важную роль в развитии партнерства и обмене опытом. Отношения между Евросоюзом и Бразилией являются комплексными и приносят взаимные выгоды, что обуславливает значимость и перспективность этих отношений.

Гражданское общество в Бразилии развивается в различных форматах социальной и политической активности граждан. Среди таких форматов — неправительственные (НПО) и некоммерческие (НКО) организации и фонды, профсоюзные сообщества и образовательные союзы. Гражданские объединения в стране год от года играют более активную роль в жизни государства, оказывая влияние на социально-политическую жизнь страны. В данном исследовании основное внимание будет уделено роли НПО и НКО в развитии отношений между Бразилией и ЕС.

Цель исследования заключается в выявлении этапов эволюции активного участия гражданских обществ стран Южной Америки в решении внутривнутриполитических и внешнеполитических вызовов на примере взаимодействия между гражданскими организациями Бразилии и Европейского союза.

В основу методологии исследования положен подход Р. Дарендорфа, который исследовал гражданские объединения и дал свое определение этому феномену. Гражданское общество — это «ткань совместной жизни людей, которая не нуждается для своего существования в государстве (а точнее, не нуждается в его поддержке для предотвращения „неудобств естественного состояния“). Гражданское общество существует за счет инициатив снизу, ассоциаций, которых должно быть так много, чтобы правам меньшинств не угрожали никакие монополистические притязания других меньшинств и никакие тенденции внутри большинства» (Дарендорф, 2002). Также теоретико-методологической основой исследования послужили работы Д. Кина (Keane, 1998), исследовавшего гражданское общество как форму критического анализа роли гражданских объединений в современном демократическом государстве.

Наряду с этим для построения методологической базы исследования автор опирался на подход российских исследователей Н.А. Колесниковой и Е.В. Рябовой, изучающих феномен гражданского общества через призму истории и философии (Колесникова, Рябова, 2016, с. 28–31).

Для последовательного изучения роли гражданских обществ в феномене стратегического партнерства Бразилии и ЕС в исследовании совмещены системный подход и традиционное обобщение фактологического материала.

В российской науке проводились исследования различных аспектов деятельности НКО и НПО в странах Латинской Америки. Так, Э.Е. Кузнецова поднимала вопросы про социальную политику, исследовала изменение роли государства в социальной сфере и новые подходы к решению социальных вопросов (Кузнецова, 2012). В работах А.А. Малашенковой и О.Г. Харитоновой анализируются уровень гражданского участия в демократических странах Латинской Америки (Малашенкова, Харитонов, 2022, с. 247–252), а Л.В. Дьякова исследует деятельность крупных неправительственных организаций в социальной сфере, а также реализацию политики мультикультурализма (Дьякова, 2022, с. 7–13). Л.А. Гайнутдинова рассматривает зарождение гражданского общества и характер его связи с государством (Гайнутдинова, 2009).

Специалистами по сотрудничеству Латинской Америки и ЕС в сфере политических, социальных и экономических аспектов являются А.А. Канунников (2021) и В.М. Тайар (2018; 2020; 2022).

Отношения между Евросоюзом и Бразилией являются комплексными и приносят взаимные выгоды, что обуславливает значимость и перспективность этих отношений. Уже в 2000-х гг. началось системное оформление двустороннего диалога, включая создание рамок стратегического партнерства (Борзова, 2013). Многовекторный анализ контактов между Европейским союзом, наиболее успешным интеграционным объединением

Старого Света, и активными гражданскими кругами Латинской Америки приобретает особую актуальность в условиях глобального мира. ЕС последовательно расширяет донорские программы в поддержку неправительственных и некоммерческих организаций по всему миру, что сопровождается ростом бюджетных ассигнований на соответствующие инициативы. До 2027 г. финансовые органы ЕС выделили свыше 1,6 млрд евро на укрепление гражданского общества за пределами блока. Основным инструментом распределения этих средств выступает Европейский инструмент демократии и прав человека (ЕИДПЧ), однако общий объем поддержки гражданских организаций со стороны Европы по другим направлениям финансирования значительно превышает указанную сумму безвозмездной помощи¹.

Понимание этой динамики и налаживание устойчивого диалога с широкими общественными кругами в Латинской Америке способны повысить эффективность реализации двусторонних соглашений и укрепить партнерство между регионами.

Сотрудничество гражданских обществ Латинской Америки с ЕС

В первые два десятилетия XXI в. гражданские общества многих стран Латинской Америки значительно усилили свое влияние на политические и социальные процессы. НПО активно участвуют в дебатах по экономике и политике, отстаивая свои позиции как во внутренней, так и во внешней политике (Lage & Brant, 2008).

На развитие и количество НКО и НПО в различных странах влияют такие факторы, как зрелость демократических институтов, уровень экономического развития, общественная и государственная стабильность,

а также степень социальной напряженности — об этом свидетельствуют исследования в области гражданского общества, такие как работы Б. Вамплера и Л. Авритцера, посвященные Бразилии. Сегодня большинство таких организаций действуют независимо от государства и самостоятельно определяют свои цели и стратегические направления (Wampler & Avritzer, 2004).

За последние 20 лет связи между гражданскими обществами стран Европы и Южной Америки существенно укрепились. Это связано с ростом интереса к таким ценностям, как демократия, расширение гражданского контроля за государственной политикой, права и свободы человека, а также экологическая повестка. Актуальность этих тем особенно высока в Латиноамериканском регионе, где еще полвека назад преобладали авторитарные режимы (Канунников, 2016, pp. 92–96).

Латинская Америка проявляет значительный интерес к опыту ЕС в науке, технологиях, экономике, трудовых стандартах и взаимодействии властей с гражданским обществом. ЕС развивает сотрудничество с регионом на основе общих ценностей. Подобные процессы подробно рассматриваются в монографических исследованиях российских экспертов (Канунников, 2014). Яркий пример транснационального сотрудничества — работа НПО *Plan International*², действующей в 75 странах, включая Бразилию, и сосредоточенной на поддержке уязвимых групп населения. Эволюция гражданского сектора в Европе позволила расширить форматы взаимодействия: в настоящее время гуманитарные инициативы в регионе могут реализовывать не только структуры при ЕС, но и независимые европейские НКО.

Среди других значимых акторов — Фонд Фридриха Эберта³, реализующий в Бразилии проекты в пяти ключевых направлениях:

¹ World NGO Day: Statement by the High Representative/Vice-President Josep Borrell // The Diplomatic Service of the European Union. February 26, 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/world-ngo-day-statement-high-representativevice-president-josep-borrell-2_en (accessed: 02.02.2024).

² About Plan International // Plan International. URL: <https://plan-international.org/about/> (accessed: 28.02.2024).

³ «Фонд имени Фридриха Эберта» признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

демократия, устойчивое развитие, безопасность, экономика и молодежное образование⁴. Фонд имени Конрада Аденауэра⁵ работает в стране с 1969 г., продвигая европейские ценности во внутренней и внешней политике⁶. Фонд имени Розы Люксембург⁷ совместно с бразильским Институтом энергетики и окружающей среды разработал рекомендации по «зеленому переходу» автомобильной промышленности⁸. Для немецких НПО Латинская Америка, и особенно Бразилия, стала важной площадкой для продвижения ценностей ЕС и формирования партнерств с местным гражданским обществом.

Европейский союз развивает сотрудничество с регионом на основе общих ценностей, уделяя особое внимание поддержке НПО в сферах прав человека, управления, энергетики, экологии, образования и культуры⁹. ЕС подчеркивает важность верховенства закона и демократии, используя для этого свои делегации в странах Латинской Америки, которые поддерживают диалог с местными организациями.

Европейский экономический и социальный комитет (ЕЭСК) укрепляет связи с гражданским обществом региона, в том числе через Совет экономического и социального развития Бразилии, где обсуждаются ключевые внутренние и внешние вызовы¹⁰. Создание устойчивых диалоговых механизмов между гражданскими обществами ЕС и Латинской

Америки стало частью стратегии ЕЭСК. Активное участие гражданского сектора считается необходимым условием реализации двусторонних инициатив. В 2015 г. как ЕС, так и большинство латиноамериканских стран поддержали Цели устойчивого развития и Парижское соглашение по климату (Бразилия..., 2019, с. 112–136), что дало дополнительный импульс «зеленой» повестке в регионе.

ЕС стремится обеспечить, чтобы партнерство с Латинской Америкой было значимым для местных сообществ. С этой целью ЕЭСК включает положения о взаимодействии с НПО в официальные документы, а делегации ЕС на местах поддерживают практическое сотрудничество. При необходимости ЕЭСК содействует созданию институтов гражданского управления. Такой подход уже дал результаты: формат диалога с участием бразильского гражданского общества стал моделью для расширения партнерства с другими странами региона¹¹. Для ЕС это не только ускоряет развитие отношений, но и создает основу для реализации политики «мягкой силы» через поддержку местных НПО.

Еще один важный пример — форум «ЕС — Сообщество Андских государств», проведенный в Брюсселе в 2005 г. Его участники обсуждали экологию, социальное неравенство, демократию и права человека. Успешный итог форума привел к запуску в 2007 г. программы

⁴ FES Brasil // Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://brasil.fes.de/quem-somos/fes-brasil> (accessed: 16.02.2024).

⁵ «Фонд имени Конрада Аденауэра» признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

⁶ Our Work in Brazil // Konrad Adenauer Stiftung. URL: <https://www.kas.de/en/web/brasilien/unsere-arbeit-in-brasilien> (accessed: 16.02.2024).

⁷ «Фонд имени Розы Люксембург» признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

⁸ The Brazilian Automotive Industry Transition. Rosa Luxemburg Stiftung. April, 2021 // IEMA. URL: https://energiaeambiente.org.br/wp-content/uploads/2021/06/eng_RosaLuxemburgFoundation_IEMA.pdf (accessed: 16.02.2024).

⁹ Promotion of Trade and Sustainable Agenda in Brazil and the European Union MERCOSUR Association Agreement // The Diplomatic Service of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/1.2.cds_ue_relatorio_englishversion.pdf (accessed: 08.02.2024).

¹⁰ The Economic and Social Development Council (CDES) // Gestão de Conteúdo. URL: https://gestaoconteudo.presidencia.gov.br/gestao_cdes/en/the-council/about (accessed: 05.02.2024).

¹¹ Haider W., Batalla I. Revisiting Bi-Regional Relations: The EU — Latin American Dialogue and Diversification of Interregional Cooperation. Hamburg : EU — LAC Foundation, 2020. URL: https://epub.sub.uni-hamburg.de/epub/volltexte/2021/123961/pdf/web_version_revisiting_relations_eu_lac_dialogue_end.pdf (accessed: 05.02.2024).

«Расширение деятельности гражданских обществ в государствах Андского сообщества наций» (Канунников, 2021, с. 8–10).

Таким образом, целенаправленная поддержка гражданского общества Латинской Америки позволила ЕС укрепить свои позиции в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) и эффективно продвигать свои внешнеполитические интересы через устойчивое, ценностно ориентированное партнерство.

Влияние гражданского общества Бразилии на политику страны в регионе: динамика отношений с ЕС и внутривнутриполитическая турбулентность

Неправительственные и некоммерческие организации, формирующие гражданское общество, оказывают прямое влияние как на внутреннюю политику Бразилии, так и на ее внешнеполитический курс.

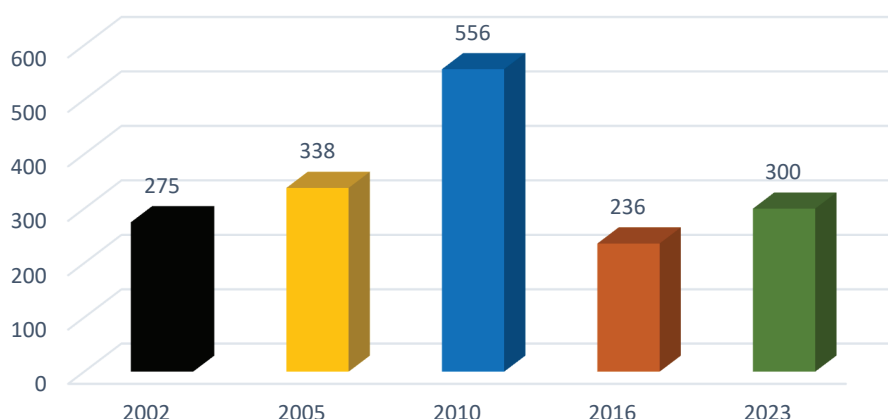

Рис. 1. Общее количество НКО и НПО в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

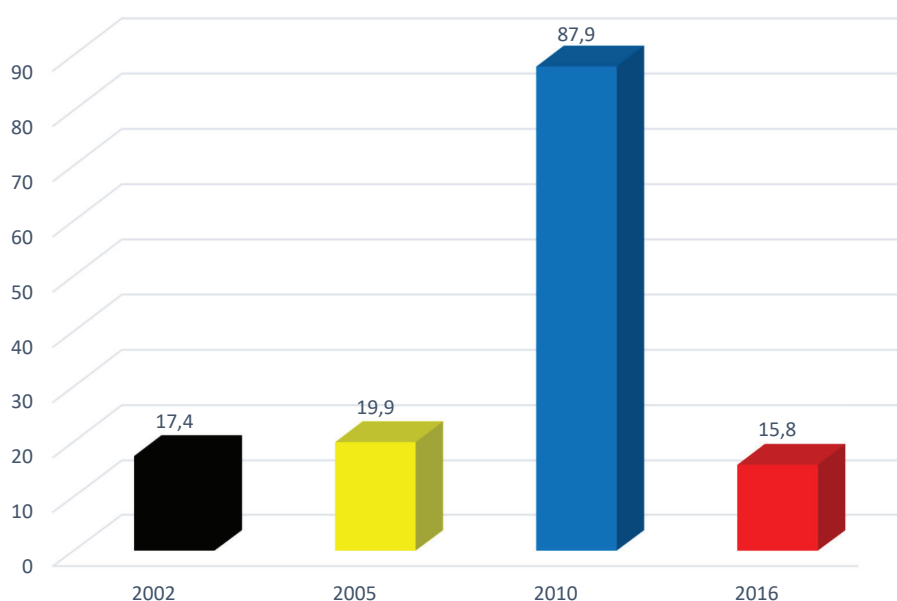

Рис. 2а. Количество НКО и НПО в сфере образования и науки в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

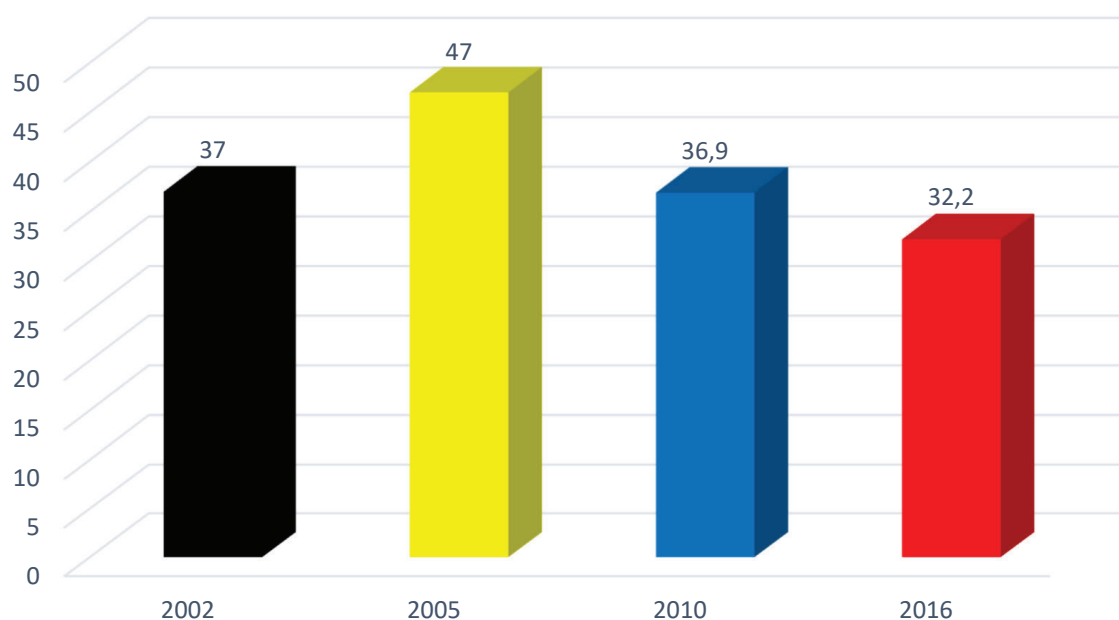

Рис. 2б. Количество НКО и НПО в сфере культуры и развлечений в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

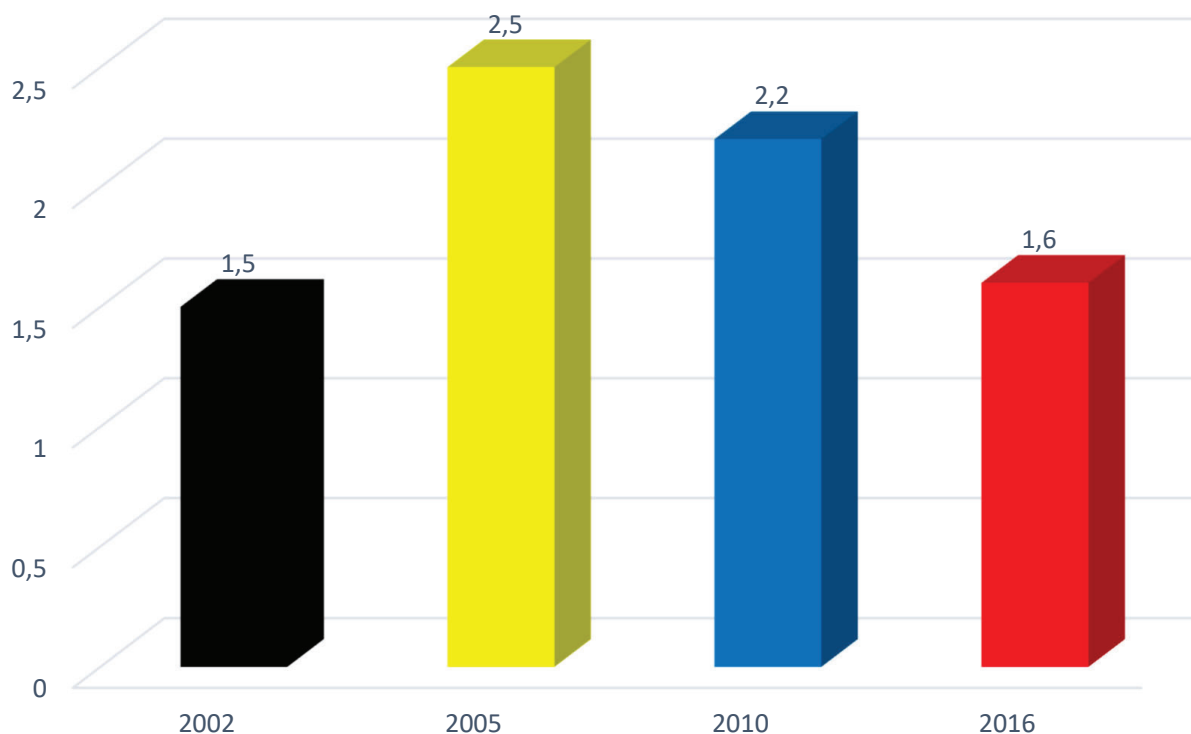

Рис. 2в. Количество НКО и НПО в сфере охраны окружающей среды и защиты животных в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

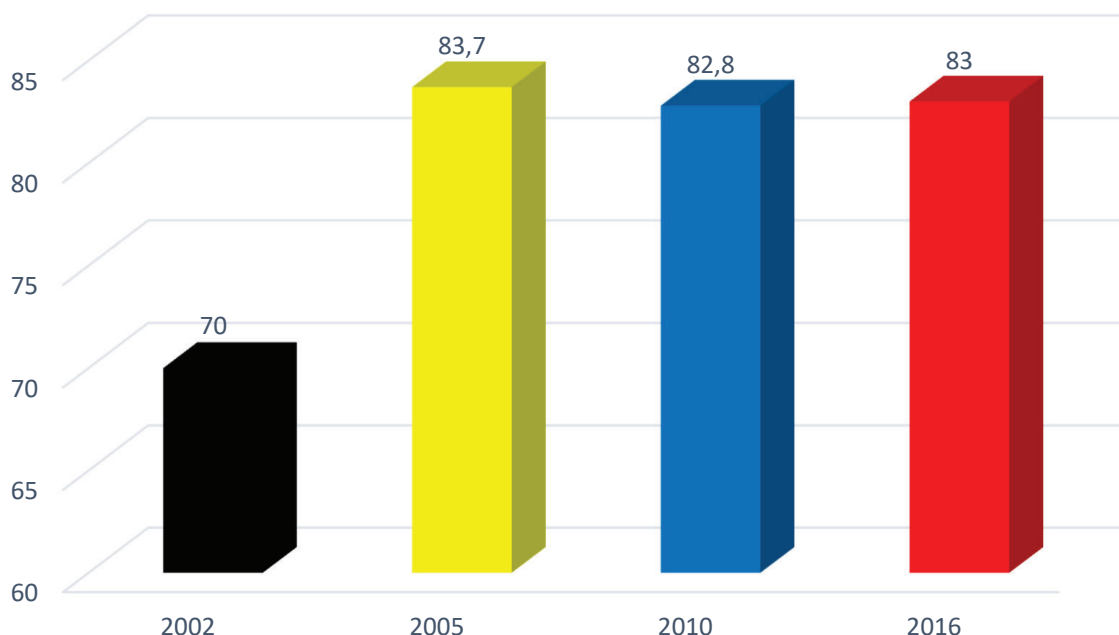

Рис. 2г. Количество НКО и НПО в сфере религии в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

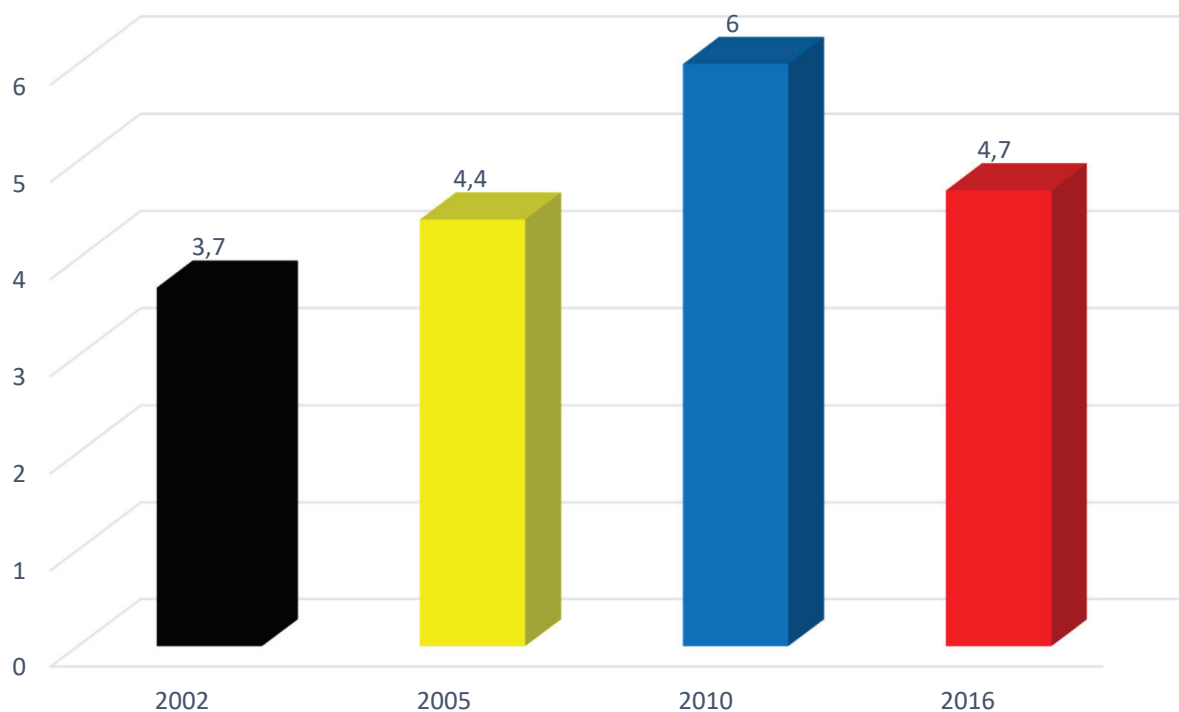

Рис. 2д. Количество НКО и НПО в сфере здравоохранения в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

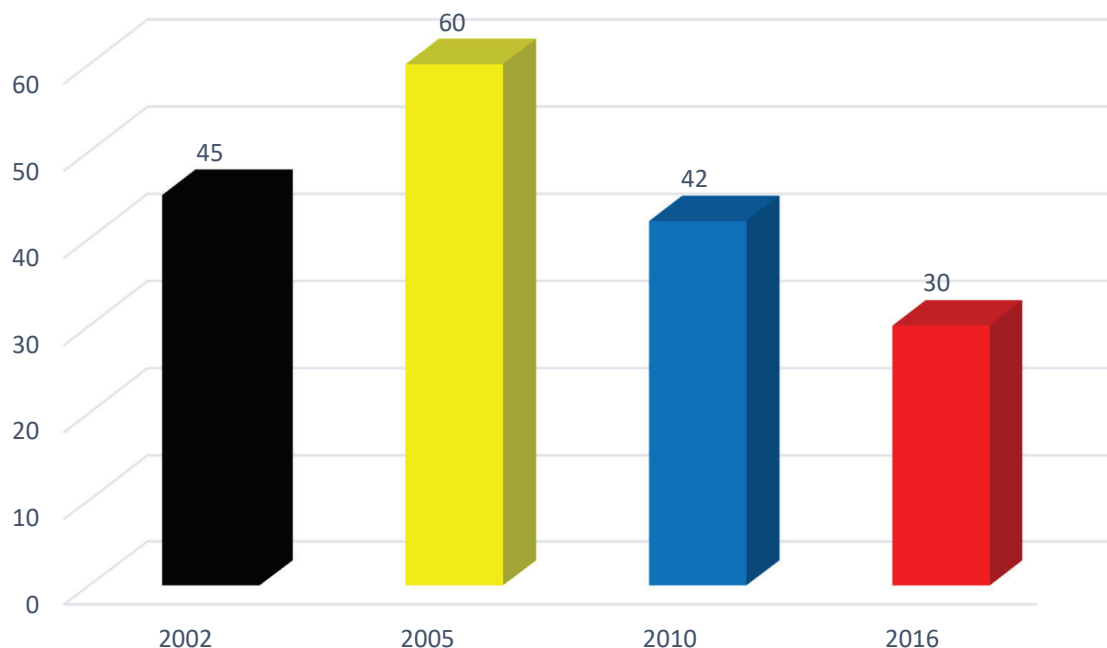

Рис. 2е. Количество НКО и НПО в сфере защиты прав и свобод человека в Бразилии в 2002–2023 гг., тыс.

Источник: составлено В.С. Ольховской по данным: FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

Анализ данных Географического и статистического института Бразилии (IBGE) за 2002–2016 гг. (рис. 1) выявляет четкую корреляцию между политикой административных органов, уровнем свободы слова и числом зарегистрированных НПО и НКО. В период президентства Л.И. Лулы да Силвы (2003–2010 гг.), продолжившего курс Ф. Кардозу на демократизацию и социально ориентированную политику, число гражданских организаций резко выросло: только в 2005 г. — на 21 % по сравнению с 2002 г. К 2010 г. их общее количество увеличилось более чем на 100 % (на 281 тыс. организаций) (рис. 2а–2е). Особенно заметен рост в сфере здравоохранения (рис. 2д) (+ 62 %), а также образования и науки (рис. 2а) (в 4,5 раза). Такая политика укрепила международный имидж бразильской демократии и способствовала расширению партнерства с Европой (Barbosa, 2007).

С приходом к власти Дилмы Руссефф (2011–2016 гг.) поддержка гражданского

сектора ослабла, а коррупционный скандал 2016 г., приведший к ее импичменту¹², ускорил «правый поворот» в стране. На этом фоне государственное финансирование НПО резко сократилось: к 2016 г. число зарегистрированных организаций снизилось более чем вдвое. Например, количество образовательных и научных НКО сократилось с 88 тыс. (2010) до 16 тыс. (2016). При М. Темере, занявшем пост президента в 2016 г., началась эпоха консервативных администраций, переориентировавших внешнюю политику Бразилии в сторону США. Государство стало ограничивать деятельность гражданского общества: число организаций, занимающихся правами человека, сократилось на 18 тыс., экологических — на 29 % по сравнению с 2010 г. (и на 50 % относительно 2005 г.), а в сфере здравоохранения — на 27 %.

Хотя официальная статистика по периоду правления Жаира Болсонару (2019–2022) еще не опубликована, наблюдается явное усиление центробежных тенденций. Его

¹² В Бразилии набирают обороты протесты против коррупции властей // ТАСС. 18.03.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2750824> (дата обращения: 28.02.2024).

администрация ослабила экологическое законодательство, что привело к резкому росту объемов вырубки лесов в Амазонии — на 54 % в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Политика в отношении коренных народов, включая заморозку демаркации их земель, вызвала протесты. Организации типа Движения безземельных крестьян и бездомных рабочих были объявлены «террористическими», что усилило конфронтацию между властью и гражданским обществом (Канунников, 2020, с. 48–49). Усилилась и практика цензурирования НПО.

Влияние гражданского общества проявилось и на международной арене. В 2019 г. накануне завершения переговоров по соглашению ЕС — МЕРКОСУР более 340 организаций опубликовали открытое письмо с требованием приостановить сделку из-за ухудшения правозащитной и экологической ситуации в Бразилии¹³. Это давление, поддержанное президентом Франции Э. Макроном¹⁴, привело к фактической приостановке ратификации соглашения.

Переговоры возобновились лишь после возвращения к власти Л.И. Лулы да Силвы. С его повторным избранием в 2022 г. начался возврат к политике открытости и поддержки гражданского сектора. По имеющимся данным, число НПО и НКО выросло до 300 тыс., и их общее количество на 2023 г. возросло на 7,8 % по сравнению с 2021 г.¹⁵ Поддержка со стороны гражданского общества стала одним из ключевых факторов победы Л.И. Лулы да Силвы. Гражданское общество сыграло заметную роль в мобилизации поддержки на выборах, став одним из опорных элементов политической стратегии нового президента. Новая

администрация заявила о намерении вовлекать население в принятие решений и активизировать государственные инвестиции в здравоохранение, образование, защиту трудовых прав и охрану окружающей среды. В этом контексте сохраняют значимую роль и религиозные некоммерческие организации — их число остается стабильным (около 70–80 тысяч с начала 2000-х гг.)¹⁶, несмотря на общую тенденцию в обществе на снижение доли католиков, рост числа последователей евангельских течений и увеличение числа людей, не идентифицирующих себя с какой-либо религией. При этом представители как левоцентристских, так и консервативных правительств в разные годы продолжали оказывать различные формы поддержки религиозным НКО.

В целом левоцентристские администрации стремились развивать гражданское общество, вовлекать его в диалог с европейскими партнерами и расширять государственное участие, тогда как правые кабинеты сокращали финансирование, ограничивали независимость НПО и приближались к прямой цензуре. Наиболее ярко эти тенденции проявились в годы президентства Ж. Болсонару (2019–2022 гг.).

Взаимодействие НКО и НПО Бразилии и ЕС: трудности и перспективы

Отношения между ЕС и Бразилией строятся на многоуровневом взаимодействии, включающем не только государственных, но и негосударственных акторов. Институты гражданского общества играют ключевую роль в укреплении социально-экономического партнерства и продвижении региональной

¹³ Open Letter. Subject: 340+ Organisations Call on the EU to Immediately Halt Trade Negotiations with Brazil. June 17, 2019 // European Trade Justice Movement. URL: <https://europeantradejustice.org/wp-content/uploads/2019/06/Joint-letter-Brazil-EU-Mercosur.pdf> (accessed: 14.11.2025).

¹⁴ Gonzales J. World's Biggest Trade Deal in Trouble over EU Anger at Brazil Deforestation // Mongabay. July 6, 2020. URL: <https://news.mongabay.com/2020/07/worlds-biggest-trade-deal-in-trouble-over-eu-anger-at-brazil-deforestation/> (accessed: 14.11.2025).

¹⁵ Número de OSCs no Brasil cresce 7,8 % entre 2021 e 2023 // Associação Brasileira de Captadores de Recursos. 21 de maio de 2024. URL: <https://captadores.org.br/noticias/numero-de-oscs-no-brasil-cresce-78-entre-2021-e-2023/> (accessed: 14.11.2024).

¹⁶ FASFIL — Private Foundations and Non-Profit Associations in Brazil // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/other-economic-statistics/17153-private-foundations-and-non-profit-associations-in-brazil.html?edicao=24170&t=destaques> (accessed: 28.02.2024).

интеграции. Несмотря на различия в историческом и культурном контексте, стороны развивают диалог на национальном, субрегиональном и региональном уровнях.

В Бразилии действует свыше 300 тыс. неправительственных организаций¹⁷, решающих социальные и политические задачи, внедряющих инновации, участвующих в международных инициативах и влияющих на противодействие региональным и глобальным вызовам. Финансирование НПО осуществляется за счет государственного бюджета, частных пожертвований и зарубежных инвестиций, в том числе от ЕС — одного из ключевых партнеров страны. Как уже отмечалось, в основе сотрудничества лежат общие ценности в области демократии, устойчивого развития и прав человека. Представительство ЕС в Бразилии ведет структурированный диалог с гражданским обществом как напрямую, так и при поддержке властей.

С 2007 г. действует специальный фонд поддержки отраслевого сотрудничества ЕС и Бразилии, направленный на развитие стратегического партнерства через равноправное взаимодействие бизнеса и обмен технологиями, а также укрепление политического и технического диалога по взаимно значимым темам. Уже в Плане совместных действий 2008 г. стороны зафиксировали намерение расширять взаимодействие гражданских обществ через регулярные консультации и круглые столы в рамках двусторонней институциональной архитектуры¹⁸.

Одним из таких проектов является Круглый стол представителей гражданского общества Бразилии и Европейского союза, реализуемый с 2009 г. Его непосредственными бенефициарами являются Совет

по экономическому и социальному развитию Бразилии и Европейский экономический и социальный комитет¹⁹. Круглый стол гражданского общества ЕС — Бразилия представляет собой механизм регулярных консультаций для расширения и рационализации вмешательства гражданского общества в рамках действующего Стратегического партнерства и политического диалога между сторонами, а также является частью институциональной архитектуры стратегического партнерства между ЕС и Бразилией. Форум постоянного диалога по вопросам гражданского общества функционирует для подготовки анализа и рекомендаций, которые обсуждаются на саммитах глав государств обеих сторон.

Круглый стол собирается два раза в год, затем его рекомендации передаются европейским институтам и правительству Бразилии для включения в саммит глав государств. Организация круглого стола регулируется системой совместного председательства между партнерами. В повестку дня круглого стола Европы и Бразилии входят как многосекторальные вызовы в сфере совместной интеграции и взаимодействия, так и вопросы внешнеполитического, глобального характера, такие как окружающая среда и энергетика²⁰.

Работа Круглого стола гражданского общества ЕС — Бразилия представляет собой стабильную основу для периодических встреч и обмена мнениями по темам, рассматриваемым в контексте Стратегического партнерства. Вопросы повестки тесно связаны с темами, которые обсуждаются лидерами ЕС и Бразилии на встречах на высшем уровне и фиксируются в совместных заявлениях по итогам проведенных мероприятий.

¹⁷ What is NGO in Brazil? // Road less Traveled Store. URL: <https://www.roadlesstraveledstore.com/what-is-ngo-in-brazil/> (accessed: 22.02.2024).

¹⁸ Joint Action Plan. Brazil — European Union Strategic Partnership Joint Action Plan // Delegation of the European Union to Brazil. January 14, 2009. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/brazil/joint-action-plan_en?s=191 (accessed: 07.02.2024).

¹⁹ Roundtable Meeting of the Civil Societies of Brazil and the European Union // Sector Dialogues. European Union — Brazil. URL: <https://eubrdialogues.com/projects/reunio-da-mesa-redonda-das-sociedades-civis-do-brasil-e-da-unio-europeia> (accessed: 10.02.2024).

²⁰ Ibid.

На первых заседаниях Круглого стола в 2011–2012 гг. стороны занимались проработкой вопросов подготовки к Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20»²¹, а также выработали руководящие принципы действий в рамках 30 отраслевых диалогов, охватывающих, в частности, права человека, науку и технологии²².

В 2014 г. федеральные чиновники ЕС наряду с представителями Бразилии в сфере организаций гражданского общества приняли участие во II Международном семинаре по нормативно-правовой базе для организаций гражданского общества²³, организованном при проекте поддержки секторального диалога между ЕС и Бразилией и направленном на обсуждение инструментов распространения и совершенствования правовых инструментов, государственной политики и стратегий для создания нормативно-правовой базы, а также на углубление знаний о механизмах сотрудничества и регулирования, регламентирующих совместные инициативы НПО двух сторон.

В ноябре 2020 г. на базе Круглого стола прошел семинар гражданского общества ЕС — Бразилия, где встретились представители гражданских обществ стран ЕС и Бразилии и рассматривалась текущая ситуация и передовой опыт в области обеспечения прав человека в Бразилии и ЕС²⁴. Дискуссии продемонстрировали приверженность обеих сторон дальнейшему продвижению и укреплению

прав человека внутри страны и на международном уровне на основе их общих взглядов и общих ценностей.

В 2020 г. Европейский союз запустил новую инициативу по поддержке активных слоев населения Бразилии в рамках Европейского инструмента для демократии и прав человека. Целью этой программы является содействие гражданским организациям, выступающим за преодоление социальной несправедливости и укрепление демократических институтов, в частности правозащитных структур в Бразилии²⁵.

Программа представляет собой грантовый конкурс на получение финансирования неправительственными и общественными организациями Бразилии (на общую сумму 2,6 млн евро), работающими по двум ключевым направлениям.

Первое направление предполагает защиту прав и свобод коренных народов Бразилии. Среди бразильских гражданских организаций, специализирующихся на защите интересов автохтонного населения и взаимодействующих с европейскими институтами гражданского общества, следует отметить такую стратегически значимую структуру, как Объединение коренных народов Бразилии (*A Articulação dos Povos Indígenas do Brasil*, APIB), которая занимается продвижением прав коренных народов, развитием медиадискуссии и привлечением внимания к вопросам сохранения их традиционных земель. В состав APIB²⁶ входят

²¹ Reunião da Mesa-Redonda da sociedade civil UE — Brasil. Porto, 7–9 de Novembro de 2011 // Federação das Associações de Desenvolvimento Local em Portugal. URL: https://www.minhaterra.pt/wst/files/11_11_15_Final_declaration_V_RT_EU-BR_PT.pdf (accessed: 10.02.2024).

²² CDES entrega parecer da sociedade civil sobre desenvolvimento sustentável a Chefes de Estado // CBIC. 25 enero 2013. URL: <https://cbic.org.br/cdes-entrega-parecer-da-sociedade-civil-sobre-desenvolvimento-sustentavel-a-chefes-de-estado/> (accessed: 11.02.2024).

²³ II Seminário Internacional do Marco Regulatório das Organizações da Sociedade Civil // Diálogos. União Europeia — Brasil. URL: <https://eubrdialogues.com/proyecto.php/ii-seminario-internacional-do-marco-regulatorio-das-organizaes-da-sociedade-civil?url=ii-seminario-internacional-do-marco-regulatorio-das-organizaes-da-sociedade-civil> (accessed: 14.02.2024).

²⁴ 9th EU — Brazil Human Rights Dialogue // The Diplomatic Service of the European Union. December 2, 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/9th-eu-brazil-human-rights-dialogue_en (accessed: 13.02.2024).

²⁵ EU Announces European Instrument for the Promotion of Democracy and Human Rights (Brazil) // Grants and Resources for Sustainability. March 3, 2020. URL: <https://www2.fundsforngos.org/latest-funds-for-ngos/eu-announces-european-instrument-for-the-promotion-of-democracy-and-human-rights-brazil/> (accessed: 14.02.2024).

²⁶ Sobre a APIB // Articulação dos Povos Indígenas do Brasil (APIB). URL: <https://apiboficial.org/sobre/> (accessed: 14.11.2025).

более мелкие местные объединения, активно участвующие в защите прав коренных сообществ, такие как Объединение коренных народов Северо-Востока, Минас-Жерайс и Эспириту-Санту (APOINME), Совет народа Терена, Объединение коренных народов (ARPINSUDESTE), Объединение коренных народов Юга (ARPINSUL), Большой совет Народа гуарани (ATY GUASU), Координация организаций коренных народов Амазонии Бразилии (COIAB) и Комиссия Ивирупа Гуарани.

Вторым направлением сотрудничества ЕС и Бразилии в сфере НПО и НКО является финансирование проектов бразильских гражданских организаций в сфере защиты прав человека: поддержка правозащитников и организаций гражданского общества, которые работают над проблемами, связанными с нарушениями прав человека и посягательствами на основные свободы в Бразилии (финансирование любого из проектов из второго направления представляется возможным на сумму гранта в пределах от 800 тыс. до 1 млн евро)²⁷.

Представительство ЕС в Бразилии также регулярно призывает молодежные организации к участию в своих консультациях и мероприятиях по сотрудничеству. На данный момент представительство ЕС в Бразилии работает над созданием нового совета сотрудничества молодежных гражданских организаций ЕС — Бразилия, учитывая успешный опыт создания Молодежного совета при Комиссаре и Генеральной дирекции по международному партнерству²⁸.

В конце 2022 г. представители одних из самых влиятельных гражданских объединений Бразилии (Конектас — организация по правам человека (*Conectas Direitos Humanos*), Черная коалиция за права в Бразилии (*Coalizão Negra por Direitos*), Статья 19 (*Artigo 19*), Комиссия

Арнса (*Comissão Arns*)) совершили визит в Европейский союз, где произошла встреча с главными представительствами европейской политики как на уровне интеграционного блока Европы, так и в международном формате. В частности, был налажен плодотворный контакт с Европарламентом и с представителями Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Повестка дня европейского турне бразильских организаций строилась вокруг проблемы роста политического насилия в Бразилии в период выборов. Благодаря присутствию нескольких организаций, представляющих бразильское гражданское общество, делегация в Европе стремилась увеличить сеть международной поддержки результатов всеобщих выборов 2022 г. и создать базу для их международного признания²⁹.

Важно также затронуть фактор оценки сотрудничества ЕС и Бразилии по линии гражданских обществ. Бразильские НПО часто дискутируют о необходимости создания более справедливой базы взаимодействия Европы и Бразилии, в частности редукации «неравенства отношений». Организации гражданского общества Бразилии опасаются экспансии ЕС в Бразилии в сфере культуры, политики и экономики. Эта проблема асимметрии стратегического партнерства подробно анализируется в работах ряда латиноамериканских исследователей (Saravia, 2014). Гражданские общества республики акцентируют внимание на том, что в расширении партнерства с ЕС необходимо учитывать «асимметричный» формат отношений, и предостерегают правительство республики от рисков усиления контактов в современном формате сотрудничества. Организации гражданского общества Бразилии опасаются экспансии ЕС в Бразилии в сфере культуры, политики

²⁷ Sobre a APIB // Articulação dos Povos Indígenas do Brasil (APIB). URL: <https://apiboficial.org/sobre/> (accessed: 14.11.2025).

²⁸ The European Union and Brazil — Civil Society // Delegation of the European Union to Brazil. August 2, 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/brazil/european-union-and-brazil-civil-society_en?s=191 (accessed: 15.02.2024).

²⁹ Brazilian Organizations Visit European Union to Denounce Bolsonaro's Attacks on Electoral System // Conectas Direitos Humanos. August 9, 2022. URL: <https://www.conectas.org/en/noticias/brazilian-organizations-visit-european-union-to-denounce-bolsonaros-attacks-on-electoral-system/> (accessed: 18.02.2024).

и экономики³⁰. Основной целью дискуссии НПО республики в этой сфере является стремление создать плацдарм для переосмысления отношений и объединения на справедливых условиях. Как представляется, несмотря на трудности, прослеживается положительная динамика сотрудничества ЕС и Бразилии по линии гражданских обществ, и приход к власти Л.И. Лулы да Силвы ускорит центристские процессы в этом формате сотрудничества, тем самым расширив многовекторный формат отношений ЕС и Бразилии.

Заключение

Сотрудничество между Европейским союзом и Бразилией приобретает все более многосторонний характер, охватывая политику, торговлю (включая переговоры по соглашению ЕС — МЕРКОСУР), экологию и глобальные вызовы. Ключевую роль в этом процессе играют институты гражданского общества. Взаимодействие строится на многоуровневой основе — от национального до регионального — и поддерживается такими структурами, как Европейский экономический и социальный комитет, сотрудничающий

с латиноамериканскими НПО с конца 1980-х гг. Несмотря на политическую турбулентность в регионе и разногласия на межгосударственном уровне, диалог гражданских обществ остается устойчивым и продуктивным, опираясь на общие ценности и сетевые инициативы. Перспективы этого сотрудничества связаны, во-первых, с углублением обмена опытом через такие форматы, как Круглый стол ЕС — Бразилия, особенно в сферах прав человека, устойчивого развития и экологии, во-вторых, с расширением совместных проектов при поддержке европейского финансирования, в-третьих, с использованием гражданского общества как канала легитимного влияния на общественное восприятие интеграционных процессов.

Вместе с тем важно учитывать и риски: противоречия между государственной политикой и позициями НПО могут усиливать социальную напряженность, а внешнее влияние через гражданские структуры — потенциально подрывать суверенитет Бразилии. Таким образом, партнерство требует баланса между поддержкой демократических институтов и уважением национального суверенитета.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 22.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Борзова А.Ю. Развитие стратегического партнерства между Бразилией и Европейским союзом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 4. С. 47–57. EDN: PSNMTH
- Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле / отв. ред. В.М. Давыдов. Москва : Институт Латинской Америки РАН, 2019. EDN: GLPXWT
- Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество в Аргентине и Бразилии // Латинская Америка. 2009. № 11. С. 72–79. EDN: VIMDUP
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт : очерки политики свободы / [пер. с нем.]. Москва : РОССПЭН, 2002.
- Дьякова Л.В. Гражданское общество Латинской Америки перед вызовами времени и практики социальной солидарности в период COVID-19 // Латинская Америка. 2022. № 1. С. 6–22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0018048-1>; EDN: AUJUSD

³⁰ Open Letter. Subject: 340+ Organisations Call on the EU to Immediately Halt Trade Negotiations with Brazil. June 17, 2019 // European Trade Justice Movement. URL: <https://europeantradejustice.org/wp-content/uploads/2019/06/Joint-letter-Brazil-EU-Mercosur.pdf> (accessed: 14.11.2025).

- Канунников А. А. Диалог гражданского общества стран Латинской Америки и Европейского союза // Латинская Америка. 2021. № 6. С. 6–18. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0014980-7>; EDN: CWHHNA
- Канунников А. А. Европейский союз — Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество. Москва : Институт Европы РАН, 2014. EDN: TQHRLJ
- Канунников А. А. Неправительственные организации и соглашение о свободной торговле Евросоюз — Mercosur // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 47–53. EDN: EZMEQD
- Колесникова Н. А., Рябова Е. В. Гражданское общество в современной России. Москва : Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура», 2016. EDN: VNKUEB
- Кузнецова Э. Е. Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI в.: преемственность и перемены // Латинская Америка. 2012. № 6. С. 14–20. EDN: PBMKIN
- Малашенкова А. А., Харитонова О. Г. Президенты-популисты и гражданское общество в латиноамериканских демократиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 2. С. 247–267. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-247-267>; EDN: FMGJMG
- Тайар В. М. Европейский союз и Латинская Америка: межрегиональное экономическое взаимодействие в XXI веке // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 3. С. 23–43. EDN: ZTBKZK
- Тайар В. М. Евросоюз и Латинская Америка: основные формы и направления межрегионального сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3. С. 44–66. EDN: CRPNOY
- Тайар В. М. ЕС — Латинская Америка: переход на конструктивную модель сотрудничества // Современная Европа. 2020. № 6. С. 90–100. <https://doi.org/10.15211/soveurope6202090100>; EDN: SYFAQO
- Barbosa I. M. da S. P. Sociedade civil brasileira: ação, articulação e mobilização // Revista Terceiro Setor & Gestão De Anais — UNG-Ser. 2007. Vol. 1, no. 1. P. 34–38. URL: <https://revistas.ung.br/index.php/3setor/article/view/77> (accessed: 11.11.2024).
- Kanunnikov A. A. La Unión Europea y la sociedad civil de Latinoamérica // Iberoamérica. 2016. No. 4. P. 90–113. EDN: XESYXR
- Keane J. Civil Society: Old Images, New Visions. Cambridge : Polity Press, 1998.
- Lage D., Brant L. The Growing Influence of Non-Governmental Organizations: Chances and Risks // Anuário Brasileiro de Direito Internacional. 2008. No. III-1. P. 79–93. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r27121.pdf> (accessed: 12.09.2024).
- Saravia M. G. Os limites da parceria estratégica Brasil União Europeia nos planos interregional e multilateral // Anuario de Integración. 2014. No. 10. P. 400–422. URL: https://eulacfoundation.org/system/files/digital_library/2023-07/Os%20limites%20da%20parceira%20estrat%C3%A9gica.pdf (accessed: 12.04.2025).
- Wampler B., Avritzer L. Participatory Publics: Civil Society and New Institutions in Democratic Brazil // Comparative Politics. 2004. Vol. 36, no. 3. P. 291–312. <https://doi.org/10.2307/4150132>

Сведения об авторе:

Ольховская Виолетта Станиславовна — научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН; Российская Федерация, 115035, г. Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21/16; eLibrary SPIN-код: 7484-2010; ORCID: 0000-0002-4130-3783; e-mail: v.s.olkhovskaia@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-773-777
EDN: GRULPL

Рецензия на книгу:
Türkiye's Foreign Policy: A Century of Strategic Transformation /
ed. by M. Ataman, M. Yeşiltaş. Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 2024.
240 p.

В.И. Белов , **А.И. Евграфов**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 evgrafoffai@gmail.com

Сведения о финансировании. Публикация выполнена в рамках проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Для цитирования: Белов В.И., Евграфов А.И. Рецензия на книгу: Türkiye's Foreign Policy : A Century of Strategic Transformation / ed. by M. Ataman, M. Yeşiltaş. Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 2024. 240 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 773–777. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-773-777>

Book review:
Ataman, M., & Yeşiltaş, M. (Eds.). (2024).
Türkiye's Foreign Policy: A Century of Strategic Transformation.
Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 240 p.

Vladimir I. Belov , **Andrey I. Evgrafov**

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 evgrafoffai@gmail.com

Funding sources. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No.102502-2-000.

For citation: Belov, V.I., & Evgrafov, A.I. (2025). Book review: Ataman, M., & Yeşiltaş, M. (Eds.). (2024). Türkiye's foreign policy: A century of strategic transformation. Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 240 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 773–777. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-773-777>

© Белов В.И., Евграфов А.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Рецензируемая коллективная монография под редакцией Мухиттина Атамана и Мурата Йешилташа издана в 2024 г. авторским коллективом под эгидой одного из крупнейших аналитических центров Турции — «Фонда исследований политики, экономики и общества» (*Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA*) и приурочена к 100-летию основания Турецкой Республики 29 октября 2023 г. Работа посвящена многостороннему анализу современной внешней политики Турции в контексте принятого в октябре 2022 г. видения «Век Турции» (*Türkiye Yüzyılı*)¹. Как отмечают сами авторы, они ставили перед собой цель «исследовать изменения, произошедшие во внешней политике Турции со времен ранней Республики до нынешней эпохи, известной как „Век Турции“, а также определить, чем были вызваны изменения внешнеполитических стратегий и приоритетов» (Ataman & Yeşiltaş, 2024, p. 8).

Монография состоит как из статей, ранее опубликованных в одном из наиболее авторитетных турецких академических журналов *Insight Türkiye*, издаваемом SETA, так и ранее не изданных публикаций, подготовленных специально к выходу данного издания.

Книгу, включающую введение и 11 тематических глав, можно условно разделить на два смысловых блока. Первые три главы посвящены концептуализации турецкой внешней политики в период «Века Турции». Оставшиеся восемь глав сконцентрированы на анализе эволюции и текущего состояния отношений Турецкой Республики с различными географическими регионами. Все главы объединяет нарратив о стремлении Турции к внешнеполитической и экономической автономии.

В первой главе Хакан Фидан, министр иностранных дел Турции с июня 2023 г., рассматривает основы внешней политики Республики в контексте ее вступления во второе столетие своего существования. Этот период,

обозначаемый как «Век Турции», позиционирует страну как региональную и глобальную силу. Х. Фидан подчеркивает активную дипломатию Турции на фоне нарастающей турбулентности многополярного мира, акцентируя внимание на необходимости реформирования международных институтов, таких как ООН. Среди стратегических целей Турции — достижение региональной безопасности, защита национальных интересов и утверждение страны как преобразующего глобального актора. Автор также описывает дипломатические инициативы Турции в Сирии, Ираке, на Балканах и на Кавказе, подчеркивая стремление страны к роли посредника и создателя инклюзивных международных систем.

Во второй главе Мухиттин Атаман представляет «Век Турции» как всеобъемлющую внешнеполитическую доктрину, ориентированную на достижение автономии на мировой арене, стратегической диверсификации и регионального лидерства. Ученый определяет стратегические цели турецкой внешней политики как рост экономической мощи Республики, развитие ее отношений со странами афро-азиатского мира и достижение статуса глобального актора через более активное участие Турции в международных организациях. Эта новая внешнеполитическая парадигма, основанная на принципах справедливости, многосторонности и верховенства международного права, символизирует переход от периферийной роли Турции к центральной позиции в мировой политике.

Хасан Юкселен в третьей главе рассматривает «Век Турции» как стратегический дискурс — не просто внешнеполитическое видение, а нарратив, воплощающий стремление Республики к большей автономии на мировой арене. Он помещает этот дискурс в контекст глобальных трансформаций и внутренних изменений, подчеркивая, что стратегическая риторика может как соответствовать, так

¹ “With Our Century of Türkiye Programme, We Aim to Make a Strong Beginning to Our Republic’s New Century” // Presidency of the Republic of Türkiye. Directorate of Communications. October 28, 2022. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/english/haberler/detay/with-our-century-of-turkiye-programme-we-aim-to-make-a-strong-beginning-to-our-republics-new-century> (accessed: 07.04.2025).

и расходиться с практической реализацией. Особое внимание уделяется потенциальному разрыву между заявленными целями, риторическими установками и фактическими политическими результатами. Автор предостерегает, что эффективность дискурса требует институциональной поддержки и реалистичной политики во избежание несогласованности.

В четвертой главе Кемаль Инат и Филиз Джиджиоглу анализируют эволюцию и нарастающее отчуждение в отношениях Турции с Европейским союзом (ЕС). Несмотря на историческую значимость европейского направления в турецкой внешней политике, важность данного направления снизилась на фоне политических разногласий, в частности относительно Кипра, Восточного Средиземноморья и процесса вступления Турции в ЕС. Хотя Евросоюз остается одним из основных экономических партнеров Турции, авторы подчеркивают растущий разрыв между экономической взаимозависимостью и политическими разногласиями между ними. Отмечается, что автономная политика правящей Партии справедливости и развития (ПСР) (*Adalet ve Kalkınma Partisi*) вступает в противоречие с ожиданиями Европы, что приводит к взаимному недоверию. Автор видит три сценария развития отношений между Турцией и ЕС:

- 1) ЕС признает Турцию как независимого международного игрока и равного партнера;
- 2) ЕС продолжает антагонизировать Турцию;
- 3) ЕС старается сменить правящую партию в Турции, ожидая, что новая власть будет более лояльна их внешне- и внутривосточным интересам.

Айлин Юнвер Ной в пятой главе представляет исторический обзор трансатлантических отношений Турции, разделяя их на несколько этапов: период нейтралитета, союзнические отношения в годы холодной войны, период неолиберализма и глобализации и недавнее похолодание отношений. Автор считает, что нынешние усилия Турции по выстраиванию сбалансированных отношений с Организацией Североатлантического

договора (НАТО) и США отражают стремление Республики к многовекторному взаимодействию. Будущее трансатлантических связей будет во многом зависеть от внутренней политической обстановки в Турции и готовности западных союзников учитывать приоритеты и интересы Анкары в сфере обеспечения национальной и региональной безопасности.

В шестой главе Мехмет Чагатай Гюлер анализирует сложные и многогранные отношения Турции с Россией. Начиная с советского периода и до современного этапа эти отношения характеризуются сочетанием стратегического сотрудничества и соперничества. Общие интересы в сферах энергетики, обороны и региональной безопасности переплетаются с разногласиями по позициям касательно Сирии, Ливии, Южного Кавказа и других географических регионов. Автор характеризует эти связи как стратегическую взаимозависимость, в которой конкуренция и сотрудничество обусловлены прагматизмом, а не идеологией. Несмотря на потенциальные слабые стороны и уязвимости этого партнерства, отношения с Россией остаются одним из ключевых элементов геополитической стратегии Турции.

В седьмой главе Али Бакыр прослеживает трансформацию внешней политики Турции на Ближнем Востоке в последнее столетие. Используя исторический нарратив османского наследия, Турция выстраивает многогранную региональную политику, действуя как стабилизатор и влиятельный региональный актор. С начала 2000-х гг. активность Анкары в регионе усилилась благодаря посредничеству в конфликтах (в частности, дипломатическим инициативам Турции в Ливии и роли в катарском дипломатическом кризисе 2017–2021 гг.) и стратегическим военным операциям. Исследователь подчеркивает, что ближневосточная политика Турции не обусловлена идеологией, а выстраивается на основе прагматизма и адаптации к меняющимся реалиям региона Ближнего Востока.

Мехмет Угур Экинджи в восьмой главе рассматривает вековую политику Турции на Балканах, опирающуюся на исторические,

культурные и демографические связи. Турция применяет в регионе сочетание сдержанной дипломатии и проактивной вовлеченности. Несмотря на критику, характеризующую ее действия как «неоосманские», автор утверждает, что политика Турции в первую очередь обусловлена прагматизмом и стремлением к стабильности в регионе. Основное внимание уделяется обеспечению безопасности, экономическому взаимодействию и поддержке мусульманских общин. Современная балканская стратегия Турции сосредоточена на разрешении конфликтов, региональной интеграции и расширении дипломатического и культурного влияния.

Девятая глава, написанная Тунчем Демирташем, посвящена анализу процесса трансформации политики Турции на африканском направлении — от периферийной роли континента в геополитической картине Турции до одного из ее важнейших векторов. За последние два десятилетия Турция выстроила прочные многоуровневые отношения с африканскими государствами, основанные на гуманитарной помощи и равноправном партнерстве. Правительство ПСР институционализировало африканское направление, объявив 2005 г. «Годом Африки» и углубив торгово-экономические и инфраструктурно-логистические связи со странами континента. Подход Анкары, основанный на взаимоуважении и принципе «Африканские решения африканских проблем», укрепил положение Турции в Африке, сделав ее одним из наиболее активных внерегиональных акторов.

В десятой главе Гюрол Баба анализирует усиливающееся присутствие Турции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Исследование сконцентрировано на описании инициативы «Азия заново» (*Yeniden Asya Girişimi*), принятой в 2019 г. В основе данной стратегии лежит стремление Турции стабилизировать баланс текущих операций со странами АТР. При этом, как считает автор, экономическое сотрудничество должно развиваться

не только в традиционных для Турции сферах (туризм, военно-промышленный комплекс и строительство), но и в сфере высокотехнологического производства, финансов и энергетики. Несмотря на сохраняющуюся западную ориентацию, поворот к Азии отражает стремление Турции к внешнеполитической диверсификации и автономии. «Мягкая сила», особенно в Южной и Юго-Восточной Азии, становится важным ресурсом влияния Анкары, реализуемым посредством культурных институциональных и экономических каналов.

Одиннадцатая глава, написанная Муратом Йешилташем и Серканом Балканом, посвящена анализу развития морской стратегии Турции. Рассматривается переход от оборонительной, прибрежной концепции ранней республиканской эпохи к современной проактивной морской доктрине. После 1990-х гг. Турция начала активно развивать национальные военно-морские технологии, что привело к формированию концепции «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*), переосмысляющей морские интересы страны в Восточном Средиземноморье, Эгейском и Черном морях. Авторы утверждают, что военно-морские силы стали одним из ключевых инструментов внешнеполитической и геополитической стратегии Турции.

Таким образом, монография представляет собой подробный анализ внешней политики Турции на современном этапе. Тем не менее у работы есть некоторые недостатки. В частности, в нее не включены отдельные исследования, посвященные современным отношениям Турции со странами Центральной Азии и Южного Кавказа, а также с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, которые не раз упоминались в монографии как важные направления внешней политики Турецкой Республики.

Несмотря на высказанные замечания, работа представляет большой интерес для исследователей, в сфере научных интересов которых лежат современная Турция, ее внешнеполитическая и внешнеэкономическая политика.

Поступила в редакцию / Received: 11.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы / References

Ataman, M., & Yeşiltaş, M. (Eds.). (2024). Türkiye's foreign policy: A century of strategic transformation. Ankara: SET Vakfı İktisadi İşletmesi.

Сведения об авторах:

Белов Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 4552-2182; ORCID: 0000-0001-6112-5550; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru

Евграфов Андрей Ильич — младший научный сотрудник кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 9898-8740; ORCID: 0009-0003-4081-9651; e-mail: evgrafoffai@gmail.com

About the authors:

Belov Vladimir Ivanovich — PhD (History), Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Oriental and African Studies, RUDN University; 10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 4552-2182; ORCID: 0000-0001-6112-5550; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru

Evgrafov Andrey Ilyich — Junior Research Fellow, Department of Oriental and African Studies, RUDN University; 10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 9898-8740; ORCID: 0009-0003-4081-9651; e-mail: evgrafoffai@gmail.com